

145
РОКІВ

*Развитие науки в Одесском
(Новороссийском) университете*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

ОДЕССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. И. МЕЧНИКОВА

Серия: Развитие науки в Одесском (Новороссийском) университете
Серия основана в 2010 году

Главный редактор
доктор физико-математических наук,
профессор В. А. Смынтына

Редакционная коллегия:

В. А. Иваница, д-р биол. наук, проф. (заместитель главного редактора);
С. М. Андриевский, д-р физ.-мат. наук, проф.; *Ю. Ф. Ваксман*, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Л. Н. Голубенко, канд. филол. наук, проф.; *В. В. Заморев*, канд. биол. наук, доц.;
А. В. Запорожченко, канд. биол. наук, доц.; *И. Н. Коваль*, д-р полит. наук, проф.;
В. Г. Кушнир, канд. ист. наук, доц.; *В. В. Менчук*, канд. хим. наук, доц.; *Е. Л. Стрельцов*,
д-р юрид. наук, проф.; *В. И. Труба*, канд. юрид. наук, доц.;
А. В. Тюрин, д-р физ.-мат. наук, проф.; *Е. А. Черкез*, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
Е. М. Черноиваненко, д-р филол. наук, проф.

Одесса
«Астропринт»

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

ОДЕССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. И. МЕЧНИКОВА

Серия: Развитие науки в Одесском (Новороссийском) университете
Выпуск: Психология

Научное наследие Н. Н. Ланге в университетской библиотеке

Одесса
«Астропринт»
2010

УДК 929Ланге:159.9: 378.4 (477.74)

Н 345

ББК 74.583(4Ук-Од-20)6

Авторы:

В. И. Подшивалкина, д-р социол. наук, проф. (разд. 1); **Р. Н. Свиноаренко** (разд. 1);
Е. В. Полевщикова, канд. ист. наук, вед. науч. сотрудник (разд. 2)

Авторы-составители:

М. В. Алексеенко, **Е. В. Бережок**, **О. Л. Ляшенко**, **И. В. Пигулевская**,
Е. В. Полевщикова, **Е. В. Савельева** (раздел 2, Приложение); **В. С. Кочмар** (раздел 3)

Научный редактор:

В. И. Подшивалкина, д-р психол. наук, проф.

Ответственный редактор:

М. А. Подрезова

Библиографический редактор:

В. В. Самодурова

Рецензенты:

В. И. Бочелюк, д-р психол. наук, проф.

Л. К. Величченко, д-р психол. наук, проф.

Рекомендовано к печати ученым советом ОНУ имени И. И. Мечникова.

Протокол № 6 от 30 марта 2010 года

НЗ45 **Научное** наследие Н. Н. Ланге в университетской библиотеке : монография / В. И. Подшивалкина, Р. Н. Свиноаренко, Е. В. Полевщикова ; авт.-сост. : М. В. Алексеенко, Е. В. Бережок, О. Л. Ляшенко, И. В. Пигулевская, Е. В. Полевщикова, Е. В. Савельева, В. С. Кочмар ; науч. ред. В. И. Подшивалкина ; отв. ред. М. А. Подрезова ; библиогр. ред. В. В. Самодурова ; Одес. нац. ун-т им. И. И. Мечникова. — Одесса : Астропринт, 2010. — 352 с., [8] л. ил. — (Сер. «Развитие науки в Одесском (Новороссийском) университете» ; вып.: Психология).

ISBN 978-966-190-312-7

Монография посвящена выдающемуся ученому, основоположнику отечественной экспериментальной психологии Н. Н. Ланге. Рассмотрены различные аспекты многосторонней деятельности Н. Н. Ланге-психолога, философа и деятеля образования. Книга содержит документы из личного архива Н. Н. Ланге, хранящегося в Научной библиотеке, а также неопубликованные ранее труды ученого. Составной частью монографии является библиографический указатель работ Н. Н. Ланге и литературы о нем. В Приложениях публикуются архивные материалы и работы Н. Н. Ланге, представляющие интерес для истории отечественной науки.

Издание предназначено для психологов, философов, историков, научных работников и преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 929Ланге:159.9: 378.4 (477.74)

ББК 74.583(4Ук-Од-20)6

ISBN 978-966-190-311-0 (серия)

ISBN 978-966-190-312-7

© Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова, 2010

Содержание

<i>От составителей</i>	9
Раздел 1	
Н. Н. Ланге: жизнь ученого и педагога	11
Хронологическая таблица	
Николай Николаевич Ланге (1858–1921)	25
Раздел 2	
Архив Н. Н. Ланге в Научной библиотеке ОНУ	31
Материалы к биографии Н. Н. Ланге — ученого, педагога и общественного деятеля	42
Из творческого наследия Н. Н. Ланге	
Французская этика.	
Общая характеристика французской этики XIX века	99
Глава первая. Сен-Симон (1760–1825)	103
Глава вторая. Сенсимонизм	113
Глава третья. Фурье (1772–1835)	122
Глава четвертая. Этика ультрамонтанства (Ж. де-Местр и абб. Ламенне)	134
Глава пятая. Ог. Конт (1798–1857)	144
Глава шестая. Прудон (1809–1865)	161
Утилитаризм	178
Принципы современной психологии	202
Раздел 3	
Н. Н. Ланге. Библиографический указатель	220
Хронологический указатель трудов Н. Н. Ланге	222
Литература о жизни и деятельности Н. Н. Ланге	231

П р и л о ж е н и я

Приложение 1.

Предложение экстраординарного профессора

Н. Н. Ланге и приват-доцента А. П. Казанского об учреждении кабинета экспериментальной психологии 238

Приложение 2.

Ланге Н. Н. Теория В. Вундта о начале мифа 246

Приложение 3.

Ланге Н. Н. Единство университета и система факультета 262

Приложение 4.

Гордієвський М. І. Наукова й громадсько-педагогічна діяльність професора М. М. Ланге 266

Именной указатель . . . . . 315*Алфавитный указатель трудов Н. Н. Ланге* . . . . . 344*Список иллюстраций* . . . . . 347*Список сокращений* 350

От составителей

В истории отечественной науки и образования Н. Н. Ланге (1858–1921) принадлежит особая роль: это был выдающийся психолог, историк и философ, педагог и организатор народного просвещения на юге страны, прогрессивный общественный деятель, подлинный просветитель. Каждый из аспектов многообразной деятельности Н. Н. Ланге заслуживает специального рассмотрения. Особое значение в современных условиях имеет научное освоение наследия Н. Н. Ланге, прежде всего — неопубликованных работ ученого, а также неизвестных материалов о его жизни и деятельности. Именно с этой целью подготовлено данное издание, раскрывающее различные грани богатого наследия ученого, более 30 лет преподававшего в Одесском (Новороссийском) университете, занимая должности приват-доцента, экстраординарного, ординарного и заслуженного профессора.

В первом разделе освещены основные этапы жизненного и творческого пути Н. Н. Ланге, прежде всего как выдающегося психолога-новатора, одного из основателей экспериментальной психологии в Украине и России, идеи которого востребованы в современной науке.

В фондах университетской библиотеки почти полвека хранится личный архив Н. Н. Ланге. В нем представлены биографические материалы и документы, раскрывающие путь ученого и педагога в контексте истории отечественной науки конца XIX — начала XX вв., неразрывно связанной с переломными событиями в истории нашей страны и драматическими судьбами ее интеллигенции. В разделе «Архив Н. Н. Ланге в Научной библиотеке ОНУ» раскрываются состав и история поступления архива в библиотеку, а также публикуется значительное количество документов, которые практически впервые вводятся в научный оборот. В издании воспроизведен текст работ Н. Н. Ланге, по разным причинам не увидевших свет: «Французская этика», «Утилитаризм» и «Принципы современной психологии».

В Научной библиотеке университета хранятся практически все печатные труды Н. Н. Ланге, в том числе — опубликованные в изданиях, ставших раритетными.

Собранные печатные работы Н. Н. Ланге, а также литература об ученом отражены в библиографическом указателе, который представляет самостоятельный раздел данного издания.

В приложении публикуются материалы, представляющие большой интерес для исследователей, преподавателей, студентов и аспирантов: это архивные материалы об истории учреждения кабинета экспериментальной психологии при историко-филологическом факультете Новороссийского университета, републикация работ Н. Н. Ланге, не утративших своей актуальности и спустя столетие, а также обстоятельной статьи его ученика — педагога и психолога М. И. Гордиевского, репрессированного в 1930-е гг.

Издание снабжено именованным указателем, алфавитным указателем работ Н. Н. Ланге и списком сокращений, употребленных в тексте, иллюстрировано факсимильно воспроизведенными документами, а также фотографиями из личного архива Н. Н. Ланге.

РАЗДЕЛ 1

Н. Н. Ланге: жизнь ученого и педагога

Университет отмечает свой очередной юбилей. История университета — это, прежде всего, судьба его профессоров, преподавателей и их учеников, студентов. В свою очередь, судьба каждого профессора — это и веха в развитии определенной науки.

Публикация архивов ученых, внесших вклад в развитие науки и прославление университета, позволяет по-иному посмотреть через призму десятилетий на драматическую историю идей и на вклад университета в мировую сокровищницу науки и образования.

Имя Николая Николаевича Ланге широко известно в психологической науке и в нашем Отечестве, и далеко за рубежом, как известны все те, кто стоял у истоков психологии.

Но были еще 32 года службы в Императорском Новороссийском университете в должности приват-доцента, ординарного профессора, директора трехлетних Высших педагогических женских курсов и Одесских Высших женских курсов, заслуженного профессора, декана историко-филологического факультета. Была широкая общественная деятельность: основание и руководство педагогическим отделом при Историко-филологическом обществе, руководство Историко-филологическим обществом, руководство Комитетом начальной школы при Городской думе.

Научная библиотека Одесского национального университета имени И. И. Мечникова располагает уникальным личным архивом ученого, который представляет особый интерес для современных психологов, историков, философов. Книга содержит очерк о самом архиве, обстоятельствах его приобретения Научной библиотекой у Н. Н. Ланге-младшего — сына профессора Н. Н. Ланге в 1965 году и основных этапах работы с ним.

Безусловно, подготовленная публикация архивных документов — только малая часть наследия знаменитого ученого, но и она дает представление об истории становлении экспериментальной психологии в нашей стране и перипетиях открытия первой в Украине и России экспериментальной психологической лаборатории. Ряд опубликованных в книге документов свидетельствует о том, что именно в Одесском (Новороссийском) университете впервые усилиями профессора Н. Н. Ланге была создана психологическая лаборатория.

Но, кроме того, Н. Н. Ланге значительную часть своей жизни посвятил делу становления образовательной системы в целом и высшего образования в частности. В условиях широкого реформирования системы высшего образования не только в Украине, но и за рубежом, прежде всего, в Европе, интерес представляют размышления профессора Н. Н. Ланге о направлениях реформирования университета в первые годы Советской власти. Ему мы обязаны и тем, что в стенах университета он активно отстаивал особую роль психологии в становлении профессионала, включая педагога, медика, юриста.

Интересно, что через девять лет после смерти Н. Н. Ланге в 1930 г. Педагогическая секция Одесского Научного товарищества при Всеукраинской Академии наук готовит специальный номер «Записок...» [5], посвященный, как указано в предисловии, памяти человека, который стоял у истоков научной педагогики, открыл первую в Украине и России лабораторию экспериментальной психологии и заложил основы высшего женского образования. Этот номер записок открывает глубокая статья М. И. Гордиевского [3], ученика и сослуживца Н. Н. Ланге, который был лично знаком не только с ним самим, но и его семьей: с вдовой и сыном (в приложении эта статья приводится полностью).

В книге представлены личные автобиографические заметки профессора Ланге, написанные им в 1893–1894 гг., 1913–1914 гг. Знакомство с ними дает представление о некоторых биографических данных Н. Н. Ланге и истории появления в Новороссийском университете выпускника Санкт-Петербургского университета.

После завершения с золотой медалью историко-философского факультета Санкт-Петербургского университета в 1882 году Ланге, сын профессора Военно-юридической академии Н. А. Ланге и выпускник второй Санкт-Петербургской классической гимназии, был оставлен при кафедре философии. Этому способствовало то, что еще на IV курсе он был удостоен университетской золотой медали за работу «Учение Лейбница и его полемика с Локком». Через год Н. Н. Ланге был отправлен в двухгодичную заграничную командировку для подготовки магистерской диссертации и для изучения в первоисточниках метафизических взглядов творцов немецких и французских этических учений XIX в.

Однако, находясь в Германии, Н. Н. Ланге официально занимается сбором материалов для своей магистерской диссертации, а неофициально специализируется в лаборатории экспериментальной психологии Вильгельма Вундта при Лейпцигском университете. В этой лаборатории Н. Н. Ланге провел самостоятельное исследование колебаний внимания и вывел моторную теорию внимания, вызвавшую большой интерес научной общественности.

Исходным основанием этой теории было произвольное поведение организма. Смысл его состоит, по мнению Н. Н. Ланге, в том, что посредством мышечных движений организм стремится занять по отношению к окружающим

его объектам определенную позицию, целью этих передвижений является возможность наиболее ясного и четкого их восприятия. Результатом этого исследования стала публикация на немецком языке статьи «К теории чувственного внимания и активной апперцепции» [20], которая принесла Н. Н. Ланге широкую известность.

Магистерская диссертация по кафедре истории философии Санкт-Петербургского университета по теме: «История нравственных идей XIX в.: Критические очерки философских, социологических и религиозных теорий нравственности» [8] была успешно им защищена в 1888 году, что способствовало его назначению приват-доцентом Императорского Новороссийского университета (с 10 ноября 1888 года) и фактически руководителем кафедры философии. Хотя Н. Н. Ланге пытался представить анализ теорий нравственности ученых двух стран — Германии и Франции, в результате цензура по политическим соображениям не пропустила проведенный им анализ работ социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье и анархиста Прудона. В данной книге впервые представлена публикация этой части магистерской работы с личными правками Н. Н. Ланге.

Именно в Одессе начаты были экспериментальные исследования внимания и апперцепции в физиологической лаборатории П. А. Спиро. Через четыре года на Втором международном конгрессе по экспериментальной психологии в Лондоне Н. Н. Ланге представил доклад «Закон перцепции». А еще через год в Московском университете им была защищена докторская диссертация «Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания» и ему была присвоены степень доктора философии и звание ординарного профессора.

Закон перцепции, выведенный Н. Н. Ланге во время исследований, определяет стадийный характер процесса восприятия. Согласно этому закону, образ предмета изменяется от обобщенного чувственного ко все более дифференцированному.

Использование эксперимента в психологии на протяжении всей ее истории были предметом жесткой дискуссии между различными психологическими школами, и эта дискуссия продолжается до сих пор. В конце XIX века в эту дискуссию вступил и Н. Н. Ланге.

Собственно внедрение экспериментального метода в психологию определило судьбу психологии как отдельной дисциплины, поскольку благодаря этому методу стало возможным внедрение измерений и открытие собственных психологических законов и закономерностей. Еще И. Кант утверждал, что использование математики и эксперимента позволят стать психологии настоящей наукой, но именно эти два условия по Канту были невыполнимы, и он предсказывал, что психология не сможет достигнуть высот естественных наук. Гербарту удалось объединить психологию с математикой, но он считал невозможным применять в психологии эксперимент.

Аргументы Н. Н. Ланге, обозначающие место эксперимента в системе психологических методов, остаются актуальными и сегодня. Опубликовав в 1888 и 1893 гг. результаты своих экспериментальных исследований колебаний внимания, Н. Н. Ланге очень подробно и убедительно написал о том, что именно использование эксперимента способствует объективному изучению психической реальности.

К нашему времени ситуация в психологии резко изменилась и теперь тех, кто призывает к осторожному применению эксперимента в психологии и обращает внимание на роль в развитии психологии так называемых качественных методов, основанных на методологии гуманитарных наук, ту, что сейчас называют постнеклассической или постмодернистской, меньше, чем приверженцев эксперимента.

Н. Н. Ланге обосновывал особую ценность психологического эксперимента преимущественно в четырех отношениях: во-первых, как улучшенный метод самонаблюдения; во-вторых, как особый логический прием, открывающий зависимость между психическими явлениями; в-третьих, как метод измерения этих явлений; в-четвертых, как прием исследования психической жизни по ее внешним проявлениям — движениям и словам [9]. Он писал: «...первая роль эксперимента в психологии сводится к тому, чтобы с помощью внешних средств фиксировать и сохранять наблюдаемые психические явления. Явления эти столь неустойчивы, так быстро изменяются и исчезают, так притупляются привычкой, что только помощью эксперимента могут быть сохранены в наблюдаемой форме» [9, с. 569].

Говоря о значении эксперимента как особом логическом методе, он отмечал возможность на его основе *открывать законы* (выделено нами. — авт.), а не только описывать и классифицировать данные сознания, но их *объяснять* (выделено нами. — авт.). Он также настаивал на том, «...что принципиально нет ни одного вопроса психологии, который не мог бы быть изучаем экспериментально» [9, с. 570].

Кроме того, по его мнению, благодаря эксперименту происходит замена качественных описаний количественными измерениями объективно существующих внешних проявлений психического в виде разнообразных движений и слов.

Важно подчеркнуть, что Н. Н. Ланге дал глубокий анализ особенностей методологии, в которой ключевую роль играет именно эксперимент.

В своей диссертации во время диспута о ней из всех особенностей методологии, основанной на достижении естественных наук, которые особенно активно обсуждаются и в наше время, и ту методологию, которую теперь называют классической, модернистской (от понятия Новое Время, которое связываю со временем расцветом естественных наук) или естественнонаучной, Н. Н. Ланге указал на редукционизм или стремление «изучать *элементы* (выделено Н. Н. Ланге. — авт.) душевной жизни, выделяя их из сложных душевных комплексов, в которых они скрыты», использование количественных измерений, «стараясь, на сколько это возможно, свести эти элементы к некоторой количественной шкале» [9, с. 566].

Объясняя необходимость создания искусственных условий в эксперименте, он отметил: «Вместо того, чтобы довольствоваться случайными встречами, в которых изучаемое явление возникает для нас неожиданно, ненужно усложнено и крайне неустойчиво, мы заставляем его протекать и проявляться любое число раз и в тех условиях, какие мы сами заранее избрали».

Н. Н. Ланге отметил еще одну особенность классической научной методологии, суть которой состоит в том, что она предполагает, что исследователь в научном экспериментальном исследовании должен занимать такую позицию, при которой он может быть принципиально заменен на другого исследователя, или позицию «абсолютного наблюдателя». Иначе говоря, эта методология настаивает на минимизации влияния экспериментатора на испытуемого и соответственно на результаты эксперимента. В этой ситуации становится возможным сбор экспериментальной информации лицами менее подготовленным, которые «легче впадают в ошибки наблюдения» [15, с. 69]. Сам он отвечает на это замечание тем, что при любом статистическом исследовании «ошибки отдельных наблюдателей взаимно перекрываются» [15, с. 69]. И далее «психология нуждается безусловно в массовых наблюдениях и, если они менее надежны, чем индивидуальные, они все равно неизбежны».

Иначе говоря, вектор обсуждения проблем эксперимента, предложенный Н. Н. Ланге, можно определить как «массовые экспериментальные наблюдения против массовых неэкспериментальных наблюдений».

Следует отметить, что приблизительно в это же время, в 1894 году выходит работа В. Дильтея «Описательная психология», в которой он обосновал различия методологии познания естественных наук и наук о духе. При этом он особый акцент делал на целостность индивидуальности, на пространственно-временную определенность психической жизни, противопоставляя каузальности телеологический и смысловой характер связей в психологии, разграничивая понятия внешнего и внутреннего опыта, выражения и переживания [4]. Он провел анализ различий между объяснительной и описательной психологией. Попытки рассматривать психологию только как объяснительную науку по примеру естественных наук проходят через всю историю психологии и восходят к работе представителя гербартовской школы Т. Вайца, вышедшей в 1849 году, «Психология как естественная наука».

Известно, что на Всероссийском съезде по педагогической психологии в 1909 году Н. Н. Ланге вступил в полемику с профессором Г. И. Челпановыми. Следует отметить, что Г. И. Челпанов был студентом Новороссийского университета и принимал активное участие в работе университетского кружка, который вел профессор Н. Я. Грот. Сам Г. И. Челпанов к тому времени успел поработать профессором в Университете Св. Владимира в Киеве, выпустил учебник «Экспериментальная психология», открыл Психологический институт в Москве, но при этом был последователем В. Дильтея.

Следует отметить, что эмпирические методы исследования, и, прежде всего, эксперимент наиболее активно использовались в дальнейшем учеными, представлявшими одно из направлений в психологии, а именно бихевиоризм, где, с одной стороны, сознательно была выражена тенденция игнорирования концептуальных средств, а с другой — в качестве основного средства получения научных данных выступало эмпирическое экспериментальное исследование. При таком подходе совершенствование концептуального аппарата психологической науки принципиально не могло выступать как актуальная научная задача. Исходное концептуальное содержание ограничивалось описанием внешних условий учения в терминах стимула и реакции.

По сути, доклад Г. И. Челпанова был направлен против наметившихся тенденций игнорирования теории. Его возражения касались правомерности выделения экспериментальной психологии в отдельную самостоятельную дисциплину, и он настаивал на том, что эксперимент, это всего лишь один из методов. Можно было бы обозначить предложенный Г. И. Челпановым вектор критики экспериментальной психологии «теоретическое — эмпирическое» в психологической науке.

Следует отметить, что Н. Н. Ланге удалось избежать в дальнейшем крайностей бихевиоризма. В его работе теоретический подход выполняет программную роль по отношению к эмпирическому исследованию, а последнее выступает уже как средство и условие развития теоретического анализа.

Главенствующая роль теории по отношению к эксперименту находит свое выражение также и в том, что эксперименту, как правило, предшествует разработка теоретических моделей.

Эта идея особенно четко им сформулирована в работе «Психология» в 1914 году. «Можно сказать, не боясь преувеличения, что описание любого психического процесса получает иной вид, будем ли мы его характеризовать и изучать в категориях психологической системы Эббингауса или Вундта, Штумпфа или Авенариуса, Мейнонга или Бине, Джемса или Г. Мюллера. Конечно, чисто фактическая сторона должна остаться при этом той же; однако в науке, по крайней мере, в психологии, разграничить описываемый факт от его теории, то есть от тех научных категорий, при помощи которых делается это описание, часто очень трудно и даже невозможно, ибо в психологии (как, впрочем, и в физике, по мнению П. Дюргейма) всякое описание есть всегда уже и некоторая теория. Специальные психологические журналы приносят нам ежемесячно десятки, по-видимому, чисто фактических исследований, особенно экспериментального характера, которые кажутся для поверхностного наблюдателя независимыми от этих принципиальных разногласий в основных научных категориях, разделяющих разные психологические школы. Однако, внимательно приглядываясь к этим исследованиям, легко убедиться, что уже в самой постановке вопросов и в том или ином употреблении психологических терминов

(как то: память, ассоциация, ощущение, внимание и др.) содержится всегда то или иное понимание их, соответствующее той или иной теории, а следовательно, и весь фактический результат исследования сохраняется или отпадает вместе с правильностью или ложностью этой психологической системы. Самые, по-видимому, точные исследования, наблюдения и измерения могут, таким образом, оказаться при изменении в смысле основных психологических понятий ложными, или, во всяком случае, утратившими свое значение» [11, с.73–74].

Вместе с тем, Н. Н. Ланге отмечал, что вся предшествующая психологическая теория создавалась без достаточного фактического (фактологического) их обоснования. Внутренний эксперимент, который использовали интеракционисты, не позволял, по его мнению, психическое восприятие соотнести с внешним наблюдением. Воображаемый эксперимент может служить только основой для настоящего эксперимента. Интеракционизм, по его мнению, строился скорее на воспоминаниях действительных переживаний, чем на самих переживаниях. При этом, с его точки зрения, переживания — это не метод, а объект для наблюдения. Более того, он подчеркивает, что метод самонаблюдения «строго научный метод и трудный» [15, с. 73].

Ланге на полсотни лет опередил те выводы, которые были получены в рамках когнитивной психологии. Если в начале XX века, интроспективный метод потерял значение как источник психологических данных, но уже в 1960-е годы с появлением когнитивной психологии интроспекция возродилась и словесные протоколы стали основным источником данных для разработки новых теорий. Но, несмотря на ее новую популярность, интроспекция продолжала оставаться источником противоречивости получаемых данных. Как следствие, интроспективный метод сам стал предметом исследования. Нисбетт и Уилсон (1977) пришли к выводу, что люди практически не имеют прямого доступа к механизмам собственных психических процессов, кроме того, Г. А. Саймон показал, что испытуемые при соответствующем инструктаже и контроле могут продуцировать достоверные сообщения о содержимом психических переживаний, но не механизмах, лежащих в их основе [19].

Таким образом, особенность позиции Н. Н. Ланге состояла в том, что уже в первом аргументе в пользу экспериментального метода, он отдавал должное методу самонаблюдения, подчеркивая не столько его ограничения, сколько высокие требования к нему, удовлетворить которым может не каждый. С высоты сегодняшнего дня отметим, что с позиций так называемой качественной или постнеклассической методологии в качестве информантов отбираются только люди, склонные к саморефлексии.

Следует отметить, что кроме научных аргументов за развитие экспериментальной психологии, Н. Н. Ланге выступил за создание в стенах университетов лабораторий экспериментальной психологии как основы «для повышения результатов

нашего университетского преподавания психологии. В качестве университетского преподавателя я вынес убеждение, что изучение психологии лишь теоретическое приносит весьма слабые результаты. Без психологических семинарий и лабораторий наши слушатели выносят зачастую из аудитории только знание слов и схем, точно дело идет не о явлениях их собственной души, а о психике каких-нибудь нам неизвестных жителей планеты Марса» [9, с. 573]. Эта фраза звучит особенно современно, поскольку в наше время тестирование практически вытесняет лабораторные эксперименты, а производство современных аппаратных методик в психологии в Украине практически отсутствует.

Следует также отметить, что Н. Н. Ланге особо акцентировал внимание на роль изучения психологии студентами всех факультетов для освоения ими особенностей своей будущей профессии.

Как известно, первая экспериментальная психологическая лаборатория была организована Вильгельмом Вундтом в 1879 г. при Лейпцигском университете. По образцу этой лаборатории к концу века в западноевропейских странах было шестнадцать таких лабораторий, в Америке — восемнадцать. С 1885 г. в России врачами-психиатрами и невропатологами устроены лаборатории эмпирической (опытной) психологии, в шести городах: Казани, Петербурге, Юрьеве (Тарту), Москве, Киеве, Харькове [1].

После успешной защиты докторской диссертации и получения звания профессора Н. Н. Ланге подает в Министерство образования ходатайство об учреждении лаборатории экспериментальной психологии в Новороссийском университете. Два года разбиралось его ходатайство. Оно не встретило поддержки в официальных кругах и было разослано для заключения в Московский, Петербургский, Киевский университеты. В конечном счете, Н. Н. Ланге получил отказ. Однако ему удалось добиться официального разрешения на открытие экспериментальной психологической лаборатории на частные средства, с предоставлением под психологическую лабораторию части помещения физиологической лаборатории.

Таким образом, первая лаборатория экспериментальной психологии в России была открыта в Новороссийском университете в 1896 году. Ее основателем явился Николай Николаевич Ланге. Хотя в приказе по Новороссийскому университету она числилась как учебно-вспомогательное учреждение при историко-филологическом факультете, размещена она была в помещении физиологической лаборатории по согласованию с проф. Б. Ф. Вериги.

В новой лаборатории Н. Н. Ланге проводит практические занятия со студентами по курсам общей, экспериментальной, а позже и педагогической психологии. Ходатайство Н. Н. Ланге послужило толчком для выдвижения ходатайства от кафедры философии Московского университета об учреждении лаборатории экспериментальной психологии в Московском университете.

Еще до защиты докторской диссертации, в 1890 г. вышла статья Н. Н. Ланге «Элементы воли» [14], а в 1892 г. — книга «Душа ребенка в первые годы жизни» [6]. В этих двух работах освещалась теория воли, разработанная Н. Н. Ланге. Он отрицает понятие воли как особой, специфической силы, которое было принято большинством мыслителей. Он считал, что воля возникает из ощущений как некий импульс, она не осознается человеком, осознанными являются сами движения, как уже исполненные. Тем не менее, Н. Н. Ланге не считал, что волевые акты носят неосознанный характер, и признавал их целесообразность, происходящую из сознательных представлений человека. Таким образом, у Ланге воля — это практическое знание о целесообразных движениях, возникшее благодаря предыдущему опыту.

Обосновывая роль движений и действий в психической жизни человека, Н. Н. Ланге считал, что любой психический процесс включает в себя и двигательный компонент, т. е. является психомоторным. Ланге называл свою психологию «биологической», или «реальной».

Психические акты он рассматривал как своеобразные способы приспособления организма, которые возникают и развиваются в ходе эволюции. Они необходимы для существования человека, а значит, играют вполне реальную роль в его жизни. Как следствие, внимание Ланге понимал как «процесс усиления или изменения восприятия» и отказывался от разделения его на активное и пассивное, как это было принято в Европе. В дальнейшем Ланге развивал эти взгляды, что нашло выражение в изданной в 1914 г. «Психологии». Эта книга посвящена объективно-субъективному истолкованию психологии, которая определяется Ланге как наука о сознании, что подразумевает ее субъективность.

С другой стороны, по мнению Н. Н. Ланге, события психического мира представляют собой такую же реальность, как и физические и физиологические процессы в живых организмах. Они представляют собой явления сознания как непосредственного переживания индивидом своей объективной психической жизни. На этом основывается главный постулат психологии Ланге о соединении объективной и субъективной точек зрения в понимании психологии. По его мнению, без объективности она не могла бы стать наукой, а без субъективности теряет свой предмет. Н. Н. Ланге подчеркивает две основные функции сознания и на основании этого выделяет два его типа: 1) «гедоническое сознание», отвечающее за переживание чувства боли или удовольствия и осуществляющее оценку результатов рефлексорных движений; 2) «предвидящее сознание», или память. Оно осуществляет приспособление организма к предвидению явлений на основе прошлого опыта.

Собственно, именно эта позиция стала поводом для его критики в советской психологической литературе, в частности в работе А. А. Шеина, который в полеми-

ке с Б. М. Тепловым в конце пятидесятых — начале 60-х годов XX в., отмечал, что по сравнению со своим предшественником И. М. Сеченовым, Н. Н. Ланге сделал шаг назад с точки зрения естественно-научного материализма и отмечал значительное его превосходство в сравнении «с современниками из лагеря субъективной психологии» [17, с. 137]. Но, вместе с тем, именно этот подход Н. Н. Ланге приобрел особое звучание при смене парадигм в психологии в конце XX века и появления интереса к постнеклассической методологии, признающей сосуществование номотетического и идеографического подходов в психологии, что нашло свое отражение в росте интереса к проблемам смысла, понимания, нарратива, дискурса, биографическому событию и т. д.

Особое значение для понимания современной методологии психологии имеют идеи Н. Н. Ланге о понимании душевной жизни другого человека. Это особенно показательно на обосновании им своей позиции в отношении формирования мифов. В своей работе «Теория В. Вундта о начале мифа», которая была опубликована 1912 году, он подчеркивал, что «...живое от неживого человека, а также животные отличаются не теми представлениями, какие они могут иметь о чужой жизни (в частности, о чужой психике), а тем, что живое вызывает у них такие действия и реакции, какие неживые вообще не вызывают. Представление же о чужой психике является лишь вторичным, а не первичным явлением, именно уже рефлексией об этих собственных наших действиях и реакциях» [12, с. 13–14].

Он выступал против идеи рассматривать миф как первобытную теорию и приписывания первобытному человеку «интерес к умозрению» [12, с. 11], он также возражает против приписывания ему фантазий иллюзорного характера и сновидений.

Н. Н. Ланге обратил внимание на то, что в процессе межличностного взаимодействия наши инстинктивные реакции «отличаются поразительной точностью, определенностью и быстротой» [12, с. 14] и в тоже время наши представления о психике другого человека «крайне неопределенны и неясны» [12, с. 14]. И далее он продолжал «Реакции самозащиты, инстинктивного страха, гнева, сожаления или симпатии, ласки, насмешки, презрения, укора, обиды, вопроса и ответа, удивления и равнодушия и т.д. и т.д. возникают и сменяются в нашем сознании при столкновении с другим живым существом также непосредственно, как любая другая инстинктивная реакция у животных. Что чувствует другой, мы можем вовсе и не представлять, и тем не менее его жесты, мимика, интонация голоса будут вызывать с нашей стороны вполне определенные реакции в наших чувствах и наших действиях» [12, с. 14].

Говоря о доэкспериментальной психологии, он заметил: «Эта старая психология всюду подменила реальную психическую действительность логическими построениями ее и ставила на место действительного психического субъекта какого-то резонирующего схоласта» [12, с. 14].

В творчестве Н. Н. Ланге можно выделить три основных этапа. Первый этап — с 1888 по 1902 гг. — можно охарактеризовать как этап активных экспериментальных исследований в области психологии. С 1902 по 1904 гг. наступает личный кризис и снижение творческого подъема, о котором говорит М. И. Гордиевский [3, с. 31]. Следующее десятилетие его творческая активность была направлена на решение педагогических проблем в Одесском регионе.

Не ограничиваясь академической деятельностью, в течение нескольких лет Н. Н. Ланге, председательствуя в Историко-филологическом обществе при Новороссийском университете, создал при нём педагогический отдел, ставший центром научно-методической и общественной работы учителей начальной и средней школы. Отдел направлял и организовывал деятельность учительства, обсуждал наиболее актуальные проблемы образования, в частности, связанные с назревшей реформой школы.

В марте 1905 года на одном из заседаний отдела Ланге выступил с речью «В чём должна состоять реформа нашей школы» [7]. Он критически оценил систему классического образования, осудил бюрократический режим школы, ратовал за отмену цензуры, за доступность образования для всех слоев населения. «Стремление удерживать младшие классы [общества] на низших ступенях образования в результате неизбежно приводит к общей остановке в развитии страны, к тому, что высшие силы, лишённые постоянного прилива новых жизненных сил и талантов снизу, приходят к истощению и вырождению, — говорил он, — ограничение же прав просвещения известным народностям всегда порождает внутреннюю ненависть, так что страна всегда будет заключать в себе неисчерпаемый фонд разрушительных сил» [7].

В последующие годы Н. Н. Ланге защищал принцип общедоступности образования, доказывая, что школа призвана пробуждать у детей научные интересы, учить их мыслить.

Став председателем школьного комитета при Городской думе, Ланге непосредственно занимался организацией деятельности одной из начальных школ, где, осуществляя идеи Песталотци, предпринял попытку реализовать принципы трудового обучения.

Активно занимаясь общественной деятельностью, Н. Н. Ланге не переставал быть ученым. Он редактировал книги, писал отзывы на работы как признанных учёных, так и студентов, вёл экспериментальные и теоретические исследования. Его отзывы на работы «Теория познания Локка и полемика против нее Лейбница» (1899), «Учение Канта о пространстве и времени» (1901), «Основание философии Вундта» (1904) и др. сами по себе представляют серьёзные научные исследования.

Немалый интерес вызывали его публичные лекции «Современная экспериментальная педагогика» (1909), «Об играх животных и людей в связи с вопросом о происхождении искусства» (1909) и др.

На третьем этапе своего пути ученого Н. Н. Ланге проявил себя как теоретик и методолог психологии. Прежде всего, речь идет о работах «Психология» (1914) и «Теория В. Вундта о начале мифа» (1912) (последняя работа представлена в данной книге).

На кончину Николая Николаевича Ланге, последовавшую 15 февраля 1921 года, откликнулся сотрудничавший с ним и сменивший его на кафедре психологии Одесского университета С. Л. Рубинштейн. В своём некрологе он отнес Николая Николаевича к учёным, труды которых не исчерпали их творческого потенциала. Учёных такого типа «всегда чувствуется какая-то, не сполна ещё реализовавшаяся возможность, какая-то сила, которая не исчерпала себя в действии и которой не измеришь произведённой ей работой» [16, с. 70]. М. И. Гордиевский также отмечал, что масштаб личности Н. Н. Ланге был таков, что он мог бы сделать больше, если бы оказался ближе к научным центрам [3].

Отдельный интерес представляют попытки определить место Н. Н. Ланге в истории психологии. При каждом таком обзоре меняются рамки референции или точки отсчета, с которых происходит оценивание его вклада в психологию и возникают дискуссии. Заслуживает особого внимания подготовленная коллективом библиотеки и представленная в данной книге библиографическая справка о публикациях о жизни и творчестве Н. Н. Ланге, написанных в разное время и разными авторами. Сам обширный список (более 100) работ, посвященных профессору Новороссийского (Одесского) университета, является свидетельством неослабевающего интереса исследователей к идеям Н. Н. Ланге и их востребованности на разных этапах развития отечественной психологии и, особенно, в начале XXI столетия.

Если говорить о М. И. Гордиевском, то ему удалось показать в своей статье, написанной в 1930 году, атмосферу, в которой формировался Н. Н. Ланге как ученый и особенности его жизни и творчества в Одессе. Пожалуй, и сегодня его статья может быть очень полезной для психологов, особенно для начинающих, поскольку в ней дан глубокий анализ перипетий психологической мысли в Европе в XIX веке и особенности состояния ее развития в России и Украине.

В 1941 году Д. Элькин — непосредственный продолжатель экспериментальных психологических исследований в Одесском университете вместе с Л. Шапиро в статье «Психологическое наследие Н. Н. Ланге» сделали акцент на оригинальности его подходов к организации психологических экспериментов. Кроме того, они особенно отмечали значение, которое Н. Н. Ланге придавал методологии и теории в психологической науке.

Б. Г. Ананьев в 1947 году (практически через двадцать шесть лет после о смерти Н. Н. Ланге) в книге «Очерки истории русской психологи 18–19 веков» [2] показывает его особую роль как в становлении экспериментальной психологии в России, так

и в развитии психологической теории. Надо отметить, что сам Б. Г. Ананьев за позитивную оценку Н. Н. Ланге подвергся критике.

Следует учитывать, что психологи советского времени были втиснуты в рамки материалистического монизма и через них пытались оценивать вклад Н. Н. Ланге. В частности, это касается работ Б. М. Теплова и А. А. Шеина, напечатанных в 1960-е годы. Так, А. А. Шейн не соглашаясь с Б. М. Тепловым, утверждавшим, что Н. Н. Ланге является продолжателем идей И. М. Сеченова, особенно подчеркивал его самостоятельную роль в развитии методологии, теории психологии и экспериментального метода [17].

Показательно, что в середине 1990-х годов в России переизданы отдельным томом работы Н. Н. Ланге по инициативе и под редакцией известного психолога, автора работ по истории психологии М. Г. Ярошевского [13], что является свидетельством востребованности его идей в наше время.

В том, наверное, и состоит ценность людей, которые внесли значительный вклад в науку, что со временем интерес к их творчеству не угасает, а, наоборот, возрастает, и их идеи приобретают новое звучание.

Примечания

1. Акімова Л. Н. Становлення і розвиток вітчизняної експериментальної психології : на матеріалі Південноукраїнського регіону : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Л. Н. Акімова ; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечнікова. — Одеса, 2001. — 19 с.
2. Ананьев Б. Г. Очерки истории русской психологии XVIII—XIX веков / Б. Г. Ананьев. — М., 1947.
3. Гордієвський М. І. Наукова й громадсько-педагогічна діяльність професора М. М. Ланге / М. І. Гордієвський // Зап. Одес. наук. при ВУАН т-ва. Секція педагогіки — 1930. — Т. 1. — С. 1—48.
4. Дильтей В. Описательная психология / В. Дильтей. — СПб. : Алетейя, 1996. — 160 с.
5. Записки Одеського наукового при ВУАН товариства. Секція педагогіки. — 1930. — Т. 1.
6. Ланге Н. Н. Душа ребенка в первые годы жизни : две публ. лекции приват-доцента Новорос. ун-та / Н. Н. Ланге. — СПб. : Рус. шк., 1892. — 64 с. — Сначала помещена в журнале «Русская Школа» за 1891 г.
7. Ланге Н. Н. В чем должна состоять реформа нашей средней школы? / Н. Н. Ланге // Летопись Ист.-филол. о-ва при имп. Новорос. ун-те. — 1906. — Т. 15. — С. 5—23.
8. Ланге Н. Н. История нравственных идей XIX в. : критические очерки философских, социологических и религиозных теорий нравственности / Н. Н. Ланге. — СПб. : Тип. Безобразова и К°, 1888. — Ч. 1 : Немецкие учения. — 275 с.

9. Ланге Н. Н. Отчет о докторском диспуте [в Московском университете со вступительной статьей «О значении эксперимента в современной психологии»] / Н. Н. Ланге // Вопросы философии и психологии. — 1894. — Кн. 24. — С. 564–617.
10. Ланге Н. Н. Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания / Н. Н. Ланге. — Одесса, 1893. — 296 с.
11. Ланге Н. Н. Психология / Н. Н. Ланге. — М. : Изд-во т-ва «Мир», 1914. — 312 с.
12. Ланге Н. Н. Теория В. Вундта о начале мифа : критические заметки / Н. Н. Ланге. — Одесса : Славян. тип. Е. Хрисогелос, 1912. — 20 с.
13. Ланге Н. Н. Психический мир : избранные психологические труды / Н. Н. Ланге ; ред. М. Г. Ярошевский. — М. : Ин-т практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. — 367 с. — (Психологи отечества : избранные психол. тр. в 70 т. / Акад. пед. и социальных наук, Московский психолого-социальный ин-т).
14. Ланге Н. Н. Элементы воли / Н. Н. Ланге // Вопросы философии и психологии. — 1890. — Кн. 4. — С. 1–25.
15. Прения по докладу Г. И. Челпанова // Тр. II Всероссийского съезда по педагогической психологии. — СПб., 1910. — С. 68–91.
16. Рубинштейн С. Л. Николай Николаевич Ланге / С. Л. Рубинштейн // Нар. просвещение. — 1922. — № 6/10. — С. 69–70.
17. Шеин. А. А. Об исторической оценке психологической концепции Н. Н. Ланге / А. А. Шеин // Вопросы психологии. — 1960. — № 5. — С. 133–138.
18. Цуканов Б. Й. Ланге Микола Миколайович / Б. Й. Цуканов, Л. Н. Акімова // Професори Одеського (Новоросійського) університету : біограф. слов. в 4 т. / відп. ред. В. А. Сминтина ; ОНУ ім. І. І. Мечникова, Наук. б-ка. — Одеса : Астропринт, 2000. — Т. 3 : К–П. — С. 170–175.
19. Estes W. Basic Methods of Psychological Science / W. Estes // International handbook of psychology. — London : Sage, 2000. — P. 20–40.
20. Lange N. N. Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit und der activen Apperception / N. N. Lange // Philosophische Studien. — 1888. — Bd. 4. — S. 390–422.

Хронологическая таблица Николай Николаевич Ланге (1858–1921)

12 марта 1858 г., Санкт-Петербург

Родился Николай Николаевич Ланге в семье профессора Военно-юридической академии.

1878 г.

Окончание второй классической гимназии.

1882 г.

Окончание с золотой медалью историко-филологического факультета Петербургского университета за сочинение «Философия Лейбница и его отношение к философии Локка».

1883–1884 гг., Германия, Франция

Н. Н. Ланге был рекомендован М. И. Владиславлевым для подготовки к профессорскому званию. Он командировается на два года за границу — в Германию и Францию для изучения в первоисточниках метафизических взглядов творцов немецких и французских этических учений. Однако, находясь в Германии, Н. Н. Ланге официально занимается сбором материалов для своей магистерской диссертации, а неофициально специализируется в институте экспериментальной психологии Вундта при Лейпцигском университете. В частной переписке М. И. Владиславлев не одобряет его занятия экспериментальной психологией и рекомендует обратить больше внимания на действительную цель его научной командировки.

10 ноября 1888 г.

Назначен приват-доцентом Новороссийского университета.

• Ланге Н. Н. История нравственных идей XIX в. : критические очерки философских, социологических и религиозных теорий нравственности / Н. Н. Ланге. — СПб. : Тип. Безобразова и К°, 1888. — Ч. 1 : Немецкие учения. — 383 с.

• Ланге Н. Н. К теории чувственного внимания и активной апперцепции. Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit und der activen Apperception / N. N. Lange // Philosophische Studien. — 1888. — Bd. 4. — S. 390–422.

1892 г.,
Лондон

1893 г.

- Ланге Н. Н. Hugo Münsterberg. Beiträge zur experimentelle Psychologie / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1889. — Кн. 6. — С. 24–33.
  - Ланге Н. Н. О действии гашиша : психологическая заметка / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1889. — Кн. 1. — С. 147–162.
  - Ланге Н. Н. Revue Philosophique / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1890. — Кн. 9. — С. 58–65.
  - Ланге Н. Н. Элементы воли / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1890. — Кн. 4. — С. 1–25.
  - Ланге Н. Н. Аффекты (душевные движения) : психофизический этюд / Н. Н. Ланге ; пер. под ред. А. Вирениуса. — СПб. : Тип. училища глухонемых, 1890. — 65 с.
  - Ланге Н. Н. Ответ г. Е. Челпанову / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1891. — Кн. 8. — С. 90–93.
  - Ланге Н. Н. Отзыв о сочинении приват-доцента А. П. Казанского : «Учение Аристотеля о значении опыта при познании», представленном для получения степени магистра философии / Н. Н. Ланге. — Одесса, 1891. — 8 с.
  - Ланге Н. Н. Механизм внимания / Н. Н. Ланге // Русская школа. — 1891. — № 1. — С. 65–81.
- Второй международный конгресс по экспериментальной психологии, доклад «Закон перцепции».**
- Ланге Н. Н. Душа ребенка в первые годы жизни: две публ. лекции приват-доцента Новорос. ун-та / Н. Н. Ланге. — СПб. : Рус. шк., 1892. — 64 с. — Сначала помещено в журнале. «Русская Школа» за 1891 г.
  - Ланге Н. Н. Письма Элоизы к Абеяру / Н. Н. Ланге // Южный сборник : в пользу пострадавших от неурожая. — Одесса : Шульце, 1892. — Ч. 2. — С. 29–43.
- Докторская диссертация «Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания».**
- Ланге Н. Н. Психологические исследования / Н. Н. Ланге. — Одесса, 1893. — 296 с.

- 1894 г. **Докторский диспут в Московском университете, присвоена степень доктора философии, а затем и звание экстраординарного профессора.**
Н. Н. Ланге возбуждает ходатайство об учреждении лаборатории экспериментальной психологии при Новороссийском университете.
• Ланге Н. Н. «Первая аналитика» Аристотеля / Н. Н. Ланге. — СПб., 1894. — 194 с.
• Ланге Н. Н. Отчет о докторском диспуте / Н. Н. Ланге // *Вопр. философии и психологии*. — 1894. — Кн. 24. — С. 564–617.
• Ланге Н. Н. К вопросу о преподавании педагогики в женской гимназии (4 июля 1895 г. № 6662) / Н. Н. Ланге // *Циркуляр по Одесскому учебному округу за 1895 г.* — Одесса, 1895. — № 7. — С. 467–473.
- 1895 г. **В письме от 12.03.1895 г. Н. Я. Грот как заведующий философской кафедрой Московского университета ответил Н.Н. Ланге, что вопрос об организации лаборатории при Новороссийском университете решили положительно.**
- 1896 г. **Лаборатория экспериментальной психологии в России была открыта в Одессе, в Новороссийском университете.**
- 1898 г. **Звание ординарного профессора.**
• Ланге Н. Н. Учебник логики / Н. Н. Ланге. — Одесса : Тип. Распопов, 1898. — 237 с. — Удостоен малой премии императора Петра Великого.
- 2 апреля 1900 г. **Основание педагогического отдела при Историко-филологическом обществе, первое открытое организационное заседание. Н. Н. Ланге назначен главой отдела.**
• Ланге Н. Н. Философия феноменального формализма Н. Г. Дебольского. Ст. 1 / Н. Н. Ланге // *ЖМНП*. — 1900. — № 3/4. — С. 197–247.
- 1901 г. **Избран главой Историко-филологического общества.**

4 октября 1903 г.

- Ланге Н. Н. Великие мыслители XIX века. Лекция 1 : Кант и «Критика чистого разума» / Н. Н. Ланге. — Одесса, 1901. — 8 с.

При гимназии Пашковской открыты трехлетние педагогические женские курсы, стал директором.

- Открытые лекции по истории философии «Великие мыслители XIX века» напечатаны в «Одесских новостях», 1903.

- Ланге Н.Н. Две главные идеи Канта / Н. Н. Ланге // Южные записки. — 1904. — № 13–14.

- Ланге Н. Н. Курс логики, составленный слушательницами исторического отделения Одесских женских педагогических курсов 1904/05 акад. год / под ред. Н. Н. Ланге. — Одесса : Литогр. И. Апостолова, 1904. — 72 с.

1905 г.

Курсы становятся Высшими женскими курсами.

1905 г.

Н. Н. Ланге, как глава педагогического отдела при Историко-филологическом обществе, поднял вопрос о реформе средней школы.

- Ланге Н. Н. Три ступени / Н. Н. Ланге // За свободу. — 1905. — № 1. — С. 5–9.

- Ланге Н. Н. В чем должна состоять реформа нашей средней школы? / Н. Н. Ланге // Летопись Ист.-филол. о-ва при имп. Новорос. ун-те. — 1905. — С. 5–23.

- Ланге Н. Н. «Революция скрещенных рук» : всеобщая политическая забастовка / Н. Н. Ланге // За свободу. — 1906. — № 2. — С. 5–8.

- Корнелиус Г. Введение в философию / Г. Корнелиус ; под ред. и с предисл. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. И. Д. Котляр. — М. : Ефимов, 1905. — 312 с.

- Ланге Н. Н. Логика / Н. Н. Ланге. — [1906–1907]. — 62 с.

- Курс истории новой философии, составленный слушательницами 3-го курса историко-филологического факультета Одесских Высших женских курсов на 1907/1908 академический год / под ред. Н. Н. Ланге. — Одесса, 1907. — 202 с.

- 1908 г. • Шмид Б. *Философская хрестоматия : пособие для сред. учеб. заведений и для самообразования* / Б. Шмид ; под ред. и с предисл. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. Ю. А. Говсеева. — Одесса : Mathesis, 1907. — 172 с.
- Смещен с должности директора на должность преподавателя.**
- 1911 г. • Мах Э. *Познание и заблуждение : очерки по психологии исследования* / Э. Мах ; под ред. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. Г. Котляра. — М. : С. Скирмунт, 1909. — 471 с.
- Приглашен для работы по редактированию отдела философии в энциклопедическом словаре Гранат.**
- Эббингаус Г. *Основы психологии*. Т. 1, вып. 1. / Г. Эббингаус ; под ред. : проф. В. С. Серебренникова, Э. Л. Радлова ; пер. со 2-го нем. изд. Г. А. Котляра. — СПб., 1911. — 391 с. — (Как отмечает Э. Л. Радлов в своем предисловии к этому изданию, перевод работы Эббингауса был сначала рассмотрен Н. Н. Ланге, которому и принадлежит редакция первых листов.).
- Ланге Н. Н. *Теория В. Вундта о начале мифа : критические заметки* / Н. Н. Ланге. — Одесса : Славян. тип. Е. Хрисогелос, 1912. — 20 с. — Отдельный оттиск из Сборника в честь Э. Р. Фон-Штерна (ЗООИД. — 1912. — Т. 30. — С. 109–126).
- Ланге Н. Н. *Отчет о сочинении «Теория познания Декарта»* / Н. Н. Ланге. — Одесса, 1912. — 5 с.
- Ланге Н. Н. *Психология* / Н. Н. Ланге // *Итоги науки в теории и практике* / под ред. : проф. М. М. Ковалевского, проф. Н. Н. Ланге, Н. Морозова [и др.]. — М. : Мир, 1914. — Т. 8. — 312 с.
- 1913 г. **Заслуженный профессор.**
- Ерузалем В. *Учебник психологии* : пер. с 4-го нем. изд. / В. Ерузалем ; под ред. [и с предисл.] проф. Н. Н. Ланге. — 2-е изд. — М. : Мир, 1915. — 289 с.
- 1916 г. **Заслуженный ординарный профессор.**

- 2–7 Января 1916 г. Педагогический съезд. Речь профессора имп. Новороссийского университета Н. Н. Ланге, произнесенная при открытии Педагогического съезда деятелей мужских гимназий и реальных училищ Одесского учебного округа, бывшего в Одессе 2–7 января 1916 г. «Задачи съезда в свете общих педагогических принципов».
- 1917 г. Назначен главой комитета начальной школы при Городской думе.
• Ланге Н. Н. Учебник логики для гимназий и самообразования / Н. Н. Ланге. — 2-е изд, испр. и доп. — Одесса : Козман, 1918. — 178 с.
- 1919 г. Принимал участие в создании Общественно-гуманитарного института советской высшей школы Одессы.
- 1919 г. Назначен деканом историко-филологического факультета университета.
- 14 февраля 1921 г., Одесса Смерть Николая Николаевича Ланге от склероза сердца.

РАЗДЕЛ 2

Архив Н. Н. Ланге в Научной библиотеке ОНУ

Архив профессора Н. Н. Ланге хранится в фондах Научной библиотеки ОНУ имени И. И. Мечникова сорок пять лет. До поступления в университетскую библиотеку он многие годы бережно сохранялся в семье ученого. Вдова Николая Николаевича и его сын с семьей проживали по адресу ул. Артема (ныне ул. Конная), 11, кв. 9. Архив и библиотека Н. Н. Ланге размещались в одной из комнат небольшой квартиры (40 кв. м), предоставленной горсоветом в 1930-е гг. Невзирая на тесноту, члены семьи профессора Н. Н. Ланге неизменно предоставляли возможность работы с ценнейшими материалами архива сотрудникам кафедр психологии и педагогики ОГУ и Педагогического института, а также специалистам из других городов, однако оказались заложниками печально знаменитого «квартирного вопроса». Научная общественность города и руководство университета пытались изменить эту ситуацию к лучшему. Так, 2 апреля 1946 г. в связи с 25-летием со дня смерти Н. Н. Ланге ректор ОГУ направил ходатайство председателю горисполкома Одесского совета трудящихся о закреплении квартиры за семьей профессора Ланге, члены которой находились под угрозой «подселения», которое было удовлетворено. Спустя несколько месяцев с аналогичным ходатайством в ту же инстанцию обратился директор Одесского государственного педагогического института доцент И. А. Власенко¹.

Несмотря на принятую резолюцию: считать комнату покойного профессора Н. Н. Ланге «занятой под архив», который представляет значительную научную ценность, условия для его хранения, да и для проживания семьи вскоре резко ухудшились: осенью 1951 г. в одну из комнат квартиры (размером 8,5 кв. м), где находился архив проф. Ланге, вселилась некая гражданка, создававшая для семьи покойного профессора «невозможные условия жизни» и, пытаясь закрепить за собой комнату, терроризировала сына Н. Н. Ланге и его семью. Это побудило Николая Николаевича-младшего 9 февраля 1952 г. обратиться с ходатайством к Председателю Совета министров УССР. Очевидно, «сверху» последовала команда «разобраться». По поручению директора НИИ педагогики Украины зав. кафедрой педагогики ОГУ доцент В. Т. Ружейников «произвел осмотр архива проф. Н. Н. Ланге, храня-

¹ Архив Н. Н. Ланге, карт. 47, ед. хр. 467, л. 6-7. Заметим, что, когда в 1947 г. сын Н. Н. Ланге собирался переехать во Львов, о предоставлении ему там жилплощади хлопотал академик В. П. Филатов (карт. 47, ед. хр. 462, л. 1).

щегося у его сына Ланге Н. Н.», после чего докладывал: «Объем архива приблизительно 15–16 тыс. листов. Архив проф. Ланге Н. Н. относится к 1892–1921 гг. и представляет собой ценнейшие разрозненные черновики писем и переписку с разными лицами и учреждениями, рукописи неопубликованных и опубликованных работ. Архив имеет запущенный вид, временно и случайно объединен в 33 большие папки. Находится и хранится архив в сырой комнате (Одесса, ул. Артема № 11 кв. 9), подвергается порче. Материалы нуждаются в обработке и систематизации. Ценность их несомненная, ибо включает следующие подлинники и черновики. Обработка архива, представляющая очень большое количество материала, потребует значительного труда в течение нескольких месяцев»². Докладная записка В. Т. Ружейникова заканчивалась призывом принять срочные меры «к охране и сохранению этого архива» и оказать содействия семье Н. Н. Ланге.

Вопрос о судьбе архива Н. Н. Ланге решился спустя более чем десять лет: 10 июня 1965 г. документы были приобретены Одесским университетом за 500 руб. у владельца и переданы Научной библиотеке университета. В Договорном соглашении, заключенном между комиссией, назначенной ректором ОГУ, и Н. Н. Ланге, был перечислен состав архива:

1. 10 папок по вопросам философии;
2. 24 папки по вопросам педагогики;
3. 29 папок, 5 тетрадей и 9 рулонов по вопросам психологии;
4. одна папка с материалами по Высшим женским курсам;
5. одна папка с письмами и личными документами профессора;
6. одна папка с материалами по Народному университету;
7. 25 папок несистематизированных материалов по вопросам философии, психологии, логики, педагогики и т.д.
8. одна папка с газетными вырезками выступлений в печати проф. Н. Н. Ланге;
9. Адреса на имя проф. Н. Н. Ланге и фотографии³.

К разбору и систематизации архива приступил старший библиотекарь Научной библиотеки кандидат биологических наук А. Л. Драголи (1925–1993). Надо отдать должное Анатолию Львовичу, выполнявшему эту работу с полным осознанием ценности составлявших архив документов. Об этом свидетельствуют его многочисленные рабочие заметки, варианты систематизации архива, черновики выступлений на семинарах и конференциях, а также тексты запланированных им публикаций об этом важном приобретении библиотеки.

Большое внимание А. Л. Драголи уделял и должному сохранению разобранных им материалов. Так, по его инициативе 18 декабря 1965 г. НБ ОГУ

² Архив Н. Н. Ланге, карт. 48, ед. хр. 473, л. 1. К сожалению, указанный в докладной записке перечень материалов не сохранился до нашего времени.

³ Архив Н. Н. Ланге, карт. 48, ед. хр. 474, л. 2–3.

были заказаны и оплачены специальные папки для хранения архива Н. Н. Ланге. Мы предполагаем, что именно Анатолий Львович был инициатором одного интереснейшего начинания, которое, к сожалению, не воплотилось в жизнь. Речь идет о создании при Научной библиотеке ОГУ «кабинета имени профессора Н. Н. Ланге». Среди рабочих бумаг А. Л. Драголи остался черновик «Сообщения об открытии кабинета имени Н. Н. Ланге», где были перечислены основные достижения и заслуги Н. Н. Ланге как выдающегося психолога, педагога и философа, прогрессивного общественного деятеля, столь много сделавшего для народного просвещения на юге Украины и прежде всего в Одессе. Из содержания вышеупомянутого «Сообщения...» следует, что идея была поддержана руководством университета и библиотеки (ректором А. И. Юрженко и директором библиотеки П. М. Бондаренко), однако она так и осталась на бумаге. Не была напечатана и статья А. Л. Драголи, подготовленная им для газеты «Знамя коммунизма».

Сохранился черновик письма А. Л. Драголи к Н. Н. Ланге-младшему. Приведем его текст, свидетельствующий о других замыслах, не воплощенных почти полвека назад, но не утративших своей актуальности и сегодня. «В связи с решением дирекции научной библиотеки Одесского университета начать собирание материалов, содержащих сведения о Вашем отце — Николае Николаевиче Ланге, как о человеке, просим Вас в дополнение к уже переданным Вами в Научную библиотеку ОГУ архивным материалам Н. Н. Ланге, передать также и все, что Вы сочтете возможным (личные письма, фотографии и Ваши воспоминания), что дало бы возможность полнее представить Вашего отца не только как выдающегося ученого, но и замечательного человека в семье, во взаимоотношениях с людьми, в труде и в часы отдыха, в его большой любви к природе и искусству и высокой принципиальности в понимании им долга и истины. (Если какие-либо ценные в этом отношении письма или фотографии Вы не сможете передать в оригинале, просим Вас предоставить их в Научную библиотеку временно для снятия с них фотокопий). Эти материалы явились бы также ценным вкладом в экспозицию организующегося музея истории университета»⁴.

На протяжении 1965–1967 гг. работа над архивом Н. Н. Ланге была плановой⁵. В апреле 1966 г. А. Л. Драголи принял участие в Ломоносовских чтениях, проводимых Московским университетом, где выступил с сообщением об архиве Н. Н. Ланге. Отметим, что в 1966 г. Анатолий Львович планировал публикацию статьи «Неопубликованные рукописи профессора Н. Н. Ланге» в журнале «Вопросы

⁴ Архив Н. Н. Ланге, карт. 47, ед. хр. 466, л. 5.

⁵ См. Наукова бібліотека Одеського Державного університету імені І.І. Мечникова. План роботи на 1966 год. Одесса. Л. 9.

психологии»⁶. Однако главным результатом планомерной и целеустремленной работы А. Л. Драголи с архивом Н. Н. Ланге явилась систематизация и каталогизация архива⁷.

Наследие Н. Н. Ланге было предметом изучения сотрудниками университетской библиотеки и в последующие годы. Сохранились выписки и заметки, свидетельствующие о работе с архивом в 1980-х гг. библиографа В. Н. Терлецкой. Активная работа с архивными материалами была возобновлена в начале 2000-х гг. Часть документов архива экспонировалась на выставке «Н. Н. Ланге. Ученый и педагог: по материалам личного архива ученого в Научной библиотеке ОНУ» (27 апреля–11 мая 2009 г.). Выставка вызвала живой отклик научного сообщества, студентов-психологов, аспирантов одесских вузов и послужила стимулом для подготовки данного издания.

В 2008–2009 гг. сотрудниками Отдела редких книг и рукописей библиотеки была проведена рекаталогизация архива. В настоящее время в 46 папках хранится 461 единица хранения (1 238 документов в 13 450 листах)⁸. Это рукописные документы (в основном автографы Н. Н. Ланге), машинописные и опубликованные материалы, газетные вырезки, фотографии, которые можно разделить на три основные раздела: 1. Документы биографического характера. 2. Творческое наследие Н. Н. Ланге. 3. Рукописные и печатные материалы других авторов.

В рамках этих разделов выделим основные группы документов:

Личные документы семьи Н. Н. Ланге: документы биографического характера (свидетельство о рождении Н. Н. Ланге, аттестат об окончании им 2-й Петербургской мужской гимназии и диплом Санкт-Петербургского университета, метрическая выписка о бракосочетании Н. Н. Ланге и Т. Ф. Митрофановой, царские указы о награждении орденами и др.), бумаги семьи Н. Н. Ланге (формулярный список Н. А. Ланге и другие служебные документы отца Н. Н. Ланге, царские указы о награждении Николая Андреевича, документы жены Ланге — Татьяны Федоровны, бумаги сына и других родственников Н. Н. Ланге: деловая переписка, переписка с официальными инстанциями по квартирному вопросу, документы о передаче архива в НБ ОНУ), семейная переписка, вырезки газетных и журнальных публикаций материалов о Н. Н. Ланге, фотографии и фотоальбомы, стихи, рисунки, путевые заметки, видовые открытки и др.

⁶ Наукова бібліотека Одеського Державного університету імені І. І. Мечникова. План роботи на 1966 год. Л. 39.

⁷ После увольнения из университетской библиотеки в 1970–1977 гг. А. Л. Драголи работал главным библиографом научно-библиографического отдела ОГНБ имени Горького.

⁸ Кроме того, составной частью архива в настоящее время являются документы сына Н. Н. Ланге (11 единиц хранения, 22 документа) и материалы, отложившиеся в ходе первичной каталогизации архива, проведенной А. Л. Драголи (20 единиц хранения, 37 документов).

Документы, связанные с многогранной профессиональной и общественной деятельностью Н. Н. Ланге:

— **в Новороссийском университете:** официальная переписка с Министерством народного просвещения, ректором Новороссийского университета и деканом историко-филологического факультета ИГУ по различным служебным делам; материалы об организации при ИГУ философского общества и студенческого философского кружка, об историко-филологическом обществе; печатные материалы об университете, ученых обществах и т. д. Особое место в этой группе документов занимают **материалы об организации в ИГУ кабинета экспериментальной психологии:** личная и официальная переписка об организации кабинета; списки необходимых приборов для лаборатории экспериментальной психологии; разработанные Н. Н. Ланге правила для работающих в лаборатории; темы и задачи для экспериментальных исследований; протоколы решения задач по экспериментальной психологии и т. д.

— **в качестве первого директора женских педагогических курсов в Одессе и Одесских Высших женских курсов:** рукописные и печатные материалы об организации курсов (официальная переписка с вышестоящими инстанциями, проект устава, проект Временного положения педагогических курсов; материалы о женских курсах в других городах Российской империи; документы о результатах зачисления слушательниц, списки преподавателей и слушательниц; протоколы заседаний комиссии по организации курсов); учебные программы курсов; отчеты о состоянии и деятельности женских педагогических курсов за 1903 г., ОВЖК за 1911 г.; сметы расходов; переписка с попечителем Одесского учебного округа по поводу выступлений курсисток в 1905 г. Выделим такие документы, как конфиденциальное письмо МНП о нежелательности вывешивания портрета Н. Н. Ланге в читальном зале ОВЖК; переписку об уходе Ланге с поста директора ОВЖК; адрес от курсисток III выпуска Одесских педагогических курсов; фотоальбом, подаренный Н. Н. Ланге курсистками и др.

— **по организации и реформировании школьного дела и преподавании педагогики:** переписка о педагогической подготовке учителей средних школ, материалы о преподавании педагогики в гимназиях; Уставы педагогического общества и педагогического отдела историко-филологического общества; заметки по реорганизации средней школы; документы о проекте школьного комитета, об организации детских садов-площадок; Отчет Одесского городского института детской психологии и экспериментальной психологии за 1914–1915 гг.; материалы об участии Н. Н. Ланге в педагогических съездах, Южном областном съезде учителей и т. д.

— **по организации Народного университета в Одессе и работе в комиссии СКВУЗа в 1919–1920 гг.:** рукописные и печатные материалы об организации Народного университета; документы о деятельности Одесского общества народных университетов

(в том числе — педагогической секции, политехнического института, курсов по кооперации); учебные планы и программы Народного университета в 1917–1918 гг.; заметки по реформе высшей школы в РСФСР и Украине; протоколы заседаний; объяснительные записки об участии в работе СКВУЗа и др.

— **участие в выборных органах и событиях 1905–1907 гг. и 1917–1920 гг.:** заметки и материалы об участии в выборах в Государственную Думу; черновые варианты протестов профессоров ИНУ против обыска университета полицией; черновик статьи «Революция скрещенных рук»; документы Н. Н. Ланге как председателя комитета беженцев; материалы об участии в различных общественных организациях; рукописные заметки об отношении к власти большевиков и т.д.

Творческое наследие Н. Н. Ланге представлено в его личном архиве рукописными заметками к курсам лекций по психологии («Цитаты, заметки и наблюдения, касающиеся психологии»), вариантами сочинений Н. Н. Ланге («Психология», «Основы социальной психологии», «Основы дидактики», главы для т. 8 «Итогов науки в теории и практике», «Утилитаризм», «Этика Спенсера»), рукописями лекций («Принципы современной психологии», «Привычка и прогресс», «Раздвоение личности» и др.) и рецензий («Непонятый русский психолог»), гранками напечатанных трудов с авторской правкой («Французская этика», «Психология»), отпечатанными на гектографе работами («История новой философии», «Курс истории новой философии», «Курс логики») и лекциями по психологии.

В архиве отложились также лекции по экспериментальной психологии, заметки рукописи о психологическом эксперименте, отзывы о диссертациях, записные книжки, программы учебных курсов и заметки к курсам дидактики и педагогики, истории педагогики, истории философии, материалы к магистерской диссертации, переписка с редакциями научных журналов и издательств, письма о распространении «Учебника логики», переводы (сочинений Лейбница), конспекты работ по философии, заметки по геологии, астрономии и т. д.

Наконец, в архиве представлены **рукописи и опубликованные материалы других авторов** (работы по истории педагогики и истории философии, рефераты, конспекты).

* * *

Научное освоение архива Н. Н. Ланге началось уже в 1920-е гг. Об этом свидетельствует обстоятельный очерк М. И. Гордиевского «Наукова й громадсько-педагогічна діяльність професора М. М. Ланге. Нарис із історії науки й освіти на Україні», опубликованный в «Записках Одеського наукового при ВУАН товариства» (этот выпуск педагогической секции был полностью посвящен памяти Н. Н. Ланге). Ученик Николая Николаевича, М. И. Гордиевский подготовил свою работу на

основе материалов, оставшихся после профессора Ланге, доступ к которым предоставили вдова и сын ученого⁹. И впоследствии Николай Николаевич-младший выражал готовность предоставить документы архива в распоряжение ученых¹⁰ и способствовал публикации неизвестных сочинений отца. Так, в 1963 г. в журнале «Вопросы психологии» была опубликована рукопись Н. Н. Ланге «Гельмгольц как психолог»¹¹. Материалы архива привлекались при написании ряда статей и лекций¹², а также диссертаций В. Л. Какабадзе (Из истории исследования внимания (Н. Н. Ланге). — Тбилиси, 1959), Л. Н. Акимовой (Становление и развитие отечественной экспериментальной психологии : на материале южноукраинского региона. — Одесса, 2001) и др. К документам архива обращалась Э. Г. Плесская-Зебольд при подготовке монографии «Одесские немцы 1803–1920». — Одесса, 1999 / Ин-т германских и восточноевропейских исследований. — Геттинген / Германия.

Тем не менее все еще остается актуальным заключение, сделанное известным советским психологом Б. М. Тепловым в 1958 г.: «Архив Н. Н. Ланге до сих пор не был предметом научного исследования»¹³. На наш взгляд, этот вывод справедлив не только в отношении научного наследия Николая Николаевича, но и применительно к тому массиву многообразных по своей тематике материалов, отложившихся в архиве, раскрывающих различные аспекты деятельности Н. Н. Ланге.

Следует отметить, что документы, связанные с академической и научной деятельностью Н. Н. Ланге в Новороссийском университете (напр., участие Николая Николаевича в организации и работе научных обществ, заграничные командировки ученого, продвижение по службе и т. д.), представлены также в фондах Государственного архива Одесской области (ф. 45 — Новороссийский университет). Однако и по объему, и по тематическому разнообразию состав архива Н. Н. Ланге, хранящегося в университетской библиотеке, неизмеримо значительней, что, безусловно, повышает его научную ценность. Вот почему помимо неопубликованных работ Н. Н. Ланге для данной публикации было отобрано 25 документов из личного архива выдающегося ученого.

⁹ Гордієвський М. І. Наукова й громадсько-педагогічна діяльність професора М. М. Ланге. Нарис із історії науки й освіти на Україні // Записки Одеського наукового при ВУАН товариства. Секція педагогічна. — 1930. — № 1. — С. 1, 5–6.

¹⁰ См., например, письмо неустановленному лицу. — Архив Н. Н. Ланге, карт. 47, ед. хр. 469, л. 21–22.

¹¹ Вопросы психологии. — 1963. — № 2. — С. 144–150.

¹² См., напр.: Гольдин Ф. Л. Прогрессивная педагогическая мысль Юга Украины II пол. XIX–XX ст.: конспект лекций спецкурса для студентов Госуниверситета. — Одесса, 1965; Ружейников В. Т. Одесский государственный университет и школа (к 100-летию со дня основания). 12 дек. 1961 г. — Одесса. (Машинопись, 124 с. Хранится в фондах НБ ОНУ).

¹³ Теплов Б. М. Основные идеи в психологических трудах Н. Н. Ланге (К столетию со дня рождения) // Вопросы психологии. — 1958. — № 6. — С. 46.

Документы сгруппированы по тематическому признаку, внутри каждой группы расположены в основном в хронологическом порядке. Прежде всего, это биографические материалы (№ 1–5). Помимо вариантов его автобиографических заметок, мы помещаем здесь несколько документов, характеризующих становление Н. Н. Ланге как ученого: текст одного из первых публичных выступлений Николая Николаевича еще в бытность студентом Петербургского университета, тема которого отражает его неизменный интерес к вопросам педагогики; официальное объяснение относительно магистерской диссертации и частное письмо по тому же поводу, в котором автор обращается и к обвинениям в свой адрес в «атеизме и материализме», и к истории вокруг публикации второй части диссертации — «Французской этики»; наиболее ранний из списков опубликованных работ Н. Н. Ланге, составленный им самим.

Следующий раздел публикации содержит наибольшее число документов (№ 6–15), поскольку он посвящен одному из главных достижений Н. Н. Ланге в отечественной науке — организации кабинета (лаборатории) экспериментальной психологии в Новороссийском университете и различным вопросам, связанным с работой лаборатории как в университете, так и на Одесских Высших женских курсах. В документах, представленных в этом разделе, раскрываются сложные обстоятельства, в которых Н. Н. Ланге настойчиво добивался открытия кабинета экспериментальной психологии, позиции сторонников и противников этого новаторского замысла.

При отборе документов для данной публикации, связанных с деятельностью Н. Н. Ланге как организатора народного просвещения в Одессе, мы исходили из того, насколько полно представлены эти материалы в фондах Государственного архива Одесской области. Документы, связанные с историей организации и функционированием в Одессе женских педагогических и высших женских курсов, отложились в отдельном — и весьма объемном — фонде ГАОО (ф. 334 — Одесские Высшие женские курсы). Поэтому из обширного перечня материалов по истории женского образования на Юге Украины в архиве Н. Н. Ланге, хранящихся в Научной библиотеке ОНУ, предпочтение для публикации отдавалось главным образом черновым вариантам официальных и неофициальных бумаг, являющихся автографами Николая Николаевича, содержание которых непосредственно связано с его ролью в организации и руководстве курсов (№ 16–20). Напротив, документы о деятельности Народного университета в Одессе немногочисленны и рассеяны по различным фондам ГАОО¹⁴. Тем большую ценность имеют представленные в архиве

¹⁴ См., например, документ «Организация Народного университета в Одессе (8.05.1916) из личного фонда профессора ИНУ И. А. Линниченко — одного из инициаторов этого просветительского проекта, под редакцией которого вышел сборник статей «Что такое народный университет» (Одесса, 1917). — ГАОО, ф. 153 (И. А. Линниченко), оп. 1, № 551, л. 1-2.

Н. Н. Ланге в НБ ОНУ материалы, раскрывающие различные аспекты организации и работы Народного университета. Некоторые из них включены в настоящее издание (№ 21–22).

Исключительный интерес имеют письма Н. Н. Ланге, адресованные ректору ИНУ А. Д. Билимовичу и декану историко-филологического факультета университета А. П. Доброклонскому в конце августа 1919 г., вскоре после занятия Одессы денкинцами (№ 23–24). Отметим, что в уже упоминавшемся очерке М. И. Гордиевского в разделе «Н. Н. Ланге и советская власть» приведена большая цитата из письма Н. Н. Ланге к А. Д. Билимовичу¹⁵. Однако по понятным причинам (см. год публикации очерка) эта цитата заканчивалась на середине документа: следующий далее текст отнюдь не подтверждал репутацию абсолютно лояльного к советской власти ученого, каким старался представить автор своего учителя. Публикация письма А. П. Доброклонскому, где аргументация Н. Н. Ланге в связи с его нежеланием продолжать сотрудничество в СКВУЗе развернута значительно шире, была бы, возможно, небезопасной и для самого М. И. Гордиевского. К этим письмам примыкает заметка Николая Николаевича, в которой он пытается (очевидно, для самого себя) сформулировать свое отношение к большевизму (№ 25). Полагаем, что публикация этих документов без купюр позволит гораздо точнее представить общественно-политические взгляды Н. Н. Ланге в последние годы его жизни, совпавшие с гражданской войной в стране и чересполосицей власти в городе.

Помимо перечисленных выше документов в издании воспроизведен текст не вышедших в свет работ Н. Н. Ланге: «Французская этика», «Утилитаризм» и «Принципы современной философии». Первые два из названных сочинений были частью единого замысла — магистерской диссертации «История нравственных идей XIX века». Как известно, в 1888 г. в свет вышла только первая часть исследования — «Немецкие учения». Однако предполагались еще две части: вторая — посвященная французскому социализму (Сен-Симон, Фурье, Ламенне, Прудон и др.) и третья — английскому утилитаризму¹⁶. Вторая часть — «Французская этика» — была вырезана цензурой из уже набранной книги¹⁷ и конфискована. Однако один экземпляр, в виде сигнального образца, переданного автору для корректуры, уцелел: гранки с авторской правкой, как и машинописный текст «Утилитаризм» сохранились в личном архиве Н. Н. Ланге, что делает возможным публикацию этих работ в данном издании. Кроме того, по сохранившейся в архиве рукописи публикуется текст речи, произнесенной ученым на заседании Новороссийского общества естествоиспытателей в 1895 г., — «Принципы современной психологии».

¹⁵ Гордієвський М. І. — Вказ. праця. С. 43.

¹⁶ Теплов Б. М. — Указ. соч. — С. 45; Гордієвський М. І. — Вказ. праця. С. 5–6.

¹⁷ Поэтому вышедшая из печати первая часть «Истории нравственных идей XIX века» заканчивается страницей 272, а следующее за текстом оглавление начинается со страницы 381.

* * *

Тексты документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, воспроизведены полностью. Все публикуемые документы пронумерованы, к ним даны заголовки, в которых указаны вид документа, автор и адресат, дата написания. При отсутствии заголовков документов, они, как правило, сформулированы нами, исходя из содержания документа.

Документы датированы по старому (юлианскому) стилю по дате написания. Если в документе отсутствует дата написания или дата пометы (например, получено, отправлено), но она может быть установлена исходя из содержания документа или по дополнительным источникам, предполагаемая дата заключена в квадратные скобки. В этом случае основания для датировки указаны в примечаниях.

Текст документов воспроизводится по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника и пунктуации документов (См. «Правилами издания исторических документов в СССР» (2-е издание, переработанное и дополненное. М., 1990). Написание личных имен, имеющих в документах, оставлено без изменений.

Следует отметить, что значительная часть публикуемых документов представлена черновыми вариантами автора, отсюда — большое число исправлений и дополнений в тексте, что обусловило необходимость текстуальных примечаний.

Утраченные места текста, не поддающиеся восстановлению, и неп прочитанные слова обозначены отточиями в квадратных скобках [...] и оговорены в текстуальных примечаниях. Здесь же оговаривается причина пропуска неп прочтенного текста (обрыв, стертость от ветхости, разрыв) и его размер (количество букв, слов, строк) и по возможности приводится предположительное чтение. Восполняемые слова и части слов, пропущенные, но восстановленные по смыслу, приведены в квадратных скобках [ ]. Неисправности текста, имеющие смысловое значение, остались без изменений и оговорены в подстрочных примечаниях словами: «Так в документе».

Вставки отдельных слов и предложений воспроизводятся в соответствующем месте в тексте документа и оговариваются в текстуальных примечаниях, как и вставки, написанные в одном документе разными чернилами или карандашами.

Зачеркнутые слова в тексте не воспроизводятся, а приводятся в текстуальном примечании с указанием: «Далее зачеркнуто...» В случае, когда зачеркнутые места содержат значимую информацию, они воспроизводятся в тексте и выделяются путем графического обозначения (в угловых скобках).

Авторские подчеркивания отдельных мест текста сохраняются и не оговариваются, неавторские подчеркивания оговариваются в текстуальных примечаниях. Там же отмечается изменение почерка или способа воспроизведения текста документа.

К подстрочным примечаниям автора или составителя документа добавляется в скобках: «Прим. автора».

В легендах к документам указано место их хранения (название архива, номер картона, единицы хранения, листов), а также указано, является ли документ подлинником, копией и т. д. (См. «Оформлення та зразки бібліографічних посилань і архівних легенд для друкованих видань архівних установ, публікацій на веб-сайті (пам'ятка)». — Київ, 2002).

Помимо текстуальных примечаний, содержащихся в подстрочных сносках, в конце документов (№№ 1–25) помещены примечания, в которых обоснована датировка недатированных документов, поясняются обстоятельства появления документов, в ряде случаев приводятся дополнительные сведения о персоналиях. Основные биографические сведения о персоналиях, имена которых встречаются в публикуемых документах и работах Н. Н. Ланге, вынесены в именной указатель.

Речь Н. Н. Ланге «Принципы современной философии» представляет собой рукопись, поэтому публикация текста этого сочинения подготовлена согласно оговоренным выше правилам. Однако публикация таких работ, как «Французская этика» (гранки) и «Утилитаризм» (машинопись) имеет свои особенности. В оба текста внесена авторская правка Н. Н. Ланге, которая воспроизводится в публикации выделением жирным курсивом. В случае, если автором вычеркнуто то или иное слово, оно не воспроизводится. Подстрочные примечания автора сохраняются.

Выражаем искреннюю признательность администрации и сотрудникам Государственного архива Одесской области, прежде всего — Л. Г. Белоусовой, а также С. Г. Решетову за научное консультирование и содействие, оказанное в работе с материалами архива Н. Н. Ланге.

Материалы к биографии Н. Н. Ланге — ученого, педагога и общественного деятеля

№ 1. Автобиографические заметки Н. Н. Ланге [1893–1894 гг., 1913–1914 гг.]¹.

Николай Николаевич Ланге род[ился] в 1858 году в Петербурге. Окончил курс с золотой медалью во Второй СПбербургской гимназии, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, и в бытность студентом получил золотую медаль за сочинение о философии Лейбница. По окончании университета оставлен для приготовления к профессорскому званию, а затем, по выдержании магистерского экзамена, командирован на два года за границу. За границей работал в Психо-физическом институте Вундта и физиологической лаборатории Лудвига¹, а также слушал лекции в университетах Парижском и Берлинском. По возвращении защитил в Петербурге магистерскую диссертацию под заглавием «История нравственных идей XIX века. Часть первая», и затем назначен приват-доцентом по кафедре философии в Новороссийский университет, где преподает и ныне.

Им напечатаны, кроме вышеуказанной магистерской диссертации, следующие сочинения²:

- 1/ Beiträge zur Theorie der Aufmerksamkeit (в Philosophische Studien Вундта).
- 2/ О действии гашиша (в «Вопросах философии»).
- 3/ Механизм внимания (в «Русской школе»).
- 4/ Перевод Первой Аналитики Аристотеля (в Журнале Мин[истерства] Нар[одного] Просв[ещения]).
- 5/ Душа ребенка в первые годы жизни. СПб., 1892.
- 6/ Критические статьи о работах проф. Чижова (в «Юридическом вестнике»).
- 7/ Переписка Абеяра и Элоизы (в «Южном Сборнике в пользу голодающих»).
- 8/ A law of Perception (в Отчетах Лондонского международного конгресса экспериментальной психологии).
- 9/ Элементы воли (в «Вопросах философии»).
- 10/ Закон перцепции (там же).
- 11/ Психологические исследования. Одесса 1893.

Это последнее сочинение представлено в историко-филологический факультет Московского университета для получения степени доктора философии.

¹ Слова Психо-физическом институте Вундта и физиологической лаборатории Лудвига подчеркнуты красным карандашом.

Николай Николаевич Ланге род[ился] в Петербурге 12 мартаⁱⁱ в 1858 г., сын проф. СПб. Военно-юридической Академии Н. А. Ланге и внук известного духовного писателя протоиерея Г. С. Дебольского. Окончил с золотой медалью курс второй (ныне Александровской) Петерб[ургской] гимназии в 1878 г. Высшее образование получил на ист[орико]-филол[огическом] факультете СПб. Университета, причем за сочинение «Философия Лейбница в ее отношении к философии Локка» удостоен факультетом золотой медали. После окончания университета в 1882 г. оставлен при университете, по предложению проф. М. И. Владиславлева, для приготовления к профессуре и сдал в 1884ⁱⁱⁱ г. магистерский экзамен. С конца^{iv} 1884^v по конец^{vi} 1886 г. находился в заграничной ученой командировке, работал главным образом в психологической лаборатории В. Вундта в Лейпциге^{vii} и слушал там же^{viii} курс Вундта, Гейнце, Шуберт-Сольднера, лингвиста Габеленца^{ix}, физиолога Лудвига и психиатра Фленинга, а затем в Париже^x лекции Рибо и Ренана, а в Берлине — Целлера и санскритол[ог]а Ольденбурга. По возвращении защитил в 1888 г. СПб. Университете магистерскую диссертацию «История нравственных идей XIX в., ч. I — немецкие учения» (французские учения,^{xi} среди которых излагались между прочим воззрения С.-Симона, Фурье, Прудона^{xii}, по требованию проф. Владиславлева, были вырезаны из уже отпечатанной книги) и был назначен 3 ноября 1888 в конце того же года приват-доцентом Новороссийского университета с жалованьем в 1200 р. В марте 1894^{xiii} г. защитил докторскую диссертацию в Московском университете «Психологические исследования: теория волевого внимания и закон перцепции»^{xiv} (подробный отчет о диспуте в «Вопр[осах] филос[офии] и психологии» за 1892 г.) и был утвержден 24 июля 1894^{xv} экстраординарн[ым] профессором, в 1896 г. 5 марта 1896^{xvi} произведен в ординарного, 1 ноября 1913 г.^{xvii} — в заслуженного.

Деятельность Н. Н. Ланге состояла: 1/ в ученых работах и изданиях (список которых следует ниже), 2/ в организации некоторых учебно-вспомогательных,

ⁱⁱ Дата 12 марта вписана над строкой.

ⁱⁱⁱ В тексте 1885 исправлено на 1884.

^{iv} Слово конца вписано над строкой.

^v В тексте 1886 исправлено на 1884.

^{vi} Слово конец вписано над строкой.

^{vii} Далее слова а также слушал курсы в Париже (Рибо) зачеркнуты.

^{viii} Слова там же вписаны над строкой.

^{ix} Далее два слова зачеркнуты.

^x Слово Берлине зачеркнуто, слово Париже вписано над строкой.

^{xi} Далее слово зачеркнуто.

^{xii} Слово и зачеркнуто.

^{xiii} 1892 исправлено в тексте на 1894.

^{xiv} Далее слово зачеркнуто.

^{xv} Слова утвержден 24 июня вписаны над строкой над зачеркнутым словом назначен.

^{xvi} Дата 5 марта 1896 вписано над строкой.

^{xvii} Дата 1 ноября 1813 г вписана над строкой, слова в 1914 зачеркнуты.

учебных и ученых учреждений, 3/ в чтении разных курсов и ведении практич[еских] занятий в университете, 4/ в чтении ряда публичных курсов и лекций по философии^{xviii}.

^{xix}1/ Еще в 1894 г.^{xx} проф. Н. Н. Ланге возбудил дело об учреждении при^{xxi} университете кабинета эксп[ериментальной] психологии, как необходимого^{xxii} учебно-вспомогат[ельного] учреждения при современном состоянии психологической науки. Проект этот одобренный ист[орико]-филол[огическим] факультетом и советом Новор[оссийского] унив[ерситета] сначала^{xxiii} не мог быть осуществлен за недостатком средств и, главное^{xxiv}, [...]^{xxv} помещения. Это препятствие устранилось при организации^{xxvi} зданий медицинских лабораторий. Для Кабинета эксп[ериментальной] психологии было [отведено] наконец небольшое помещение (в три комнаты). Кабинет был открыт в^{xxvii} г. и с того времени служит для работ студентов и вообще лиц интересующихся эксп[ериментальной] психологией (о его составе см. ^{xxviii}). В 19 г.^{xxix} проф. Н. Н. Ланге, совместно с проф. А. П. Казанским было организовано на ист[орико] филол[огическом] факультете особое философское отделение для студентов избирающих философию как предмет специальных занятий. Отделение это входит в состав общего исторического отдела, что дает возможность студентам его оканчивающим получать место преподавателя истории. Устройство этого отделения весьма расширило преподавание философских наук^{xxx} с практическими по ним занятиям. Следствием^{xxxi} такой специализации и расширения преподавания философии явилось оставление при университете нескольких^{xxxii} лиц, окончивших это отделение, для приготовления их к профессуре по кафедре философии. Таковыми явились ближайшие ученики проф. Н. Н. Ланге: И. М. Малинин (ныне приват доцент Новор[оссийского] унив[ерситета]), А. Селитренников^{xxxiii} (оставивший университет, не приступив к магист[ерскому] экзамену), М. Ив. Гордиевский

^{xviii} В конце документа добавлена запись: «Ив. Мих. Малинин оконч. унив. 1908 оставл. при унив. на 2 года Прив. доц. с 14 июля 1912 г.».

^{xix} Две строки текста зачеркнуты.

^{xx} Далее слово зачеркнуто. 1894 г. подчеркнуто красным карандашом.

^{xxi} Далее слово зачеркнуто.

^{xxii} Далее слово зачеркнуто.

^{xxiii} Слово сначала вписано над строкой.

^{xxiv} Слова средств, и главное вписаны над строкой.

^{xxv} В этом месте документ надорван, слово неразборчиво.

^{xxvi} Слово, вписанное над строкой, неразборчиво.

^{xxvii} В документе оставлено место для даты, подчеркнуто красным карандашом.

^{xxviii} В документе оставлено пустое место.

^{xxix} 19 г. подчеркнуто красным карандашом.

^{xxx} Далее слово зачеркнуто.

^{xxxi} Далее слово зачеркнуто.

^{xxxii} Далее слово зачеркнуто.

^{xxxiii} Фамилия Селитренников несколько раз зачеркнута.

(ныне заканчивает магист[ерский] экзамен) и^{xxxiv} Ганц^{xxxv} (приготавливающийся к этому экзамену).

В^{xxxvi} г. проф. Н. Н. Ланге внес в Совет университета предложение^{xxxvii} о новом положении магист[ерского] экзамена по философии, имеющее целью сделать доступным этот экзамен не только для окончивших ист[орико]-филол[огический] факультет, но также и для окончивших^{xxxviii} факультет физико-математ[ический]. В основу этого проекта была помещена мысль, что философия^{xxxix} столь же тесно связана с науками гуманитарными, как и физико-математическими^{xl}, как то показывают^{xli} знаменитые примеры великих мыслителей (Декарт, Лейбниц, Кант и мн. др.^{xlii}). Кафедра философии в универс[итете] должна поэтому^{xliii} факультетским предметом, а обще университетским. Проект этот был продолжительно обсуждаем в Совете универ[ситета], кот[орый] в конце концов его одобрил и^{xliv} возбудил соотв[етствующее] ходатайство, но оно осталось без ответа.

В 1902 г.^{xlv} проф. Н. Н. Ланге возбудил ходатайство^{xlvi} об учреждении в Одессе высшей женской школы — Педагог[ических] курсов. Это ходатайство было поддержано попечителем Од[есского] Уч[ебного] Окр[уга] Хр. П. Сольским и Курсы были торжественно открыты в 1903 г., при сочувственной и дружеской^{xlvii} поддержке проф. Новор[оссийского] университета, а ^{xlviii} первым директором их был назначен Н. Н. Ланге. В^{xlix} г. Пед[агогические] курсы были преобразованы в Од[есские] В[ысшие] Ж[енские] Курсы, в составе составе двух факультетов — ист[орико]-филол[огического] и физико-мат[ематического], к которым впоследствии присоединен был и факультет юридический. Директором В[ысших] Ж[енских] К[урсов] был избран проф. Н. Н. Ланге, остававшийся в этой должности до¹ ... и содействовавший организации этого учебн[ого] высш[его] женск[ого] зав[едения] и его

^{xxxiv} Далее в документе оставлено пустое место.

^{xxxv} Перед фамилией оставлено пустое место.

^{xxxvi} В документе оставлено пустое место для даты.

^{xxxvii} Далее слово зачеркнуто.

^{xxxviii} Слова для окончивших вписаны над строкой.

^{xxxix} Далее два слова зачеркнуты.

^{xl} Далее слово зачеркнуто.

^{xli} Далее слово зачеркнуто.

^{xlii} Слова мн[огие] др[угие] вписаны над строкой.

^{xliiii} Далее два слова написаны неразборчиво.

^{xliv} Далее два слова зачеркнуты.

^{xlv} 1902 г. подчеркнуто красным карандашом.

^{xlvi} Далее слово перед зачеркнуто.

^{xlvii} Слово дружеской вписано над строкой.

^{xlviii} В документе сноски: а также и начальницы Од[есской] Ж[енской] гимназии Е. С. Пашковской.

^{xlix} В документе оставлено место для даты, подчеркнуто красным карандашом.

¹ Слова этой должности до... вписаны над строкой.

сохранению в трудные 1906-7 гг. В 1913 г. Од[есские] В[ысшие] Ж[енские] К[урсы] отпраздновали первое десятилетие своего существования.

Вⁱⁱ г. по предложению проф. Н. Н. Ланге было учрежд[ено] педагогическое отделение вⁱⁱⁱ истор[ико]-филол[огическом] обществе существующем при Нов[ороссийском] Унив[ерситете], имеющее целью обсуждение вопросовⁱⁱⁱⁱ в преподавании гуманитарных наук и вообще^{lv} вопросов средней школы. Представителем этого отдела был избран проф. Н. Н. Ланге, руководил этим отделом в течение от (до...) Вместе с тем он состоял председа[те]лем Iого Ист[орико-]фил[ологического] общ[ества]. В^{lv}г. для материальной поддержки ист[орико]-фил[ологического]^{lvi} Общества им были прочитаны два курса публ[ичных] лекций (по 10 лекций каждый) по истории новой философ[ии]. Наконец в 1914 г. проф. Н. Н. Ланге был внесен в совет Унив[ерситета] проэкт устройства ученого филос[офского] общ[ества] при унив[ерситете]. Проэкт был подписан 25 профессорами разных специальностей и единогласно принят Советом^{lvii} и ныне находится на утверждении М[инистерства] Н[ародного] Просв[ещения].

2/ В университете Н. Н. Л. читал курсы частью общие, частью специальные. Общие курсы были главн[ым] образом по психологии и истории новой философии, а также иногда — по логике. Специальные же курсы выбирались весьма различного рода — о философии XIX в., о Канте, о соц[иальной] психологии (психологии языка и мифа), об логике Аристотеля и др. С^{lviii}г. Н. Н. Л[анге] читал курсы по педагогике, а именно по дидактике и по истории педагогики. Кроме того вел^{lix} ежегодно разнообразн[ые] практич[еские] занятия, частью для всех студентов (по психологии и по педагогике) частью специальные — для студентов философской группы по разным вопросам^{lx} психологии, теории познания, этике, менявшиеся из года в год. Все эти практ[ические] занятия состояли или в решении студентами^{lxi} определенных, главным образом, количеств[енных] задач по эксп[ериментальной] психологии (в кабинете эксп[ериментальной] психологии), для чего был выработан особый цикл постепенно усложняющихся психол[огических] вопросов,^{lxii} или

ii *В документе оставлено пустое место для даты. Четыре последующие строки подчеркнуты красным карандашом.*

iii *Слово в вписано над строкой вместо зачеркнутого слова при.*

iiii *Слово вопроса вписано над строкой вместо зачеркнутых слов педаг. вопросов.*

lv *Далее слово зачеркнуто.*

lv *В документе оставлено пустое место для даты.*

lvi *Ист.-фил. вписано над строкой.*

lvii *Слово дописано карандашом.*

lviii *В документе оставлено пустое место для даты.*

lix *Далее слово зачеркнуто.*

lx *Слово вопросам вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.*

lxi *Слово студентами вписано над строкой.*

lxii *Далее слово зачеркнуто.*

в обсуждении студенческих рефератов (главным образом по теории науки, и по педагогике).

3. Н. Н. Л[анге] многократно читал публ[ичные] лекции и целые курсы их. К старым принадлежат общий курс психологии в 10 лекций, читанный в^{lxiii} в общем цикле публ[ичных]^{lxiv} лекций организованных^{lxv} Новоросс[ийским] Обществом Естественного знания, и два курса по истории новой философии (по 10 лекций каждый) организованные в^{lxvi} г. Ист[орико-]филол[огическим] обществом. Из отдельных публ[ичных] лекций Н. Н. читал^{lxvii} в пользу различных учреждений и обществ вспоможения учащимся Н. Н. Л[анге]^{lxviii} о сне и сновидениях, о Гельмгольце как психологе, о раздвоении личности, и привычке и прогрессе, об совр[еменной] нем[ецкой] педагогике, о Песталоцци, об играх животных и детей и мн.др.

4. Ученая и литер[атурная] деятельность Н. Н. Л[анге] выразилась главным образом^{lxix} в следующих печатных трудах:

История^{lxx} нравств[енных] идей XIX в., ч. Немецкие учен[ия] СПб. 1888 (магист[ерская] диссерт[ация]).^{lxxi}

Душа реб[енка] в перв[ые] годы жизни. «Р[усская] Школа», 1891 г.

Закон перцепции. Вопр[осы] фил[ософии] и псих[ологии], кн. 13, 14, 15, 16

Элементы воли. Вопр[осы] фил[ософии] и псих[ологии], кн. 4.

Механизм понимания. Р[усская] школа 1891 г.

О действии гашиша, Вопр[осы] фил[ософии] и псих[ологии], кн. 1.

В чем должна состоять реформа нашей ср[едней] школы, Летопись ист[орико-]фил[ологического] общ[ества] при^{lxxii} Нов[ороссийском] унив[ерситете], XV

Отзыв о соч[инении] А. П. Казанского «Учение Аристотеля о значении опыта при познании» Записки Нов[ороссийского] университета, 1892 г.

Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit und der activen Apperception. Philos[ophische] Studien herausg. von Wundt, 1888

О совр[еменном] состоянии педаг[огической] психологии и задачах будущего (Речь^{lxxiii} Труды 2 съезда эксп[ериментальной] педаг[огики]) СПб.

К вопросу о преподавании педагогике в женск[их] гимназиях. Циркуляр по Од[есскому] уч[ебному] округу за 1895 г.

^{lxiii} В документе оставлено пустое место, подчеркнуто красным карандашом; далее слово зачеркнуто.

^{lxiv} Слово публ. вписано над строкой.

^{lxv} Далее слово зачеркнуто.

^{lxvi} В документе оставлено пустое место для даты, подчеркнуто красным карандашом.

^{lxvii} Слова Н.Н. читал вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова читанных.

^{lxviii} Далее слово зачеркнуто.

^{lxix} Слова главным образом вписаны над строкой.

^{lxx} На полях помета 1 карандашом.

^{lxxi} Слова (магист. диссерт.) вписаны под строкой.

^{lxxii} Слова ист. фил. общ. при вписаны над строкой.

^{lxxiii} Далее зачеркнуто: в.

Философия феноменального формализма. Ж[урнал] М[инистерства] Н[ародного] Пр[освещения] за 1900 г.

Первая^{lxxiv} аналит[ика] Аристотеля, пер. с греч. с примечаниями. СПб. 1894

Ерузалем. Учебник психологии. Пер.^{lxxv} ред. и предисл. Н. Н. Ланге. М. 1911.

Психологич[еские]^{lxxvi} исследования. Одесса 1893 (докторская диссерт[ация]).

Психофизика (в Энциклопедическом слов[аре] Брокгауза-Эфрона.

Мах. Позн[ание] и забл[уждение] пер. под ред. Н. Н. Ланге. 1909.

Великие мыслители XIX в. Дослед. статья в Од[ессих] Нов[остях] за

Переписка Абеяра и Элоизы (Южный сборник изд[анный] в пользу голодающих

A law of Perception (в изд[ании] International Congress of Experimental Psychology, London 1892)

Вундт. Введение в психол[огию] пер. под ред. и предисл. Н. Н. Ланге. Од[есса] 1912.

Итоги^{lxxvii} психологии (в изд[ании] Итоги науки, под ред. М. М. Ковалевского, Н. Н. Ланге, Н. Морозова и В. М. Шимкевича вып. 24, 25.

Учебник^{lxxviii} логики. СПб. (удостоен М[инистерством] Н[ародного] Пр[освещения] малой премии Петра I)

Литографированный курс логики, психолог[ии] и ист[ории] нов[ой] филос[офии] изд[анный] слушательницами О[десских] В[ысших] Ж[енских] курсов, и курс дидактики изд[анный] студ[ентами] Нов[ороссийского] унив[ерситета].

Ряд статей в Энциклопедическом словаре Граната (Гюйо, Идеализм, Кант, Вера, Гераклит, Гегель, Диалектика, Бруно, Внимание, Гоббс, Воля, Лейбниц, Кант, Психология и мн. др., Позитивизм).

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 38, ед. хр. 369, лл. 29-35. Подлинник. Черновик.

Примечания

¹ Документы датированы в соответствии с выходными данными опубликованных работ Н. Н. Ланге.

² Полное библиографическое описание всех научных работ Н. Н. Ланге, упомянутых в публикуемых документах, см. Раздел 3.

^{lxxiv} На полях помета 3 карандашом.

^{lxxv} Далее слово зачеркнуто.

^{lxxvi} На полях помета 2 карандашом.

^{lxxvii} На полях помета 4 карандашом.

^{lxxviii} На полях помета 5 карандашом.

№ 2. Речь Н. Н. Ланге «О воспитании Александра I го» [12 декабря 1877 г.].

Речь о воспитании Александра I го¹ [12 декабря 1877 г.]ⁱ

Мм. гг.

В настоящий высокаторжественный миг, когда мы со всею Россиею вместе празднуем 100-летний юбилей рождения освободителя от вражеского нашествия, не [при]ⁱⁱличнее ли всего обратиться [к]ⁱⁱⁱ личности великого государя; и в этих стенах, где в продолжение многих десятилетий воспитывалось и обучалось русское юношество, не приличнее ли всего нам беседовать о периоде детства и юношества этого человека.

Подобно тому как ботаник, изучая растение, обращает свое особенное внимание на климат и почву, имеющие для растения первенствующее значение; подобно тому как историк, исследуя судьбы народа, изучает окружающие его условия, так и мы, стремясь уяснить себе характер воспитания Александра Благословенного, обратим прежде свое внимание на характер эпохи, в которую он родился и воспитывался. Разобрав общие стремления XVIII в., мы постараемся вынести отсюда характер [пе]^{iv}дагогических идей того вр[емени,]^v а следовательно и тех, которыми руководствовалась Екатерина в воспитании своих внуков Александра и Константина.

XVIII век — есть века отрицания, отрицания всего прежнего. Религия или вернее теология, мемуаристика, схоластическая наука, искусство и поэзия XVIII в., характер жизни того времени, все это нашло в XVIII столетии ревностных и ярких противников. XVIII в., как век реакции вообще, как век отрицания произвел Вольтера; как век реакции против схоластической науки — он произвел Дидро, д'Аламбера и Кондорсэ; как век реакции против условий тогдашней жизни, стеснявшей естественную природу человека — Ж. Ж. Руссо; как век реакции против метафизиков — Гольбах и его кружок; наконец, как век реакции против существовавшего государственного устройства — деятелей великой французской революции.

Впрочем, эта последняя реакция обнаружилась только в самом конце этого века, да и то в одной только Франции, где государи не поняли и не хотели понять стремлений нового времени. В других же странах правители и их министры уразумели век в совершенстве и, не стремясь напрасно остановить хода исторического развития, они подчинились ему и сами стали во главе нового движения; так произошла эпоха просвещенного абсолютизма². Представителями ее были в Пруссии — Фридрих II, в Швеции — Густав III, в Австрии — Иосиф II, а у нас Екатерина II.

ⁱ Предполагаемая дата проставлена карандашом.

ⁱⁱ В этом месте слово оборвано.

ⁱⁱⁱ В этом месте слово оборвано.

^{iv} В этом месте слово оборвано.

^v В этом месте слово оборвано.

Итак, XVIII в. был веком отрицания, это отрицание обнаружилось во всем, а всего ближе в педагогических идеях того времени, ибо тогда в первый раз сознали всю их важность и значение. Представителями этой реформы в педагогике являются Локк³ и Монтэнь⁴, Базедов⁵ и Руссо⁶, но для нас^{vi} имеют значение только два первые, как оказавшие влияние на Екатерину. И в настоящем случае является вопросом громадной важности уяснить себе вполне эту реформу, которую произвели эти писатели, ибо Императрица прилежно изучала их сочинения и сообразно их идеям воспитывала своего внука Александра.

«Со времени возрождения наук и искусств все внимание образованного мира было обращено на приобретение и усвоение новых сокровищ знания, на исследование древне-классических языков. Новость предмета, богатство заключающихся в нем сведений, в противоположность скудному и одностороннему запасу средневекового образования, свобода мысли, которая так долго была закована в узкие формы схоластики — все это с необыкновенною силою действовало на умы образованного европейского населения, возбуждало любознательность и увлекало в мир древний, давно забытый, но богатый произведениями науки и искусства»⁷.

Но здесь, как и всегда бывает при появлении новых идей впали в крайность, преувеличили важность предмета, приняли за несомненное положение, что классические языки составляют единственный и исключительный источник всех знаний; но и на этом не остановились: вскоре внешность стали принимать за содержание, изучали не мысли древних писателей, а только ту форму, в которую они воплотились, да и ту-то форму изучали чисто схоластически. В разговоре Эразма «Ciceronianus, sive de optimo dicendi genere» (Цицеронианец или об лучшем способе предложения)⁸ Низопон говорил, что он 7 лет изучает одного Цицерона и выучивает его наизусть, потом 7 лет употребляет на подражание Цицерону, для чего все слова произведений последнего собирает в алфавитном порядке в один лексикон, в другой, также в алфавитном порядке, все фразы Цицерона, в третий — все стопы (peges), которыми он начинает и оканчивает периоды; далее, он располагает слова по значению в котором они встречаются у другого писателя и т. д.

Заучивание наизусть целой массы ненужных вещей получило, таким образом, первое место в педагогике, вследствие этого, обучение стало господствовать над собственно воспитанием, оно даже почти вытеснило его из области педагогики или, по крайней мере, отвело ему самое ничтожное место. Далее, так как подобное обучение совершенно противно живой и подвижной природе детей, то по необходимости явились меры строгости, наказание сделалось главным и единственным стимулом; вследствие этого, из обращения с детьми совершенно исчезли кротость и доверие, наставники сделались надсмотрщиками.

^{vi} *Далее слово важны зачеркнуто.*

Вот против подобной системы воспитания и восстал Монтэнь всею силою своего красноречия и остроумия, а за ним Локк. Основным принципом педагогики они поставили правильное нравственное воспитание, обучение есть нечто второстепенное, детям прежде всего должна быть предоставлена свобода действий; телесные наказания не допускаются вообще, сила убеждения должна заменить палку, доверие между детьми и воспитателем должно стать краеугольным камнем всего здания. Таковы основные убеждения Монтэня и Локка; они внесли в педагогический лексикон слова: кротость, любовь, уважение, взаимное доверие, убеждение словом и нравственное усовершенствование, вычеркнув оттуда слова: палка и насилие, взаимное недоверие и неуважение, схоластическое зубрение и формалистика.

Просветительные идеи XVIII ст., как мы уже сказали, были не только приняты государями большей части Европы, но и поддержаны ими. Педагогические идеи имели такую же^{vii} судьбу, как и другие, они вскоре стали господствующими в Западной Европе, а затем проникли и к нам. Екатерина II с особенным жаром принялась проводить мысли о воспитании Локка и Монтэня, бывших ее любимыми писателями по педагогике. Само собою разумеется, что наша государыня не замедлила применить свои убеждения на деле: два ее внука Александр и Константин получили воспитание совершенно в духе Локка.

Имея предметом воспитание Александра I, мы рассмотрим сначала те идеи, которые Екатерина выставила в своей «Инструкции»⁹ Салтыкову¹⁰ как руководящие принципы для воспитания будущего наследника престола, а за тем характер тех людей, которым было поручено применить эти идеи на деле.

Инструкция, данная государынею Салтыкову от 13 марта 1784 г., при назначении его воспитателем в[еликих] князей Александра и Константина, имеет целью изложить принципы воспитания.

^{viii}Ясно, что основные положения должны быть те же, что выставлены Локком и Монтэнем: свобода детей, кротость и ласковость в обращении с ними, доверие между воспитателем и воспитываемыми, отсутствие телесных наказаний и обучение, понимаемое только как средство, а не цель. Кроме этих основных принципов по всей «Инструкции» рассыпано много замечательно правильных указаний. Что бы определить общий их характер, выделим несколько из них наугад. Вот, например, что говорится о поведении воспитателей. Наставники должны не одними словами способствовать нравственному развитию воспитанников, но и собственными^{ix}

^{vii} Далее слово участь зачеркнуто.

^{viii} Слово Само зачеркнуто.

^{ix} Далее слово примером зачеркнуто.

поступками подавать пример. Императрица пишет: «если приставники будут сами наполнены любовью к ближнему, общим благоволением к роду человеческого, доброжелательством ко всем людям, будут ласково, снисходительно и учтиво обходиться между собою и со всяким, воздержатся от горячности сердца, опасения, подозрительности и боязливости, тогда дети, видя добрые примеры, будут несомненно таковыми, как желается». Вот другое место на удачу; дело идет о наказании за ложь. «Буде кто, говорит «Инструкция», из воспитанников или при них кто скажет, то представить ему, что лгать есть дело стыдное и бесчестное, влекущее за собою презрение и недоверие всех людей, дети вообще неосторожны, забывчивы, непостоянны и резвы и от того, когда провинятся от сих причин, а не от упрямства, то унимают их тишиною и мало помалу приводят в исправление». Возьмем еще одно место на удачу. Вот, что говорится об играх: «не запрещать им (т. е. детям) играть, сколько хотят... малых неисправностей в игре не унимать. Неосторожность и резвость суть свойства ребяческих лет, в которые нужно к детям иметь снисхождение и терпение».

Рассмотрев эти^x положения, которые Екат[ерина] поставила как руководящие принципы воспитания ее любимца, должно постараться вывести их общий характер и направление. Какую общую черту имеют положения о доверии к детям, о мягком и кротком с ними обращении, об отсутствии телесных наказаний, об облегчении учения, о возможной свободе детей и т. п. Очевидно только одну — человечность. Вот тот краеугольный камень, который послужил основанием теорий Локка и Монтэня и инструкции Екатерины. Цель воспитания есть сделать ребенка человечным и для^{xi} и обращаться с ним^{xii} должно человечно.

Подобный вывод вполне согласуется с общим характером XVIII ст., ибо этот век впервые провозгласил права человека, как человека, как существа свободно разумного.

Екатерина слишком глубоко прониклась просветительными идеями своего времени, что бы не применить этой основной черты века в воспитании своего внука: Александр был воспитан прежде всего как человек.

Рассмотрев те идеи, которыми руководствовались наставники Александра, и их общий характер^{xiii}, бросим теперь беглый взгляд на самые личности его воспитателей.

Воспитание Александра было поручено Николаю Ивановичу Салтыкову. Это был человек честный, добрый, неглупый, исполнявший в точности Инструкцию,

^x Далее слово принципы зачеркнуто.

^{xi} Так в тексте.

^{xii} Далее слово надо зачеркнуто.

^{xiii} Далее слово посмотрим зачеркнуто.

но никогда не имевший сильного влияния на воспитанника: Александр любил его, уважал, но никогда не подчинялся.

Гораздо больше значения и интереса имеет теперь для нас другая личность, стоявшая столь уже близко к Александру — швейцарец, Фридрих Цезарь Лагарп.

Если идеи, положенные Екат[ериной] II в основании Инструкции о воспитании своих внуков, были замечательно правильны, а главное гуманны, то человек, выбранный ею в наставники ее любимца вполне соответствовал своему важному положению и возвышенности этих идей.

Лагарп — был человек, каких мы редко встречаем. Каких бы он не держался мнений, пусть вся жизнь его была одним увлечением, это не должно мешать нам воздать по заслугам. Пример, как судить о нем, дала нам сама императрица. Однажды, когда Екатерине донесли о каких то будто бы опасных замыслах Лагарпа, она, пригласив его к себе, спросила, действительно ли он такой якобинец, каким его считают? «Ваше Величество, сказал он, поручая мне воспитание в[великих] князей, вы знали, что я швейцарец, и следовательно, гражданин республики. Я остался им по-прежнему. Мои земляки, воатские граждане, угнетены бернцами¹¹; я советовал им домогаться восстановления своих прав. Неужели меня могут за это осуждать? Впрочем, я уважаю ваше правительство и, добросовестно исполняя принятые мною на себя обязательства, всевозможно стараюсь внушить в[еликим] князьям чувства, приличные их роду и положению». Императрица, пораженная благородною открытостью Лагарпа, отвечала ему: «будьте республиканцем, якобинцем, кем хотите; я считаю вас честным человеком и этого мне довольно».

И действительно Лагарп был прежде всего честным и благородным человеком. Вся жизнь его была принесена в жертву убеждениям, что он считал должным, то и делал, несмотря на то, что это не редко угрожало его собственному счастью. Он считал несправедливым то состояние, в котором находилась тогда Швейцария и, желая добиться справедливости, принес в жертву этому делу свою всю жизнь.

Такой человек не мог не оказать сильного влияния на впечатлительного Александра и, действительно, Лагарпу наш государь обязан тем, что он сделался таким благородно-либеральным человеком, каким явил себя на престоле.

Вот, таковы были идеи, поставленные в основание воспитания Александра, таков был человек, призванный применить их на деле. Идеи были глубоко гуманны, воспитатель был высоко либерален, в лучшем значении этого слова.

Но этого мало^{xiv}; надо еще, что бы воспитанник был восприимчив к хорошим влияниям. Об этом Лагарп, которого мы не имеем права заподозрить в пристрастии или лжи, пишет в свой отчет: «Александр способен, когда этого захочет, он обладает не только умом, легкостью соображения и памятью, но может сверх того

^{xiv} Далее слово еще зачеркнуто.

следить за развитием мысли; делаемые им замечания и вопросы, которые он при этом задает, доказывают^{xv} почти всегда, что он сознательно следит за мыслью. Одним словом, с ним можно рассуждать и дойти этим путем до удовлетворительных и успешных результатов; говоря без лести, я часто проводил с ним приятные часы». — Вообще из всего отчета Лагарпа следует, что его старший воспитанник был юноша восприимчивый, часто даже до крайности, с блестящими способностями и добрым сердцем. Как недостатки, Лагарп выставляет вялость и недостаток самостоятельности, что у него осталось на всю жизнь.

Итак почти все благоприятствовало Александру: и собственные дарования, и высоко-нравственная личность воспитателя и правильные педагогические идеи, положенные в основание Инструкции Екатериною. По истине, можно сказать, вместе с поэтом, что все боги и гении сошли к колыбели новорожденного и принесли ему различные дары. Должно было ожидать чего-нибудь особенного в будущем и результат не обманул надежд: Александр вышел именно гуманно-либеральным, в лучшем значении этих слов.

ММ. ГГ. Александр I избавил Россию от вражеского нашествия, Александр II в настоящую минуту избавляет славян от турецкого ига¹². Пожелаем же от всей души успеха^{xvi} нашей доблестной армии, уже наполовину^{xvii} окончившей дело.

Н. Ланге^{xviii}

А. Введ[ение].

1. ^{xix}характер XVIII ст.
2. Характер воспит[ательных] идей XVIII ст.
3. Влияние их на Екатер[ину] II.
4. Воспит[ание] Алекс[андра] II.^{xx}
Лагарп, А. [Н.] Салтыков.
5. Заключ[ение].

Составлено на основании сочинений:

Екатерина II. Инструкция Салтыкову¹³

Екатер[ина] II. Наказ¹⁴.

Бецкий. Доклад о воспитании юношества¹⁵.

Шлоссер. История XVIII столетия¹⁶.

Галахов. Историческая хрестоматия. т. I¹⁷.

^{xv} Далее слово что зачеркнуто.

^{xvi} Слово успеха вписано над строкой.

^{xvii} Далее слово сделавшей зачеркнуто.

^{xviii} Далее идет план речи и список литературы к ней, составленные Н. Н. Ланге.

^{xix} Слово Политич[еский] зачеркнуто.

^{xx} В документе ошибка, вероятно следует: Александра I.

Галахов. Ист[ория] русск[ой] слов[есности] т. I¹⁸.

Богданович. Истор[ия] царствов[ования] Алекс[андра] I. т. I¹⁹.

Лавровский. О педагогич[еском] знач[ении] сочин[ений] Екат[рины] II²⁰.

Дрепэр. Ист[ория] умств[енного] развит[ия] Европы²¹.

Бокль. Ист[ория] цивилизации в Англии²².

Mémoires de Frédéric Cézair Laharpe. 1862²³.

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 11, ед. хр. 95, лл. 69–80 об. Подлинник. Автограф.

Примечания

¹ Предположительно речь произнесена Н. Н. Ланге в Санкт-Петербургском университете на праздновании столетия со дня рождения Александра I.

² Просвещенный абсолютизм — политика ряда европейских абсолютистских государств во второй половине XVIII в., принявшая форму следования идеям Просвещения и выражавшаяся в проведении реформ, которые уничтожили наиболее устаревшие феодальные институты.

³ В своих педагогических взглядах Джон Локк исходил из решающего влияния среды на воспитание. Его основные педагогические воззрения изложены в трактатах «Мысли о воспитании» (1693) и «Об управлении разумом» (1706).

⁴ Воспитание, по мнению Монтеня, должно быть направлено на развитие всех сторон личности ребенка: теоретическое образование должно дополняться физическими упражнениями, выработкой эстетического вкуса, воспитанием высоких нравственных качеств. Многие мысли Монтеня о воспитании, высказанные им в «Опытах» (1580), были восприняты педагогами XVII—XVIII вв.

⁵ Под влиянием «Эмиля» Руссо Иоганн-Бернард Базедов выступил противником словесного грамматического преподавания и сторонником наглядного обучения наряду с древними языками и новым языкам, введения в программу физических упражнений и игр.

⁶ Педагогические взгляды Жан-Жака Руссо изложены в романе-трактате «Эмиль, или О воспитании» (1762), в котором он подверг критике существующую систему воспитания, упрекая ее за недостаток внимания к внутреннему миру человека, пренебрежение к его естественным потребностям. Задачей воспитания Руссо провозгласил защиту нравственных чувств от разлагающего влияния общества.

⁷ Лавров[ровский Н. А.] [О педагогич[еском] [значении] сочин[ений] Екат[ерины] II (прим. автора).

⁸ «Цицеронианец» (1528) — трактат Эразма Роттердамского, нацеленный против тех, кто в своем преклонении перед античностью, и в частности перед нормами классической, Цицероновской латыни, терял всякое чувство меры.

⁹ Мысли о воспитании Екатерина II вкратце изложила в одной из глав «Наказа, данного Комиссии о сочинении нового уложения» (1770), а впоследствии подробно развила в аллегорических сказках «О царевиче Хлоре» (1781), «О царевиче Февее» (1782) и, главным образом, в «Инструкции князю Н. Салтыкову», данной при назначении его воспитателем великих князей Александра и Константина Павловичей (1784). Екатерина выдвигала на первое место в воспитании нравственный элемент (гуманность, справедливость, уважение к законам, снисходительность к людям), в то же время указывала на необходимость сочетания умственной и физической стороны воспитания.

¹⁰ Николай Салтыков с 1783 г. в течение 10 лет руководил воспитанием великих князей Александра и Константина Павловичей.

¹¹ Фридерик-Сезар де Лагарп был уроженцем швейцарского кантона Во. Его реформы, предложенные бернскому правительству, послужили причиной того, что Лагарпа признали одним из зачинщиков беспорядков в кантоне Во, направленных против Берна.

¹² Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг. между Российской империей и союзными ей балканскими государствами, с одной стороны, и Османской империей, с другой. По Сан-Стефанскому договору (февраль 1878 г.), ознаменовавшему окончание войны, была восстановлена государственность Болгарии, увеличилась территория Сербии, Черногории и Румынии, а турецкие Босния и Герцеговина вошли в состав Австро-Венгрии.

¹³ Инструкция Салтыкову при назначении его к цесаревичу // Русский архив. — 1866 (1864). — Год второй. — С. 482–483.

¹⁴ Наказ е. и. вел. Екатерины второй самодержицы всероссийской, данный Комиссии о сочинении нового уложения. — СПб., 1771 (неоднократно переиздавался).

¹⁵ Бецкой (Бецкий) И. И. Краткое наставление выбранное из лучших авторов с некоторыми примечаниями о воспитании физическом детей от их рождения до отрочества. — СПб., 1766; Его же. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества. — СПб., 1764.

¹⁶ Шлоссер Ф. К. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особенно подробным изложением хода литературы: в 8 т. — 4-е изд. — СПб., 1868. — Т. 1.

¹⁷ Галахов А. Д. Историческая хрестоматия нового периода русской словесности: в 2 т. — СПб., 1861. — Т. 1.

¹⁸ Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой. Сочинение: в 2 т. — СПб., 1875. — Т. 1. — Отд. 2.

¹⁹ Богданович М. И. История царствования Александра I и Россия в его время: в 6 т. — СПб., 1869. — Т. 1.

²⁰ Лавровский Н. А. О педагогическом значении сочинений Екатерины Великой. — Харьков, 1856.

²¹ Дрэпер Д. В. История умственного развития Европы: в 2 т. / перевод с англ. под ред. А. Н. Пыпина. — Изд. 2-е. — СПб., 1869.

²² Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии: в 2 т. / перевод К. Бестужева-Рюмина. — СПб., 1863–1864 (неоднократно переиздавалась).

²³ Laharpe F. C. Mémoires de Frédéric César Laharpe concernant sa conduite comme Directeur de la République helvétique... — Paris; Genève; Bern, 1862.

№ 3. Объяснение Н. Н. Ланге по поводу его магистерской диссертации [1888 г.]ⁱ.

[...] научная система) «лишь субъективная этика, т. е. основанная не на знании конечной цели мира, но на безусловной высоте самого нравственного чувства».

II/ Состав нравственных чувств. Вместе с Кантом и Гербартом я признаю абсолютный характер некоторых субъективных данных нравственного сознания. Этот абсолютный характер состоит однако, по моему мнению, прежде всего не в формальных признаках всеобщности и необходимости нравственного долга, но в его дальнейшем образом необъяснимой, неопишуемой и специфической нравственной возвышенности или святости; всеобщность же и необходимость долга суть лишь следствие этой егоⁱⁱ святости (Ср. Ист[ория] нр[авственных] идей, стр. 19 и сл.). Эта безусловная и внутренняяⁱⁱⁱ санкция, по моему мнению, свойственна двум первоначальным чувствам, именно любви (которую, как положительную, всемирную и всем людям известную должно отличать от эмпирически объяснимого сострадания) и справедливости (в основе которой лежит абсолютное уважение ко всякой человеческой личности, как такой). Любовь развивается в ту систему самопожертвования ради Целого, которую можно назвать этическим монизмом, справедливость же создает систему отношений, которую должно обозначить как систему свободы и^{iv} индивидуализма, т. е. учение о безусловной ценности индивидуального сознания. В высшей степени трудный вопрос о^v гармоническом примирении этих двух систем отношений есть вопрос о создании верховного идеала нравственности.

Рассматривая далее отношение между чувствами любви и справедливости с одной стороны и примыкающей к ним верховной нравственной^{vi} обязательности, я стараюсь показать, что это отношение составляет (для науки и в настоящее время) вторую великую тайну этики. Все попытки вывести материальную сторону нравственных чувств из одной их обязательности ведет к нравственному формализму (как у Канта), а все попытки вывести абсолютное достоинство или обязательность долга из^{vii} материальных отношений ведут, как то имеет место во всех социологических теориях нравственности^{viii}, к ложному отрицанию абсолютности долга^{ix}. Эту мысль я выразил в четвертом «тезисе»: «Нравственные чувства состо-

ⁱ Начало документа отсутствует.

ⁱⁱ Далее слово внутренней зачеркнуто.

ⁱⁱⁱ Слова и внутренняя вписаны над строкой.

^{iv} Слово свободного исправлено на слова свободы и.

^v Далее слово их зачеркнуто.

^{vi} Далее слово зачеркнуто.

^{vii} Далее слово зачеркнуто.

^{viii} Слова теориях нравственности вписаны над строкой вместо зачеркнутого попытках.

^{ix} Далее текст написан другим почерком.

ят из чувств любви и справедливости и непонятным образом присоединяющейся к ним верховной санкции (долг). Попытки метафизического и социологического объяснения безусловной обязательности любви и справедливости не могут быть признаны удовлетворительными».

Такой субъективизм открывает повидимому дверь всякого рода^x нравственному произволу. Но это только так кажется: я не отрицаю роли разума в нравственности, но только ограничиваю ее: прогресс в мышлении несомненно ведет к расширению области приложения нравственных чувств (от семьи к роду, от рода к государству, от государства — ко всему человечеству), хотя и не влияет на изменение самих нравственных чувств, которые, по моему мнению, неизменны во всей человеческой истории и на всем земном шаре (6^й тезис и стр. 146 книги).

III/ Признавая за субъективным нравственным сознанием абсолютный характер мы можем принимать его за Божественное Провидение. Эту мысль я выразил в 5ой из защищенных мною тезисов: «Нравственность мы можем рассматривать как путь, которым Божество ведет человечество к конечным целям мироздания». (Ср. стр. 150). Но бытие Божие не может быть доказано так как это делает Кант в «Критике практического Разума». Это доказательство противоречит принципу субъективной этики (абсолютности и след[овательно] самодостаточности субъективного нравственного чувства) и вводит скрыто эгоистические соображения: Бог не есть придаток (хотя бы и необходимый) для нравственности, но самые понятия нравственного долга и повеления Божества совпадают, как абсолютно совершенные.

Заканчивая изложение моего credo, я сказал на диспуте: «Итак, все объективные основы нравственности, т. е. как ее конечная цель, так и происхождение ее мотивов — есть, по крайней мере до ныне, тайна. Все что мы можем сказать об этом, следующее: так как нравственный долг есть величайшее, что мы знаем, то мы можем рассматривать нравственность, как путь, которым Божество ведет человечество к своим великим, но неизвестным нам целям мироздания. Исполняя, следовательно, законы нравственности, мы исполняем закон и повеление того Бога, которого Афиняне называли «неведомым».

Вот что я называю субъективной этикой: это след[овательно] нравственность чистого идеала: для нас Божество и конечные цели мирового развития не укладываются в узкие границы нашего настоящего знания, но сохраняют всегда бесконечную высоту. Поэтому с точки зрения такой свободной нравственности мы вправе повторить прекрасные слова Платона, который говорит: «Мое благоговение перед именем Бога не таково как перед именами и словами человеческими, но превышает величайшего страха».

^x Слово произволу зачеркнуто.

Несмотря на такое повидимому чистое учение, изложенное отрывками в 1 части моего сочинения и защищенное в публичном заседании Историко-Филологического факультета СПб. Университета, меня обвинили в атеизме, материализме и отрицании бессмертия души, основываясь (вероятно) на моей критике Кантовских постулатов нравственности. Эти обвинения очевидно основаны на недоразумении. Я отрицал только (стр. 52–55, 142–147) правильность Кантовских доказательств и утверждал, что из нравственного долга вообще нельзя делать строго метафизических заключений о Божестве и личном бессмертии души. Положительное же разрешение этих проблем лежит вообще вне моей задачи, ограниченной чисто этическими учениями, и об них в моей книге ничего не говорится. Но для меня нет нужды прятаться за такое внешнее оправдание: мое учение об отношении нравственности к Божеству ясно показывает, что только недоразумение могло смешать его с атеизмом. Что же касается до обвинения меня в материализме, то я даже не нахожу хотя бы мнимых для него оснований: оно исключительно продукт воображения.

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 24, ед. хр. 194, лл. 251–253. Подлинник. Черновик.

Примечания

¹ Записка Н.Н. Ланге предназначена для опровержения обвинений в материализме и атеизме, предъявленных ему в связи с его магистерской диссертацией «История нравственных идей XIX века. Часть первая: Немецкие учения», защищенной в Санкт-Петербурге в 1888 г. Об истории выхода в свет диссертации Н. Н. Ланге см. документы № 1 и 4 данной публикации.

№ 4. Письмо Н. Н. Ланге [1888 г.]¹.

Дорогой дядя²,

В надежде, что ты меня (хотя бы и смутно) помнишь, я позволяю себе послать тебе при сем мой последний печатный труд — магистерскую диссертацию. С этой книгой случилась необыкновенная, а для меня и весьма неприятная история: прежде всего ее на $\frac{1}{4}$ урезали (когда она уже была всяⁱ напечатана) за якобы неблагонадежность³, а затем меня, как ее автора, официально обвинили в атеизме и материализме. Только сильной поддержке СПб. университета обязан яⁱⁱ разоблачению этих ложных обвинений и вообще тому, что вышел сух из воды, т. е. назначен приватⁱⁱⁱ доцентом философии в Одесский университет⁴.

Посылая тебе эту книгу я вместе с тем благодарю тебя (хотя и несколько поздно), за твой любезный подарок, который мы получили в бытность мою в Париже^{iv} (через посредство Ник[олая] Григ[орьевича]⁵). Жена моя, а равно и мама^v просят передать тебе их поклон⁶.

С искренним уважением

Н. Н. Ланге^{vi}

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н.Н. Ланге, карт. 24, ед. хр. 195, л. 254. Подлинник. Черновик.

Примечания

¹ Письмо датировано исходя из содержания (см. также документ № 3).

² К сожалению, адресат Н. Н. Ланге точно не установлен. Возможно, речь идет о Владимире Григорьевиче Дебольском — делопроизводителе Удельной конторы (1884), уполномоченном от Удельного ведомства (1891-1892).

³ Речь идет о запрете цензурой второй части «Истории нравственных идей» Н. Н. Ланге — «Французской этики», текст которой воспроизведен в данной публикации.

⁴ Н. Н. Ланге был назначен приват-доцентом Новороссийского университета в ноябре 1888 г.

⁵ Николай Григорьевич Дебольский был родным дядей Н. Н. Ланге по матери.

⁶ Имеются в виду жена Н. Н. Ланге — Татьяна Федоровна (урожд. Митрофанова) и его мать — Мария Григорьевна (урожд. Дебольская). Н. Н. Ланге женился на Т. Ф. Митрофановой (1862–?) в Петербурге 29 января 1886 г.

ⁱ Слово *вся* вписано над строкой.

ⁱⁱ Далее слова тому, что зачеркнуты.

ⁱⁱⁱ Слово *приват* вписано над строкой.

^{iv} Слова *в бытность мою в Париже* вписаны над строкой.

^v Слова *шлют тебе* зачеркнуты.

^{vi} На обороте документа — черновик письма Ивану Степановичу Некрасову — декану историко-филологического факультета ИНУ, датированного «Петербург, 16 ноября».

№ 5. Список опубликованных работ Н. Н. Ланге, составленный автором [1892 г.]¹.

Я напечатал²:

1/ Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit und der activen Apperception von Nicolai Lange (aus St. Petersburg)

Philos. Studien IV (32 страницы). 1887

2/ История нравственных идей XIX века. Соч. Николая Ланге. Часть первая. Немецкие учения. СПб. 1888 (II и 383 стр.) 300 р.

3/ О действии гашиша. Психологическая заметка. Н. Ланге (Вопросы философии и психологии, т. I, кн. 1). (16 страниц) 40 р.

4/ Revue philosophique за 1889 г. (там же, кн. 2) (10 страниц) 25 р. (вместе с Гротом)

5/ⁱ Элементы воли (там же, кн. 4) 25 стр. 65 р.

6/ Рецензия Revue philos. За 1890, №1-8 (там же, кн. 4-5). 16 стр. 30 ср.

7/ Рецензия соч. Münsterberg'a: Beiträge zur exper. Psych., Heft I-II (там же, кн. 6) 10 стр. 25 р.

8/ⁱⁱ Механизм внимания (Ribot-Psychologie de l'attention) (Русск. Шк. № за 91 г.) 16 стр. 50 р.

9/ <Статья о книге Preyer'a Seele d. Kindes (Р. шк.)>ⁱⁱⁱ.

10/ Перевод Аналитики Первой^{iv} Аристотеля (Ж. Мин. Нар. Пр. за 91 г. №№ 9, 10, 11; за 92 г. № 1, 2, 3 280 р.

11/^v «Русская книга о Л. ф. Штейне» Чиждова «Право и его содержание по учению Лорнца фон-Штейна» (вместе с В.М. Нечаевым) (Юрид. Вестн. № 2 за 91 г.) 16 стр.

12/ Ответ г. Челпанову (Вопр. фил. и псих. № 8)

13/ Ответ г. Чиждову (вместе с В. М. Нечаевым). Юр. Вест. № 4 за 1891 г.

14/ Revue philosophique за 1890 №№ 9-12. Вопр. ф. и пс. №, кн. 9 (8 стр.) 20 р.

15/ Душа ребенка в перв. год жизни (отдельное изд.^{vi} журнала «Русской школы») 100 р.

16/ Отзыв о сочинении А. П. Казанского «Учение Аристотеля о значении опыта при познании» (Зап. Новоросс. Унив., том). 8 стр. и отдельно

17/ Переписка Абельяра и Элоизы (в «Южном Сборнике» издан. в пользу голодающим) 16 стр.

ⁱ Слова Ощущения движения и зачеркнуты.

ⁱⁱ Слова Статья о книге зачеркнуты.

ⁱⁱⁱ В документе вся строка зачеркнута.

^{iv} Слова Аналитики и Первой переставлены автором.

^v Слова Отчет о книге зачеркнуты.

^{vi} Слово редакц. зачеркнута.

18/ Закон перцепции^{vii} (в Вопросах фил. и псих., книжки 13, 14, 15, 16) 160 р.

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 1, ед. хр. 1, л. 1. Подлинник. Черновик. На обороте картонной крышки переплета.

Примечания

¹ Документ датирован по наиболее позднему из вышеприведенных публикаций.

² См. прим. 1 к документу № 1.

---

^{vii} *Часть слова зачеркнута.*

№ 6. Письмо Н. Я. Грота к Н. Н. Ланге (Москва, 12 марта 1895 г.)¹.

Москва

12/03/[18] 95

Многоуважаемый Николай Николаевич,

В среду в фак[ультете] мы провели Вашу записку и приложили свою о необходимости Вашего кабинета. Итак, действуйте теперь энергичнее в Петербурге. По особ[ому] настоянию М. М. Троицкого мы прибавили, что впоследствии и мы будем ходатайствовать о кабинете, что я считаю лишним, так как если Вам устроят кабинет, то и без того можно было бы нам впоследствии ходатайствовать.

Теперь вот что! Вы бы нам прислали что ниб[удь] для журнала, да популярное — излекций своих, на общую тему. Наши Моск[овские] философы так изленились, что ничего от них не добьешься. Приняли ли бы Вы также более деят[ельное] участие в отделе библиографии! В этом году подписчиков меньше на 250 чел. (1250 вм[есто] 1500). Хотя говорят у всех журналов меньше, но это все таки неутешительно, а нового интересного материала не достает. Что это Казанский ничего не пишет? — Если так пойдет дальше, то я через год прекращаю журнал (с 1896 года) — пусть издает кто хочет: читатель в подворотню бежит, а писатель лениться писать. Выходит очень грустное дело. Видно мы еще не доросли до непрерывного философского издания.

Впрочем что сказать: в Москве кабак все вытесняет и губит, да и не может быть свободной философии среди рабов, а мы все еще рабы!

Кланяйтесь Казанскому, Перетятковичу, Некрасову, Кочубинскому, Воеводскому. Часто тянет меня взглянуть на Одессу и дом Рап[оп]орта на Конной, где я жил 3 года, но нет ни времени, ни средств для таких путешествий².

Будьте здоровы искренно преданный Николай Грот.

Недавно прилично провели публичное заседание в память десятилетия общества³.

НБ ОНУОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 287, лл. 22–23. Подлинник. Автограф.

Примечания

¹ Письмо выполнено на бланке журнала «Вопросы философии и психологии», основателем и первым редактором которого в 1889–1896 гг. был Н. Я. Грот.

² В 1883–1886 гг. Н. Я. Грот был ординарным профессором философии Новороссийского университета; его лекции пользовались огромным успехом у студентов университета.

³ Имеется в виду Московское психологическое общество (основано при Императорском Московском университете 24 января 1885 г.), одним из организаторов и первым председателем которого был М. М. Троицкий.

№ 7. Письмо А. С. Белкина к Н. Н. Ланге (Москва, 30 мая 1895).

Москва 30/05/1895

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Давно уже собирался я написать Вам подробно о том, как шло обсуждение Вашего проекта устройства кабинета экспериментальной психологии при Одесском университете, но все откладывал, ожидая положительных результатов, которыми Вас мог бы порадовать, но дело затянулось, и когда кончится, неизвестно. Вчера у меня был А. П. Казанский и сказал мне, что Вы собираетесь побывать в П[етер]-б[урге], чтобы продолжать хлопотать об устройстве кабинета. Поэтому решил немедленно написать Вам, как стоит дело у нас в университетеⁱ; к тому же на моей душе лежит один грех перед Вами: я до сих пор не поблагодарил еще Вас за присылку Вашего перевода «Аналитики». Итак, прежде всего примите мою искреннюю благодарность за Вашу любезность, а затем я расскажу Вам подробно, как обсуждалось у нас Ваше ходатайство.

Дело началось, конечно, с того, что наш факультет, в который поступило Ваше ходатайство для рассмотрения, избрал комиссию. В нее вошли Грот, Лопатин², Трубецкой и я. Я взял на себя написать отзыв. Конечно, я вполне присоединился к Вашему ходатайству, но только усилил егоⁱ еще одним, по моему мнению, важным аргументом. Дело в том, что Вы в Вашем прошении не указали на один пункт (думаю, что не намеренно), молчание о котором, как мне кажется, могло бы погубить делоⁱⁱ. Этот пункт — описание экспериментальной психологии и физиологии. Ведь, Вы знаете очень хорошо, что, с одной стороны, физиологи, и вообще естественники, смотрят на психологию глазами От. Конта и думают, что опытные исследования психических явлений есть то же, что исследование их физиологическогоⁱⁱⁱ коррелята, а с другой стороны, людей власть имущих могло бы ввести в заблуждение само название «физиологическая психология»^{iv}, которая многими и принимается за «экспериментальную», и они могли бы отнестись с некоторыми предубеждением к Вашему ходатайству. Поэтому я указал в отзыве, что экспериментальная психология вовсе не есть физиологические исследования функций нервной системы, а есть только способ анализа психических явлений путем внешнего воздействия и улучшения ч[е]рез него самонаблюдения.

Я воспользовался при этом тем, что говорит Вундт о психо-физическом эксперименте в своей «Логике». Но пришлось сделать оговорку (опять таки, чтобы не явилась мысль, что психологи-филологи вторгаются в^v чужую область) — а

ⁱ Слово его вписано над строкой.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто: Вы не.

ⁱⁱⁱ Далее слово зачеркнуто.

^{iv} Далее слово зачеркнуто.

^v Далее зачеркнуто: свою

именно, что исследование действия ядов на психическую деятельность, конечно, должно быть предоставлено врачам.

Мне кажется даже, что Вы напрасно и упомянули о таких исследованиях: это упоминание может внушить вовсе нежелательные для нас мысли.

Наша комиссия не собиралась ни разу, и все дело ограничилось тем, что я написал отзыв, Грот сделал в нем некоторые изменения и добавления, а Лопатин и Трубецкой, хотя и не сочувствующие экспериментальной психологии, подписали его. Отзыв был принят факультетом сочувственно и был утвержден.

Прения возбудило только заключение отзыва, которое прибавил Грот. Указав на то, что и в других университетах могут найтись лица, которые могут работать в области экспер[иментальной] психологии (он назвал при этом Челпанова³ и меня), он^{vi} приписал к адресу такое окончание: «Во всяком случае важно, чтобы на первое время была устроена хотя одна для России образцовая психометрическая лаборатория при Новороссийском университете под руководством профессора философии». Явился вопрос: удобно ли писать, что покуда достаточно одной лаборатории, в Одессе, и не прибавить ли, что и Моск[овский] унив[ерситет], со своей стороны, желает тоже иметь такую лабораторию? Грот защищал свою редакцию и указывал, что, прощ[е] устроить лабораторию и в Москве, мы можем повредить делу Новорос[сийского] унив[ерситета]; Троицкий говорил, что Москов[скому] унив[ерситету] стыдно отставать от других университетов и просил, чтобы «образцовая» лаборатория была устроена в другом университете. Решено было оставить, однако, редакцию Грота и не смешивать дел двух университетов; но так как все сочувственно отнеслись к мысли об устройстве кабинета экспериментальной психологии в Моск[овском] унив[ерситете], то было постановлено просить комиссию по постройке нового корпуса для лабораторий и аудиторий иметь в виду возможность устройства кабинета экспер[иментальной] псих[ологии] и отвести для него 4–5 комнат. Потом Грот согласился изменить редакцию заключения отзыва, и оно получило такой вид: «Предполагая впоследствии возбудить ходатайство об учреждении Кабинета экспер[иментальной] психологии и при Московском университете, преподаватели философии этого университета надеются, что мысль об устройстве такого кабинета при Новороссийском университете не встретит препятствий к своему осуществлению».

Покуда шло все гладко. Но через несколько дней после заседания факультета было заседание строительной комиссии. Там естественники начали говорить, что зачем де филологам лабораторию, да что они там будут делать и т. п.; а один почтенный член даже высказал предположение, что филологи будут в своей лаборатории заниматься спиритизмом и мистицизмом. Наши интересы защищал

^{vi} Далее слово зачеркнуто.

Виноградов. Во всяком случае он успел добиться того, что было решено, чтобы архитектор имел в виду наше требование.

Виноградов сообщил мне все это и сказал, чтобы я озаботился, чтобы на заседании Совета 18го марта был непременно Грот, чтобы было кому защищать наше дело, потому что на этом заседании должен был докладываться наш отзыв. Но с Гротом ничего нельзя было подписать: у него дня за три перед заседанием жена благополучно разрешилась от бремени, а потому он не мог придти, хоть на один час в Совет.

Хотел было я^{vii} вооружить Лопатина некоторыми материалами, чтобы он мог говорить за нас, но встретил с его стороны полное отсутствие сочувствия экспер[иментальной] психологии. Остался один Троицкий. На заседании Совета, как мне потом передавали, мысль об устройстве кабинета встретила сочувствие, но гг. медики и естественники высказали сомнение, чтобы возможно было устроить такой кабинет при филологическом факульт[ете].

По обыкновению, было высказано много глупостей. Кто то напр[имер], вероятно, думая, что это мысль не может прийти в голову бедным филологам, сказал, что ведь, для занятий эксперимент[альной] психологией надо знаний физике и физиологии, и что де филологи ими не обладают. Проф. Мороховец высказал наивную мысль, что Вы могли воспользоваться физиологической лабораторией для Ваших опытов. Он же доказывал, что Ваша неопытность видна из того, что Вы только просите только 4 000 р. Дело, однако, кончилось тем, что было постановлено выбрать для обсуждения Вашего ходатайства и дела об устройстве кабинета при Моск[овском] унив[ерситете] особую комиссию^{viii} от трех факультетов под председательством Грота. Со стороны медицинского факультета будут, как я слышал, Сеченов, Корсаков, Токарский и Мороховец; со стороны нашего — Грот, Лопатин, я; со стороны естественного, не знаю кто. Комиссия эта не имела еще куда ни одного заседания. Но я должен сказать, что никаких шансов^{ix} на выигрыш дела нет. В настоящее время Токарский расширяет лабораторию в психиатрической клинике и уже в прошлом году там шли работы студентов. Прибавлю, что Корсаков и Токарский ни слова об этом не сказали, когда я и Лопатин говорили с ними о Вашем ходатайстве и о нашем желании устроить лабораторию и в Москов[ском] универ[ситете]. Но наше предложение, вместо учреждения новой лаборатории, расширит ту, которая уже есть в Психиатр[ической] клинике, Корсаков скажет, что это невероятно, потому что де у них нет достаточно места. Теперь, однако, место нашлось! Узнал я о^x том, что Токарский расширяет лабораторию и руководит там

^{vii} Далее слово зачеркнуто

^{viii} Далее слово зачеркнуто.

^{ix} Далее слово зачеркнуто.

^x Далее слово зачеркнуто.

занятиями, только на святки. Кроме того, я слышал от Токарского, что будто бы Сеченов хочет читать курс психологии и устроить отделение для экспериментальной психологии при физиологической лаборатории.

Очевидно, что при таких обстоятельствах трудно рассчитывать устроить самостоятельную лабораторию при филологическом факультете. Но если придется отказаться от мысли иметь свою лабораторию, мы во всяком случае приложим все усилия, чтобы спасти хоть Ваше дело.

В ответ на мое длинное послание, может быть, Вы будете так любезны сообщить мне^{xi} кратко, какие отзывы дали Петербургский и Киевский университеты.

Ваш А. Белкин^{xii}

Что *Meditationes*?⁴

НБ ОНУ ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 287, лл. 24–29 об. Подлинник. Автограф.

Примечания

¹ Речь идет об Императорском Московском университете.

² Л. М. Лопатин был вице-председателем Московского психологического общества, одним из редакторов журнала общества «Вопросы философии и психологии», официальным оппонентом Н. Н. Ланге на защите докторской диссертации.

³ Г. И. Челпанов был учеником Н. Я. Грота.

⁴ *Размышления* (лат.). Речь идет о труде Декарта «*Meditationes de prima philosophia*» («Размышления о первой философии») — одним из главных сочинений философа (1641). Возможно, Н. Н. Ланге планировал перевод этого произведения на русский язык, однако этот замысел не был осуществлен. Первый перевод «*Размышлений*» на русский был выполнен В. М. Невежиной (не с латинского оригинала, а с французского перевода) и издан в 1901 г. в первом выпуске «Трудов Философского общества» в Санкт-Петербурге.

^{xi} *Далее слово зачеркнуто.*

^{xii} *Помета карандашом «Алексей Сергеевич».*

№ 8. Копия предложения попечителя Одесского учебного округа Х. П. Сольского от 29 марта 1896 г. (№ 4399) ректору Новороссийского университета¹.

Вследствие представления от 30 ноября 1894 г. за № 2521, по вопросу об учреждении при историко-филологическом кабинете¹ Новороссийского университета «кабинета экспериментальной психологии» и об ассигновании на устройство его, как учебно-вспомогательного учреждения 4000 р. одновременно, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, согласно предложению г. министра народного просвещения от 16 сего марта за № 7024, что по обсуждении сего дела в связи с полученными отзывами по настоящему вопросу других университетов, на заключение которых был Его Сиятельством сообщаем этот вопрос, статс-секретарь граф Делянов находит учреждение при историко-филологических факультетах «кабинета экспериментальной психологии», как учебно-вспомогательного учреждения, не возможным в виду значительности средств, потребных для сей цели. С учреждением же при Новороссийском университете ныне проектируемого медицинского факультета устройство названного кабинета будет более возможным и легким делом, так как необходимые для сего кабинета инструменты могли бы быть приобретены при обзаведении факультета. Тем не менее, желая предоставить профессору Ланге возможность продолжать начатые им работы по экспериментальной психологии, Его Сиятельство просит выяснить, по сношении с профессором Ланге, вопрос о том, в каком размере ему потребовалось бы денежное пособие для продолжения его научных занятий по упомянутому предмету и о последующем донести².

Попечитель |подпись| Сольский.

Правитель Канцелярии |подпись| А. Покрывалов.

С подлинным верно: секретарь Совета [подпись]

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 289, л 58. Машинопись.

Примечания

¹ Оригинал документа см.: ГАОО, ф. 45, оп. 11, № 3, лл. 14–14 об.

² В рапорте декана историко-филологического факультета ректору ИНУ (30 мая 1896 г.) сообщалось, что необходимая сумма составляет 500 руб., которые вскоре были выделены Н. Н. Ланге «для продолжения занятий по экспериментальной психологии» (См.: ГАОО, ф. 45, оп. 11, № 3, лл. 16–17).

¹ В документе ошибка, вероятно следует: факультете.

№ 9. Письмо Н. Г. Дебольского к Н. Н. Ланге (Санкт-Петербург, 26 октября 1899 г.).

С[анкт]-П[етер]б[ург]
26/10/[18]99

Любезный Николай Николаевич, на запрос м[инистерст]ваⁱ о сумме, потребной для практ[ических] занятий, попечитель одесского уч[ебного] ок[руга] 13 мая [18]99 г. определил размеры этой суммы для истор[ико]-филол[огического] фак[ультета] в 4 000 р., в том числе заведующему кабинетом эксперимент[альной] психологии 500 р. в год. За сим, как тем вероятно известно, общий расход всей отпущенной м[инистерст]ву суммⁱ составил 32 400 р., а на второе полугодие нынешнего года 16 200 р.

Из этой последнейⁱⁱ суммы отпущено Одесск[ому] унив[ерситету] на два факультета — юридический и филологическ[ий] по 600 р. Согласно заключениюⁱⁱⁱ филол[огического] факультета сказанная сумма имеет быть употреблена исключительно на приобретение «инструктивных изданий» для выдачи на руки студентам при практич[еских] занятиях. Вместе с тем факультет находил желательным увеличение этого кредита. В будущем году кредит вероятно составит 1200 р. Кажалось бы, что от факультета зависит то или иное его распределение и, следовательно, в факультет надлежит обращаться и с теми или другими предложениями. Я пишу «казалось бы», п[отому] что были по некоторым университетам случаи, когда м[инистерст]во не утверждало факультетского распределения. Ваше распределение принято к сведению без всяких замечаний, но это не может к будущему году составить и новое распределение. Я не думаю, что обращение прямо к м[инист]ру² в чемнибудь поможет: денег м[инистерст]во все равно не даст, а по существу дела оно все равно придет опять на заключение факультета.

Что касается устава педагог[ического] отдела³, то он находится теперь в уч[еном] к[омитете] когда поступит из него в Д[епартамен]т, я тебя извещу.

Нужным считаю еще уведомить тебя, что на запрос м[инистерст]ва о перемещении тво[е]м в Москву тамош[ний]^{iv} университет отвечал, что т. к. тебя можно перевести лишь одинарным профессором, то являет затруднение в отсутствии вакансии. Преподавание философии, кроме Лопатина, ведет теперь приват-доцент Трубецкой.

Радлов говорил лишь о присланной тобою статье. Весьма буду рад ознакомиться с твоими замечаниями и заранее прошу тебя не стесняться никакими соображениями в отношении моих мнений.

ⁱ Далее слово зачеркнуто.

ⁱⁱ Слово последней вписано над строкой

ⁱⁱⁱ Далее слово зачеркнуто.

^{iv} Слово тамошний вписано над строкой.

Наши все кланяют[ся] тебе, Тат[ьяне Фед[оровне] и Коте⁴, которым и я прошу передать мой привет. Володя⁵ с женою теперь в Киеве преподавателем 3-й гимназии по истории и геогр[афии]. Он оставлен при здешнем унив[ерситете] с откомандированием в Киев. Здоровье его удовлетворительно. тк^v

[подпись Н. Дебольского]

НБ ОНУ ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 287, лл. 30–31. Подлинник. Автограф.

Примечания

¹ Имеется в виду Министерство народного просвещения Российской империи. Н. Г. Дебольский. являлся членом совета министерства.

² С 1898 по 1901 годы пост министра народного просвещения Российской империи занимал Николай Павлович Боголепов (1846–1901).

³ Имеется в виду Устав педагогического отдела историко-филологического общества при ИНУ (общество существовало с 14 марта 1900).

⁴ Речь идет о жене и сыне Н. Н. Ланге.

⁵ Очевидно, речь идет о сыне Н. Г. Дебольского В. Н. Дебольском.

---

^v *Так в документе.*

№ 10. Прошение Н. Н. Ланге в медицинский факультет Новороссийского университета [октябрь 1900 г.]¹.

В 1896 г. г. министр народного просвещения, в ответ на ходатайство Совета Новороссийского университета об учреждении проектированного мною кабинета экспериментальной психологии, указал, что, «ⁱустройство названного кабинета станет более возможным и легким делом при организации медицинского факультета, так как необходимые для сего кабинета инструменты могли бы быть приобретены при обзаведении факультета» (Предложение г. попечителя Одесского учебного округа г. ректору Новороссийского университетаⁱⁱ от 29 марта 1896 г. за № 4399). Согласно этому указанию, в предварительном плане размещения медицинских лабораторий предполагалось отнести для психофизиологии две большие комнаты во втором этаже здания по Ольгиевской улице. Однако неотложные нужды медицинского факультета потребовали обращения этих комнат для других целей, а в[о]ⁱⁱⁱ время когда^{iv} старая физиологическая лаборатория^v, в которой временно помещался психологический кабинет и велись практические занятия по экспериментальной психологии, предположена к закрытию,^{vi} кабинет лишается и^{vii} последнего убежища.

В виду сего^{viii}, и^{ix} по соглашению с проф. Бр. Ф. Вериго я имею честь обратиться к медицинскому факультету с прошением об отводе в помещениях будущей медицинской физиологической лаборатории двух комнат, для устройства в них кабинета экспериментальной психологии. <Такое размещение [...]^x не только не^{xi} стеснит физиологическую лабораторию, имеющую^{xii} обширное помещение, но [...]^{xiii} будет и^{xiv} для нее небесполезным ибо даст ей возможность пользоваться инструментами психологического кабинета. А вместе^{xv} отведение двух комнат для сказ[анного] кабинета окончательно [...]^{xvi} упрочило

ⁱ Слово учреждение зачеркнуто.

ⁱⁱ Слова г. ректору Новороссийского университета вписаны над строкой.

ⁱⁱⁱ Далее слово настоящее зачеркнуто.

^{iv} Слово когда вписано над строкой.

^v Слово лаборатория вписано над строкой.

^{vi} Далее слова и таким образом зачеркнуты.

^{vii} Слово и вписано над строкой.

^{viii} Далее слово я зачеркнуто.

^{ix} Слово и вписано над строкой.

^x В этом месте слово неразборчиво.

^{xi} Слова только не вписаны над строкой.

^{xii} Далее слово весьма зачеркнуто.

^{xiii} В этом месте слово неразборчиво. Далее слово и зачеркнуто.

^{xiv} Слово и вписано над строкой.

^{xv} Далее фрагмент с тем окончательное устройство этого кабинета не только зачеркнут.

^{xvi} В этом месте слово неразборчиво.

бы его судьбу^{xvii}, является^{xviii} настоятельно необходимым по соврем[енном]^{xix} положению ныне психологической науки (как я подробно доказывал в моем проекте, и как то^{xx} признали Советы Петербургского, Московского и Киевского университетов, которым был передан г. министром на заключение мой проект)^{xxi}, и полезным специально для медицинского факультета, а именно, во-первых для кафедры физиологии и психиатрии и нервной патологии, а затем и вообще для студентов медиков, ибо^{xxii} как справедливо указал^{xxiii} Ад. Штрюмпель,^{xxiv} психологические знания безусловно необходимы для всякого будущего врача^{xxv}.

Ординарный профессор, доктор философии
Н. Ланге

Между тем научная^{xxvi} своевременность и польза^{xxvii} устройства каб[инета] эксп[ериментальной] психологии [...]xxviii вне всяких сомнений. В моем проекте я подробно доказал это положение и Сов[ет] со мною согласился. Вряд ли возможно также сомневаться и в пользе такого учреждения специально для целей мед[ицинского] фак[ульгета].

А вместе с тем предоставление двух небольших комнат^{xxix} [...]xxx для устройства в них сказ[анного] кабинета [...]xxxi окончательно упрочит существование^{xxxii} этого существенно необходимого учреждения, пользу^{xxxiii}

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 289, лл. 60-61. Подлинник. Черновик.

Примечания

¹ Предположительная дата установлена в соответствии с ответом на данное прошение (см. документ № 11).

- xvii *Фрагмент отведение двух комнат для сказ[анного] кабинета окончательно [...] упрочило бы его судьбу вписан над строкой.*
- xviii *Далее слова вполне своевременным и зачеркнут.*
- xix *Слово соврем[енном] вписано над строкой.*
- xx *Слово то вписано над строкой.*
- xxi *Далее слово но зачеркнуто.*
- xxii *Далее фрагмент вряд ли возможно сомневаться в правильности мнения зачеркнут.*
- xxiii *Слова как справедливо указал вписаны над строкой.*
- xxiv *Далее слово что зачеркнуто.*
- xxv *В документе фрагмент зачеркнут.*
- xxvi *Слово научная вписано над строкой.*
- xxvii *Слова и польза вписаны над строкой.*
- xxviii *В этом месте слово неразборчиво.*
- xxix *Слова предоставление двух небольших комнат вписаны над строкой.*
- xxx *В этом месте слово неразборчиво.*
- xxxi *В этом месте слово неразборчиво.*
- xxxii *Слова упрочит существование вписаны над строкой.*
- xxxiii *Фраза незакончена.*

№ 11. Официальный ответ декана медицинского факультета Новороссийского университета В. В. Подвысоцкого от 26 октября 1900 г. (№ 88) на прошение Н. Н. Лангеⁱ.

Милостивый государь Николай Николаевич

В ответ на Ваше прошение об отведении в помещениях будущей медицинской физиологической лаборатории 2 комнат для устройства в них кабинета экспериментальной психологии, медицинский факультетⁱⁱ в собрании своем, 25 октября состоявшемся, определил, «признавая полезным для лиц, получающих медицинское образование, знакомство с экспериментальной психологией, обратиться с просьбой в строительный комитет при Новороссийском университете об отведении отдельного помещения в размере 2 комнат для названного кабинета, причем кабинет этот желательно устроить при лаборатории физиологической».

О таком определении собрания факультета, честь имею уведомить Вас, Милостивый государь.

Декан медицинского факультета [подпись]

Секретарь факультета [подпись]

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 289, лл. 62–62 об. Подлинник. Машинопись, собственноручная подпись В. В. Подвысоцкого.

ⁱ Документ напечатан на официальном бланке.

ⁱⁱ Слова медицинский факультет вписаны над строкой от руки.

**№ 12. Письмо Правления Новороссийского университета (№ 1328)
к Н. Н. Ланге от 12 февраля 1907 г.ⁱ**

Г. Заведывающему кабинетом экспериментальной психологии проф. Н. Н. Ланге.

Уплатив 121 руб. 22 коп. составляющие по курсу (46/47 1/2) 260 мар[ок] 40 пфен. в Лейпциг Е. Циммерманну, за аппараты доставленные в кабинет экспериментальной психологии, Правление Университета, согласно определению своему 6 февраля (от 24) состоявшемуся, имеет честь просить Вас записать по материальной книге на приход, аппараты означенные на обороте сего.

Ректор [подпись И. М. Занчевского].

Секретарь Правления [подпись В. Герича]ⁱⁱ.

Цена

1) *Gedächtnisapparat Wirth* ⁱⁱⁱ ... 190 мар[ок]

2) *Metronom* ^{iv}. . . . 44 —[марки]

Секретарь Правления [подпись В. Герича]

*НБ ОНУ ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 292, лл. 79–79 об. Подлинник.
Автограф И. М. Занчевского.*

ⁱ Официальный бланк заполнен от руки. Рукописный текст выделен курсивным шрифтом.

ⁱⁱ Подпись неразборчива.

ⁱⁱⁱ Мнемометр (нем.).

^{iv} метроном (лат.).

**№ 13. Письмо Правления Новороссийского университета (№ 17008)
к Н. Н. Ланге от 17 ноября 1910 г.**

Г. Ординарному проф. Н. Н. Ланге.

Вследствие рапорта от 15 сего ноября, разрешая вместе с сим вести занятия по психологии и дидактике в кабинете экспериментальной психологии в указанные часы, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что все семь курсистов должны получить на право входа в университетское здание билеты от г. проректора¹.

РЕКТОР [Подпись Л. В. Левашова].

Секретарь Совета [Подпись В. Герича]

*НБ ОНУ ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 292, л. 81. Подлинник.
Машинопись, собственноручная подпись С. В. Левашова.*

Примечания

¹ Алмазов Алексей Иванович.

№ 14. Черновой набросок инструкции по работе в психологической лаборатории (без даты) и «Правила для работающих в психологической лаборатории» Одесских высших женских курсов¹ (2 февраля 1910 г.), составленные Н. Н. Ланге.

Наставленияⁱ.

Задачи и их назначение.

Объяснение — приспособления — ответы.

2<—3 челов.>ⁱⁱ вместе. В больш[инстве] случаев exper[имента?] наблюдатель (испытываемый).

Объясн[ение] перв[ых] двух задач.

Близорукие.

У нас нет лаборанта. Вам поручается.

Тишина и немн[ого] лиц. (только работающие)

Время: ежедн[евно] (кроме праздн[иков]) от 9—3,4 час.

по пон[едельникам], ср[едам], субб[отам], 9—11 исключаются.

Сделайте распредел[ение] по дням, а то и по часам.

Лист в лабораторию.

Мояⁱⁱⁱ помощь^{iv}: втр. 9—11

срд. 11^v

субб.

Ключ у Викентия.

Правила для работающих в Психологической Лаборатории

1. Психол[огическая] лаборатория открыта для занятий курсисток ежедневно (кроме праздников) от 9 до 4 час.

2. Для успешности психологических наблюдений необходимо общее сохранение возможной тишины и присутствия в комнате лишь работающих.

3. Все вещи должны быть после употребления возвращаемы на прежнее место.

4. Профессор дает желающим объяснения по^{vi} четвергам^{vii} от 10—12^{viii} час[ов].

5. Каждый опыт должен сопровождаться кратким протоколом, который ведет экспериментатор, вписывая в него все показания наблюдателя.

ⁱ Черновой набросок карандашом. Перед словом Наставления зачеркнуто слово Задачи

ⁱⁱ Зачеркнуто: -3 челов.

ⁱⁱⁱ В начале абзаца зачеркнуто слово: Ключ.

^{iv} Далее зачеркнуто: после лекци[и].

^v Время исправлено, ранее значилось: 9.

^{vi} Далее зачеркнуто: средам.

^{vii} Слово дописано карандашом.

^{viii} Время исправлено карандашом, ранее значилось: 11.

6. Ответы на приложенные задачи, составленные по указанной формуле, должны быть опускаемы в ящик (на стене) для дальнейшей статистической обработки.

7. Последний оставляющий лабораторию ее запирает и вешает ключ у дверей.

8. Бумага, карандаши, ножи, ножницы и др. инструменты находятся в ящиках столов.

9. Лаборатория вверяется заботе самих курсисток, в ней работающих.

2 февр[аля] 1910 г.

проф. Н. Н. Ланге

1. Психол[огический] кабинет открыт для занятий курсисток 9–3 часов ежедневно, кроме праздников.

2^{ix}. Одновременно в занятиях могут участвовать не более 10 человек (по парно).

3. При занятиях должно происходить возможно наименьше шума. Всякие постор[онние] разговоры в помещении кабинета воспрещаются.

4. Все вещи должны быть возвращенными после употребл[ения] на место.

5. Профессор дает желающим пояснения по ...от ... час.^x

6. Каждый опыт должен сопровождаться полным протоколом.

7. Результаты опытов^{xi}, кот[орые] подлежат дальнейшей общей обработке, опускаются в соотв[етствующий] ящик.

8. Последний^{xii} выходящий из кабинета должен его запереть и повесить ключ у двери.

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. № 31, ед. хр. 291, лл. 74-76. Подлинник. Автограф. Черновик.

Примечания

¹ Кабинет экспериментальной психологии при ОВЖК был открыт в 1908 г.

^{ix} Далее зачеркнуто: При занятии.

^x Здесь отточием обозначены пропуски в документе.

^{xi} Далее фрагмент текста зачеркнут.

^{xii} Далее слово зачеркнуто.

№ 15. Прошение Н. Н. Ланге на имя ректора Новороссийского университета [1920 г.]¹.

На запрос под'отдела высшей школы о материалах необходимых кабинету экспериментальной психологии на три ближайших месяца сообщаю, что необходимо

1) Одинⁱ пуд керосину, ибо занятия в кабинете происходят вечером и в темном помещенииⁱⁱ и электрического света нет

2) Денатурированного спирта $\frac{1}{4}$ ведра для препаратов мозга

3) Сто листов писчей бумаги, 30 карандашей и пол фунта чернил, гумми[...]ⁱⁱⁱ
50 gr

4) <Для некоторых специальных исследований о влиянии некоторых фармакол[огических] средств^{iv} на психику человека очень желательно получить^v бромистого натрия или бром[истого] аммония 150^{vi} gr

Herbae Adonis vernalis² 150 gr

[...] ^{vii}

обыкновенного (этилового) эфира 300 gr

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 289, лл. 64–64 об. Подлинник. Черновик.

Примечания

¹ Прошение могло быть написано в период с февраля по апрель 1920 г. (т. е. с окончательным утверждением советской власти в Одессе до закрытия Новороссийского университета).

² Herbae Adonis vernalis (лат.) — травы горичвета весеннего.

ⁱ Слово два зачеркнуто; исправлено на один.

ⁱⁱ Слова в темном помещении вписаны над строкой.

ⁱⁱⁱ В этом месте часть слова неразборчива.

^{iv} Слова некоторых фармакологических средств вписаны над строкой вместо зачеркнутых слов (неразборчиво).

^v В документе фрагмент зачеркнут.

^{vi} Зачеркнуто 200, исправлено на 150.

^{vii} Строка зачеркнута, запись неразборчива.

№ 16. Рапорт Н. Н. Ланге на имя товарища Министра народного просвещения С. М. Лукьянова о преподавательском составе Женских Педагогических курсов [1903 г.]ⁱ.

Его Превосходительству
Г. Товарищу Министра Народного Просвещения
Сергею Михайловичу Лукьянову
Рапортⁱⁱ

Имею честь доложить Вашему Превосходительству о личном состоянииⁱⁱⁱ «Женских Педагогических Курсов в г. Одессе»¹.

Директором курсов назначен г. Попечителем учебного округа орд[инарный] проф[ессор]^{iv} Никол[ай] Ник[олаевич] Ланге.

Гимназией при которой должны существовать, согласно «уставу», курсы избрана гимназия Екат[ерины] Сем[еновны] Пашковской (Херсонская ул., 38)⁵. Начальница гимназии состоит инспектрисой курсисток. В состав попечительного комитета курсов входят: директор, три члена избранных от Совета курсов (ректор университета А. Н. Деревицкий, профессора И. В. Слешинский и Е. Н. Щепкин) и инспектора.

Совет курсов ныне включает нижеследующих лиц: ординарные профессора университета А. Н. Деревицкий, Ф. Н. Шведов, С. П. Ярошенко, А. А. Кочубинский, А. Л. Кононович, о. А. М. Клитин^{vi}, Н. Н. Ланге, И. В. Слешинский, И. М. Занчевский, И. А. Линниченко, А. А. Павловский, А. И. Томсон, Э. Р. ф. Штерн, экстраординарные профессора Е. Н. Щепкин, А. П. Казанский, Б. М. Ляпунов, приват доценты В. Ф. Лазурский и И. Ю. Тимченко, лекторы новых языков в университете А. А. Шапеллон и Ф. К. Юргенсон, преподаватели новых языков в средних учебных заведениях Л. А. Горис и М. К. Фот, и инспектриса Е. С. Пашковская. Секретарем Совета избран И. Ю. Тимченко^{vii}.

Директор курсов орд[инарный] проф[ессор] Н. Ланге

О. Александр Михайл[ович] Клитин
Алексей Николаевич Деревицкий

ⁱ Документ на бланке директора Одесских Женских Педагогических Курсов.

ⁱⁱ Далее слово Имею зачеркнуто.

ⁱⁱⁱ Слова первых действиях зачеркнуты; слова личном состоянии вписаны над строкой.

^{iv} Далее слово зачеркнуто.

^v Адрес вписан над строкой.

^{vi} Фамилия вписана над строкой.

^{vii} Далее две строки текста зачеркнуты.

Александр Александрович Кочубинский
Георгий Иванович Перетяткович
Иван Андреевич Линниченко
Евгений Никол[аевич] Щепкин
Вас[илий] Мих[айлович] Истрин
Вас[илий] Никол[аевич] Мочульский
Алексей Андр[еевич] Павловский
Эрнест Роман[ович] Ф. Штерн
Иван Иванович Луньяк
Борис Мих[айлович] Ляпунов
Александр Иван[ович] Томсон
Александр Павлович Доброклонский
Александр Павл[ович] Казанский
Август Альфонс[ович] Шапеллон
Фридрих Карлович Юргенсон
Роберт Робертович Герд
Максимилиан Карл[ович] Фот
Л[юдвиг] Арс[еньевич] Горис
Федор Никифор[ович] Шведов
Александр Конст[антинович] Кононович
Ив[ан] Мих[айлович] Занчевский
Александр Викентьевич Клоссовский
Петр Григорьевич Меликов
Петр Никол[аевич] Бучинский
Ив[ан] Влад[имирович] Слешинский
Вас[илий] Моисеевич Петриев
Ромул Александрович Прендель
Вас[илий] Мих[айлович] Репяхов
Людвиг Альбертович Ришави
Франц Мих[айлович] Каменский
Ив[ан] Юрьевич Тимченко
Севостьян Мойсеевич Танатар
Вас[илий] Ва[сильевич] Завьялов
Ротерт^{viii}
Александр Иван[ович] Алмазов
Влад[имир] Виктор[ович] Сокольский
Влад[имир] Николаевич Палаузов

^{viii} В конце страницы запись хим., ботан.

Никол[ай] Ефимович Чижов
Леон Вас[ильевич] Федорович
Александр Федор[ович] Федоров
Сергей Иван[ович] Иловайский
Загоровский
Петр Евг[еньевич] Казанский
Влад[имир] Никол[аевич]^{ix} Ренненкампф
Подвысоцкий
Батуев
Брон[ислав] Форт[унатович] Вериго
Анат[олий] Конст[антинович] Медведев
Александр Всеволод[ович] Корш
Маньковский
Хлопин
Борисов
Блауберг
Левашов
Попов
Головин
Сапежко^x

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н.Н. Ланге, карт. 28, ед. хр.258, лл.174–174 об., 176–177 об.
Подлинник. Черновик.

Примечания

¹ Осенью 1902 г. попечительство Одесского учебного округа поручило профессору Н.Н. Ланге составить проект женских педагогических курсов, который был представлен в Министерство народного просвещения. 12 июля 1903 г. последовало Высочайшее соизволение на учреждение Одесских женских педагогических курсов, которые были задуманы как трехгодичные и разделялись на пять отделений: 1) историческое; 2) русского языка и словесности; 3) французского языка и словесности; 4) немецкого языка и словесности; 5) математическое. 21 сентября 1903 г. состоялось торжественное открытие курсов, на котором присутствовал товарищ министра народного просвещения С. М. Лукьянов (см. [Лазурский В. Ф.] История одесских Высших Женских Курсов. — ГАОО, ф. 334, оп. 3, ч. 2, № 7528, лл. 1–2).

^{ix} *Дописано карандашом.*

^x *В конце страницы запись фармак., теор. хир.*

№ 17. Донесение директора Одесских женских педагогических курсов Н. Н. Ланге (№ 26) попечителю Одесского учебного округа Х. П. Сольскому (17 сентября 1903 г.)ⁱ.

Сентября 17 дня 1903 г.

Его Превосходительству господину попечителю Одесского учебного округа Хрисанфу Петровичу Сольскому.

Имею честь доложить Вашему Превосходительству результаты зачисления слушательниц на курсы. Всего прошений было подано 451 (230 христианок, 221 еврейка), из них 123 медалистки. Не имея возможности всех принять по размерам помещения курсов, Совет выработал условия конкурса следующего ряда: на каждом из отделений, на котором число желающих поступить превышало норму, т. е. на отделениях историческом, словесном и математическом, все кандидатки были разделены на группы по величине средней отметки в аттестате (а на отделении математическом и по величине отметок из математики и физики); засим по каждой группе сначала зачислялись все христианки, потом — еврейки,ⁱⁱ и так далее в нисходящем достоинстве группы¹. Кроме [того,] с цельюⁱⁱⁱ понизить относительное число евреек на отделении историческом из евреек третьей группы, т. е. имеющим в среднем четыре были приняты лишь те, кто^{iv} изучали в гимназии оба иностранных языка, прочие же отвергнуты, хотя христианки принимались и по четвертой группе. Далее, имея в виду, что курсы обязаны в третьем году предоставлять слушательницам педагогическую практику, число слушательниц было ограничено, остальные же вакансии до полного комплекта (обусловленного лишь размерами аудиторий) заполнены вольнослушательницами но тоже из лиц имеющих гимназический диплом и след[овательно] имеющих, вообще говоря, право быть слушательницами курсов. Из этих вольнослушательниц, если они выдержат переходные экзамены может постепенно пополняться комплект слушательниц, по мере открытия среди них вакансий.

Согласно этим началам Совет курсов в заседании 15 сентября, выслушав и приняв доклады особых специальных комиссий рассматривавших прошения по принадлежности их каждому из отделений, произвел зачисление слушательниц и вольнослушательниц. Результаты этого зачисления нижеследующие.

I. По историческому отделению:

ⁱ На официальном бланке директора Одесских женских педагогических курсов.

ⁱⁱ Далее слово зачеркнуто.

ⁱⁱⁱ Далее зачеркнуто слово: повысить.

^{iv} Далее слово зачеркнуто.

Первая группа (средняя отметка не ниже $4\frac{1}{2}$): зачислено слушательницами^v 66 человек (29 христианок, 37 евреек). Все с медалями.

Вторая группа (средняя $4\frac{1}{2}$ -4 исключительно): зачислено слушательницами 14 христианок, вольнослушательницами 20 евреек.

Третья группа (средняя 4): зачислено вольнослушательницами все христианки — 8 чел[овек], а из евреек лучших — 6 челов[ек]

Четвертая группа (отметка 4- $3\frac{1}{2}$): зачислено 17 христианок вольнослушательницами.

Всего по историческому отделению 131 челов[ек] (68 христианок, 63 еврейки), из них 80 слушательницами.

II. По отделению русского яз[ыка] и словесности.

Первая группа (медалистки): 19 христианок и 9 евреек.

Вторая группа (средн[ая отметка]^{vi} не менее $4\frac{1}{2}$): 5 христианок, 6 евреек.

Третья группа (ср[едняя отметка] $4\frac{1}{2}$ - $3\frac{1}{2}$): 20 христ[ианок], 7 евреек (вольнослушательницами).

Всего по отделению русского языка^{vii}: 66 человек (44 христ[ианки], ^{viii} 22 евреек), из них 59 слушательниц.

III. По отделению математическому:

Первая группа (средняя отметка не менее 4): 23 христ[ианки], 23 еврейки.

Вторая группа (средн[ая отметка] меньше 4, но по математике и физике не менее 4): 6 христ[ианок], 5 евр[еек].

Кроме того 3 вольнослушательницы, хотя и имевшие медаль но учившиеся в училищах ведомства Императрицы Марии (меньшая программа алгебры)

Всего по математ[ическому] отделению: 60 челов[ек] (из них 32 христ[ианки], 28 евр[еек])

На отделение новых языков были принимаемы лишь по особому проверочному экзамену, показывающему, что кандидатки практически владеют избираемым языком, т. е. свободно говорят на нем и правильно пишут. Из лиц, подвергшихся этому экзамену и его выдержавших приняты на отделение французского языка — 31 человек (22 христ[ианки] и 9 евр[еек]), а на отделение немецкого языка — 11 (5 христ[ианок], 6 евреек), все слушательницами.

^v Часть слова вписана над строкой.

^{vi} Далее зачеркнуто: больше.

^{vii} Далее зачеркнуто число: 59.

^{viii} Далее зачеркнуто число: 15.

Таким образом всего зачислено на курсы 299 человек из них 171 христи[анка] и 128 евр[еек], т. е. около^{ix} 40%.

Директор курсов Н. Ланге

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н.Н. Ланге, карт. 28, ед. хр. 260, лл. 180–181 об. Подлинник.

Примечания

¹ В 1817 г. указом Александра I в пределах черты оседлости еврейским детям разрешили учиться в средних и высших учебных заведениях наравне с христианами. Образование девушек-евреек, как и женское образование в целом, достигло наибольших успехов в XIX — нач. XX вв., несмотря на то, что правительство требовало соблюдения процентной нормы приема на курсы лиц еврейской национальности. Осенью 1904 г. на Одесские женские педагогические курсы было принято 292 слушательницы и 2 вольнослушательницы, из них лиц иудейского вероисповедания 64, при чем относительно 20 слушательниц иудейского вероисповедания как превышающих 20-процентную норму, возбуждалось особое ходатайство, удовлетворенное Министерством народного просвещения (ГАОО, ф. 334, оп. 3, №7528, л. 5). Впоследствии число слушательниц иудейского вероисповедания на ОВЖК неуклонно возрастало: на 1.01.1907 г. — 226 иудеек из 614 слушательниц и вольнослушательниц (в то время как число православных слушательниц было 344), на 1.01.1908 г. это соотношение составило соответственно 409 из 960 (при 488 православных), на 1.01.1909 г. 690 из 1206 (православных — 431), а к 1.01.1910 г. — 727 из 1278, составив таким образом более 55% слушательниц (православных — 472) (ГАОО, ф. 334, оп. 3, №7528, л. 7–11). В бытность Н. Н. Ланге директором ОВЖК в помещении учебного заведения было организовано «юридическое бюро» для допроса свидетелей, очевидцев и потерпевших от еврейских погромов в октябре 1905 г. (за две недели в Одессе было убито более 400 евреев).

^{ix} Слово около вписано над строкой.

№ 18. Обращение Н. Н. Ланге к слушательницам Высших Женских Курсов по поводу итогов работы курсов за полугодие [конец 1906 г.?]¹

На этом я заключаю мои лекции этого года. Но мне хотелось бы сказать Вам на прощание неск[олько] слов уже не в качестве профессора философии, но директора курсов.

Прошел первый семестр Вашегоⁱ учения. Каков же результат его? Я могу назвать его в высшей степени отличным, и именно в двух отношениях.

Вопервых и сам я вижу, и от всех Вашихⁱⁱ преподавателей слышал, что Вы отнеслись с самого начала с серьезным научным интересом к читаемым лекциям, что Вы энергическою самостоятельную работою и чтением добросовестно преодолевали те неизбежные и тяжелые препятствия, кои встречает каждый, приступая к университетской науке. Важность этого серьезного отношения к работе и науке так важна, что не может быть переоцененаⁱⁱⁱ. На этом отношении держится все наше предприятие, ибо цель курсов именно в научных занятиях. Я с радостью вижу, что серьезное отношение Ваше к науке и работе^{iv}, и счастлив тем, что могу высказать Вам за прошедшее полугодие мое полное одобрение.

Наука есть сумма истин, наиболее надежных и важных. Серьезное изучение науки есть поэтому приобщение себя к истине и правде, и поэтому самый верный путь во всякому прогрессу.

Вовторых, есть еще одна сторона, которая проявилась уже в течение первого семестра, и которую я желал бы отметить. Я имею в виду тот дух взаимного доверия и уважения^v, которого возникновение я вижу как в отношениях между нами, вашими преподавателями и Вами, нашими ученицами, так и между самими курсистками. Я рад здесь засвидетельствовать, что на курсах образовалась уже хорошая, искренняя^{vi} нравственная атмосфера разумных и добрых отношений^{vii}, т. е. тот добрый дух искренней, правдивой и чистой русской молодежи, который так дорог нам профессорам, и вера в который составляет основу наших убеждений².

Между тем даже здесь, на наших^{viii} новых курсах, где нет старых и ложных традиций, кот[орые] нередко составляют также препятствие в университетах, где мы

ⁱ Далее следует зачеркнутое слово.

ⁱⁱ Слова мы встретили с Вашей стороны зачеркнуты, слова и сам я вижу, и от всех Ваших вписаны над строкой.

ⁱⁱⁱ Далее следует зачеркнутое слово.

^{iv} Далее следует зачеркнутое слово.

^v Далее следует зачеркнутое слово.

^{vi} Далее следует зачеркнутое слово.

^{vii} Далее следует зачеркнутое слово.

^{viii} Слово наших вписано над строкой.

все менее стеснены, этот истинный дух русской молодежи может^{ix} развиваться и раскрыться в будущем с особою полнотою и цельностью!

Да будет так, господа!^x

До свиданья же, до будущего^{xi} года. Желаю Вам сердечно добрых и веселых праздников.

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 28, ед. хр. 279, лл. 286–287. Подлинник. Черновик.

Примечания

¹ Очевидно, это выступление Н. Н. Ланге было адресовано по окончании осеннего семестра слушательницам четырехгодичных Одесских высших женских курсов, которые были открыты осенью 1906 г.

² О теплом отношении курсисток к своему директору свидетельствует следующий эпизод: после оставления Н. Н. Ланге должности директора, в память о нем курсистки решили повесить портрет профессора в читальном зале курсов. Ходатайства об этом окончились неудачно из-за позиции попечителя Одесского учебного округа А. И. Щербакова, который обратился в МНП с большой докладной запиской о том, что портрет Н. Н. Ланге, как либерального директора, не должен украшать читальный зал курсов (см. Архив Н. Н. Ланге, карт. 28, ед. хр. 273, л. 247).

^{ix} *Далее следует неразборчивое слово.*

^x *Слово Итак зачеркнуто.*

^{xi} *Слово доброго зачеркнуто, будущего вписано над строкой.*

№ 19. Прошение Н. Н. Ланге на имя попечителя Одесского учебного округа А. И. Щербакова [1908 г.]¹.

В заключениеⁱ, имею честьⁱⁱ обратиться в В[ашему] Пр[евосходительству] с покорнейшей просьбой об увольнении меня от должности д[иректо]ра курсов. Исправление этой должности возможно лишь в условиях полного со стороны В[ашего] Пр[евосходительства]ⁱⁱⁱ доверия при признании моей педагогической системы [...]iv к слушательниц[ам], правильно[ю], между тем в выше рассмотренных мною запросах Вашего Пр[евосходительства] я явно усматриваю^v отсутствие такого^{vi} доверия как ко мне, так и к проводимой мною педаг[огической] системе^{vii}. Я достаточно поработал на курсы, основанные согласно моему проэку^{viii}, достаточно затратил на них и времени и здоровья чтобы ныне иметь право оставить должность директора^{ix}. Почтительнейше прошу Ваше Превосх[одительство] указать мне лицо, из профессоров читающих на курсах, которому я мог^x бы временно передать должность (согласно § - «Правил»), впредь до назначения Вами нового директора².

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 28, ед. хр. 281, л. 289. Подлинник. Черновик.

Примечания

¹ В начале 1908/1909 учебного года Н. Н. Ланге подал прошение об увольнении с должности директора из-за конфликта с попечителем Одесского учебного округа А. И. Щербаковым. О либеральности педагогических взглядов Н. Н. Ланге Министерству народного просвещения докладывал еще в 1905 г. Х. П. Сольский: «при директоре Ланге курсистки ... отошли от своего прямого назначения и взяли резко политический курс и ... скорее похожи на организованное революционное бюро». Приказом МНП профессор был отстранен от преподавания педагогики в гимназии Е. С. Пашковской за отказ от подписания действующего министерского циркуляра о запрете участия служащих в деятельности «противогосударственных партий». О враждебном отношении к Н. Н. Ланге нового попечителя — А. И. Щербакова — см. прим. 2 к документу № 18.

² После увольнения Н. Н. Ланге Совет курсов избрал директором Э. Р. фон Штерна (ГАОО, ф. 334, оп. 3, ч. 2, № 7528, л. 10).

ⁱ Документ не имеет начала.

ⁱⁱ Далее слово зачеркнуто.

ⁱⁱⁱ Над строкой вписаны слова: со стороны В[ашего] Пр[евосходительства].

^{iv} В этом месте слова написаны неразборчиво.

^v Слово как вписано перед строкой.

^{vi} Далее слова ко мне зачеркнуты.

^{vii} Фраза как ко мне, так и к проводимой мною педаг[огической] системе дописана внизу страницы.

^{viii} Далее фраза зачеркнута.

^{ix} Фраза чтобы ныне иметь право оставить должность директора вписана над строкой вместо зачеркнутого фрагмента.

^x Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого.

№ 20. Обращение курсисток первого выпуска Одесских Высших женских курсов к Н. Н. Ланге¹ [1908¹].

Дорогой Николай Николаевич!

Потребность в высшем учебном заведении для женщин на юге чувствовалась давно, все это осознавали, но осуществить это дело мог лишь человек с горячей верой в значение и необходимость женского образования. Ваши знания, энергия, чуткость, вера помогли Вам и Одесса получила высшую женскую школу.

Вы стали во главе этого учреждения, принесли ему в жертву и все свое время и потребность ученого в кабинетной работе.

Теперь, когда Вы не считаете для себя возможным оставаться больше во главе созданного Вами же учреждения, мы, переживая самое крупное горе в жизни наших курсов, с любовью и благодарностью вспоминаем всю Вашу деятельность, как директора-организатора.

В течение всего времени Вашего управления курсами, Вы никогда не были директором-начальником, всегда директором-наставником, директором-руководителем. Вы всегда стояли на страже наших интересов, Вы принимали к сердцу и наши радости, и наши печали. Ваша чуткая отзывчивость, сердечная заботливость, Ваше искреннее желание помочь каждой из нас сделали Вас близким и родным нам человеком. Вы создали ту необыкновенную атмосферу тепла и взаимного доверия, которой отличаются наши курсы.

Верьте, дорогой Николай Николаевич, что в нашем сознании навсегда сохранится светлый образ профессора-директора-друга своим примером учившего нас любить науку, служить людям.

Вас не забудут первые слушательницы первого высшего женского учебного заведения в Одессе, вас будут помнить и последующие поколения курсисток, вас вспомнит с благодарностью историк города, Ваше имя будет среди имен поборников высшего женского образования — его отметит история просвещения в России.

Примите же искреннюю горячую благодарность руководимых Вами учащихся, за тот тяжелый труд, который Вы отдали делу просвещения женщины, за те бесконечные волнения, нравственные мучения, за ту великую жертву, которую Вы принесли курсам, как ученый, общественный деятель, человек и первый директор.

Спасибо инициатору, другу-наставнику и первому директору первых высших женских курсов на юге России.

¹ Адрес находится в кожаном футляре, на лицевой части которого расположена металлическая пластинка с выгравированными надписями: «1903–1908» и «Глубокоуважаемому Николаю Николаевичу Ланге Директору-другу от первых курсисток». С внутренней стороны обе стороны футляра обтянуты зеленым шелком с боковыми параллельными карманами.

[Подписи слушательниц ОВЖК].

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 29, лл. 2–3. Подлинник. Рукопись, подписи курсисток — автографы.

Примечания

¹Документ датирован годом увольнения Н. Н. Ланге с должности директора ОВЖК. См. прим. 1 к документу № 19.

№ 21. Протокол заседания историко-филологической секции Одесского народного университета от 1 августа 1917 г.

Протокол.

Заседание историко-филологической секции Одесского народного университета от 1 августа 1917 г. Присутствовали Н. Н. Ланге, К. А. Кузнецов, З. В. Кузнецова¹, А. В. Флоровский, П. М. Бицилли, Г. В. Флоровский, З. Р. Бабайцева², К. Б. Бархин, Н. К. Пахиопуло, М. И. Мандес, Е. С. Элиазберг, В. М. Чеховский, В. Э. Круссман, М. П. Сквери, Г. Н. Вандрачек и Н. А. Ганц. Председатель проф. Н. Н. Ланге, секретарь Н. А. Ганц. Председатель ознакомил собрание с историей возникновения и уставом Одесского общества народных университетов. Собрание единогласно постановило кооптировать П. М. Бицилли, утерявшего свое право на мандат от партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]³. Председателем проф. Ланге предложено собранию два вопроса: 1) вопрос о разделении на отдельные комиссии по предметам для выработки программ; и 2) о кооптации новых членов.

1) Проф. Ланге для информации ознакомил собрание с курсами Московского общества народных университетов, и указал на желательный состав слушателей Одесского университета и на желательные цели предполагаемых курсов. Проф. Круссман указывает, что основанием московских курсов служило отношение личности к обществу и указывает на желательность руководящего принципа. Проф. Бицилли указывает на разный состав слушателей Московского университета и будущего Одесского. В то время как в Москве у слушателей предполагался известный общеобразовательный фундамент, в Одесском университете предполагается состав не подготовленный к студенческим курсам, вследствие чего проф. Бицилли предлагает систематические курсы, построенные ретроспективно. К. Б. Бархин противоположного мнения, ибо современные условия вовсе не благоприятны для систематических курсов, и он предлагает, хотя бы для начала, лишь эпизодические лекции. Проф. Бицилли указывает, что целью университета является углубление знания современных исторических явлений у слушателей, каковое может быть достигнуто лишь систематическими курсами. К. Б. Бархин соглашается с принципиальной постановкой вопроса, но в виду переживаемого времени не находит возможным на этот год установить систематические курсы. Проф. Флоровский указывает на то, что лекции по русской истории необходимо будут исходить из современности и поэтому систематизация не повредит. В. М. Чеховский полагает, что каждая историческая эпоха может быть настолько пропитана современностью, что нисколько не вы[й]дет за пределы интересов слушателей. Он предлагает излагать исторический материал циклами. Проф. Ланге знакомит собрание с прениями, бывшими в организационном собрании по этому поводу, которое пришло к утверждению, что будущие курсы должны быть не чисто современными по своему

содержанию, а углубленными научным изложением. Е. С. Элиазберг соглашается с мнением проф. Бицилли. Проф. Кузнецов полагает необходимым разграничить курсы на несколько ступеней сообразно с образованием слушателей, и предлагает рядом с эпизодическими курсами вести и систематические. Проф. Мандес констатирует общее желание читать научные курсы, но еслиⁱ некоторые и высказывают сомнение в популярности таких лекций, то их сомнение, по мнению профессора, не обосновано. На вопросы г[оспо]жи Бобайцевойⁱⁱ проф. Ланге отвечает, что курсы будут расположены концентрирами⁴ по их доступности. Будущий контингент слушателей в главной своей массе должен быть, по постановлению собрания учредителей, из рабочих. М. П. Сквери полагает, что на ряду с лекциями должны быть занятия по семинариям, для чего предлагает институт многочисленных ассистентов. Н. Л. Ганц полагает, что практические занятия возможны будут главным образом в виде бесед, а не систематических семинарских работ. П. М. Бицилли указывает на необходимость семинарий не предугадывая их вида. Собрание соглашается с необходимостью семинарий. Собрание постановило разделиться на три комиссии: а) историческую, б) литературную и с) философскую. Поручено созвать комиссии: историческую проф. Круссману, литературную К. Б. Бархину и философскую проф. Ланге. Собрание постановило выразить благодарность С. О. Лозинскому за пожертвованные книги.

2) Собрание переходит к вопросу о кооптации новых членов. Проф. Круссман от имени историков предлагает кооптировать проф. Е. Н. Щепкина; проф. Бицилли предлагает д[окто]р[а] Клаузнера и г[оспо]жу Флоровскую; Г. Н. Вандрачек предлагает г[осподина] Лупанова и проф. Потапова; проф. Круссман предлагает проф. Покровского и г[осподина] Добролюбова⁵. Закрытой баллотировкой все предложенные кандидаты избраны.

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. № 32, ед. хр. № 300, лл. 47–48. Подлинник.

Примечания

¹ Возможно, речь идет о супруге К. А. Кузнецова, также преподававшей в Одесском народном университете.

² Имеется в виду Зоя Антоновна Бабайцева.

³ Партия социалистов-революционеров (ПСР, партия с.-р., эсеры) — общероссийская радикальная политическая партия, существовавшая в кон. 1901–1925 гг.

⁴ Концентр (от лат. *con* — вместе и *centrum* — центр) — ступень обучения, связанная с предыдущей единством содержания и отличающаяся от нее большей сложностью и объемом.

⁵ Имеется в виду Добролюбовский Константин Павлович, в 1917 г. — аспирант по кафедре всемирной истории историко-филологического факультета ИНУ.

ⁱ Далее слово зачеркнуто.

ⁱⁱ Так в документе.

№ 22. Рапорт Совета Одесского Народного университета, направленный в Одесскую городскую управу [1918 г.].

В Од[есскую] Гор[одскую] Управуⁱ

Совет Од[есского] Нар[одного] Унив[ерситета] имеет честь доложить Гор[одской] управе, чтоⁱⁱ Од[есский] Нар[одный]ⁱⁱⁱ Унив[ерситет] открыл свои чтения в ноябре 1917 г. и в настоящее время заканчивает второй сем[естр] своей деятельности. В Унив[ерситете] работают 6 лекторских секций.^{iv} именно историко-литер[атурно]-философская, обществ[енных] наук,^v математических и естественных, медицинская, кооперативная и политехническая. В течение первого семестра первые члены секций^{vi} прочли 25 системат[ических] и эпизод[ических] курсов по разным научным областям, в составе всего 308 двухчасов[ых] лекций, при средней плате в 10 к[оп.] за лекцию. Во втором семестре читается теми же секциями 32 курса в составе 404 двухчасов[ых] лекций. Политехн[ическая] секция действует в составе четырех отделов: механического, электротехнич[еского], химического и строит[ельного] и дает систематическую и практич[ескую] подготовку рабочих этих профессий. Наконец кооперативная секция организовала во II семестре особые кооперат[ивные] и счетоводч[еские] шестинед[ельные] курсы^{vii}. Для обозрения всей этой многостор[онней] деят[ельности] Од[есского] Нар[одного] Унив[ерситета] прилагаются при сем^{viii} три расписания лекций. Более же полный отчет будет представлен Гор[одской] Управ[е]^{ix} впоследствии дополнительно так как постановлением Од[есской] Гор[одской]^x Думы внесено^{xi} в смету 1918 г. 25 тыс. пособие Од[есскому] Нар[одному] Унив[ерситету], и так как ныне заканчивается^{xii} второй семестр его деятельности Совет Од[есского] Нар[одного] Унив[ерситета] покорнейше просит Управу сделать распоряжение о передаче Нар[одному] Унив[ерситету] первой половины из ассигнованных ему 25 тыс. р. в текущем году, т. е. 12.500 р.

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 32, ед. хр. 302, л. 271. Подлинник. Автограф Н. Н. Ланге. Черновик.

ⁱ В Од. Гор. Управу вписано над строкой вместо зачеркнутого машинописного текста В Совет Одесского Народного Университета.

ⁱⁱ Слово зачеркнуто.

ⁱⁱⁱ Слово вписано над строкой.

^{iv} Слово зачеркнуто.

^v Слово зачеркнуто.

^{vi} Слово зачеркнуто.

^{vii} Слово зачеркнуто.

^{viii} Далее слово зачеркнуто, слова три расписания вписаны над строкой.

^{ix} Слово зачеркнуто.

^x Слово зачеркнуто.

^{xi} Слово зачеркнуто.

^{xii} Слово зачеркнуто.

№ 23. Письмо Н. Н. Ланге ректору Новороссийского университета А. Д. Билимовичу [Одесса, август 1919 г.]¹.

Г. Ректору Новороссийского университета.

На предложение Ваше от 29 августа за [№] 2242 должен сообщить нижеследующее. В начале июня Е. Б. Щепкинⁱ обратился ко мне с предложением быть[ь] консультантом при Совете комиссаров высших учебных заведений Оде[сс]ы, на ряду с некоторыми другими профессорами университета². Я согласился на это предложение по следующим мотивам. Во-первых я полагал, что при поставленной на очередь реформе университета и большой неопытности в это[м] деле комиссаров я могу моими указаниями способствовать более правильном[у] ходу этого дела. Вторым мотивом явилось для меня те мои воззрения, к которым я постепенно пришел под влиянием событий нашего времени. Имен[но] я пришел к убеждению (каковое [с]охраняю и в настоящее время), что чудовищность всеевропейской войны и произведенные ею материальное и духовное обнищание человечества не может быть поправлено одними политическими реформами, хотя бы и весьма радикальными, что в частности конституционный или республиканский строй поведет сам по себе вероятно только к дальне[й]шему росту капитализма и его гнета и войнами, но что необходимо для спасения будущего [чело]вечестваⁱⁱ изменение, соответственное величине причиненных бедствий, именно разрешение социального вопроса в духе социально экономического равенства и новое воспитание человечества в духе этого равенства. В этом строе необходимо и глубокое обновление школы, университета, самой культуры и даже наукиⁱⁱⁱ.

Вступив в качестве консультанта в Сквуз я однако должен был вскор[е] убедиться что существенного влияния, как лицо за которым не стоит никакой политической партии, я оказать не могу. Так уже на первом же заседании 14 июня мое предложение подождать с слиянием в одно всех высших уч[ебных] заведений Одессы³, в виду полной невыясненности полезности и необход[и]мости такого слияния было отклонено председателем собрания, с указание[м] что это уже осуществлено в Харькове⁴ и вопрос вообще предрешен властью в Киеве. Мои вопросы^{iv} о том, каковы вообще полномочия комиссара по вы[с]шим учебным заведениям и подлежат ли его решению так сказать законодательная сторона высшей школы или только адм[и]нистративная тоже остался б[е]з рассмотрения или вернее было указано, что в настоящий момент ему принадлежит собственно безграничная власть. Наконец оказалось, что члены консультанты входят лишь в состав так наз[ываемой] большой коллегии [С]квуза, особенно же острые дела разрешаются без нас, в малой

ⁱ Так в тексте. Имеется в виду Е. Н. Щепкин.

ⁱⁱ В тексте опечатка: гевчества.

ⁱⁱⁱ Часть текста первого абзаца подчеркнута фиолетовым карандашом..

^{iv} Слова мои вопросы напечатаны дважды.

коллегии, т. е. при участии лишь партийных деятелей совета. В виду всего этого, а также и того, что реформа высшей школы направлялась, по-моему мнению, случайно и нецелесообразно, я, после издания приказа об объединении всех учебно-вспомогательных учреждений физико^v-математического и медицинского факультетов, на обсуждение которого я тоже не получил приглашения, я пода[л] в Сквуз 7 июля официальное заявление о том, что слагаю с себя обязанности консультанта. На устные вопросы, что побуждает меня к этому отказ[у] я указал членам Сквуза.

НБ ОНУ ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 36, ед. хр. 361, лл. 313–313 об. Подлинник. Машинопись.

Примечания

¹ Предположительная дата документа — конец августа 1919 г. (23 августа 1919 г. Одессу заняли силы Добровольческой армии). После смены власти Н. Н. Ланге был вынужден давать объяснение университетскому начальству по поводу своего сотрудничества с Советской властью.

² С июля 1919 г. Е. Н. Щепкин являлся заведующим Одесским губотделом народного образования и председателем Совета комиссаров высших учебных заведений Одессы (СКВУЗ), возникшего 10 марта 1919 г. после утверждения отделом высшей школы Наркомпроса УССР «Временного положения... об управлении высшими учебными заведениями» (постановление № 8). СКВУЗ функционировал в Одессе с апреля по август 1919 г. Главной задачей СКВУЗа было проведение реформы высшей школы, активное участие в которой (на первоначальном этапе) принял Н. Н. Ланге.

³ К 1919 г. Одессе функционировали, кроме консерватории, пять высших школ (ИНУ, ОВЖК, высший международный институт, политехнический и сельскохозяйственный институты). Реформа, о которой идет речь в документе, предусматривала их объединение в единое учебное заведение.

⁴ Весной 1919 г. Совет комиссаров (под руководством помощника народного комиссара И. Н. Назарова) провел в Харькове реформу высшей школы.

^v Слова вспомогательных учреждений физико напечатаны дважды.

№ 24. Письмо Н. Н. Ланге к декану историко-филологического факультета ИНУ А. П. Доброклонскому (Одесса, 31 августа 1919 г.).

*Оффици[иальное] письмо А[лександр]у Пав[лович]у Доброклонскому
как декану фак[ультета] 31 авг[уста] 1919 [г.]ⁱ*

Многоуважаемый Александр Павлович.

Так как я некоторое время принимал участие в Сквизе¹ в качестве консультанта, то я считаю ныне моим нравственным долгом просить Вас, как декана историко-филологического факультета, поставить, по моей просьбе, факультету вопрос, желательна или нет ему, чтобы я продолжал мою преподавательскую деятельность в его среде. В случае отрицательного ответа я выйду из состава нашего университета. Такой вопрос и его постановка является, может быть, несколько необычной, но мы и живем в необычное времяⁱⁱ. *Но при создавшихся обстоятельствах должен настоятельно просить об этом*ⁱⁱⁱ.

Обращаясь с моей просьбой^{iv}, я нахожу необходимым дать краткий^v отчет в чем состояла моя деятельность в Сквизе. В начале июня Евгений Николаевич Щепкин обратился ко мне с предложением быть консультантом при Сквизе, вместе с некоторыми другими профессорами. Я согласился на это предложение по двум следующим мотивам. Во-первых, я полагал, что при поставленной на очередь^{vi} советским правительством реформе университета, я, как лицо состоящее на службе этого правительства и получающее от него жалованье, обязан, в пределах университетского дела, оказывать ему содействие. Во-вторых я^{vii} *думал что*^{viii} <я, как лицо, состоящее на службе у этого правительства и получающее от него жалование обязан, в пределах университетского дела оказывать ему содействие. Во-вторых, я думал^{ix}> при большой неопытности в университетском деле комиссаров Сквиза, я могу моими сведениями содействовать более правильному ходу предстоящей реформы, как консультант^x. Третьим мотивом явилось для меня та общая перемена, которую я пережил под влиянием событий нашего времени. Именно я пришел постепенно к убеждению (каковое сохраняю и ныне), что чудовищность всеевропейской войны и произведенные войны и произведенные ею материальное и духовное обнища-

ⁱ Текст, вписанный от руки красными чернилами, отмечен курсивным шрифтом.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто: Во всяком случае вопрос о перераспределении профессоров входит ведь в функции факультета.

ⁱⁱⁱ Предложение вписано над строкой.

^{iv} Далее зачеркнуто: к факультету,

Далее зачеркнуто: поясняющ[и]е сведения.

^{vi} Далее зачеркнуто: советским.

^{vii} Далее слово зачеркнуто.

^{viii} Далее зачеркнуто: реформе университета.

^{ix} Далее слово зачеркнуто.

^x Далее зачеркнуто: Вторым.

ние человечества не может быть поправлено одною политической реформой, хотя бы самую радикальную, и что в частности конституционное управление поведет *вероятно* только к дальнейшему росту капитализма и его гнета и войнам, но что необходимо для спасения будущности человечества изменение пропорциональное величине причиненных бедствий, именно разрешение социального вопроса и новое воспитание человечества в духе социального равенства, соответственно новому культурно-социальному строю. В этом же грядущем строе необходимо совершенное обновление школы, университета и самой культуры и *даже* науки.

Вступив в качестве консультанта в Сквуз я однако должен был вскоре убедиться, что существенного влияния я не могу в нем оказать. Так уже на первом же общем заседании мое требование подождать с слиянием всех высших учебных заведений Одессы в одно, в виду невыясненности полезности этого предприятия и крайнего хаоса, который оно сразу произведет, было решительно отклонено председателем собрания с указанием, что это уже осуществлено в Харькове² и вопрос вообще *предрешен*^{xi} властью в Киеве. *Вопросы мои о том*, каковы вообще полномочия Комиссара университета и подлежат ли его решению не только административная, но и, так сказать, законодательная сторона высшей школы в Оде[с]се, тоже остался без решения, или вернее, было сделано указание, что в настоящий момент ему принадлежит безграничная власть^{xii}. *Наконец* оказалось, что наиболее^{xiii} *существенные* дела административного и финансового управления разрешаются в Сквузе в особых совещаниях комиссаров, *как партийных деятелей, именно в т[ак] наз[ываемой] малой коллегии* в котор[ой]^{xiv} консультанты не принимают участия. В виду этого, а также того, что реформа университета направлялась, по моему мнению, случайно и нецелесообразно, я после выхода приказа-об объединении всех учебно-вспомогательных учреждений физико-математического и медицинского факультетов (к обсуждению которого я не получил приглашения) я подал, кажется, 7 июля в Сквузе официальное заявление, что я слагаю с себя обязанности консультанта. На устный^{xv} *распрос*^{xvi} комиссаров, что побуждает меня к этому отказу я^{xvii} *отвечал*, что не могу одобрить тот грубый тон и, так сказать, фельдфебелевское отношение, в котором проводятся реформы, что на меня, как консультанта, падает ответственность за все решения Сквуза, в которых я однако не участвовал при обсуждении, что Сквуз обязан был принять решительные меры к освобождению арестованных профессоров в чрезвычайной комиссии³, чего он не делал и т. д. На просьбы остаться я ответил,

^{xi} *Далее зачеркнуто:* властью в [К]иеве. *Далее слово зачеркнуто.*

^{xii} *Далее зачеркнуто:* Кроме того.

^{xiii} *Далее зачеркнуто:* острые.

^{xiv} *Далее слово зачеркнуто.*

^{xv} *Далее слово зачеркнуто.*

^{xvi} *Далее слово зачеркнуто.*

^{xvii} *Далее зачеркнуто:* указал.

что это могло бы произойти только на некоторых совершенно определенных условиях, а именно, чтобы мы, консультанты имели право решительного голоса по всем делам, чтобы права и полномочия комиссаров были строго определены и чтобы число консультантов было значительно повышено. Ответа на эти требования я не получил, они или вовсе не обсуждались, или были отвергнуты. В дальне[й]шем же я был приглашен и принимал участие в обсуждении только двух вопросов: о программе нуль-семестра — в качестве председателя от Народного университета и об новых учебных планах — в качестве председателя философского отделения (после его принципиального одобрения историко-филологическим факультетом), уже наряду с другими представителями университетской профессуры приглашенными для обсуждения этих учебных планов.

Наконец, для полноты моего отчета о моей общественной деятельности за время советской власти^{xviii}, я должен еще упомянуть о трех моих публичных речах по вопросу о сущности трудовой школы, из которых первая была сказана на собрании в цирке, вторая — на учительской конференции, устроенной учительским всероссийским союзом и третья — на съезде учителей, организованном комиссари[а]-том просвещения. В этих докладах я развивал с (чисто) педагогической точки зрения преимущества трудовой школы, как соединяющей умственное образование с воспитанием к физическому труду и тем сопутствующее демократическому объединению народа с интеллигенцией. Этот тип школы, ведущий свое начало от Песталоцци, я считаю и теперь наилучш[им]^{xix}.

НБ ОНУ ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге. карт. 36, ед. хр. 361, лл. 314–314 об. Подлинник. Машинопись, частично рукопись.

Примечания

¹ См. прим. 2 к документу № 23.

² См. прим. 3 и 4 к документу № 23.

³ По решению Временного рабоче-крестьянского правительства Украины от 3.12.1918 г. была создана Всеукраинская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (ВУЧК). Одесская ЧК была образована 5.04.1919 г. сразу после установления в городе советской власти. Среди арестованных и заключенных в тюрьму ЧК был профессор университета А. П. Доброклонский (арестован в июле 1919 г.). В «Окаянных днях» И. А. Бунин упоминает о ранее арестованном «каком-то профессоре», входившем в одесский комитет «Русского народно-государственного союза» (Бунин И. А. Окаянные дни. — Москва, 1991. — С. 83). Возможно, речь шла о профессоре А. И. Щербакове, арестованном в то же время.

^{xviii} Далее зачеркнуто: и.

^{xix} Часть текста подчеркнута фиолетовым карандашом.

№ 25. Заметка Н. Н. Ланге о его отношении к большевизму [1919–1920 гг.]¹.

От большевизма меняⁱ от большевизма меня отдаляетⁱⁱ отрицание большевикамиⁱⁱⁱ политич[еских] прав у всех кроме пролетариата, отрицание ими свободы слова^{iv}, стремление обосновать свои цели на возбуждение вражды и ненависти между разными^v общественными классами и наконец приемы их практич[еской] политики выражающиеся в деятельности чрезвы[чайных] комиссий² [и т. и д.?). Я напротив всегда признавал^{vi} справедливость общеполит[ических] прав, свободы слова, соглашения и внутр[еннего] мира в государстве и недопустимость политики^{vii} признающей что цель может оправдывать безнравств[енные] средства ее достижения. Но вместе с большевизмом я признаю необходимость социального имущ[ественного]^{viii} уравнивания, ограничения^{ix} огромных собственников требованиями этики и справедливости, а в области народного просвещения — осуществления общедоступного просвещения, в том числе и высшего, для всех, т. е. расширения университета до общенародного его значения^x. В этом^{xi} отношении как ни нелепы и вредны были попытки сразу привлечь пролетариат в унив[ерситетскую] аудиторию особенно же надежда дать ему нужную для академ[ического] образования подготовку в течение одного семестра, по существу и в нравств[енном] и в общ[ественном] отношении за этим стремлением я не могу не признать нравств[енности] и справедливости.

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 36, ед. хр. 360, л. 311–311 об. Подлинник. Красные чернила.

Примечания

¹ Документ предположительно датирован периодом советской власти в Одессе в 1919–1920 гг.: 5 апреля 1919–23 августа 1919 г. и с 8 февраля 1920 г.

² См. прим. 3 к документу № 24.

ⁱ Слово отличает зачеркнуто.

ⁱⁱ Далее слово (неразборчиво) вписано над строкой.

ⁱⁱⁱ Слово права зачеркнуто.

^{iv} Слова и, конечно, вся та практик старого зачеркнуты. Далее следует неразборчивый текст.

^v Слово разными вписаны над строкой.

^{vi} Слова и работал вписаны над строкой и зачеркнуты. Далее следует неразборчивый текст.

^{vii} Слово ставящей зачеркнуто.

^{viii} Слово имущ. вписано над строкой.

^{ix} Слово ограничения вписано над строкой вместо зачеркнутого.

^x Далее слово зачеркнуто

^{xi} Далее слово зачеркнуто

Из творческого наследия Н. Н. Ланге

Французская этика.

Общая характеристика французской этики XIX века.

Подобно тому как немецкая философия вся выросла из протестантского рационализма, французская этика XIX века во всей своей целостности есть продукт революции 1789 г. Революция эта есть центр, около которого вращаются все оригинальные французские учения, и отношение в которое они становятся к ее принципам дает характер всему прочему их содержанию.

Дело первой революции, как всякого исторического события, не может быть выражено в одном отвлеченном положении. Она прошла различные периоды, которые совершенно несходны по своим принципам; последние ее года представляют даже исключительно патологические явления. Но то, с чего она началась, то, что дало ей силу победить старый порядок, это дело и эти принципы находят свое простое и ясное утверждение в двух словах: свобода и равенство. «Все люди, говорит *Объявление прав человека*, равны по природе и перед законом», свобода есть «естественное право человека»; забвение этих законов есть «единственная причина несчастий в мире»^{*)}.

Мы не имеем нужды здесь обсуждать действительно ли свобода и равенство «естественные права»; для нас важен лишь исторический факт. И смысл этого факта несомненен. Католический и феодальный строй был основан на наследственном

---

^{*)} История революции, к сожалению, еще не получила окончательного и научного характера. Причина этого, отчасти, политические страсти (в современной Франции, в виду 100 юбилея революции, ее события начинают вновь принимать совершенно легендарный и даже символический характер), — отчасти еще совершенно недостаточная разработка коммунальных архивов. Благодаря этим обстоятельствам, историки до сих пор разделены на два совершенно непримиримых лагеря: одни видят в революции начало новой жизни не только для Франции, но для всего мира и доходят до сравнения ее с появлением христианства; другие — считают ее исключительно разложением общества. Вероятно, как везде, истина посередине. Во всяком случае, первое мнение (особ. Мишле) несомненно есть крайность: *всемирно* этического значения французская революция не имеет. Но и мнение второго рода историков (и преим. Тэна) тоже вряд ли допустимо: что революция не была исключительно разложением, доказывает как дальнейшая живучесть ее принципов, так и множество исторических событий, из которых достаточно напомнить хотя бы федерации 91 года. В нашем изложении мы принимаем, что принципом *первого* периода революции была политическая свобода и равенство. Если даже это неверно (что, однако, сомнительно), то *для нас* важно не то, чем была революция на деле, но то, как понимали современники ее смысл. Ибо только это последнее обстоятельство определяет последующее отношение к ней философов и мыслителей. А что такой именно смысл придавали революции это и вообще несомненно, и будет доказано всем нашим дальнейшим изложением.

неравенстве и на отрицании индивидуальной свободы. К концу прошлого века под влиянием обстоятельств, которые до сих пор лишь отчасти объяснены, сознание личного достоинства и цены личности необыкновенно возросло. Оно нашло себе выражение отчасти в философии, преимущественно же в политической революции. Справедливость требования свободы и равенства получила для людей той эпохи такую (временную) очевидность, что старый феодальный строй рухнул почти без всякого сопротивления. «Каков был принцип революции, спрашивает ее историк? Никто его не создавал, но все чувствовали. Это был принцип права, но не права вещного (на собственность, фьефы), но право человека как такого, одинаковое право для всякой человеческой личности, т. е. принцип по преимуществу духовный... Этот принцип лежал в основе первых избраний: все, как собственники так и пролетарии одинаково стояли за него; *Объявление прав человека* признало равенство людей, и все разумели под этим равенство прав гражданина^{*)}.

Около этого принципа равенства и свободы вращается вся оригинальная французская философия XIX века. Одно направление, возникшее как реакция против революции, отрицает этот принцип и противопоставляет ему его противоположность — господство общества над личностью и отрицание индивидуального права: человек есть собственность общества. Это — философия социализма и ультрамонтанства. Другое направление — гораздо позднейшее — вновь восстанавливает принципы революции и развивает их в целую систему, которой основание одно — безусловная цена личности — эта философия индивидуализма. К первому направлению принадлежат: Сен-Симон и его ученики, Фурье, Конт, а с другой стороны Жозеф де-Местр и аб. Ламенне; второе нашло себе наиболее видного представителя в Прудоне.

Это разделение французской этики может показаться с первого взгляда более, чем странным. Кажется, что общего между социализмом и ультрамонтанством? Не правильнее ли отождествлять первое с революционными принципами? Можно ли прямо противупологать Прудона — социалистам? Последующее подробное изложение, мы надеемся, рассеет все эти недоумения и докажет правильность нашего деления. Оно покажет, что социализм, подобно ультрамонтанству, выходит из признания верховенства некоторого высшего, чем человек существа, которое, для социалистов есть космос (Сенсимонизм) или общество (Конт), а для ультрамонтанов — церковь. Из этого обе эти системы выводят право общества (или церкви) восстановить (хотя бы с нарушением прав личности) то, что они считают нравственно хорошим. Главная добродетель есть для них любовь, как связывающая людей в это верховное целое. Так как сохранение и усиление этого верховного организма есть главная и исключительная цель деятельности, то люди не только не должны требо-

^{*)} *Michelet. Hist. de la Revol. française*, т. II, стр. 265 ср. т. I, стр. 62 и т. II, стр. 352.

вать равенства, но покорно принимать те обязанности и права, которые налагает на них сохранение его (подобно тому как клетки животного организма не могут претендовать на равное значение). Мало того, именно это неравенство функции и связанных с ними прав и есть основа общественного организма. Соответственно этому справедливость в распределении благ состоит не в общем равенстве и даже не в равенстве вознаграждения с результатами работы, но в соответственном с пользой целого общем удовлетворении потребности индивидуума. Опять таки, употребляя любимое сравнение социалистов, известная клеточка организма может получить больше, чем она производит работы, другая же — меньше, если происходящее отсюда благо первой и смерть второй выгодны всему организму.

Совершенно иначе судит об этих вопросах философия Прудона. Ее основы — безусловная цена индивидуальной личности и вытекающая отсюда свобода и равенство с другими подобными же личностями. Нет ничего выше личности — все существует для нее. Поэтому в то время как социализм (и ультрамонтанство) ведут к усилению и укреплению прав государства (или церкви), философия революции последовательно приходит к принципам федеративного устройства и даже, в конце концов, к анархизму. Основная добродетель в этой системе есть не любовь, но справедливость, т. е. признание прав других личностей. Ее формула разделения благ есть равенство.

Итак во всем — полная противоположность. С одной стороны — верховенство государства или церкви, с другой — безусловная цена индивидуума; с одной — усиление общественной власти, с другой — полная свобода; с одной — функциональное различие индивидуумов и связанное с ним их неравенство, с другой — полное равенство; с одной — господство любви или братства, с другой — справедливости.

Какой выход можем мы будем сделать из изучения этих противоположных систем? В последующем изложении мы постараемся показать, что оба направления французской философии содержат и ложь и правду. Ложь состоит в стремлении к объективному установлению основных нравственных принципов обоих направлений, т. е. с одной стороны любви, с другой — справедливости. Объективная этика и здесь, как везде, есть сплошная ошибка. Ни «социократия» Конта, ни власть церкви ультрамонтанства, ни учение о свободе Прудона, ни пантеизм Сенсимонистов, ничто не выдерживает самого первого прикосновения критики. Более того, объективные основы нравственности и здесь, как везде, не только ошибочны, но их применение ведет к нравственной исключительности, а главное — к затемнению самих нравственных идеалов.

Таким образом, наша критика покажет, что в результате развития французской философии мы имеем не какие нибудь общественные системы, ни еще менее объективно обоснованные этические требования, но лишь одно, за то важное и чистое учение — именно о безусловной нравственной необходимости как любви,

так и справедливости. Она покажет далее, что как то так и другое требование развивается в целые системы нравственных идеалов, системы, которые совершенно различны.

Французская этика не примирила этих двух великих нравственных идеалов: идеала справедливости и идеала любви. Мало того, она считает их несоединимыми. И в этом она ошибалась! Но примирение этих двух великих идеалов — есть дело будущего, и, вероятно, дело другого, а не французского народа. Здесь, однако, мы уже выходим из области истории этики и переходим к ее окончательной теории, — задача, которая не может быть решена в пределах этого сочинения.

Установив таким образом общий смысл французской этики XIX века, мы переходим теперь к отдельным характеристикам, чтобы на самом материале истории философии доказать правильность наших взглядов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

**Сен-Симон.
(1760–1825).**

Сен-Симон — основатель современного социализма. Социалистические идеи проходят красною нитью через самые разнообразные эпохи истории и получают у разных народов и в разные времена различные выражения. Иногда они подвергались систематической обработке и являлись тогда в виде знаменитых утопий Платона, Томаса Мора, Кампанеллы и др., иногда находили временное осуществление в небольших религиозных обществах: ессеев, моравских братьев, иезуитов Парагвая и мн. др. Таким образом, считать социализм исключительно современным нам явлением невозможно. Но социализм XIX в. имеет свою характерную черту, резко отличающую его от всех его предшественников: он тесно связан с индустриализмом. В этом отношении Сен-Симон и есть родоначальник современного социализма. Зародившись во Франции в эпоху первой империи и реставрации, *этот* социализм нашел себе многих сторонников лишь во вторую четверть нашего века, после смерти С. Симона и Фурье; развился таким образом в политическую силу в эпоху буржуазной монархии и показал свои зубы в февральскую революцию 1848 года. После Наполеоновского *coup-d'état* он реорганизовался в подпольную пропаганду, перешел в Германию, создал здесь новые теории (которые мы рассмотрим в гл. 9 перв. отд.), а во Франции породил коммуны 1871 года.

Наша задача состоит в том, чтобы показать, какие свойства имел этот социализм в его источниках у С. Симона, Фурье и Конта, какие нравственные и политические теории лежат в его основе, в какое отношение он стал к прочим политическим и общественным силам. Начиная это изучение, мы сразу становимся на совершенно иную почву, чем в предыдущих главах. Учения подобные С. Симонизму невозможно брать вне всякого отношения *их* к эпохе и к личности основателя; возведенные к совершенно отвлеченным принципам они теряют почти все свои характерные черты, обращаясь или в христианское требование братской любви или в теорию эпикуреизма. Но если конечная цель всякого этического исследования есть не только установление идеала, но и реальное осуществление его, то мы не отходим слишком далеко от нашего плана, исследуя и излагая практические доктрины социализма и необходимые для понимания их биографические факты.

Граф С. Симон родился в Париже в 1760 г. «Ничья жизнь, говорит его биограф^{*)} не была столь бурной, оригинальной и полной приключений». Двадцати лет от роду он сражался под знаменем Вашингтона за независимость Америки и получил звание

^{*)} L. Reybaud. *Etudes sur les reformateurs etc.* p. 77. (Paris 1842).

полковника. Но не самая война его интересовала, а только ее цель. «Мое призвание, говорит он, иное чем быть солдатом; меня увлекал род деятельности иной, можно сказать, противоположной. Изучить ход развития человеческой мысли, чтобы способствовать усовершенствованию цивилизации, вот цель, которую я себе поставил^{*)}. Возвратившись во Францию, он не принимал никакого участия в революции. Мало того, во время террора он, как и Фурье, был в тюрьме^{**)}. (Мы увидим дальше, как далек был первоначальный социализм от демагогии и по своим идеалам). Вступив в компанию с одним пруссаком, С. Симон пустился в коммерческие обороты. Как он утверждал, его целью было приобрести средства для осуществления различных реформ. Действительно, он скоро оставил финансовые предприятия и истратил полученный при ликвидации капитал весьма быстро и весьма оригинальным способом. Именно, прежде всего он обратился к изучению самых разнообразных наук. Но как *grand seigneur* он не сам пошел к ученым, а приглашал их к себе. Поселившись сначала около «Ecole polytechnique» он принимал за своим столом физиков, чтобы познакомиться с физикою, и астрономов, чтобы изучить астрономию. Затем с тою же целью он поселился против «Ecole de Médecine». И действительно, нельзя отрицать, что в своих сочинениях он проявил весьма разнообразные сведения, но эти же сочинения свидетельствуют и о большой хаотичности этих знаний. Вслед за тем и с тою же целью он предпринял обширные путешествия по Англии, Германии и Швейцарии. Возвратившись во Францию С. Симон начал вести светскую и широкую жизнь, но и в этом преследовал все ту же цель — узнать страсти и мысли людей. «На балы, обеды и вечера, на которые он смотрел только как на средство для новых наблюдений, говорит Reybaud^{***)}, (которого, конечно, невозможно здесь обвинить в пристрастии), — он истратил все остальное свое состояние; гастроном, кутила и расточитель, но скорее по плану, чем по природным влечениям, С. Симон пережил в один год то, что другие в пятьдесят... Он окупился в болезни века, чтобы дать их полную физиологию: это была жизнь посвященная исследованиям». — Разорившись в конце С. Симон впал в нищету и одиночество; он жил «в бедности, страданиях и унижении», как говорят его ученики, но планы всеобщих реформ его не оставили. В это время Наполеон предложил французской академии наук (l'Institut de France) задачу: показать успехи наук, начиная с 1789 г. С. Симон написал по этому поводу свое первое большое сочинение «Введение в научные работы XIX века» (1808 г.). В этом сочинении он упрекает современную науку в том, что она разбилась на отдельные специальности, которые не заботятся об общей

^{*)} К этому времени относится проект, который он подал вице-королю Мексики, о прорытии Панамского канала. Как известно, Лессепс был в свое время тоже сенсимонистом.

^{**)} Michelet. *Histoire du XIX siècle. Directoire*, в начале.

^{***)} Reybaud. *Etudes etc.*, стр. 80-81.

цели. Наука должна быть единой, чтобы служить единой цели — общественному благу. Он продолжает развивать эти идеи и в других сочинениях, пока к 1814 г. его мысль не принимает по преимуществу социального и политического направления. К этому периоду относятся его главные сочинения «Sur la reorganisation de la société européenne» 1814 г. (написанное вместе с знаменитым впоследствии историком, а тогда учеником С. Симона — Амед. Тьерри), «L'Industrie» 1817 г. (с эпиграфом «Tout par l'industrie, tout pour elle»), «L'organisateur» 1819–20 (имевший некоторый успех, особенно благодаря так назыв. «Parabole»), «Système industriel» в трех частях (1821–22) и известный «Catéchisme des Industriels» 1822–23, которого третья часть написана Ог. Контом, в то время учеником С. Симона. Между тем бедность и даже нищета продолжала одолевать смелого реформатора. Издание его сочинений могло быть исполняемо только через унижительные и долгие просьбы. «Совершенно неизвестный еще С. Симон почти всегда принужден был ходить от двери к двери, собирая подачки, чтобы заплатить таким образом издателю. Мало того, не раз наследник одного из знаменитейших имен Франции должен был удовлетворяться куском хлеба с водою; не раз он должен был лишать себя топлива зимою, чтобы накопить денег на дорогое и бесплодное издание сочинений. Все эти беды *не* сломили философа, он их предвидел. Но раз, однако, тоска одолела его. «Вот уже две недели, пишет он в своем дневнике^{*)}, что я живу одним хлебом, работаю без огня и распродал свое платье, чтобы заплатить переписчику. Эта страсть к науке и общественному благу, это желание найти наконец средство устранить без насилия (d'une manière douce) тот кризис, что тяготеет над всем европейским обществом — привели меня к этому безвыходному положению». Он искал смерти. Однако пуля, не повредив мозга, лишила его только глаза. Еслибы он тогда умер, его последователи не имели бы того сочинения, которое служило им евангелием, его «Нового христианства», написанного в 1825 г. и служащего выражением третьей эпохи его развития — религиозной. В этом же году он умер, имея 65 лет от роду. Его ученики, может быть несколько прикрашивая, след. образом описывают *эту* смерть^{**)}. «С. Симон, чувствуя, что жизнь покидает его, собрал своих учеников у своей кровати и сказал им. «Вот уже 12 день, друзья мои, что я непрерывно обдумываю наилучшие условия, чтобы доставить успех нашему предприятию (дело идет о журнале le Producteur); в последние же три часа, несмотря на страдания, я ищу *résumé* всех своих мыслей, чтобы передать его вам. Вот настает эпоха, когда хорошо сгруппированные усилия приведут к величайшему результату... Груша созрела, вы можете ее сорвать... Последняя часть моих работ «Новое христианство» не будет понято сразу. Думали часто, что всякая религиозная форма должна исчезнуть, потому что удалось доказать дряхлость като-

^{*)} *Lettre à un Catholique sur la vie et le caractère de Saint-Simon* (напечатано в *Doctrine Saint-Simoniène*, стр. 42).

^{**)} *Reybaud*, *ibid.* стр. 97 и сл.

личества. Но это ошибка: религия не может исчезнуть из мира, она должна только преобразоваться... Родригес! (его старший ученик) не забывайте этого! и помните, что для великих дел надо иметь страсть... Вся моя жизнь была проникнута одной мыслью: доставить всем людям наиболее свободное развитие их способностей». Тогда настало несколько минут молчания, после чего умирающий прибавил: «через 48 часов после выхода второго номера вашего журнала рабочая партия будет организована. Будущее наше! Сказав это он поднял руку к голове и умер.

Для полноты характеристики мы можем привести здесь еще слова. П. Жане, этого осторожного и превосходного историка французской философии. «Недостаточно точный и постоянный в своих мнениях, более импровизатор чем мыслитель, С. Симон дал однако идеи, которые пережили его и распространились, и влияние которых мы все более или менее ощущаем. Эти идеи приняли более ясный характер лишь под руками его учеников и были ими приведены в общую систему; но только об нем одном можно сказать, что эта была творческая голова; все другие, хотя и талантливые люди и одаренные воображением, работали на проложенной уже дороге. Он был по истине учителем, и им был дан первый толчок и общее направление. Авантюрист, биржевой спекулятор, разорившийся и нищенствующий дворянин — он не может считаться вполне чистым и достойным уважения характером; и однако он возбуждает интерес как энергический новатор, весь преданный своим идеям, непрерывно повторяющий их и всячески распространяющий, умирающий от голода и холода, но не отрешающийся от них, расточающий все свое имущество и нестыдящийся никакого ремесла, чтобы доставить им торжество. Потомок Карла Великого и законный наследник французского престола (*как он полагал*), он третирует Бурбонов как деревенскую аристократию, а сам жил на средства своего разбогатевшего лакея... Утопист и вместе позитивист, одной ногою в реальном мире, другою — в химере, рассчитывающий на Людовика XVIII и на банкира Лафитта, чтобы сделать их апостолами нового христианства; остроумный собеседник, когда он того хотел (что дает основание предполагать, что он иногда был не прочь мистифицировать общество), посредственный писатель, нищий философ, поддельный ученый, самоучка-экономист, историк *par occasion* диллетант во всем, и несмотря на то, направивший человечество на новые пути; странный тип возвышенный даже в своей низменности, — он мог бы быть изображен во всей своей полноте разве только вторым С. Симоном»^{*)}.

Теперь мы перейдем к учениям С. Симона. Они изложены весьма различно в его различных сочинениях, и сопоставить их в одну систему почти невозможно, ибо эти сочинения представляют более наброски, чем систематическое изложение, и нередко прямо противоречат друг другу.

---

^{*)} P. Janet. *Le fondateur du socialisme moderne. Saint-Simon (Revue d. deux Mondes, 15 avril 1876, стр. 786).*

В то время как С. Симон издал свой первый этюд об социальной реформе (*L'industrie ou Discussions politiques, morales et philosophiques dans l'intérêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et independants*. 1817 г.) во Франции существовали две враждебные политические партии: консервативно-ультрамонтанская Ж. де Местра, Бональда и Ламенне, и либеральная (Б. Констан). Идеалом первой был феодальный режим, защищающий слабых, и церковная католическая иерархия, как душа общества и представительница высшей правды. Либеральная же партия, напротив, считала феодальный режим — деспотизмом, а церковную власть — предрассудком, и Вольтер оставался последним словом ее философии. С. Симон пытается стать выше этих обоих направлений. С одной стороны, он строго осуждает тогдашний либерализм за непонимание религии.

Он старается показать, как католичество было в свое время передовую силою, создавая школы, борясь с рабством, учреждая «Божий мир»; само папство служило тогда нравственную связь между различными народами. Еще более ложны нападки философов XVIII в. на первобытное христианство; это последнее и по своим учениям и по своим делам было истинно прогрессивным. Одинаково ложно и исключительно отрицательное отношение либералов к деспотическому политическому режиму средних веков. Такой режим был в ту эпоху, среди беспрестанных войн совершенно необходим для самого сохранения государств и народов. Поэтому видеть в средних веках только господство предрассудков и деспотизма — ошибочно^{*)}.

Вместе с тем и реформы, которых требуют либералы недостаточны и часто внешнего свойства. Либералы — лишь политические «метафизики». Свобода сама по себе не имеет никакой цены; она не есть ни цель, ни даже средство, а только результат, — каждый свободен в той мере, в какой он имеет силу и власть над природою. «Никто не входит в общество, чтобы быть свободным», для этого лучше оставаться вообще вне его. Столь ошибочно придавать исключительно важное значение законодательным гарантиям.

Но с другой стороны, консервативная партия также далека от понимания современной жизни, перенося на нее прежние, отжившие нормы. Средневековое общество было основано с одной стороны — на войне, с другой — на вере. Но ныне воинственный режим более не необходим, а след. и вреден. Справедливо, чтобы общество управлялось теми, которые лучше всего понимают его основные нужды и их удовлетворяют. Таким и был прежде военный класс, сохранивший самое государство. В наше время главная задача и работа состоит в создании богатства и власти над природою, создают же богатство производители вообще (*les Industriels*), к которым должно причислить как землевладельцев: и фабричных рабочих, *так и*

^{*)} S. Simon. *Opinions littéraires, philos. et industr.* Deuxième opinion (Oeuvres choisies. Bruxelles 1859. t. III, p. 221 sqq); *Du syst. Industr.*, Adresse aux philanthropes (ib. t. III, p. 21 sqq).

больших промышленников, и руководителей обширных финансовых предприятий^{*)}. Поэтому руководители индустрии и должны быть руководителями общества. С другой стороны, католическое духовенство тоже и уже с XV в. перестало быть передовым в умственной жизни народов. Его место все более, и более занимают ученые. Итак, если средневековое общество имело вождами рыцарей и духовных, то новое общество должно управляться производителями и учеными. Только таким образом одна система — феодальная и теократическая, будет заменена другой — индустриальной и научной. Свое мнение С. Симон подтверждает следующими аргументами. Во-первых, что касается воинственного режима, поддерживаемого наследственной знатью, то он, будучи ныне бесполезен, ведет лишь к развитию безнравственных и насильственных страстей, столь противоположных христианским добродетелям; этот режим, далее, приносит и прямой вред, и лучший пример того — разорение Франции, благодаря войнам Наполеона; он вместе с тем совершенно *несправедлив*, отдавая власть тем, чья деятельность ныне бесполезна. Такого же рода возражения делает он против теократии: католическое духовенство забыло свой первый долг, быть самому нравственно чистым, «оно так позабыло свою божественную миссию, что считает своим делом только проповедовать народу совершенно пассивное послушание и не делает никаких общих попыток напоминать государям и их придворным об их обязанностях относительно народа». Католичество, как выражается С. Симон, стало «еретично» уже с XV века, и он обвиняет его (в «Новом христианстве») по следующим четырем пунктам: 1) образование, которое оно дает народу порочно, ибо не направляет пасомых на пути христианства, не учит их деятельной любви и справедливости; 2) это духовенство само не имеет тех сведений, которые делали бы его способным направлять верующих к спасению; 3) католическое духовенство правит в своих имениях еще более в ущерб нравственным и физическим интересам управляемых, чем какое бы то ни было светское правительство, и наконец 4) оно виновно в создании и покровительстве двум диаметрально противоположным духу христианства учреждениям: инквизиции и Ордену Иезуитов^{**)}.

Кроме этих аргументов, показывающих, что феодально-теократическое общество отжило свое время, С. иллюстрирует тот же факт в своей известной «Parabole». Он фиктивно предполагает, что в один прекрасный день Франция лишилась своих лучших ученых, поэтов и всякого рода производителей, числом до 3000, и показывает затем, какой страшный вред принесло бы такое происшествие всему обществу и государству; он делает затем второе предположение, именно что Франция сразу потеряла бы всех представителей высшей знати и администрации, в сумме

^{*)} S. Simon. *Catéchisme des industr.* Premier cahier. Начало. (Oeuvres choisies, том III, стр. 67).

^{**)} *ibid.* т. III, стр. 331 sqq.

30,000 человек. «Это происшествие, говорит он, несомненно огорчило бы французов, по их доброте, они не могли бы отнестись безразлично к исчезновению такого громадного числа их соотечественников. Но с другой стороны, потеря этих 30,000 лиц, считаемых обыкновенно наиболее полезными для государства, не причинило бы никакой реальной беды, потому что было бы весьма легко заменить все эти места новыми индивидуумами, ибо никаких специальных знаний или способностей они вообще не требуют, — и затем он подробно и остроумно развивает это химерическое положение^{*)}.

Итак, место наследственной феодальной и теократической власти должно быть занято учеными (и поэтами, как думал сначала С. Симон) и наилучшими производителями. К какой же цели они поведут общество? Эту цель С. Симон определяет вообще как «производство полезных для жизни вещей» и соответственное тому замена «эксплуатации человека эксплуатацией природы» — формула ставшая впоследствии палладиумом социализма^{**)}.

Здесь было бы неуместно излагать различные планы политической организации, которые предлагал в разные времена С. Симон. Достаточно заметить, что он представлял будущее общество с сравнительно упрощенною администрацией и более соответственной тем целям производства, которые он для него определил. Заметим притом, что в этих планах отнюдь не заметно демагогических склонностей. **Во-первых**, самое осуществление реформы он допускал только через «проповедь» и убеждение. Когда громадное большинство сознает их пользу, изменение произойдет совершенно мирно. Замечательно, что этот утопист рассчитывал даже на помощь Людовика XVIII и Священного союза. Королевскую власть он вообще считал совершенно необходимой. «В сочинениях С. Симона, говорит Жане, — можно встретить бредни, смелые теории, но ни одного слова о насильственном перевороте, социальной ненависти или демагогии. Напротив, они полны уважения к социальному порядку вообще, к иерархии властей и ее необходимости, и именно потому, что С. Симон не удовлетворяется ни анархическими, как он выражается, идеями либерализма, ни ретроградными требованиями теократии, он решается искать новой социальной системы»^{***)}.

Вообще, и это чрезвычайно замечательное обстоятельство, исторически не существует решительно никакой связи между зарождающимся новым социализмом и демагогическими принципами 93 года, с одной стороны, и коммунизмом XVIII в., как он выразился у Руссо, Мабли и С. Жюста, — с другой. Этот последний коммунизм вышел по преимуществу из мало просвещенного удивления перед древними

^{*)} *ibid.* т. II, стр. 395 sqq. (Lettres à MM. les jurés). Сен — Симон был судим за эту Parabole.

^{**)} См. напр. *S. Simon. Oeuvres chois.* Т. II, стр. 371. (*Organisateur. Sur la théorie de l'organisation sociale*).

^{***)} *Janet, ibid.* p. 765.

республиками и в частности перед учреждениями Спарты. Он рассматривал богатство вообще как зло; а потому и развитие промышленности считал признаком разложения общества. Новый же социализм сразу обнаруживает вполне иные свойства: промышленность и вообще производство *составляют* есть для него основу общественного блага, а древние республики (как думал напр. С. Симон) стоят даже ниже средних веков; поэтому и истинный золотой век впереди нас, а не позади.

Не менее отрицательно относится он и к принципам 93 года. «Закон, говорила Déclaration des droits de l'homme, есть свободное и торжественное выражение общей воли» (Art. 4), «главенство (La souveraineté) принадлежит народу» (Art. 25); со своей стороны С. Симон советовал королю не смущаться этой «верховой властью народа» и полагал, что она, подобно некоторым другим политическим догматам, есть лишь «остаток метафизики»^{*)}. «Неотъемлемые и естественные права всякого человека, говорила Déclaration, есть равенство, свобода, безопасность и собственность» (Art. 2), — «все люди равны по природе и по закону» (Art. 3); но мы уже раньше видели как относится С. Симон к подобному провозглашению свободы.

В таком случае, что же составляет принцип зарождающегося современного социализма? Ответ на этот вопрос должен быть таков: новая формула справедливого разделения благ. Но чтобы яснее понять это, мы должны сделать еще последний шаг в изложении учения С. Симона, именно указать на основной принцип развитый в его последнем сочинении «Новое христианство». Сочинение это, написанное в форме диалога между консерваторм и новатором и оставшееся неоконченным за смертью автора, произвело, как известно, чрезвычайное впечатление на общество (в противоположность большинству других сочинений С.) послужило основанием тех доктрин, которые мы будем излагать ниже под названием «сенсимонизма» и включает действительно *довольно* ясное изложение принципа нового социализма, как он явился во Франции, т. е. еще в тесной связи с религиею. Диалог этот открывается следующим образом:

«Консерватор. Верите ли вы в Бога?

Новатор. Да, я верю в Бога.

К. Верите ли вы, что христианская религия имеет божественное происхождение?

Н. Да, я верю в это происхождение...

К. Какая часть этой религии божественна? и какую считаете вы человеческой?

Н. Бог говорит: *люди должны относиться друг к другу как братья*; этот возвышенный принцип включает в себе все, что есть божественного в христианстве (ибо все остальное из него выводимо^{**}).

^{*)} *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin*, publiées par les membres du conseil institué par Enfantin, etc.; том XXI, p 211 (*Janet*, *ibid*).

^{**}) *S. Simon. Oeuvres choisies*, т. III, стр. 321–22.

Затем автор старается показать, что разделение светской власти и духовной есть зло, — ибо как по своей природе, так и по происхождению нравственность божественна, и потому ее принципы должны быть одинаковы для всякой власти. Нельзя по этому сказать: отдайте Кесарево — Кесарю, потому что сам Кесарь должен подчиняться божественному закону. В этом пункте (как и во многих других) первоначальный социализм XIX в. чрезвычайно близко подходит к ультрамонтанству, и мы укажем ниже причину этого удивительного совпадения. Из этого верховного принципа братской любви необходимо вытекает, что «религия должна направить государство к великой цели скорейшего улучшения судьбы наиболее бедного и наиболее многочисленного класса людей»^{*)}. Вот и все! Другого существенно важного содержания мы не находим в «Новом христианстве» (все остальное критика современного католичества и лютеранства). И тем не менее в этих немногих строках, вместе с указанным выше требованием власти для ученых и производителей и указанием на пользу ассоциаций (что особенно будет развито Фурье) заключено семя всего будущего развития социалистических идей XIX века! Все остальное есть или случайные политические примеси или вывод из этих основ.

Первоначальный (французский) социализм, который мы должны строго отличать, как от позднейших (немецких) социалистических теорий Лассаля и Маркса, так и от анархизма (который есть по преимуществу произведение славянского духа, см. отд. IV), может быть вообще характеризуем, как общественная теория, в основу которой положена *любовь* и именно не индивидуальная любовь (к жене, детям, друзьям), но так сказать, мировая — к людям *вообще*. Этот принцип составляет, следовательно, прямую противоположность учениями предъидущей философской эпохи во Франции, так наз. философии просвещения, которая полагала, что все человеческие действия вытекают из эгоизма, и придавала этому эгоизму тоже смысл мировой, космической силы (Helvetius, Holbach, de la Mettrie).

Здесь однако существенно важно отличить социализм от христианства, которого этика тоже основана на любви. Отличие это часто понималось крайне превратно; говорили напр., что в то время, как христианин отдает свое брату, социалист берет от брата свое. Такое замечание обнаруживает большое желание опровергнуть и малое знание опровергаемого. Скорее можно было бы доказать, что иные из позднейших христианских учений допускают эгоизм, и именно в форме загробного счастья. Но как первоначальное христианство, так и доктрины французского социализма невозможно упрекать в допущении эгоизма^{**)}. Между ними есть, одна-

^{*)} S. Simon, *ibid.*, стр. 325 и 328.

^{**)} Можно было бы думать, что напр. у Фурье принцип счастья индивидуумов есть верховная цель нравственной деятельности. Что это однако, не так, мы постараемся показать в главе *третьей*. Наше толкование вообще значительно отходит от почти всех исторических изложений социалистических доктрин; но в этом читатель не найдет ничего странного, приняв в соображение, как произвольны

ко, одно, но зато чрезвычайно существенное различие, которое и делает первое — вечным образцом правды, а второе — пережитым недоразумением. Это различие состоит в том, что для христианства (в его высших проявлениях) любовь *сама по себе* есть лучшее, что может чувствовать и осуществлять человек, для социалистов же, в их постоянных стремлениях к объективной этике, она есть лишь средство для сохранения и укрепления общественного или мирового организма. Только этот организм, по их мнению, есть цель сама по себе (хотя принадлежность к нему и доставляет его органам — людям счастье). Соответственно тому все социалистические французские системы прежде всего утверждают единство и силу духовной иерархии, как связующего элемента в этом организме; потому же они необходимо приходят к принижению достоинства и цены личности в пользу целого; потому же, наконец, это направление кончат системами в роде Контовской, т. е. «католичеством без христианства», как метко выразился о ней Гексли.

У самого С. Симона мы, однако, встречаем лишь задатки этого направления. Эти задатки состоят, во-первых — в требовании братской любви, как верховного принципа общественной жизни, во-вторых, в отрицании учений о безусловных правах личности и достоинстве юридической свободы, и в третьих — в попытках основать нравственность на философии истории, на некотором законе развития. У его учеников это поведет к чисто объективной этике, т. е. к нравственности уже оконеченшей в признании безусловной цены известных *внешних* форм, а не свободной в их непрерывной смене, причем должно сохраняться лишь вечное, одинаковое на протяжении всей человеческой истории и имеющее для нас непостижимое, но верховное совершенство, — чувство любви.

большинство этих изложений и на каком малом знакомстве с подлинными сочинениями социалистов они основаны. До какой степени произвола доходят историки социализма, желая приписать ему те или другие учения, мы можем видеть в известном сочинении Дюринга (*Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus. Dritte Aufl. 1789*), где автор ограничивает французский социализм С. Синомом, а всех его учеников, Фурье и Оуэна считает выродками, забывая, что сам С. Симон есть автор «Нового христианства». Только при подобных произвольных выделениях и возможно отрицать связь социализма с религиозными движениями реставрации.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сенсимонизм.

После смерти С. Симона его учения начали распространяться с удивительной силой. Прежде всего приняли их два человека, которым предстояло в будущем занимать первое место в этом направлении — Базар и Анфантен. Излагая эти учения в основанном ими журнале (*le Producteur*), эти первые последователи С. Симона развили их в целую систему, многое дополнили и изменили. Когда же этот журнал прекратился (за недостатком средств), была предпринята устная пропаганда, именно в продолжении двух лет были читаемы публичные лекции, которые были затем изданы (1830 г.) под заглавием «*L'exposition de la doctrine de Saint-Simon*» и розданы в числе 7000 экземпляров (I-й том). Это сочинение представляет в систематическом виде все учение Сенсимонистов, в апогее его развития. В это время Сенсимонизм имел наибольшее число последователей. Известная тогда газета «*Globe*» перешла в их лагерь со всем багажом. В Париже была основана большая «община» на принципах Сенсимонизма; в Тулузе, Монрепо, Лионе, Меце и Дижоне явилось пять церквей (мы увидим ниже, что Сенсимонизм принял вполне вид религиозной секты); многие из выдающихся людей Франции стали последователями этого направления. Но конец Сенсимонизма был уже близок. В 1831 г. между Базаром и Анфантеном произошло разделение по вопросу об эманципации женщин. Базар и многие другие оставили общину, которая скоро сделалась чисто сектаторским гнездом, а учение ее обратилось в мистический бред, пример которого мы имеем в космологии «*Le livre nouveau*» (1831 г.). Наконец в том-же 1832 г. «община» подверглась судебному преследованию и окончательно рассеялась. Однако жалкие остатки ее (и преимущественно сам Анфантен) еще долго продолжали бесплодную пропаганду^{*)}.

Предъидущие краткие исторические замечания имеют в виду лишь одну цель — указать тот пункт развития, на котором мы возьмем учение Сенсимонизма. Этот пункт, после которого однако учение еще долго продолжало изменяться, есть появление «*L'exposition de la doctrine de Saint-Simon*» (1830 г.), книги наиболее оригинальной и обдуманной во всем этом направлении. К изложению ее содержания мы теперь и перейдем.

Авторы (их было несколько) начинают, как и все реформаторы, с критики современного быта. Наше время, говорят они, есть эпоха полной анархии, ослабления всех общественных связей. Это ясно видно из состояния трех великих отраслей человеческой деятельности — науки, производства и промышленности и искусства. В современной науке нет единства; каждая отрасль, более того, каждый ученый

^{*)} Подробную внешнюю историю Сенсимоновской общины можно найти в цитированном выше сочинении *L. Reyboud* (стр.100-168).

работает не думая о *целом*, об общих задачах; отсюда бесконечная специализация. Правда, разделение работы полезно, но и связь между отдельными работниками также необходимо. Далее, не существует связи и между чистою наукою и ее приложениями; оттого успехи техники и другие общественные выгоды науки случайны и сравнительно малы. Наконец, и это особенно важно, школьное преподавание стоит вне связи с общим движением знания. Одним словом, наука в ее отношении к другим общественным функциям и в самой себе — анархична и лишена единого направляющего принципа^{*)}. Тоже самое, и в еще более сильной степени мы видим в *промышленности и торговле*. Здесь господствует конкуренция — принцип которой есть именно анархическая свобода — прямо противоположная принципу общей организации работы. «Что мы видим ныне? спрашивает автор. Каждый промышленник, лишенный руководства, имеющий мерилом только *личные* наблюдения, всегда и по необходимости неполные, ищет сведений о потребностях потребителей. Вдруг приходит слух, что такая-то отрасль производства дает хорошие выгоды — и все усилия, все капиталы слепо бросаются туда; никто не заботится узнать, какова мера, и где границы объявившегося спроса. Экономисты апплодируют, видя как этот новый путь загромождаются толпой производителей, ибо число бойцов свидетельствует им о широком приложении принципа конкуренции. Но каковы действительные результаты этой борьбы на смерть? Несколько счастливых торжествуют на счет полного разорения бесчисленных жертв. Необходимое следствие чрезмерного в известном направлении производства, этих бессвязных индивидуальных попыток, есть постоянное нарушение равновесия между производством и потреблением». Защитники свободы конкуренции говорят, что все современем улаживается. «Превосходный аргумент! А пока, до этой нивелировки, что делать с миллионами голодных? Эти рассуждения могут ли их утешить? Станут ли они спокойно переносить свою нищету, потому что статистические исследования им доказывают, что через несколько лет они получают хлеб?» Таким образом и в производстве господствует анархия и все предоставлено *эгоизму*. Тоже мы видим и в отношениях рабочего к работодателю. Об этом будет речь ниже, а пока достаточно заметить, что орудия производства могут только тогда дать обществу наибольшие выгоды, когда они будут предоставлены тем, кто наиболее и наилучше способен ими пользоваться. Пока же этого нет, общество приносит свои интересы в жертву отдельным личностям^{**)}.

Наконец, столь же печально состояние современного *искусства*. Искусство есть выражение *чувствований*. Но спокойное, высокое и общее чувство может лишь там существовать, где поэт есть не уединенная личность, а носитель твердых

^{*)} *Doctrine Saint — Simonienne*, p. 48 sqq. (Paris, 1854).

^{**)} *ibid.* p. 53 sqq.

общих идеалов, и где идеалы эти составляют нечто целое, единое. Таково именно было античное и христианское искусство. Но этих свойств лишено наше искусство, которое может быть характеризовано как индивидуальное, скептическое и частное; одним словом — анархическое*).

Таково современное состояние нашего общества, насколько оно отражается в науке, промышленности и искусстве. «В виду этого страшного кризиса мы спрашиваем, говорят Сенсимонисты, у всех разделенных, уединившихся и борющихся людей, не пришла ли пора открыть новую связь любви, знания и деятельности, которая объединила бы их, дала бы возможность стремиться мирно, в порядке и с любовью к одной цели, и тем сообщила бы обществу, всему земному шару — единство, мудрость и красоту?»**). На это Сенсимонизм отвечает своею *теориею прогресса*.

Прежде всего, говорят они, должно различать два рода эпох: органические и критические. В органические эпохи человечество или данный народ сознает свое единство, свою общую цель, и это дает всякой деятельности определенное и согласное назначение. Тогда воспитание и законодательство направляют все действия мысли и чувства к общей цели; общественная иерархия является ее выражением и устраивается сообразно с наилучшим достижением этой цели, потому и власть представляет тогда истинную законность и признанное всеми главенство. Наука и искусство служат в эти эпохи тому же верховному идеалу; личность бывает добровольно поглощена обществом; наконец, — наиболее характерная черта — эпохам органическим свойственна *религия*, как синтез всей человеческой деятельности — общественной и индивидуальной. Таких эпох человечество имело уже две: классическую и христианскую.

Противоположные особенности характерны для эпох критических, представляющих переход между органическими. В подобные периоды прежние идеалы теряют для людей свою санкцию, индивидуальная мысль постепенно разрушает их, единство народа перестает сознаваться, индивидуум хочет выделиться и быть самостоятельным (что, однако, невозможно, ибо человечество есть «коллективное существо»); вследствие того борьба, конкуренция и свобода считаются правами человека, искусство и наука теряют из виду свои последние цели, и наконец, — как характерная черта — религия, т. е. единство идеалов — исчезает. В каждой критической эпохе можно в свою очередь различать два момента: момент борьбы, разрушения прежнего нравственного, политического и религиозного строя, и момент отчаяния и эгоизма — когда это разрушение удалось. Человечество имело уже две подобные эпохи; одна из них соответствует разрушению классического мира. Она началась борьбою древней философии против политеизма и кончилась разложени-

*) *ibid.* p. 58 sqq.

**) *ibid.* p. 17.

ем римского государства; другая есть эпоха, которая начавшись во время реформации, продолжается до ныне. Но конец ее близок — борьба против прежних идеалов давно уже закончена, и мы живем, как показано выше, во вторую половину критической эпохи — во время всеобщего эгоизма, борьбы и отчаяния*).

Таково внешнее движение прогресса, как его понимают Сенсимонисты. Но в основе его лежит особый *внутренний* признак — увеличение в человеческом роде единства и уменьшение в нем антогонизма. Посмотрим теперь ближе на эту сторону развития. История показывает, что люди руководимые единством интересов соединяется в общественные группы все более и более обширных размеров. Первую и естественную ступень в этом процессе составляет *семья*. Из семей происходит *род*, роды слагаются в племена или *национальности*, наконец, национальности, связанные единством веры, составляют федерации, наиболее яркий пример которых мы встречаем в эпоху господства католической церкви. Этот прогресс в ассоциации людей связан на всех своих ступенях с одним и тем же явлением — уменьшением эксплуатации человека человеком и соответственным тому ослаблением физического насилия. Так мы видим, что первоначальная антропофагия переходит в рабовладельчество, рабовладельчество, которое составляло основу античного мира — в крепостное состояние, характерное для средних веков; и наконец, это последнее — в отношения между капиталистом и пролетарием, которое составляет язву нового времени. Но на каждой из этих ступеней — *господство грубой силы, эксплуатация человека и антагонизм интересов* уменьшается, а господство *духовной силы, эксплуатация природы и единство интересов* людей *возрастают**)*.

Установив понятие о прогрессе и разделение его эпох на критические и органические, мы возвращаемся к основному вопросу Сенсимонизма — к тому, как помочь современному состоянию общества, какой идеал должен быть ему дан, чтобы указанные выше язвы могли быть исцелены. Из предъидущих замечаний видно, что суть всех бед состоит в том, что разрушив предъидущие органические идеалы (католического христианства) европейское общество не создало на месте их новых, но находится до сих пор во второй половине критической эпохи, которая, мы видели, всегда характеризуется анархией и господством эгоизма; величайшая задача нашего времени состоит следовательно в создании нового (третьего) *органического* периода и, так как сущность всякого такого периода образуется религиею, то в создании *новой религии*. Здесь мы подходим к основному положению Сенсимонизма и потому должны изложить его с некоторой подробностью.

*) *ibid.* pp. 67 sqq. и 333 sqq.

***) *ibid.* 4, 5 et 6 Séances (pp. 98–131).

Прежде всего должно заметить, говорят Сенсимонисты, что истинная наука отнюдь не исключает религии; каждое положительное знание исследует лишь законы *явлений*, а потому никогда не может показать, что за ними не стоит Божественного Разума. То, что ныне подкапывает корень религии есть не наука, но *эгоизм*. Люди не чувствуют своего единства между собою и с миром, и потому всякое религиозное сознание для них становится бессодержательным и ложным. К такому состоянию привела прежде всего религиозная реформация и затем, как ее последствие, свободомыслящая философия. Мы не должны однако, видеть в этих явлениях чегонибудь случайного: в основе этой критики христианства (католического) лежала, говорят Сенсимонисты, глубоко-истинная идея. Дело в том, что в историческом христианстве существует, по их мнению, нечто ложное. Христос принес на землю завет любви и братства, и в этом отношении эта религия дает безусловную и верховную истину. Но уже с самого начала этот завет получил существенное ограничение, ибо с самого начала было сказано: отдайте Кесарю — Кесарево. Этим ограничением христианская нравственность признала, что существует область ей неподверженная. Такое ограничение, однако, безусловно ложно: если в завете любви мы справедливо видим закон Бога, то ничто не может его ограничить, но он сам должен все подчинить и определить. Какая же была причина этого ложного и произвольного выделения государственной власти из области христианской нравственности? По мнению Сенсимонистов, и здесь мы подходим к основному пункту их учения, причина эта весьма общего характера, именно — христианство признает еще дуализм материи и духа. В государстве до сих пор видят лишь некоторую внешнюю силу, первые христиане считали его даже прямо делом сатаны; не одухотворить его, но избегать, игнорировать — вот в чем была для них правда. Плоть, говорили они, тоже есть источник греха; хотя Слово и стало плотью, но Церковь все-таки признает в Христе две отдельные природы — физическую и Божественную, как и две соответственные им воли. Таково же отношение христианства и к браку: оно во всяком случае считает девство высшим состоянием. Но особенно ясно христианский дуализм и отрицательное отношение к плоти обнаружилось в дальнейших судьбах церкви, в развитии аскетизма, во враждебном или по крайней мере безразличном отношении к физическим наукам, в исключительно духовном искусстве и т. п. Но, продолжают Сенсимонисты, этот дуализм ложен: плоть как и дух, суть одинаково проявления Божества, которое живет во всем и во всем проявляет свою волю. Отсюда догмат Сенсимонистов о восстановлении (*réhabilitation*) плоти.

Понятие, которое дает это учение о Божестве, не отличается, однако, философскою ясностью. С одной стороны, Божество Сенсимонистов обнимает все и имеет пантеистический характер; с другой — они приписывают Ему личные качества и резко порицают философский пантеизм за его отвлеченность, за то что он «живое

единство» мира заместил логическим тождеством субстанции, к которому невозможно «симпатическое влечение»^{*)}.

Свой догмат о Божестве Сенсимонизм выразил в следующих положениях: «Бог есть все, что существует, все — в Нем и все — через Него. Никто из нас не вне Его, но никто и из нас не Он. Каждый из нас живет Его жизнью, и все люди участвуют *сообща* (communions) в Нем, ибо Он есть все, что существует».

Бесполезно было бы входить здесь в подробную критику этих мнений. Достаточно будет заметить, что вся история философии ясно показывает, как трудно соединение личных свойств Божества с идеей Его имманентности миру, и как быстро падали под ударами логики все подобные попытки, из которых многие были, конечно, лучше обоснованы, чем совершенно произвольное утверждение Сенсимонистов.

Из своего понятия о личном Божестве, живущем в мире, Сенсимонизм выводит всю свою этику. Любовь, ее основание, есть ничто иное как сознание «живого единства» Божества; эта любовь направляет науку, которая познает *мудрость* Божества, — и производство, которое есть осуществление *силы* Бога, как она проявляет в людях. Религиозная любовь, как основа, наука и производство, как подчиненные силы — вот триада Сенсимонистов — отражение Божества на обществе. Все общество, всякая индивидуальная деятельность должна быть подчинена этим принципам. «Для нас, говорят они, политическая система обнимает *весь социальный* строй: она определяет цель общественной деятельности, усилия, нужные для ее достижения, направление, в котором должны быть приложены эти усилия, т. е. как *разделение* их (между членами общества), так и *комбинирование* в одно целое; управление (règlement) всеми действиями коллективными и индивидуальными, начиная от самых общих и до самых частных. Мы отнюдь не думаем, что правительственная деятельность должна все более и более ограничиваться. Напротив, мы полагаем, что ее влияние должно распространяться на все деяния человека и всегда в них присутствовать, ибо для нас всякое истинное общество есть *иерархия*. Мы думаем, что чем общественная иерархия полнее, чем она сильнее, тем более данная группа людей составляет общество, а там, где нет иерархии, нет и общества, но только бессвязный агрегат личностей»^{**)}.

Установить яснее принцип социализма — невозможно. Сенсимонисты, можно сказать, с химерической резкостью отрицают свободу личности в пользу социального целого. Но остается еще определить принцип, на основании которого должна быть построена эта будущая иерархия. Этот принцип уже дан предыдущим понятием о нравственности, как исполнении воли Божества: чем человек ближе стоит к

^{*)} *ibid.* p. 419 sq.

^{**)} *ibid.* p. 428.

Богу, чем он более сознает единство мира, тем он более способен руководить своих братьев, и это руководство будучи высшим, будет вместе с тем справедливым и *признанным*. Принцип разделения власти, как и разделения труда и результатов его, Сенсимонизм выражает в известном положении, которое стало господствующим во французском социализме, как новая формула безусловной справедливости. Эта формула гласит: «Каждый должен быть помещен в обществе по его способностям, а вознагражден — по результатам его труда».

Если религиозная любовь есть наиболее полное осуществление единства мира, то во главе общественного строя должны стоять те люди, которые наиболее проникнуты этой религией — священники новой религии. «Дело священника — непрерывно напоминать людям об их назначении, внушать любовь к этому назначению, учить средствам, через которые оно может быть достигнуто, совокуплять эти отдельные усилия и направлять их к цели»^{*)}.

Подчиненное положение должны занять две другие общественные деятельности, которые служат более частным проявлениям Божества: *наука* для познания законов природы, в которых проявляется мудрость Бога, и *производство* (в широком смысле слова) как изменяющее и возвышающее условие жизни человека (и природы) и тем «продолжающее творение мира». Таким образом идеал сенсимонизма есть идеализированная *теократия*: социализм в своем источнике почти тождественен с ультрамонтанством. Во введении к изложению французской этики мы уже достаточно указали на это удивительное и характерное совпадение.

От этих химерических теорий (которые показали себя мертворожденными при первом их практическом приложении в сенсимоновской общине) мы перейдем теперь к их приложениям, в которых это направление обнаружило свои лучшие и наиболее разумные стороны, именно мы укажем на те реформы (имеющие все преимущественно этическое значение), которые Сенсимонизм предлагал для возвышения нравственного значения воспитания, производства и права собственности.

Прежде всего, что касается *воспитания*, то Сенсимонисты подобно другим социальным реформаторам (Фурье, Конт, Оуэн, даже утилитаристы) полагают в нем все свои надежды на коренное изменение людей, которое необходимо для осуществления их системы. «Воспитание, говорят Сенсимонисты, имеет две цели — нравственное развитие и специальное обучение. Первое, конечно, будет общим и одинаковым для всех, — оно имеет задачей внушить человеку с детства социальное чувство любви, как главный мотив для деятельности, приучить его смотреть на себя только как на часть целого и отнюдь *не допускать мысли, что нравственность есть только выгодный для индивидуума расчет*»^{**)}. Это общее воспитание должно иметь в

^{*)} *ibid.* p. 432 sq.

^{**)} *Из этого видно, как далек первоначальный социализм от утилитаризма, а тем более от эгоизма.*

виду развитие не ума, но чувства, и быть вполне догматично. Сенсимонизм резко упрекает современное воспитание именно за то, что в нем обучение занимает главное место, в ущерб собственно воспитанию. Профессиональное обучение, конечно, тоже должно быть всеобщим, т. е. для всех обязательным, но отнюдь не одинаковым. Согласно социалистическому принципу господства общего над индивидуальным, Сенсимонизм требует, чтобы профессия человека была определена с детства и притом общественной властью, которая *при* этом будет руководиться 1) склонностями ребенка, 2) потребностями общества в тех или других работниках. Таким образом, с одной стороны профессия будет более соответствовать вкусам людей, с другой — будет устранена конкуренция, ибо величина потребления будет служить нормою производства*).

Вопрос о *распределении* капитала, как орудия производства, составляет, конечно, *punctum saliens* социализма и в общезитии даже прямо отождествляется с ним. Сенсимонисты начинают с критики учений о праве собственности. Собственность, говорят они, есть конечно основа общественной жизни и уничтожить ее дело немислимо и вредное. Но с другой стороны столь же ложно утверждать, что условия права собственности никогда не изменялись и не могут быть изменены. Было время, когда воля завещателя была неограниченна, теперь она во многих случаях определена законом; величина роста на капитал тоже крайне изменчива и может быть нормирована. Таким образом в *условиях* права собственности и в частности права *наследования* нет ничего вечного и неизменяемого. С другой стороны, рассматривая современные законы о наследстве и распределении собственности, мы видим, к какого рода общественным несправедливостям и вреду они ведут. Во-первых, большинство недвижимого имущества в западной Европе есть результат феодального захвата и завоевания. Мы видели выше, что этот режим, как он ни был полезен в эпоху насилия, теперь не имеет смысла и потому вреден: военная знать теперь бесполезна и потому, по выше указанной формуле справедливости — каждому власть по его общественной пользе — не имеет нравственного права на эти имущества. Тоже должно сказать и о всех тех людях, которые живут лишь процентами своего капитала, не участвуя прямо в производстве. Во-вторых, современное господство капитала ведет к эксплуатации рабочего, который не получает того, что ему следует по принципу «каждому вознаграждение по мере результатов его работы». Наконец, в третьих, современное распределение собственности вредно всему обществу (а его польза есть безслвно верховный закон), ибо орудия производства не предоставлены тому, кто может *их* наилучше эксплуатировать. Кроме того, мы уже видели раньше к чему ведет современный индивидуализм в производстве, и

---

*) *ibid.* pp. 182–222 (Séances 9–11).

какое зло безграничная конкуренция^{*)}. Для устранения всех этих бед необходимо, продолжают Сенсимонисты, чтобы орудия производства были распределяемы: 1) сообразно местным и специальным потребностям каждой отрасли производства, 2) сообразно индивидуальным способностям, и 3) производство должно быть так организовано, чтобы всегда было сохранено отношение между ним и требованиями потребителей^{**)}.

Как средство для осуществления этих требований Сенсимонисты предлагают уничтожение права наследства, которое притом и противоречит их формуле справедливости: каждому по *делам*. Таким образом имущества постепенно перейдут в руки государства, которое уже будет их распределять соответственно вышеуказанным принципам. Распределение это Сенсимонисты представляли себе на подобие государственного банка, но который делал бы выдачи сообразно *способностям* предпринимателя, а организацию работы — на подобие средневековых цехов, только в более справедливых и широких формах.

Из этого изложения мы видим, что современный социализм, как мы его встречаем у Сенсимонистов, еще далек от коммунизма; в этом последнем распределение благ совершается по ровну, Сенсимонизм же требует распределения орудий производства по способностям, и результаты работы отдает всецело производителю, сохраняя таким образом (в известных границах) индивидуальную собственность^{***)}. В сочинении Кабета «*Путешествие в Икарию*» (1846) формула распределения уже изменена, именно, это распределение совершается уже по «потребностям каждого».

---

^{*)} *ibid.* pp. 132–136.

^{**)} *ibid.* p. 137.

^{***)} *ibid.* p. 130.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

**Фурье.
(1772–1835)**

Французские социалистические теории имеют два источника — Сенсимонизм и Фурьеризм, направления почти одновременные^{*)} и дополняющие друг друга, но весьма различные по своей судьбе: в то время, как теории Сен-Симона были весьма неясны и получили полное развитие лишь под руками его учеников, система Фурье почти сразу явилась в законченном виде и ее дальнейшие изменения несущественны^{**)}; во-вторых, Сенсимонизм имел хотя и краткое, но зато широкое распространение, Фурьеризм же никогда не был действительно популярным (в Европе по крайней мере).

Рассматривая в целом эту утопию, мы не можем не признать ее наиболее оригинальной из всех, какие только известны

Рассматривая в целом эту утопию, мы не можем не признать ее наиболее оригинальной из всех, какие только известны в истории (за исключением «Государства» Платона) и вместе с тем наиболее фантастической. Сам Фурье — тип утописта, т. е. человек, для которого никакой предыдущей истории, ничего, что стоило бы в прошлом сохранения, не существует; для *него* придумать новую социальную теорию и ожидать ее немедленного и полного осуществления, значило одно и то же.

«Наибольшая ошибка в жизни Фурье, говорит Рейбо,^{***)} состояла в том, что живя, так сказать, вне нашего мира, он никогда не снисходил до того, чтобы понять, что для приобретения влияния на людей надо жить их жизнью. Раз он установил для себя и в согласии со своею основною мыслью все члены грандиозного уравнения, которое должно было создать полную гармонию человеческих интересов, для него *стало* очевидным, что эта теория будет немедленно принята всеми. И чем дальше он шел в своих открытиях, тем больше укреплялось в нем это убеждение. В начале,

---

^{*)} Три главные сочинения Фурье появились: *Théorie des quatre mouvements* (это движения свойственные неорганической и органической материи, животным и общественным группам) — в 1808 г.; *Traité de l'association domestique et agricole* (второе издание под заглавием “*L'Unité universelle*”) — в 1822 г., и *Le nouveau monde industriel et sociétaire* — в 1829 г. Уже первое из этих сочинений заключает все главные идеи Фурье. Наше изложение сделано, преимущественно, по последнему из этих сочинений, наиболее систематическому.

^{**)} Из немногих учеников Фурье наиболее известен Victor Considerant (автор “*La destinée sociale*” 1836–1838, и мн. др. сочинений). Изменения введенные последователями Фурье касаются преимущественно теории о свободе любви и, вместе с тем, вообще смягчают сенсуализм фаланги. Полные библиографические указания можно найти у *L. Reybaud* — *Etudes sur les réformateurs contemporains* (Paris 1842).

^{***)} *L. Reybaud*, *ibid.*, p. 176, 191 sqq.

заботясь еще об успехе, он иногда снисходил до уровня понимания публики, но впоследствии, опьяненный своими умозрениями, окончательно отбросил эти уступки. Сам идя вперед, он вообразил, что другие шли за ним; он стал говорить о своей теории, как о господствующей, как о принятой, даже создал для нее особенный язык... В этом состоянии экстаза и уединения, неподвижная и господствующая идея не позволила Фурье дать своим откровениям ту форму изложения, которая выставила бы на вид их действительные преимущества, форму привлекательную для общества и доказательную для ученых... Не он владел теорией, но она им».

Всем известно, что Фурье, кроме своих этико-социалистических теорий создал весьма оригинальную и чрезвычайно фантастическую космологию, в которой господствует тот же принцип, что в этике — принцип всеединства. Но мы не будем здесь излагать этих столь часто осмеянных космологических фантазий, и прежде всего потому что и сам Фурье не придавал им особенного значения^{*)}. «Какую важность имеют эти приделки, говорит он, для главного дела, состоящего в том, чтобы организовать производство, которое создает в четыре раза больше продуктов и вместе с тем добрые нравы; примирить три класса людей — богатых зажиточных и бедных, заставить забыть раздоры партий, уничтожить язвы революции, общественную нищету и создать всемирное единство... Те, кто меня, порицает, нападая лишь на почве новых наук — космологии, психологии, аналогии (Фурье требовал особенной науки, открывающей всюду аналогии в нашем всеедином мире), которые, однако, не касаются моей теории общественного производства, — эти критики показывают тем свою недостаточность... Станный деспотизм — отвергать все сочинения писателя, только потому что иные из них несовершенны. Ньютон фантазировал по поводу Апокалипсиса, он старался доказать, что Антихрист есть папа. Конечно, это научные бредни, но разве они помешали его теориям тяготения и света быть хорошими и верными... Почему же относительно меня одного не должно быть применимо подобное правило критики.» После подобных замечаний было бы бесполезно (и даже недобросовестно) вновь повторять старые насмешки над космологией Фурье. Поэтому мы прямо переходим к изложению его этической системы.

Подобно Сенсимонистам, Фурье начинает с критики современного быта, который он называет *цивилизованным*, в противоположность будущему *гармоническому* обществу. «Современное общество, говорит он, несчастно и безнравственно; почти все силы его уходят на взаимную борьбу, на подавление естественных склонностей и на поддержку несправедливости. Среди земледельцев — эгоизм и неумелая обработка земли, в промышленности — страшная потеря сил (на конкуренцию),

---

^{*)} Фурье полагал напр., что в следующий период жизни земли северное сияние сделает климат полярных стран умеренным, морская вода станет пресной, вредные животные исчезнут; он приписывал, далее, планетам и даже планетным системам души, утверждал метампсихозу, и т. п.

ненавистная работа, неблагодарная и дурно вознаграждаемая, господство лжи, непрерывная война и столкновения между однородными и соперничающими отраслями; в общественной жизни — борьба разных классов общества; здесь — наглая роскошь, там — свирепая нищета, обман во всех взаимных сношениях, недоверие возведенное в принцип поведения; подавление масс в пользу меньшинства; наконец, всюду бессилие против сил природы, против неумеренности, разрушающей прежде времени здоровье и против эпидемий уносящих жизнь»^{*)}. Все эти бедствия не случайны; напротив, чем цивилизация идет дальше, тем они сильнее: бедные тем более эксплуатируются, богатые тем более теряют способность к наслаждению, и борьба бедных и богатых — тем сильнее. Но причина всего этого зла везде одна и та же; противоположность требований нравственности с желаниями человека. Если бы нравственные обязанности были истинно привлекательны — они были бы скоро и охотно исполнены, и человечество стало бы счастливым и мирным; еслибы, с другой стороны, естественные склонности могли быть гармонически (нравственно) примирены — то нравственное общество создалось бы само собою. Но из этих двух факторов: требований нравственности и требований удовольствия, только первое, по мнению Фурье, условно и может быть изменено, второе же — дано самою природой человека т. е. Богом и неизменимо. Поэтому исход из современного бедственного состояния не там, где его ищут моралисты, не требования долга должны подчинить себе естественные склонности, но эти последние должны сбросить <это> иго ложной, только человеком выдуманной нравственности, и в свободной игре данных от Бога страстей — найти счастье мира. Бог все устроил хорошо, не может быть, чтобы созданные им склонности были вредны; зло есть лишь непонимание *естественной гармонии страстей*. «Правда, современный человек находится в состоянии вечной борьбы с самим собою. Его страсти сталкиваются между собой: честолюбие противоречит любви, родительская любовь — дружбе и т. д. относительно всех естественных страстей. Отсюда и произошла наука называемая моралью, которая ставит себе целью подавлять различные страстные влечения; но подавлять не значит согласовать, еще менее — управлять; истинная же цель общества может состоять лишь в том, чтобы достигнуть свободного механизма страстей, без подавления хотя бы одной из них, и Бог поступил бы безрассудно (что невозможно), еслибы он создал в нашей душе мотивы бесполезные или вредные»^{**)}.

Отсюда мы ясно видим, что главная задача, которую ставит себе Фурье, состоит в том, чтобы «найти ту форму общежития, где *все* естественные склонности человека были бы *свободно* удовлетворены»; иначе говоря: разрешив все страсти и дав полную свободу их взаимной игре, он спрашивает себя, какой режим (естественный,

^{*)} L. Reyband, *ibid.*, p. 203 sq.

^{**)} Fourier — *Le nouveau monde industriel et societaire* (Paris 1829), p. 59 sq.

счастливым и согласный Божественной природе) они породят? Какие недостатки ни свойственны теории Фурье, мы не можем отрицать, что он смело «взял быка за рога». Рассмотрим теперь ближе поставленную задачу и прежде всего определим, каковы, по его мнению, основные и естественные склонности человека.

Фурье считал (совершенно произвольно), что человеку свойственно 12 главных склонностей. Именно во-первых, склонности имеющие предметом удовлетворение потребностей организма, как они выражаются в 5 классических родах ощущений, зрительных, слуховых, обонятельных, вкусовых и осязательных; сюда же относится, по Фурье, и желание здоровья и богатства, как необходимого условия для широкого пользования физическими удовольствиями. Второй класс составляют 4 склонности *аффективного* характера: дружба, честолюбие, половая любовь и родительская. Наконец, третью и наиболее важную для общественных отношений группу составляют три страсти, которые Фурье обозначает странными именами, *la Papillone*, *la Cabaliste* и *la Composite*, и которые в нашем несовершенном обществе соответствуют: первая — страсти к постоянным изменениям — непостоянству, вторая — страсти к интриге, и третья — энтузиазму, геройству, самопожертвованию. Но в цивилизованном обществе эти три последние страсти, как и девять предъидущих, частью не могут быть удовлетворены, частью их удовлетворение было бы вредно. Иначе будет в гармоническом периоде, где все эти влечения сольются в гармоническое единство^{*)}.

Общая условия удовлетворения всех этих страстей состоят в том, что физические удовольствия станут всем доступны, аффективные получают еще более широкое развитие чем ныне, ибо кроме семьи явятся еще самые разнообразные *группы*, наконец, три последних страсти (механические, как их называет Фурье, потому что они составляют основу *для* всей общественной механики) будут удовлетворены: *la Papillone* — тем, что каждая работа будет быстро сменять другую (через 2 часа), *la Cabaliste* — тем, что различные производительные ассоциации, будучи гармонически устроены, будут гармонически соперничать и ухитрятся одна против другой; наконец, *la Composite* — будет удовлетворена тем, что при крайнем разделении производства каждый будет находить себе отрасль по вкусу. Но для того, чтобы сделались понятными частные условия этой механики страстей (которая явится в гармоническом обществе), мы должны дать более систематическое изложение ее принципов, тем более, что это составляет, собственно говоря, *все содержание системы* Фурье.

Основной камень системы Фурье, который был им, так сказать, открыт, а затем стал служить фундаментом всего современного социализма — есть социальное или артельное производство и его необыкновенные выгоды. Фурье называл свое главное сочинение «Новым производительным и общественным миром» и в эпитафье

^{*)} *ibid.*, p. 57 sqq.

поставил: «средство немедленно учетверить результаты производства». «Обратим прежде всего внимание, говорит он в предисловии, на этот наиболее поразительный результат социалистического режима, на учетверенный продукт. Большая ассоциация должна употреблять разве только сотую часть рабочих и машин там, где наши маленькие хозяйства прилагают все свои силы: вместо 300 кухонных очагов и 300 кухарок нам будет достаточно 4 или 5 больших плит приготавливающих блюда разных степеней, смотря по 4 или 5 степеням богатства, ибо социалистическое общество отнюдь не требует равенства. Достаточно было бы также 10 опытных лиц, чтобы заместить 300 женщин, которые необходимы в цивилизованном обществе, где отдельные хозяйства лишены тех разнообразных механических приспособлений, которые станут доступны для кухни, приготавливающей обед на 1800 человек. В подобной ассоциации каждый будет брать себе кушанья и посуду по абонементу доступного ему класса, причем не явится никакого нарушения индивидуальной свободы»^{*)}. То же самое можно сказать и о всякой другой деятельности и работе — домашней, земледельческой (где выгоды будут еще больше, благодаря машинам, выбору удобной земли и мн. др. обстоятельствам), мануфактурной, торговой, наконец учительской в широком смысле слова (что впрочем отчасти уже осуществлено нашими общественными школами). Везде при употреблении ассоциации количество труда сокращается, качество и количество продукта увеличивается. Но основной вопрос состоит, конечно, в том, на каких общих принципах должны быть построены эти производительные ассоциации (фаланги), чтобы, согласно вышеуказанному, в них нашла свободное приложение игра 12 основных страстей. В фаланге должны быть созданы прежде всего производительные группы и ряды. Связью групп служат аффективные страсти, связью рядов — механические. Группа, этот основной элемент общества, должна состоять приблизительно из 7–9 индивидуумов, связанных каким нибудь общим интересом, все равно будет ли то дружба, выгода, любовь, слава. Еслибы число членов группы было меньше 7 связь не могла бы быть гармонической, т. е. представлять связанное разнообразие, еслибы их было больше 9, группа не имела бы достаточно единства. Именно каждая группа должна иметь сильный центр, т. е. заключать прежде всего несколько членов, основная страсть которых имеет предметом то, что есть главная цель в данном производстве данной группы; затем в гармонической группе должны иметь место два более слабых (численно) крыла, которых страсти обращены на дополнительные и взаимно противоположные части того же производства; таким образом эти два крыла соперничают в искусстве как друг с другом, так и вместе — против центра; но в то же время все члены этой общественной единицы связаны между собой единством интереса, близостью вкусов, может быть любовью или дружбою.

^{*)} *ibid.*, p. 6. См. также его *Traité d'association*, p. 348 sqq. *Cp. ibid.*, p. 492 (государственный долг Англии уплоченный куриными яйцами в будущем обществе).

Из групп слагаются ряды (series) следующие тем же принципом: 1) крайнему разделению работы, дающему возможность быстрой и разнообразной смены ее (la rapillone), 2) последовательности в переходах между отраслями индустрии, которая (*последовательность*) порождает соперничество в соседних группах (la cabaliste) и 3) свободному выбору многих отраслей производства вполне следуя своим склонностям и вкусам (la composite). «Ряд, говорит Фурье, слагается из лиц разнообразных в различных отношениях, — по возрасту, характеру, сведениям и т. п. и т. д., образующих между собою *контрасты* и последовательность в различиях. Чем эти различия последовательнее и чем крайние члены резче, тем более ряд способен к работе, тем производительнее его работа и тем сильнее социальная гармония»^{*)}.

Если бы не было не последовательности переходов между различными производствами, то не существовало-бы соперничества, т. е. естественная страсть la cabaliste (которая в цивилизованном обществе ведет только к злобной интриге)

^{*)} Чтобы дать пример ряда, говорит Фурье, я предположу массу людей приблизительно в 600 человек на половину мужчин на половину женщин, которые все имеют вкус (страсть) к одной какой-нибудь отрасли производства, напр. к культуре цветов или плодов. Пусть это ряд культуры груш: эти 600 лиц будут разделены на группы, которые возьмутся за культуру того или другого сорта груш. Так что мы будем иметь группу страстных любителей груши beugé, группу gousselet, и др. сортов. И когда каждый по своему вкусу вступит в какую нибудь из групп (причем можно быть членом нескольких) тогда обнаружатся свободные различия между напр. тридцатью группами, которые все будут отличаться своими значками и украшениями и образуют три или пять, ли семь батальонов, напр. следующим образом: Ряд культивирующий груши, составленный из 32 групп:

Батальоны:	Число групп:	Сорты груш
1. Аванпост.	2 группы	Помеси твердых сортов
2. Крайнее восх. крыло	4 „	Твердые груши для варки
3. Восход. крыло.	6 „	Хрустящие груши
4. Центр ряда	8 „	Сочные груши
5. Нисходящее кр.	6 „	Плотные „
6. Крайнее нисход. крыло	4 „	Мучнистые „
7. Аррьергард.	2 „	Помеси мягких сортов.

Будет ли ряд состоять из мужчин, или женщин, или детей, или тех и других вместе, распорядок не меняется. Ряд должен *приблизительно* быть расположен таким образом, как относительно числа групп так и в разделении работы. Чем он будет ближе к указанной правильности восходящего и нисходящего крыла, тем породит лучшую гармонию и наибольшее усердие к работе. Если ряд будет устроен правильно, так как я указываю, то явятся разнообразные союзы между соответственными батальонами. Напр., восходящее и нисходящее крыло соединяется против центра ряда и условятся своими продуктами вытеснять продукты центра, но за то и оба крайние крыла соединятся в свою очередь между собою и с центром, чтобы бороться против этого союза. Следствием этого будет то, что продукты каждой группы будут превосходны. — Подобные же соперничества и союзы возникнут между отдельными группами батальона... — Далее явится соревнование рядов с рядами и провинции с провинциею. Легко понять, что ряд культивирующий груши будет иметь сильных соперников в ряде производящих яблоки; но за то он найдет, может быть, союзника в вишневом ряде, с которым он мало имеет пунктов столкновения..... При подобном порядке производство станет развлечением, работа будет производится не ради выгоды, а скорее по соревнованию и другим страстям, которые порождают ряды.

не имела бы приложения; если бы не было бесчисленных частных подразделений работы, не было бы возможности каждому выбирать дело по своему вкусу и потому предаваться ему со страстью (*la composite*) и постоянно (через 2 часа) менять занятия (*la papillonne*).

Фурье входит при этом в бесконечные подробности касающиеся гармонической механики подобных производительных групп и рядов, в чем мы, конечно не можем следовать за ним. Из этих «страстных рядов», т. е. рядов одушевленных страстью к какой нибудь отрасли производства (здесь идет пока речь только о таких производствах, которые могут представлять прямую привлекательность) слагается *фаланга*, т. е. общество около 1600 человек различных возрастов, которое представляет истинную общественную единицу, как по своей уравновешенности (в смысле гармонической механики страстей), так и потому, что оно в состоянии удовлетворять само большинству своих потребностей. Для того чтобы яснее понять основные пружины этого сложного механизма, где человек будет исполнять только то, что ему нравится, повиноваться только “*attraction passionée*”, мы должны рассмотреть еще 2 важные для всей системы вопроса, именно — об привлекательности работы и об плате за нее.

Фурье различает три рода привлекательности работы — прямую, непрямую и ложную. *Прямая* рождается из самих свойств производимого, обрабатываемого или культивируемого предмета: большая часть культивируемых человеком растений и животных могут вызывать (у тех или других индивидуумов, а не безразлично у всех) прямое желание и радость соответственной работы; это показывают многочисленные примеры страстных садоводов, огородоводов, земледельцев, собачников и т. д., которых привлекает не плата за работу, а само дело, причем, конечно, важную роль должны играть соперничество, непродолжительность работы и другие вышеуказанные условия механики страстей. *Непрямая* или смешанная привлекательность вызывается работою, которая сама по себе не может быть приятна, но зато прямо служит для удовлетворения какой нибудь другой страсти. Например, в будущем обществе явится целый особый класс, который добровольно примет на себя трудные и тяжелые работы (в роде устройства дорог), благодаря тому, что его представители займут особенно выдающееся общественное положение, будут почитаемы за мужество, смелость, выдержанность, а сами станут считать свое дело так сказать, службой Божеству. Наконец третья, *ложная* привлекательность, т. е. обусловленная лишь заработною платою (при ненависти к самому делу) и господствующая в цивилизованном обществе, не может быть вовсе терпима в будущем гармоническом. При артельном порядке «занятия даже наиболее отвратительные (в роде очистки отхожих мест (*sic!*)) должны быть исполняемы по крайней мере по мотивам не прямой привлекательности, т. е. *не* ради только

платы, но по благородным влечениям, в роде корпоративного духа, по дружбе или из филантропии и т. п.»^{*)}.

В цивилизованном обществе отношение этих трех типов работы может быть представлено следующим образом: $\frac{1}{9}$ людей делает прямо привлекательную работу, $\frac{1}{9}$ непрямо привлекательную, и $\frac{7}{9}$ — прямо неприятную работу (совершаемую только ради платы); в гармоническом же состоянии этот ряд будет обратным: $\frac{7}{9}$ будут работать то, что им прямо нравится, $\frac{1}{9}$ — то, к чему косвенно влекут иных высокие мотивы, и наконец $\frac{1}{9}$ человечества будет устранена от работы в виду болезни, старости или детства.

Таковы общие условия привлекательного производства. Кроме них Фурье указывает еще множество более частных, например, соответственное употребление «половинных характеров», т. е. таких, которые напр. *любят только* начинать дело, таких, которые любят только кончать его и т. п. Так как в фаланге будет существовать бесконечное множество подразделений производства (несравненно больше чем ныне) то положительно каждый найдет себе дело по вкусу и даже подобные половинные характеры получат применение^{**}). Далее, как уже было указано выше, отдельные индивидуумы будут участвовать в самых разнообразных производствах, часто для развлечения, переходя от одного дела к другому, и Фурье считал что таких специальностей у иных может быть до 100 (причем они изменяются по возрасту и др. условиям). Затем новым условием привлекательности работы будет взаимное участие в ней обоих полов (женщина в гармоническом обществе *достигнет полного равенства с мужчиной*), масса общественных отличий, бесчисленность взаимных отношений порождаемых разнообразием производства, наконец, большая связь между производством и потреблением, что имеет особенное место в приготовлении и добывании пищи. Четыре искусства, говорит Фурье относящиеся к еде суть гастрономия, кухонное искусство, приготовление консервов и культивирование животных и растений. «Но в нашем мире навыворот все идет бессмысленно, начинаясь там, где должен быть конец. Ныне всякий отец весьма одобряет, если его сын или дочь упражняются в последних двух искусствах..., но первую отрасль — гастрономию, которая естественно может породить и развить три последние, изгоняют». Иначе будет в гармоническом обществе, где гастрономия станет желательна, ибо с одной стороны будет прямо побуждать к соответственному производству, с другой же перестанет быть как у нас постыдным преимуществом немногих избранных^{***}).

Второе важное изменение относительно работы должно состоять в реформе всей системы заработной платы. Мы видели, как разрешают Сенсимонисты этот

*) *ibid.*, p. 331 sqq.

***) *ibid.*, p. 302 sqq. Курьезные соображения об «гастрософии» см. в *Traité d'association*, 2 vol., p. 486 sqq.

***) в тексте сноски отсутствует.

основной вопрос для всякой социалистической этики; несравненно оригинальнее и глубже решение Фурье. Он прибегает здесь, как и везде в своей системе к тому средству, которое он называет заменой простых удовольствий сложными. Суть этой замены состоит в том, чтобы страсти корыстолюбия, жадности, непостоянства, которые в цивилизованном обществе имеют чисто индивидуальный характер, связать с какою нибудь общественной пользой и тем перевести из простого состояния в сложное. Суть зла цивилизации состоит, как говорит Фурье, в *симплицизме*, т. е. в том, что вредные наклонности индивидуума искореняются (бесплодно, а часто и безнадежно) вместо того, чтобы их как нибудь применить с пользой, что всегда возможно, ибо мир, как дело Бога, совершенен во всех своих элементах. Отсюда происходят так называемые Фурье «двойные чудеса гармонического общества»: в цивилизации удовольствие ведет к расточению богатства, в гармонии, где работа безусловно соответствует вкусам индивидуума, она сама составляет наилучшее наслаждение и *след. удовольствие* порождает капитал; в цивилизации — здоровье повреждается наслаждениями (ибо они пассивны и однородны), в гармонии, где они активны (связаны с приятною работою) и непрерывно изменяются — они *послужат* к развитию и укреплению организма^{*)}. Это же средство мы должны употребить, чтобы своекорыстие, которое делает в цивилизованном обществе проблему разделения продуктов неразрешимую, стало общественно полезным. Суть задачи состоит именно в том, чтобы своекорыстие каждого индивидуума обратить на *различные* отрасли производства и тем привести в гармонию основную выгоду лица с множеством частных; иначе говоря, если лицо А имеет главную выгоду в доходе с капитала, то гармоническое общество стремится прямо заинтересовать его и в плате работы, и в вознаграждении таланта, и тем уравнивает основной мотив и делает справедливость выгодной; это разнообразие интересов возможно для будущего общества, благодаря: 1) разнообразиям производств, где каждый находит себя нечто по вкусу; 2) благодаря разнообразным общественным отличиям, привлекающим каждого и 3) благодаря тому, что гармоническое производство вводит в действие все три механические страсти человека, которые составляют наиболее сильные мотивы для деятельности. Таким образом капиталист, вовлекаясь в какое нибудь прямое производство, является немедленно и прямо заинтересованным в справедливом вознаграждении не только капитала, но и работы, а может быть и таланта. С другой стороны, подобные же мотивы зарождаются в рабочем. Участвуя, во-первых, в самых разнообразных производствах он отнюдь не склонен требовать исключительных выгод для какого нибудь одного вида работы. Вместе с тем, он приучается смотреть и на ренту, как на нечто полезное и справедливое; ибо он сам пользуется выгодами доставляемыми присутствием в фаланге больших капиталистов,

^{*)} *Le nouveau monde*, p. 293.

которые не только создают широкие производства, но и влекомые славою, честолюбием и разнообразными более высокими мотивами принимают на себя некоторые общественные издержки, учреждают напр. даровые зрелища и т. п. Кроме этого в гармоническом обществе будет еще особое средство заинтересовывающее всех в существовании ренты. Это средство состоит в том, что воспитание будет все основано на простых, но полезных работах, которые доставят каждому к его совершеннолетию некоторый капитал. Одним словом, в фаланге всякий капиталист будет рабочим (ибо работа приятна) и всякий рабочий капиталистом. Таким образом, частные мотивы, слагаясь вместе, уравновесят в человеке основной, т. е. создадут гармонию. При таких условиях справедливое разделение продукта (а именно $\frac{4}{12}$ капиталу, $\frac{5}{12}$ рабочему и $\frac{3}{12}$ таланту) будет охотно принято всеми.

Что касается в частности до вознаграждения работы, то оно будет иметь принципом отнюдь не пользу продукта, но совершаться на основании следующих трех принципов (расположенных по их относительному преимуществу):

1) Содействие единству общества, ибо главная и верховная цель человека в гармоническом обществе должна быть — поддержка его единства, доставляющего всем счастье.

2) Неприятность работы: чем работа более заключает тягостных усилий, тем вознаграждение ее должно быть выше.

3) Степень привлекательности работы: чем она прямо привлекательнее, тем меньше ее вознаграждение^{*)}.

Но к этим общим и прямым условиям побуждающим к справедливости, в гармоническом обществе присоединятся еще многие другие, о которых мы едва можем составить себе понятие. Вообще, счастье породить любовь, бесчисленные сношения, обуславливаемые общественным в самом широком смысле слова воспитанием и разделением производства, создадут множество новых и прямых связей между людьми и совершенное единство интересов; наконец, понимание единства Божественного мира и его гармонии дает новые силы общественной жизни. «Между новыми страстями, которые породит гармоническое общество, мы должны обратить внимание, говорит Фурье на главную, на чувство единства или деятельного человеколюбия, основанного на том, что счастье влечет за собою потребность разлить вокруг себя тоже довольство, которым оно сам полно. Мы видим намеки на подобный восторг в те моменты, когда исторические события наполняли радостью целый народ. Когда Троя после десяти лет осады наконец освобождается, Трояне выходят толпой *randuntur portae, juvat ire*, опьянение счастья таково, что ряды смешиваются, все поздравляют друг друга, вспоминают подробности осады. Вот тут жил Ахилл и Фессалийцы, тут — Долоны. Это по истине минута братства, о которой

^{*)} *ibid.*, p. 360 sq.

мечтают моралисты; но это только слабая тень той страсти к единству, того слияния классов, того умножения счастья, которое будет бесконечно царствовать в Гармонии и уничтожить все затруднения относительно распределения богатства»^{*)}.

Таковы социалистические системы Фурье и Сенсимонистов. Было бы совершенно бесполезно входить в подробную критику их; мы можем удовлетвориться следующими краткими замечаниями. Мы видели выше, что в основе Сенсимонизма лежит совершенно смутное и философски невыработанное понятие Божества. С одной стороны, этот Бог заключает *в себе* мир — отсюда догматы восстановления плоти и главенство духовной власти (как его представителя) над всеми отраслями общественной жизни; с другой — чистый теизм, личное отношение к Божеству или любовь как верховная добродетель. Но каким образом Бог может быть *в мире* (пантеизм) и вместе быть личным — этого основного философского вопроса, над которым философия бьется столько веков

Worüber schon manche Häupter gegrübelt,
Häupter in Hieroglyphenmützen,
Häupter in Turban und schwarzem Baret,
Perückenhäupter und tausend andre
Arme schwitzende Menschenhäupter —

Этого вопроса Сенсимонизм даже не подозревает. Поэтому первое прикосновение философской критики опрокидывает всю *объективную сторону* его этики.

Совершенно тоже должно сказать о Фурьеризме. В основе его лежит вполне произвольная психология 12 страстей и философский догмат о гармонии мира, как творения Бога. Как только возникает вопрос, действительно ли страстей 12, и правильна ли вообще вся эта фантастическая психология (которая вполне подобна натур-философии Шеллинга), как вся хитросплетенная механика фаланги заваливается, как карточный домик; равным образом, лишь только мы ставим вопрос, как может человек, будучи тоже творением Бога, внести в мир зло или беспорядок (т. е. так называемую Фурье ложную нравственность), перед нами возникают старые философские вопросы о происхождении зла (теодицеи) и свободе человека, и опять шаткое основание системы не выдерживает их напора.

Поэтому серьезно критиковать эти системы в целом невозможно. Другое дело найти их этический принцип, которому только они и обязаны своим временным успехом. Этот нравственный принцип состоит очевидно в утверждении значения любви, как верховного общественного начала. Иначе говоря, *истинная* сторона первоначального социализма тождественно с христианством. Среди европейского общества, которое не только забыло завет братской любви, но можно сказать, принципиально отвергло его, и для которого государство стало выше Бога, социализм

^{*)} *ibid.*, p. 362 sq.

должен был необходимо явиться. Но возникнув в католической стране, он принял вид *объективной* этики, т. е. искал (в отличие от чистого христианства) основы нравственности не в нравственных чувствах, а в метафизических гипотезах о Боге, как носителе мира (Сенсимонизм), как разумном Творце его (Фурьеризм), или наконец, об обществе, как верховном организме (см. ниже, *гл.* о Конте). И здесь он естественно совпал с философским ультрамонтанством, которого этика тоже представляет субъект как *реально* принадлежащий Верховному Целому, и это *Верховное Целое* (Церковь) тоже как *объективно* данную правду (см. след. главу). Отсюда как в социализме, так и в ультрамонтанской этике, индивидуум теряет все права личности и является лишь *собственностью* общества, или Бога, или Церкви. И здесь следовательно мы видим ту ложную сторону *объективной* этики, о которой говорено уже в «общем обзоре французской философии». Весьма любопытно проследить влияние этого объективного принципа на постепенное сокращение прав индивидуума и его личной цены. В этом отношении рассматриваемые нами системы прошли совершенно законченный путь. Особенно это заметно, конечно, на основном для всякого социализма вопросе о принципах вознаграждения за работу. Именно, мы видели уже выше, что сам С. Симон требовал в этом отношении лишь признания братской любви как верховного мерила, т. е. вообще возвышения уровня «наиболее многочисленного и наиболее бедного класса» (см. *выше, гл. I*); его ученики выставили уже более решительную формулу: каждому место в обществе по его способностям, и вознаграждение — по количеству работы, т. е. место человека в обществе и род его занятий уже перестает быть индивидуально свободным, но вознаграждение еще зависит от того, что *сам* человек произведет. Далее, у Фурье, плата за работу определяется уже не ее прямою пользою или количеством работы, но по преимуществу тем, на сколько она способствует сохранению и единству самого общества; значит здесь работа оценивается уже как функция общественного организма: человек может много тратить сил, т. е. получать значительное личное страдание, но не это служит мерилom его вознаграждения. У Кабета наконец (в его «Икарии») индивидуум уже прямо получает то, что признается нужным «по его потребностям» вообще, без отношения к результатам его работы^{*)}, т. е. принцип заработной платы окончательно превращается в принцип сохранения индивидуума для блага общества. Тоже и у Конта, где индивидуум не получает в сущности платы за работу, но как свойство его дела, так и получаемое им содержание определены исключительно пользою «общественного организма» — прав же никаких индивидуум вообще не имеет.

И эта последовательность в постепенном ограничении прав личности до ее полного отрицания не случайно: если любовь не ограничена другим верховным нравственным принципом, именно принципом справедливости или цены личности, она (в объективной этике) необходимо и последовательно вырождается в деспотизм целого.

^{*)} Cabet. Voyage en Jcarie, p. 53, 553 и др. (Paris 1846).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

**Этика ультрамонтанства.
(Ж. де-Местр и абб. Ламенне).**

С первого взгляда может показаться странным, каким образом в историю этических учений XIX века попало ультрамонтанство, которое, кажется, имеет лишь теологический и политический характер и притом, повидимому, отжило свой век еще в эпоху средних веков, после борьбы пап с императорами. Но это недомыслие сразу исчезнет, когда мы вспомним, что начало нашего века видело (в лице **Ж. де-Местра**, **Бональда** и **абб. Ламенне**) возрождение учения о безусловном главенстве церкви над государством и притом в его радикальной, чисто философской форме, а наше время имеет совершенно подобную же теорию в области православной церкви, именно в *теософии* г. Вл. Соловьева. С этою теориею мы познакомимся впоследствии, в обзоре русской философии, здесь же нас будет занимать лишь католическое ультрамонтанство. Это последнее важно не только для доказательства той идеи, которая развита в «введении», именно об однородности ультрамонтанства с первоначальным социализмом, но и само по себе, по своему философскому достоинству. Можно утверждать, что ультрамонтанство есть вполне последовательное католичество. Если признать, что католическая церковь есть действительно божественное установление, то только «счастливая непоследовательность» в состоянии спасти от признания учений *де-Местра* и особенно *Ламенне*.

Правда, подобная непоследовательность свойственна даже самой этой церкви, которая в лице папы отвергла теории *Ламенне*.

Но в этом нет ничего удивительного. Философские учения всегда индивидуальны и доступны лишь немногим; поэтому и Церковь, сделавшись философской школой, непременно стала бы, так сказать, аристократическим учреждением и не миновала бы судьбы напр. гностической ереси. Она может поэтому лишь более или менее благосклонно смотреть на радикальные учения, отдающие ей земное господство, но никогда не соединяет своей судьбы с той или другой философскою системою, как бы они не были последовательны. И это политическое благоразумие или склонность к «счастливой непоследовательности» есть старый завет, сохранившийся еще от первых веков христианства, от эпохи борьбы с разнообразными еретическими сектами. Но для философского анализа важна именно последовательность и потому философия ультрамонтанства должна найти место в нашем изложении.

Ультрамонтанство XIX века имеет трех главных представителей, — это виконт *де-Бональд* (1754—1840), граф *де-Местр* (1753—1821) и абб. *Ламенне* (1782—1854). Но первый исследовал в своих сочинениях более частные вопросы, поэтому мы оставим его в стороне; два же последние представляют истинных философов ультрамон-

танства. Их теории, хотя однородные в принципах, имеют однако существенные различия. Обратимся же прежде всего к де-Местру, автору двух знаменитых сочинений: «Soirées de St. Pétersbourg»^{*)} и «Du Pape», из которых второе составляет, так сказать, евангелие ультрамонтан.

Основные идеи ультрамонтанства совершенно те же, что во французском социализме. Первая из них может быть выражена так: нравственность прежде и выше всего. Людям дано знать, в чем состоит истинная справедливость, поэтому и общество должно ее всю и немедленно осуществить. Общественное устройство, промышленность, наука, искусство, все должно служить одной этой цели — нравственному закону; — такова первая мысль. Вторая же состоит в том, что индивидуум не имеет никаких «естественных прав», ибо не только все его имущество, но и сам он, его идеи и чувства, все в существе дела создано не им, но дано ему обществом; поэтому общество осуществляющее нравственный идеал не может быть несправедливым относительно индивидуума, как бы оно не было деспотично. Но в то время, как первоначальный социализм видит доказательство этих верховных прав общества в идее «социального организма», ультрамонтанство полагает эти права в божественной природе церкви.

Церковь для ультрамонтан, и в этом отличие их учения от чистого христианства, не есть церковь по преимуществу невидимая, таинственное и чисто духовное единство верующих. Католическое ультрамонтанство настаивает особенно на видимой природе церкви, на прямо божественном происхождении различных явлений общественной жизни, языка, государственной власти и т. д. Первое из указанных сочинении де-Местра имеет именно эту цель: показать как Бог правит человеческим обществом через различные его институты. Мы можем поэтому сказать, что де-Местр есть основатель «божественной социологии», как Конт — основатель «органической социологии». Результат этой последней была социократия, результат же первый — господство церкви над государством. Рассмотрим теперь поближе эту теологическую социологию.

Если Бог действительно правит человеческим обществом, то как возможно в нем зло и несправедливость; таков первый вопрос, который ставит себе де-Местр, — и отвечая на него, он развивает свою систему теодицеи. В существе дела это «оправ-

---

^{*)} Полное заглавие этого сочинения таково: Les soirées de Saint-Pétersbourg ou entretiens sur le gouvernement temporel de la Providence, suivies d'un traité sur les sacrifices. 2 тома. 15 изд. 1878 г. Автор излагает свои мысли в виде разговора между тремя лицами, из которых один, русский «Conseiller d'état.» Идеи, которые высказывает этот «русский» показывают как мало знал (или точнее *вовсе* не знал) де-Местр свойства русского народа. См., напр., замечания о божественной природе войны (sic) t. II, p.33-38. Но вообще это сочинение, а особенно «Du Pape», показывает громадную начитанность автора, даже, напр., в русских старых богослужебных книгах от куда он не без *софистического* искусства черпает аргументы в пользу авторитета папы (Livre I, ch. X.).

дание Бога» не отличается от того, которое вообще дают богословские системы. Аргументы де-Местра состоят в следующем. Часто утверждали, что на земле злой торжествует, а добрый только страдает; однако это, по крайней мере, преувеличение; все, что можно утверждать с некоторою правдоподобностью, это лишь *случайность* счастья, то, что оно не дано исключительно добрым, как несчастье — исключительно злым^{*)}. Но и эта кажущаяся *случайность* тоже может быть объяснена. Во-первых, никто не может утверждать своего *права* на счастье, ибо все виноваты, по первородному греху^{**}). Первородный грех есть в существе дела лишь закон наследства душевных свойств. Человек родясь носит в себе ту природу, которая была свойственна его родителям. Но упрекать Бога за создание подобного страшного закона нельзя, ибо, во-первых, человек всетаки имеет свободу противиться греху, а во-вторых, требовать иных «законов мира» уже потому бессмысленно, что мы не знаем, насколько иное устройство мира было бы *логически* возможно. Но можно идти еще далее и утверждать, что наибольшее количество счастья, даже временно, принадлежит если не отдельным добродетельным людям, то по крайней мере вообще добродетели^{***}). Это совершается 1) через человеческий суд, 2) через болезни. Болезни, по мнению де-Местра, всегда имеют причину грех невоздержания. Что же касается до человеческого суда, то автор считает его прямым божественным учреждением, ибо только это и может объяснить нам право человека наносить вред своему брату. Бог дал право государям наказывать преступников, говорит де-Местр, и «именно в этом они особенно его представители». Здесь мы должны заметить, что по естественной связи идей ультрамонтанство де-Местра вполне приняло мрачный характер ультрамонтанства средних веков. Католичество, делаясь философски последовательною системою, всегда окончательно отбрасывает те последние остатки христианского учения о прощении и любви, которые только по инерции сохраняются в нем, и обращается в последовательную систему той свирепой теократии, которой вечно памятные примеры нам дает история испанской инквизиции. Философ католичества де-Местр невольно приходит к тем же выводам. В его книге мы находим не только христианское оправдание казней, но и красноречивое описание *палача*. Подобно судьям, он есть орудие Провидения, *особое* творение Бога, бессознательно исполняющее его кровавые приговоры. «Палач невинен, говорит де-Местр, и для того, чтобы он явился, нужно особое повеление Бога, новое «да будет» творческой Силы. Он создан, как мир.»^{****})

*) *Soirées de St. Pétersbourg*, t. I, p. 14.

**) *ibid.*, t. I., p. 214.

***) *ibid.*, t. I., p. 33.

****) *ibid.*, t. I, p. 39–41. См. там же красноречивое описание пыток.

Но участие Провидения не ограничивается, к сожалению, этим: оно создало еще войну! Война, по де-Местру, есть тоже божественное учреждение, тоже одно из средств, которыми Бог ведет человека к предназначенным целям. Ибо «из природы человека, его чувств и мыслей невозможно объяснить происхождения войн.» Из человеческих соображений нельзя понять того почтения, которым везде пользуются военные, «нельзя объяснить почему самым почетным на свете, по суждению решительно всего человечества, считается без вины проливать невинную кровь»; в этом несомненно «есть что-то таинственное»^{*)}. Это «таинственное» объясняет нам, почему солдат, который вообще религиозен, честен, «защитник старых истин против блестящих софизмов», внезапно впадает «в восторг избиения врага, которого он даже не знает»^{**)}. «Война божественно, восклицает де-Местр, в непонятной славе, окружающей ее и в непонятной привлекательности, влекущей нас к ней. Она божественна в том покровительстве, которое сохраняет великих полководцев, даже наиболее отважных, не давая им погибнуть, если они недостигли верха славы и не исполнили еще своей миссии. Она божественна даже по тем обстоятельствам, которые ведут к ее объявлению. Я не хочу некстати оправдывать кого либо, но кто же не видит, что сами непосредственные виновники войны бывают лишь увлечены обстоятельствами? В известный момент, созданный людьми и предписываемый справедливостью, сам Бог восстает, чтобы отомстить (venget) неправду, совершенную людьми против Него... Война божественна и по своим результатам, не допускающим никакого человеческого предвидения... Она божественна, наконец, и по тем неопределенным условиям, которые создают успех победителя.»^{***)}

Читая эти безумные слова, мы не знаем чему более удивляться: бесстыдству-ли автора, называющего себя христианином, или печальным чертам времени, которое создало этого писателя. И это не есть единичное явление. На всем протяжении XIX века, рядом с небывалым усилением войн, мы видим целый ряд апостолов человекоубийства. Гегель, Штраусс, Гартманн, — все они сходятся, кажется, только в одном — в оправдании и даже возвеличении войны. Это знак времени. Он показывает как пала нравственная философия со времени Канта и Лессинга. И мы можем указать даже общую причину этого падения — это тоже господство «объективной этики», этики, которая будучи рабом полупонятных или вовсе непонятных «фактов истории», делает из них обобщения и выдает эти обобщения за правила нравственности, между тем как истинный источник нравственности есть свободное развитие *нравственного чувства*, которое становится выше данных фактов и дает им мерило, а не берет его от них.

*) *ibid.*, т. II., п. 2, 13.

***) *ibid.*, т. II., п. 18–23.

****) *ibid.*, т. II., п.п. 33–38.

Возвращаясь к де-Местру, мы видим, что он находит тоже божественное происхождение не только в казнях и войнах, но и во всех общественных явлениях: в языке, в семье, в государстве. Во всем этом мы *объединены* Богом. Здесь следовательно мы находим ту идею, о которой говорилось выше, именно идею о главенстве *единого* над индивидуальным. «Наше взаимное единство, говорит де-Местр, вытекает из нашего единства в Боге, которое утверждается всеми философскими системами^{*)}. Сходство здесь ультрамонтанства напр. с Сенсимонизмом переходит можно сказать в тождество (см. стр. 298 *sqq.* этого сочинения). Из этого единства де-Местр последовательно выводит догмат искупления, католическое учение о запасе благодати и, наконец, учение о наследственной чести. Ибо если *общество действительно* составляет *реальное* единство, то вполне возможно одному члену возместить грех другого и сыну быть ответственным за честь отца^{**}).

В связи с этим находится и другое учение де-Местра, свойственное и С. Симонизму и социологии Конта. Это мысль о важной роли чувства в познании. Все эти системы, стремясь к единению человечества и мира, отрицают, что одна мысль, отвлекаясь от чувства, может познать истину. Истина познаваема, говорят они, лишь в гармонии всех душевных способностей; мало того, единство общества в Боге открывается первоначально лишь чувству, и именно, религиозному (а для Конта *альтруистическому* чувству. Таким образом даже в своей теории познания первоначальный социализм и ультрамонтанство однородны^{***}).

Еще яснее выраженными находим мы те же учения у *Ламенне*, второго представителя ультрамонтанства, к которому теперь и обратимся. То что придает интерес деятельности абб. де Ламенне (1782–1854) есть не столько глубина его философии, сколько то обстоятельство, что в его жизни и сочинениях нашла наиболее яркое отражение великая драма XIX века — борьба принципов революции с принципом авторитета^{****}). Увлечения и отсутствие умеренности были характерными чертами его жизни. Познакомившись еще в молодости с «философами» XVIII в., Ламенне начал с неверия; в тридцать лет он был «увлечен» в католичество и сделался священником. К этой эпохе и относится его знаменитое сочинение *«Об индифферентизме в религии»* (4 тома, 1817–27), которое одно для нас здесь и важно. Но развивая последовательно свою основную мысль об исключительном господстве религии и об нравственном перевороте, который должно привести за собой это господство,

*) *ibid.*, t. I, p. 200.

***) *ibid.*, t. I, 10 разговор.

****) Теория познания мало развита у де-Местра. Его учение о роли врожденных идей даже не вполне ясно; см. Напр. *ibid.*, t. I, p. 235.

*****) В следующем изложении мы кроме сочинения Ламенне пользуемся также характеристикой этого деятеля, которую дал известный историк философии П. Жане в своих лекциях об Ламенне, читанных в Парижской Сорбонне во второй семестр 1886/7 *ак.* года.

Ламенне постепенно пришел к мысли о чисто нравственном авторитете религии, к вопросу об ее отделении от государства. Это сделало из него представителя того направления, которое зародившись в Бельгии, под влиянием одновременного преследования католичества и либерализма, составляет странную смесь этих двух диаметрально противоположных *течений*, и известно под названием либерально-католичества. Но Ламенне не остановился и на этом: идя все дальше по тому же пути, он окончательно отрешился от католичества, возвратился к убеждениям своей молодости и занял своеобразное и значительное место среди демагогических писателей Франции. К этому последнему периоду относятся его известная книга *“Paroles d’un croyant”* и др. Для нас важен здесь лишь первый период деятельности Ламенне,^{*)} тот, когда он был истинным представителем ультрамонтанства, т. е. его «Опыты о индифферентизме в религии».

Автор начинает с анализа понятия индифферентизма. Люди, говорит он, бывают безразличны к религии по самым разнообразным и часто странным основаниям; иные, напр., находят, что так спокойнее живется, или даже, что этот индифферентизм есть принадлежность «хорошего тона». Но не этих имеет в виду автор, он хочет быть не популярным моралистом, а христианским философом, и направляет свои аргументы против «систематического индифферентизма». Под этим он понимает те разнообразные направления, политические и этические, которые не отрицая религию вообще, требуют однако предоставить каждому «свободу» верить во что он желает. Таким образом индифферентизм у Ламенне означает, в существе дела, терпимость. В основе подобной терпимости всегда лежит, по его мнению, скептицизм, и следовательно, принципиальное отрицание религиозной истины. «Из этого печального состояния, говорит он, сделавшегося почти всеобщим происходит под именем терпимости, особый и конечно последний род гонений христианства. Напрасно лживая философия старается замаять этот факт соблазнительными словами в роде умеренности, снисходительности, взаимных уступок, мира.... В действительности, что же это за умеренность?... Мы слыхали, что мудрость иногда советовала временно терпеть некоторые заблуждения; но терпеть истину — что́ это иное, как не наглая и святотатная претензия, как не возмутительный протест против главенства, которое должно принадлежать истине в нравственном мире»^{**)}.

^{*)} Сочинения Ламенне, излагающие теорию «либерального католичества», не представляют уже потому философского интереса, что само это направление есть лишь искусственное, чисто политическое соединение в существе дела несоединимых элементов. Сочинения же демократического периода красноречивы, но довольно бессодержательны. Есть, правда, между ними одно сочинение чисто философского характера — *Esquisse d’une philosophie* (1841–46), но его содержание не этика, а метафизика, притом оно мало оригинально: в известных отношениях это сочинение очень напоминает теософию Шеллинга.

^{**)} *Lamennais. Essai sur l’indifference en matière de religion*, (2 изд. 1818 г.), t. I, pp. 34–35.

Это не значит однако, продолжает Ламенне, чтобы мы просто *приказывали* верить в истины церкви; мы говорим лишь: исследуйте; напротив, именно систематический индифферентизм отрицает возможность подобного исследования. Для того, чтобы доказать это, мы должны по очереди рассмотреть отдельные виды подобного индифферентизма. Ламенне сводит их к трем основным формам: один видят в религии лишь *политическое учреждение*, личное изобретение древних мудрецов, хотя и необходимое для народной нравственности (если бы Бог не существовал говорил Вольтер, его следовало бы изобрести). Другие, *деисты*, и в частности Руссо, считая религию истинной, не признают однако откровения и не думают, чтобы культ имел догматическую важность; наконец третьи, именно протестанты вообще, признавая откровение, допускают однако полную свободу в толковании священных книг*).

Ламенне подробно опровергает первое мнение. Если бы религия была бы когда нибудь изобретена, говорит он, мы могли бы указать ее начало; но никому не удалось еще найти подобного начала в истории, указать, «в котором году изобрели Бога»; далее, если религия изобретена и тем не менее служит основой нравственности, то мы приходим к нелепому выводу, что какой нибудь хитрец, сам безнравственный обманщик, изобрел однако то, что есть наиболее чистого на земле, религию и нравственность. Притом мы обладаем религиозным чувством, которое и есть истинная основа всякой религии; не изобрел ли уж кто нибудь и чувства?! Наконец, если бы религия, которая однако служит основой всей общественной жизни, была лишь изобретением, выдумкою, то значит все развитие человечества случайно, более того — основано на ошибке**).

Ламенне вообще доказывает, что религия не есть создание индивидуального духа, но имеет другое происхождение, которое он считает божественным. Одним словом, он делает тоже относительно религии, что Ж. де-Местр сделал относительно государства, а Бональд — относительно языка. Все они, а с ними первоначальные социалисты, доказывают, что религия, государство и язык создают как индивидуальную жизнь, так и индивидуальные идеи, а не наоборот, как то думали рационалисты XVIII века.

Заметим мимоходом, что мы встречаемся со взглядами, которые возникнув во Франции, распространились затем по всей Европе и всюду породили то, что называется романтизмом и национализмом. Сухой и резкий рационализм прошлого века породил литературную реакцию, как политические доктрины революции — социальную и этическую реакцию (в виде ультрамонтанства и отчасти социализма). Если прежний рационализм видел в религии и языке изобретение, а в государстве —

*) *ibid.*, t. I, p. 65–66.

**) *ibid.*, t. I, p. 95, 97, 98, 101 и др.

договор, то для романтизма они стали таинственными и оригинальными порождениями «народного духа»; предъидущее безверие породило мистицизм; стремление все логически объяснить — учение о непостижимой и неразложимой оригинальности человеческого духа или о его «демоне», и все связанные с этим крайности немецкого романтизма; наконец, рационалистический космополитизм имел последствием возрождение *национализма* и связанное с ним изучение народных преданий и поверий, которые для «философов» прошлого века были лишь нелепыми «предрассудками».

Что касается до *второго* рода индифферентизма, т. е. учений деистов, признающих лишь некоторые немногие догматы, именно те, которые общи всем религиям, и которые они называют «естественной религиею», то возражения Ламенне направлены лишь против одного из подобных учений, именно Руссо. Доктрина Руссо может быть выражена вкратце следующим образом: истинная религия, конечно, должна существовать, ибо Бог существует, но открыть ее чрезвычайно трудно, потому что тайны божественной природы *почти* недоступны; поэтому лучше всего каждому *оставаться* в той религии, в которой он родился^{*)}. Против подобного рода деизма Ламенне, конечно, легко находит, что возразить. Он справедливо находит это учение унижительным для человека, ибо что *значат* всевозможные трудности (если они только вообще одолимы), когда дело идет о столь важном предмете. Притом деисты сами впадают в противоречия. Они напр. утверждают, что сама природа открывает человеку основные религиозные истины, напр. бытие Бога; но те же деисты доказывают, что природа управляется лишь своими законами; каким же образом может она тогда открыть что нибудь, кроме тех же своих законов?^{**)}

Наконец, что касается до *третьего* рода индифферентизма, до протестантства, допускающего личный произвол в объяснении священных книг, то Ламенне показывает, что в нем заключено противоречие или непоследовательность; возможны только два предположения: или разум выше откровения — и тогда он должен быть совершенно свободен, и нет нужды стеснять его даже текстом священного писания, или он ниже откровения — и тогда нам нельзя прибегать к одному ему даже в толковании писания. Притом протестантство никогда не имело самостоятельного *содержания*, оно заимствовано его из католичества. Наконец, протестантство уже потому не истинно, что не имеет основного признака истинной церкви — единства; оно все состоит из отдельных сект, — лютеран, реформаторов, епископальной церкви и вс. др.^{***)} Заметим мимоходом, что строгое осуждение протестантства одинаково свойственно как ультрамонтанству так и первоначальному

*) Эти учения изложены Руссо в «Эмиле».

**) *Essai sur l'indiff.* t. I, гл. 3-я и 4-я.

***) *ibid.*, t. I, гл. 5 и 6-я.

социализму; Конт, напр., относится к нему настолько же враждебно, насколько сочувственно к католицизму.

Таково содержание первого тома сочинения Ламенне; во втором он переходит к главному вопросу, именно к доказательству, что вообще истина недостижима для индивидуального разума, но что она есть «продукт общественной жизни». В существе дела его цель в этом исследовании вопроса об окончательном критерии истины та же, к какой уже в XVIII веке стремился Паскаль: основать религиозную истину на предварительном скептическом уничтожении разума. Аргументы, к которым здесь прибегает Ламенне не представляют ничего оригинального, напр. сравнительно с теми, которые приводит Декарт в своих *Méditations*. — Из трех источников нашего познания, говорит Ламенне, — ощущений, чувств и рассудка, ни один не дает несомненной истины, ибо ощущения субъективны и определяются данным состоянием организма, чувства очевидно субъективны в еще большей степени, а относительно рассудка мы должны прежде всего спросить себя, что дает истинность его аксиомам? Это, конечно, лишь их самоочевидность. Но самоочевидно каждому свое: сумасшедшему, напр., может казаться самоочевидным то, что для здорового бессмысленно, — то же, что нас убеждает что не сумасшедший знает истину, а мы — есть лишь одно обстоятельство: мы все, здоровые люди, между собою согласны, сумасшедшим же каждому кажется свое. Поэтому мы должны в конце концов признать, что критерий истины есть действительно лишь «всеобщее согласие», а не какое нибудь личное, индивидуальное убеждение, т. е. что каждое положение, какого бы рода оно не было, признается истиной лишь по *авторитету*, именно авторитету общества, от которого сам индивидуум есть лишь отвлечение (очевидное сходство с первоначальным социализмом)!*)

Основав на таком (несомненно ложном)**) доказательстве свой критерий истины, Ламенне уже без всякого труда делает его приложение к религиозной истине: подобно всякой другой она основана лишь на авторитете общества, т. е. в данном случае на авторитете всех верующих или церкви: то, что церковь признает истинным, то и есть истина, и никакого другого основания не требуется *и требоваться не может!*

Таковы философские основы ультрамонтанства. На них де-Местр и Ламенне возводят свои политические теории о безусловном главенстве церкви под госу-

*) *ibid.*, т. II, гл. 13.

**) Здесь совершенно очевидна ошибка: истина основывается на авторитете общества; но как убеждается индивидуум в существовании подобного авторитета? Самоочевидностью *для него* этого факта. Таким образом, самоочевидность, изгнанная в дверь, влетела, как то и должно было ожидать, в окно! В случае же *мнимого* столкновения двух очевидностей мы решим опять-таки не по числу голосов: один врач среди сотни сумасшедших все-таки остается прав, ибо он понимает происхождение их фантазий (разлагая их на отдельные причинно связанные явления), для больных же сделать то же относительно *мыслей врача* невозможно.

дарством. Здесь было бы, конечно, неуместно подробно излагать эти последние выводы, тем более, что для доказательства их ультрамонтанство непрерывно прибегает к историческим и чисто теологическим аргументам. Мы можем указать только основную мысль этой политики. Она состоит (по Ламенне, а в сущности и по де-Местру) в том, что только та власть может иметь безусловную верховность, которая имеет высший *нравственный* авторитет. Власть народа, как и власть государя, *сами по себе* суть лишь различные виды деспотии, ибо ни та, ни другая не могут считаться по своей природе представителями нравственного, т. е. божественного закона, каковой представляет лишь Церковь. С другой стороны, сама Церковь должна иметь *внешнее* представительство, ибо подобное представительство есть, на ряду с нравственным законом, второе существенное условие всякого общества. Таким образом, необходимым идеалом всякого общества является главенство в нем Церкви, а в Церкви — главенство ее внешнего представителя — папы. Вне папы — нет Церкви, вне Церкви — нет христианства, вне христианства — нет религии, вне религии — нет общества. Единство общества обуславливается единством религии, единством Церкви, единством ее главы. Государственная власть есть, в существе дела, лишь наместничество божественной власти Церкви. Отделение первой от последней означает «религиозный индифферентизм», который есть корень зла; оно означает с одной стороны переход нравственной власти в деспотию, с другой «последний и худший род гонения на Церковь». Подобное общество не может сохраниться, ибо оно противоречит само себе.

В виду предъидущих указаний нам нет никакой нужды вновь доказывать замечательное сходство ультрамонтанства с первоначальным социализмом: и там и тут основная идея состоит в безусловном праве целого над индивидуумом, и там и тут это целое открывается человеку чрез чувство, а не чрез мысль; в обоих направлениях — осуществление безусловной нравственности есть первая и в сущности единственная цель государства, и эта нравственность и тут и там состоит прежде всего в сохранении единства общества; наконец как ультрамонтанство, так и социализм ставят во главу государства духовную власть. Это поразительное сходство вполне объясняется из нашей предъидущей критики социализма: если действительно первоначальный социализм имеет источником и корнем христианскую любовь, но не в ее чистом виде, как субъективное требование, а в ее ложной связи с объективной действительностью (т. е. как основанную на некоторой мнимой метафизической истине) то он, очевидно, должен был в высшей степени близко подойти к католицизму, которого суть (в отличие от чистого христианства) состоит именно в требовании внешней, объективной государственной власти. Как социализм, так и католичество не верят в силу одного нравственного требования и ценят его только как средство. И оба они в этом ошибаются!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

**Ог. Конт
(1798–1857)**

Девятнадцатый век представляет три грандиозные попытки философской энциклопедии — это системы Шеллинга и Гегеля, Конта и Г. Спенсера. Все эти три системы кладут в основу обобщения каждая свой закон развития — и все эти системы потерпели крушение. Результат этот сам по себе понятен и необходим, ибо конечное философское обобщение невозможно, пока отдельные науки не закончили своего развития, хотя бы в главных чертах. Но система Гегеля принесла по крайней мере пользу тем, что обновила и живила некоторые исторические науки, система Г. Спенсера сильно двинула вперед психологию; система же Конта — не дала ничего!

Видя ту славу и распространение, которое получил в «публике», так называемый позитивизм, мы можем объяснить это отчасти тем, что он явился в удобный момент, когда философия Кузена и ей подобные порождения стали окончательно невыносимы для всякого мыслящего человека, отчасти же тем, что люди мало сведущие часто смешивают позитивизм с действительно положительной наукою. Но теперь, когда «метафизические» враги позитивизма давно всеми забыты, а положительные науки, развиваясь почти вне философских влияний, ясно пошли по иному пути, чем предписывал им позитивизм, пора отбросить старое недоразумение и понять, что позитивизм и позитивная наука вовсе не одно и то же.

Так как наше исследование имеет в виду этику Конта, то мы только вкратце можем указать на недостатки его теоретической философии. Две теории составляют ее сущность, это — классификация наук и закон социального прогресса. Рассмотрим ближе, в чем они состоят.

Конт различает конкретные науки от абстрактных; последние имеют целью исследование самостоятельных *законов явлений*, первые — исследование взаимодействия этих первичных законов в отдельных *предметах* и их группах. Напр. биология есть наука абстрактная, зоология же — конкретная, ибо исследует не основные физиологические законы, а то, как они проявляются в данных животных типах, взаимодействуя между собою и другими химическими, физическими и прочими основными законами. Таково же различие, например, между физикою и метеорологию, химию и минералогиею. Каково бы ни было достоинство этого разделения сам Конт не провел его последовательно, ибо отнес астрономию, очевидно не имеющую своих собственных самостоятельных и первичных законов, но лишь механические и математические, к наукам теоретическим; тоже самое должно сказать и о социологии; но к этому для нас чрезвычайно важному вопросу мы вернемся ниже.

Установив различие конкретных и абстрактных наук Конт строит свою классификацию этих последних. Принцип этой классификации состоит, как известно, в переходе от более простых явлений к более сложным, причем мы получаем следующий ряд наук: математика, астрономия, физика, химия, биология и социология. Явления, исследуемые каждой из этих наук, подчинены законам ниже стоящих знаний, но заключают еще и некоторые такие законы, которые им самим характерны и не могут быть дальнейшим образом разложены. Так что, напр., физические явления подчинены законам математики и механики (астрономии), но сверх того имеют нечто неопределимое только через иного рода законы, — именно собственно физические. Химические явления тоже только частью объяснимы из математических, механических и физических, и заключают еще некоторое им свойственное *residuum*; тоже самое относительно биологии и социологии. *Социологические* явления состоят, значит, из явлений всех других классов, но заключают еще нечто им одним свойственное^{*)}.

Эту классификацию Конт выставляет не как правдоподобное или предварительное обобщение, но как окончательно установленное. Разделенные им науки не должны, по его мнению, ни в каком случае сливаться, и он строго порицает все подобные попытки. И однако, современное нам развитие точных наук опровергает Конта. Если есть какая нибудь черта характерная вообще для всего направления современной науки — то это именно стремление к объединению, к слиянию отдельных наук, к уничтожению тех произвольных границ, которые наложены на природу прежними недостаточными теориями. Мы видим, напр. что физика все более принимает вид механической теории; это передовое направление существовало уже и при жизни Конта, но ослепленный своею системой, он порицал его. Тоже самое относительно современной химии, которая очевидно стремится к слиянию с физикой и механикою. Наконец, современная биология, не будучи еще в состоянии вполне слиться с химиею и физикою, несомненно однако идет к этому. Одним словом, цель современного знания есть создание единой науки об веществе, теории же Конта прямо это отвергают. «Злоупотребление алгеброй в математике (*sic*), говорит он, составляет по истине первый шаг к систематическому материа-

^{*)} Вследствие того и развитие наук идет в том же порядке: первой достигла позитивной ступени математика, последней — социология. (*Système de Polit. positive*, t. III., p. 41). Классификация эта подвергалась весьма разнообразным возражениям. Наиболее существенно то, которое сделал Г. Спенсер в своей брошюре «Классификация наук» (где он между прочим отрицает, что он ученик, именно, он говорит, что всякое расположение наук в последовательный ряд дает совершенно ложную идею об их происхождении и зависимости. В действительности не существует никакого подобного последовательного перехода. Знание развивается в непрерывном *взаимодействии* всех наук между собою). Правильность этого возражения вряд-ли может быть отрицаема. Впрочем см. защиту мнений Конта у *Ст. Милля* (*Auguste Comte et le positivisme*, стр. 41 sqq., Paris 1885) и *Littre* (*Aug. Comte et la Philos. positive*, p. 284).

лизму.. Насильственный захват физики геометрами, химии — физиками и биологии — химиками, составляет далее простые последствия тех же ложных отношений (между науками)^{*)}. Разлагая таким образом то, что едино по своей природе, Конт с другой стороны соединил то, что никогда объединено быть не может; мы говорим о психологии, как отрасли биологии. Что научная психология должна идти рука об руку с физиологиею, это теперь конечно никто отрицать не станет; но с другой стороны, что психические явления имеют свою им свойственную специфическую законность, что в этой области напр., закон сохранения сил, общий для всей материальной природы, неприменим (см. гл. о Спенсере этого сочинения) — это тоже есть факт признаваемый лучшими представителями опытной психологии.

Какая же общая причина всех этих ошибок Конта? Она одна. Подобно всякой другой философской энциклопедии, классификация Конта берет некоторые данные *современной* ей науки — и произвольно делает их безусловным и общим мерилом и тем впадает в догматизм чуждый истинной науки. Конт взял то разделение наук, которое, для *удобства исследования*, существовало в его время и сделал его *безусловным*, т. е. в существе дела создал такие же метафизические сущности (физическую, химическую, биологическую и т. д.), как те, против которых он хотел бороться; метафизика изгнанная в дверь, влетела в окно и притом в худшем виде, в виде вора, в виде бессознательной метафизики. Такова общая причина ошибки в классификации наук, данной Контом^{**)}. Мы сейчас увидим, что она же присуща и Контовской *этике и социологии*.

Конт должен считаться по праву основателем современной социологии, т. е. той сомнительной науки, которая считает человеческие общества некоторыми своеобразными, но вполне реальными *организмами*. Он открыл, или полагал, что открыл род совершенно особенных законов, именно социологических. Считая эти законы такими же простыми и дальнейшим образом не разложимыми, как напр. химические или физиологические^{***)}, Конт естественно пришел к убеждению, что этим особенным законом соответствует в мире некоторая *особенная* реальность. Если законы химии указывают на особые, совершенно специфические *химические вещества*, если физиологические обобщения обуславливают жизнь особенных *животных организмов*, то вероятно, и своеобразным социологическим законам

---

^{*)} *Aug. Comte. Politique positive*, т. I., стр. 472. Кому в руку играет здесь Конт, видно напр. из восторга некоторых французских философов в роде г. Равессона, который восклицает по поводу этих строк «Глубокая формула, которая навсегда останется одним из главных прав Конта на звание философа!» (*Ravaisson. La Philosophie en France* p. 78).

^{**)} Эта *абсолютность* классификации наук есть причина и некоторых частных ошибок Конта. Напр., он утверждает, что астрономия всегда останется чисто механической наукой: открытие спектрального анализа дало нам возможность химического исследования небесных тел.

^{***)} См. напр. *Polit pos.* т. I., p. 412.

соответствует в мире некоторый особенный субъект или носитель их; этот субъект есть, очевидно, человечество, которое является здесь не как сумма разнообразных индивидуумов, но как какое то реальное целое, как своеобразный социальный организм. Из этого предположения «организма человечества» вытекает в существе дела вся этика Конта, как она изложена в его «Позитивной политике». В сочинении этом часто видели лишь упадок мысли и большинство позитивистов его не приняли. Но в действительности этика Конта тесно связана с его социологиею, также как эта последняя с Сенсимонизмом.

В общем обзоре французской этики мы видели, что увлеченные реакцией против индивидуализма и рационализма прежних направлений (во-первых Декарта, а затем философов XVIII в.) во Франции явились два направления различные по своим результатам, но одинаковые в исходном пункте: традиционализм (ультрамонтанство) и социализм. Оба эти направления утверждают, что общество не есть простая сумма индивидуумов, но само определяет их, что оно имеет такое же реальное бытие, как они, и что его развитие не есть произведения индивидуальной жизни. Вместе с тем эти новые направления объявляют войну рационализму XVIII в., показывают, что чувство имеет для человека и общества преимущественное значение и что оно должно руководить рассудком, а не наоборот. Обе эти мысли — господство общества над индивидуумом и господство чувства над разумом, общи как традиционализму в лице де-Местра, Бональда и Ламенне, так и социализму в лице Сенсимонистов, Конта (и отчасти Фурье).

Но затем оба направления расходятся в противоположные стороны: традиционализм находит авторитет чувства в церкви и папе, социализм — в том что он называет религиею, т. е. в предполагаемой гармонии душевных способностей человека. Это решение Сенсимонистов и Конта.

Из всех представителей этой новой французской философии только у Конта мы встречаем более или менее ясное доказательство обоих принципов: господства общества и господства чувства. Оба эти принципа развиты им преимущественно в его втором большом сочинении «Системе позитивной политики» (4 тома 1851–54), но отнюдь не противоречат и основам его «Курса позитивной философии» (6 томов 1839). Правда, как уже упомянуто «Позитивная политика» произвела разделение между учениками Конта; одни ее отвергли (напр. Литтре), другие приняли (др. Робине); распадение это продолжает существовать, ибо до сих пор сохраняются остатки «церкви позитивистов». Но причина этого раскола есть лишь то обстоятельство, что позитивизм, имея как всякое другое учение *pars destruens* и *pars construens*, соединил на время всех противников метафизики, которые немедленно же разделились, когда общий враг был поражен. Но можно положительно утверждать, что признав позитивную классификацию наук и *самостоятельность* социологических законов мы должны признать и учении об реальном бытии носителя этих законов

или человечестве, как Верховном организме — ибо оно есть лишь простое следствие из принятых посылок. Главенство чувства, правда, не заключено еще в этом, но оно почти неизбежно, ибо реальное бытие подобного верховного существа, которого мы составляем часть, невольно и в высшей степени должно возбудить симпатические чувства. Таким образом отчасти «Позитивная политика» есть следствие «Курса позитивной философии», отчасти же согласное с его принципами дополнение его^{*)}.

Какой же социологический закон выставил Конт? Это знаменитый принцип трех фазисов развития — теологического, метафизического и позитивного, составляющий, по выражению Милля, «позвоночный столб позитивизма». На первой ступени человек объясняет явления природы вмешательством божественных личностей, на второй — действием сверхъестественных метафизических существ (субстанции, сил и т. п.), на третьей наконец, отказываясь от объяснения *почему* происходят известные явления, он ищет лишь ответа на вопрос *как*, т. е. уставляет законы явлений или временную их последовательность. По правде, открытие это не принадлежит Конту, но было уже сделано Тюрго (1727–1781), известным министром Людовика XVI и философом политико-экономом^{**}). Но для нас важен здесь не этот спор о первенстве (ибо во всяком случае краткая заметка Тюрго развита у Конта в целую систему философии истории) но вопрос о том, действительно ли верен этот закон и какой его в сущности смысл.

Как известно Конт (в своем Курсе) устанавливает прежде всего то положение, что истинным показателем и двигателем прогресса должно считать не развитие нравственных, политических или экономических форм, но только развитие мысли, т. е. что прогресс в познаниях есть основа всего движения человечества вперед. Это то самое положение, которое кладет в основу своих исследований Бокль и которое справедливо отрицается Г. Спенсером (в статье «о классификации наук»). «Идеи, говорит этот последний, ни управляют миром, ни потрясают его; мир управляется и потрясается чувствованиями, которым идеи служат только руководителями... Социальный строй, в каждый данный момент, есть сложный результат столкновения всякого рода честолюбия, всех личных интересов, всех страхов, уважений, не-

---

^{*)} Мы не думаем, конечно, отрицать, что некоторые личные обстоятельства во втором периоде жизни Конта навели его на мысль о главенстве чувства. Эти обстоятельства, именно сильное женское влияние (Clotilde de Veaux), тот режим, которому он себя подверг (он оставил всякое чтение кроме «Подражания Христу» и некоторых поэтов) наконец, в молодости его близкие отношения с Сенсимомом — несомненно имели влияние. (Обо всем этом см. особ. Littré. *Aug. Comte et la philos. positive*. 1863). Мы утверждаем только, что навеянные Конту этими обстоятельствами мысли *не противоречат* тем, которые он изложил в «Курсе позитивной философии». Почему там элемент чувства должен был отсутствовать он отлично объясняет в «Позитивной политике».

^{**}) См. Ferraz. *Estudes sur la philos. en France au XIX siècle*. Le socialisme, стр. 325 (Paris 1877).

годований, симпатий и т. п... Идеи распространяющиеся в этом обществе должны необходимо согласоваться с этими разнообразными чувствованиями индивидуумов, а следовательно вообще говоря лишь соответствовать тому социальному строю, который порожден этими чувствованиями. Идеи же совершенно чуждые этому строю не могут в нем развиваться, а будучи извне внесены в это общество, не принимаются в нем... На деле не идеи определяют социальный строй и общественный характер, но этот последний составляет причину, почему иные идеи получают в данном обществе ход, иные же — нет».

Сам Конт вскоре понял свою ошибку и потому в «Системе позитивной политики» выставляет уже не один закон развития, а целых три, «которые устанавливают общую координацию исторического зрелища»^{*)}; это именно, во-первых смена теоретических мирозерцаний (теологического, метафизического и позитивного), во-вторых последовательность в смене трех типов правительства (вождей и воинов в теологическом периоде, философов и юристов — в метафизическом и ученых и промышленников — в позитивном), наконец в третьих, последовательность в расширении социальных чувствований (чисто-гражданские — в первом периоде, национальные — во втором и космополитические — в третьем^{**)}.

Прежде чем мы пойдем дальше и обнаружим общую несостоятельность подобного мнимого закона развития, посмотрим насколько он соответствует фактам истории. В этом отношении не может быть ныне никакого сомнения, что Контровский закон не верен и ведет к натяжкам фактов. Конт утверждал, что весь классический мир в теологическом периоде; но мы знаем, что точные науки и в частности математика получили начало в Греции; мало того, ход развития в греческой философии был прямо обратный Конттовскому закону: она началась в ионической философии с попыток общей физики, перешла затем в метафизические системы Платона и Аристотеля и закончила свое развитие теологическими умозрениями Новоплатоновской школы. Конт полагает далее, что руководителями общества в теологическом периоде являются жрецы, — но мы знаем, какую совершенно ничтожную роль играли жрецы в Греции. Конт думает, что юристы становятся предводителями народа лишь в метафизическом периоде, поэтому ему приходится отрицать несомненный факт — значение юристов в Риме. Конт считает, что трем периодам теологической эпохи, т. е. фетимизму, политеизму и монотеизму, соответствуют — первому доисторические времена, второму — восток и классический мир, третьему — средние века; но мы знаем, что великие монотеистические учения именно на востоке, а что средние века полны метафизикой рядом с теологиею. Конт полагает далее, что метафизика отжила свое время, но мы знаем, что именно наш век представил

^{*)} *Système d. polit. posit.*, т. III, стр. 77.

^{**)} *ibid.* стр. 28 sq и 69 sq.

необычайное развитие метафизических учений (именно в Германии) и притом *после* позитивных исследований прошлых столетий. Конт полагал, что теологический период отжил свое время еще раньше метафизического, но мы ныне еще присутствуем при тех в высшей степени антинаучных, но тем не менее захватывающих даже ученых течениях, которые породил напр. спиритизм.

Таким образом, говорит об исторической верности Контковского закона развития значит обнаруживать или незнание этого закона или главных факторов истории (и преимущественно истории философии)^{*)}. Но этого мало, мы можем показать, что вообще подобный общий закон развития всего человечества невозможен и мог зародиться лишь в такой в худом смысле *метафизической* голове, какую был в существе дела Конт. Дело именно в том, что история человечества есть лишь сумма историй бесконечно разнообразных индивидуальных жизней, или, говоря термином самого Конта, есть не абстрактная наука, но конкретная. Возвести историю в абстрактную науку, т. е. сделать из нее социологию, возможно лишь в том случае, когда мы признаем единство человеческого рода и некоторый общий план в его развитии. Но такое предположение встречает, можно сказать, непреодолимые затруднения. Если, что конечно невозможно отрицать, весь характер знаний и социального строя в каждом народе зависит прежде всего от физических и психических свойств его организации, вследствие чего иные народы останавливаются на такой то ступени культуры, а другие на иной, одни создают такие учреждения, другие — иные, одни культивируют известные науки и создают известного типа религии, а другие — другие, то вся человеческая история во всем ее объеме лишь тогда могла бы быть подведена под какой нибудь закон, когда мы в состоянии были бы показать, что смена отдельных национальностей обусловлена в течении времени известным точным законом, законом, который напр. определил бы, почему сначала выделились семитические племена, затем Арийские, и в этих последних прежде всего Греки, затем Римляне и наконец Славяне и Германцы, почему далее, эти народы приходили между собой

---

^{*)} Забавную историю рассказывает Каро (в книге *M. Littré et le Positivisme*. Paris 1883 стр. 59 sq) о том, как ученики Конта пытались предсказывать будущие события на основании социологических данных. «18 ноября 1850 г. Литтре, под влиянием Ог. Конта, написал несколько удивительно утопических страниц по поводу *западного мира*. Он развивал здесь ту мысль, что так как в Европе уже 35 лет прекратились все великие смуты, то можно сказать, что они никогда не возродятся. Мир, говорил он был предсказан (социологией) раньше смут 1830 г., предсказан раньше угроз 1840 г., предсказан раньше февральских дней 1848 г. — и всегда, не смотря на всю неправдоподобность, эти предсказания осуществлялись.... Единство уже установилось между различными народами, оно еще окрепнет через 10, 15 лет.» Так говорит Литтре в 1850 г. А вот, что он писал через 28 лет: «Эти несчастные строки оказались в совершенном противоречии с фактами. Едва я, увлеченный юношеским жаром, провозгласил, что в Европе более не будет войн, но только дипломатические сношения, как началась Крымская компания, затем война Австрии и Италии, потом Австрии с Германией, далее Франко-Прусская компания и наконец Русско-Турецкая».

в столкновение именно в определенные времена, т. е. когда мировой план требовал исчезновения одного рода и возвышения другого, потому что первый уже исполнил свою задачу, а второму она еще предстояла. Одним словом социология только тогда могла бы стать на место истории, когда был-бы обнаружен «план мира» или иначе «организм человечества». Но ничего такого в действительности мы не знаем, план человеческой истории нам абсолютно неизвестен, «организм человечества» есть лишь весьма натянутое сравнение, ибо отдельные части этого мнимого организма находятся часто вне всякого между собой взаимодействия. Отсюда происходит у Конта «необходимость вытянуть историю в одну линию, разделив последнюю на части, которым соответствовали бы известные нации... Всемирную историю можно сравнить с течением множества рек, которые Конт рассматривает как одну реку.. Но это все равно, что сказать, что *настоящая* вода начинает течь только в Волге до Казани, продолжает свое течение в Дону до Лебедяпи, переходит потом в Днепр у Смоленска и т. д. ... плановность хода истории в конце концов разрешается в совершенно произвольную плановность ее рассмотрения»^{*)}.

При этом Конт, если не прямо выражает, то именно дает ясно понять, что ход всемирной истории есть необходимый процесс. «Католико-феодалная Европа, напр. есть *логически-необходимая* ступень развития: «без еврейской инициативы, говорит Конт, общее развитие нашло бы другие органы, которые ему придали бы необходимо существенно тождественное направление. Многочисленные попытки философской оценки, которые вызывал до сих пор светский порядок средних веков, сообщали ему всегда чисто случайный характер, приписывая слишком большое влияние германским вторжениям, из которых он, будто-бы исключительно вытекает». Поэтому Конт и берется объяснить переход античного мира к средним векам без семитических и германских влияний, «ибо нет ничего важного, что было бы случайно в этом перевороте». Вот почему некоторые давно уже обратили внимание на сходство Контовской философии истории с гегелевой и даже прямо говорили о заимствовании, чего, конечно, не было. «Гегель и Конт, равно как и Боссюэт и Вико, по словам Ренувье, рассматривали историю, как Евдокс и Птоломей рассматривали астрономию с их идеальными сферами»: все они действительно хотят включить крайне разнообразное содержание истории в немногие формулы и подложить под эмпирический хаос явлений, хаос в смысле неправильности их чередования, простой ясный план, объяснить из одного принципа то, что объясняется из множества частных причин, действия которых перекрещиваются самыми разнообразными способами»^{**)}.

^{*)} Это слова г. Кареева о Гегеле, но они вполне применимы к Конту. (Основные вопросы филос. истории т. I, стр. 179).

^{**)} *ibid.*, стр. 193.

Мы возвращаемся теперь к Конту и его системе. Так как социологические законы, по Конту, также первичны, как напр. физиологические, то они определяют бытие совершенно особенного «*организма человечества*». Человечество в его постепенном развитии, в бесконечном взаимодействии своих органов (индивидуумов), в разнообразии своих социологическими законами определенных формах бытия, составляет, по его мнению целое подобное животным организмам, но только бесконечно более сложное, чем эти последние^{*)}. Существуют однако два радикальных отличия, различающие этот верховный организм от всех других. «В то время как отдельные части всякого другого организма не могут жить отдельно, человечество слагается из жизней в действительности отделимых.» Но, чтобы устранить всякое недоразумение, Конт немедленно прибавляет: «однако человечество не есть какая нибудь абстракция, напротив человек (в отдельности), собственно говоря, существует лишь в чрезмерно абстрактной мысли наших метафизиков. Реальное же бытие принадлежит лишь человечеству (в целом). Второе существенное отличие этого верховного организма в том, что, так как его члены обладают личным сознанием, то умершие могут продолжать жить и *действовать* в живых, которые сохраняют об них воспоминание. Соответственно тому Конт прямо различает два рода бытия возможного для человека: реальное и идеальное, или в памяти людей. Это по его мнению то бессмертие, на которое только мы и можем рассчитывать. Вместе с тем эта «субъективная связь» человечества дает, конечно, еще новое единство, присоединяющееся к тому, которое создают *реальные* взаимодействия индивидуумов. «Человек, говорит Конт, во время своей жизни составляет часть человечества как реальный член его, а после индивидуальной смерти, преобразующей его объективную жизнь в субъективную, служит ему как орган^{**)}».

Раз существование подобного великого организма, которого мы составляем лишь органы, установлено, является, как прямое следствие, чувство почтения к нему, сознание братского единства людей в нем, наконец, прямое поклонение ему, иначе говоря, на место прежнего Бога, существа для позитивиста непознаваемого и неизвестного, которого понятие полно противоречия, которому не нужно ни наших жертв, ни нашей благодарности, становится новое — «великое» существо — человечество. «Культ позитивистов, говорит К., не обращен как культ теологический, к существу абсолютному, отдельному (от мира), непознаваемому, которого бытие не доступно никакому доказательству, и которое даже ни с чем не может быть сравнено. Никакая тайна не потемняет очевидности и понятности, характерной для нового Великого Существа. Его достойно воспевать и любить, ему служить возможно только после достаточного познания разнообразных естественных законов,

*) *ibid.*, t. I, p. 333.

***) *ibid.*, t. II, p. 59 sqq.

управляющих его бытием, наиболее сложным, какое только для нас постижимо... Верховенство этого Великого существа остается вполне соответственным нашим познаниям и потребностям. Мы можем, пожалуй, представить, что где-нибудь, напр. на какой-нибудь иной планете существует организм еще более совершенный. Но, помимо того, что мы никогда об нем ничего не можем знать, самая эта мысль вполне бесплодна, ибо подобное существо не имело бы никакого влияния на нашу судьбу»^{*)}.

Итак, религия Бога заменена религиею человечества. Для понимания этого странного положения мы должны помнить, что под религиею Конт подобно социалистам разумеет нечто более широкое, чем то делается обыкновенно. Он определяет ее, «как состояние полной, насколько то возможно для человеческой природы, гармоний, — гармонии, как в индивидуумах так и в обществах, причем все способности их правильно уравновешены. Религия есть, следовательно, consensus души, вполне подобный здоровью тела^{**)}. При этом все наши чувства подчиняются одному — любви к верховному существу или человечеству; все мысли устремлены на познание его независимых от нашей воли законов. «В таком состоянии мы являемся связанными внутри и извне, через полное сосредоточие чувств и мыслей на верховной силе, которая определяет и наши действия. Тогда мы имеем по истине религию, т. е. полное единство, все внутренние наши мотива соподчинены между собою и их совокупность свободно повинуетя внешней нам Силе»^{***)}.

Религия человечества, как всякая другая, должна иметь свой внешний культ, ибо всякое чувство для своего укрепления требует внешней поддержки и отражения в действительности. Так как связь человечества между собою возможна лишь, как мы увидим ниже, при безусловном господстве альтруистических чувств над всеми другими, то позитивный культ будет состоять по преимуществу в символической идеализации различных проявлений альтруизма, а отчасти в соответственном благодарном воспоминании о любви к нам других людей и других их действий, которые вели к объединению и возвышению человечества. Конт с чрезвычайной и всегда характерной для утописта подробностью развивает отдельные стороны этого нового культа который, как известно, он и его ученики в свое время исполняли. Культ этот разделяется на личный и общественный, смотря потому, какие связи человечества в нем благоговейно вспоминаются. Личный культ состоит по преимуществу в почитании женщины, как матери, жены или дочери, ибо именно женщины являются на земле истинными носителями любви, этого верховного принципа истинной нравственности. Общественный же культ состоит главным образом в десяти

^{*)} *ibid.*, t. I, pp. 333 и 410.

^{**)} *ibid.*, t. II, p. 8.

^{***)} *ibid.*, t. II, p. 18.

«таинствах» (sic) имеющих целью торжественное объявление, общественное признание и идеализацию главных моментов человеческой жизни (рождения, брака и т. п.). Мы не последуем за Контом, в его бесконечных предписаниях относительно этого будущего культа^{*)}. Эти страницы «Позитивной политики» вместе с тою системою теократии, которую мы будем рассматривать ниже, невольно напоминают справедливое выражение Гексли (Huxley): «позитивизм есть католичество минус христианства».

Таков смысл Контовской религии. Несмотря на странности этой религии позитивизма, она вряд ли особенно удивит читателя, который пробежал предыдущие главы. Таково было в то время состояние французской мысли, что попытки новой религии возникали одна за другой. «Чтобы понять это явление, говорит один историк французской философии, мы должны помнить, что в течении первой половины XIX в. мысль о новой религии, или по крайней мере о новом развитии прежней, носилась в воздухе и странным образом привлекала мыслителей самых разнообразных, часто даже прямо противоположных направлений. Автор «Génie du Christianisme» и «Martyrs» (Шатобриан) уподоблял нашу эпоху религиозного упадка той, которая видела падение греко-римского политеизма, — он питал надежду, что и в наше время явится какое нибудь таинственное новое откровение. Автор «Soirées de St. Pétersbourg» (И. де-Местр), а с ним и С. Мартен, философ непостижимого, прямо и с убеждением утверждали, что Богу будет угодно зажечь этот новый свет перед глазами неверующих. Наконец, главные ученики С. Симона, и именно Пьер Леру и Жан Рейно, посвятили всю свою жизнь свободным теологическим исследованиям и до последнего момента надеялись, что религиозная идея, как они ее понимали, примет наконец плоть и явится народам. Это странное умственное движение находило себе поддержку или скорее было даже создано тем, что в то время многие потеряв веру в христианство не могли, однако, привыкнуть к отсутствию религии вообще; религиозные привычки, чувства и стремления пережили в них самую их веру»^{**)}

^{*)} До каких нелепостей доходит этот культ видно напр. из след. примера: при молитвенном повторении основной формулы позитивной этики, т. е. «любовь — как принцип, порядок — как основа и прогресс — как цель», Конт советует дотрогиваться до мест головы, соответствующих, по его френологической системе, органам симпатии, порядка и прогресса, дабы тем с большей ясностью вызывать соответствующие идеи! (t. IV, p. 100). Справедливость требует однако признать, что иные страницы этой странной книги невольно возбуждают симпатию: «относительно каждого из этих образов (матери, жены или дочери), говорит Конт, которые окончили свое земное существование, мы не должны бояться вызывать воспоминание о той катастрофе, которая у нас отняла их. Мысль о последних минутах их жизни должна занимать достойное место в каждом поклонении им, чтобы постоянно напоминать нам, что человек и после смерти может быть полезен ближнему, таким образом побудить нас, под их покровом, искать такого же бессмертия (t. IV, p. 118 sq).

^{**)} Ferraz. *Estudes sur la phil. en France, au XIX siucle. La socialisme. Paris, deux. éd.* p. 396 sq.

Для полного понимания этики и религии Конта мы должны сделать еще один шаг, именно изложить его психологическую теорию. Если в других областях, и преимущественно в механике и математике, Конт обладал солидными сведениями, то относительно психологии он явно стоял на стороне тех учений, которые и в его время не находили сторонников среди ученых специалистов, а в наше сравниваются по достоинству с астрологией или алхимией: Конт был ревностным поклонником френологии; мало того, он не только приписывал каждой психической способности (или вернее тому, что он считал за таковую) отдельный анатомический орган, но выходя из совершенно произвольных теорий изобрел для их подтверждения такую же фантастическую анатомию мозга. Что касается до чисто психологических теорий, то и здесь, как везде, Конт придает своим более или менее произвольным обобщениям совершенно абсолютный характер и обсуждает отношения так называемых душевных способностей так, как будто они были реальными силами, а не отвлеченными обозначениями, введенными лишь для удобства психического анализа. Мало того, он сопоставляет в один ряд психические явления крайне сложного характера с самыми элементарными, напр. гордость и голод; с другой стороны резко разделяет то, что в существе дела однородно (напр. храбрость и твердость духа); наконец, совершенно оставляя в стороне то, что для психологической теории познания есть основной, первичный элемент, так сказать психический атом, именно представление, толкует вместо того о мнимом различии созерцания и размышления. Все подобные ошибки или вернее, все это совершенное непонимание психической жизни тем не менее простительно, что и в его время психология, хотя еще не сделалась экспериментальной наукой, однако обладала уже многими превосходными исследованиями, из которых достаточно упомянуть трактаты Локка, Юма, Гартлея и Джеймса Милля.

Как бы то ни было, Конт разделяет психологические явления на три группы: аффективные, интеллектуальные и волевые^{*)}. Аффективные в свою очередь — на эгоистические (к которым он причисляет инстинкт питания, половой, материнский, инстинкт разрушения, инстинкт производства (sic), гордость и тщеславие) и альтруистические (привязанности, почитание и доброта (humanité)); интеллектуальные явления — на пассивные (созерцание) и активные (размышление); наконец, к волевым относит храбрость, осмотрительность (prudence) и твердость (fermeté). Сущность его теории состоит в том, что соответственные этим функциям нервные органы головного мозга расположены совершенно в том же порядке, причем волевые действия занимают самое «низкое» положение. Интеллектуальные центры получают впечатления извне, волевые — направляют свое действие наружу, аффективные же не име-

^{*)} Собственно говоря, Конт различает первоначально le coeur et l'esprit, причем уже вторично подразделяет первые явления на аффективные и волевые. (*Pol. Pos.*, t. I, p. 685 sq.).

ют сношений прямо с внешним миром, но только через интеллектуальные центры. Вследствие этого происходит, что аффективные функции, получая выработанные рассудком идеи, в свою очередь направляют находящуюся с ними в связи — волю. Сам рассудок по своей природе инертен, воля — по природе слепа, одно чувство, когда оно питаемо рассудком может служить *primus movens* психической жизни. Получая представления от интеллектуальных функций, чувство вместе с тем, обратно, направляет рассудок, давая ему те или другие интересы.^{*)}

На этих двух основных теориях — Верховного Организма Человечества и господства чувства, Конт строит свою этику. Прежде всего он утверждает, что эгоистические мотивы вообще не могут дать человеческому обществу истинного *единства*. Причина этого — различие и даже противоречие личных интересов отдельных людей. Никакой расчет, никакая моральная арифметика здесь не поможет. Единство обществу могут дать лишь объединяющие людей альтруистические чувства^{**)}. Таким образом, задача этики и социальной политики может быть выражена так: если даны с одной стороны 3 альтруистические инстинкта и 5 интеллектуальных способностей, с другой — семь эгоистических склонностей, то как должно соединить альтруизм с интеллектом, чтобы они преобладали над всеми эгоистическими чувствами. Решение этой задачи дает позитивная политика в виде идеала будущего устройства общества.

В этом обществе самое понятие права, как элемент противоположный любви, должен быть исключен. Право отделяет человека от его ближнего и есть потому, как выражается Конт, принцип «безнравственный и анархический». Кроме того это понятие, и в частности понятие *естественных прав* человека, было лишь орудием борьбы против *божественных прав* государей, само же по себе метафизично, основано на произвольной реализации «идеи человека». Оно, значит, соответствует лишь переходной, именно революционной стадии развития. Уже этим самым оно обречено на смерть, ибо позитивное общество будет не бороться со старым, но создавать новое. «В позитивном состоянии, говорит Конт, которое не допускает божественных титулов, идея права безвозвратно исчезает. Каждый имеет обязанности и притом относительно всех; но никто не имеет никаких прав, в собственном смысле слова. Справедливые личные гарантии будут вытекать лишь из этой всеоб-

---

*) Теория эта изложена Контом (с тою же утомительною подробностью, которая вообще так характерна для *3000 страниц* Позитивной Политики) в главе третьей первого тома (стр. 567–737). Она полна самых нелепых гипотез, которые бесполезно передавать. Один пример будет достаточен. Конт основывает физиологическое преимущество аффективных «центров» на том, что они будто-бы имеют непрерывную деятельность, волевые же и интеллектуальные функции периодичны. Это утверждение, как и мн. др., имеют основанием у Конта лишь совершенно произвольное и в высшей степени ненаучное обобщение ходячих житейских наблюдений над снами.

***) *Pol. Posit.*, т. II, п. 72.

щей взаимности обязательств... Иначе говоря, никто не будет иметь иного права, кроме права всегда исполнять свой долг. Только таким образом политика может, наконец, быть подчинена нравственности. Это подчинение прямо вытекает из того, что (в будущем обществе) все люди будут рассматриваемы не как отдельные существа, но как разнообразные органы одного Великого Существа^{*)}. «Впрочем и прежде во всяком правильном обществе каждый гражданин всегда представлял (в известном смысле) слугу общества, исполняя худо или хорошо свои обязанности, добровольные или узаконенные. Этот основной принцип был реально отрицаем лишь втечении долгого революционного и переходного периода, который ныне кончается.»^{**)}

Мы видим, что этика Конта, каким бы упрекам она ни подвергалась, во всяком случае заслуживает уважения по своей чистоте. Ее единственный закон: люби другого и живи для него. Конт вполне согласен с изречением любимого своего писателя: «Я буду любить тебя больше, чем себя, а себя — лишь ради тебя» (Фома Кемпийский). Поэтому Ст. Милль, отвергая, как утилитарист, правильность такой исключительно альтруистической этики, отдает однако должное ее возвышенности. «Новалис, говорит он, называл Спинозу человеком опьяненным идеею Божества; Конт есть человек, опьяненный идеею нравственности. Всякий вопрос есть для него лишь вопрос нравственности, и он не допускает никакого другого мотива, кроме нравственного.»^{***)}

Конт подробно выясняет, каким образом альтруистическое чувство должно руководить всеми другими психическими функциями. Наиболее любопытна та роль, которую он отдает ему в науке. Само собою разумеется, что оно не должно и не может прямо влиять на решение научных проблем: наука должна быть по своему методу и содержанию чисто рациональной. Но другое дело выбор задач для исследования; в будущем позитивном обществе научная мысль не должна сама по себе выбирать предметов исследования; такая свобода ведет часто к созданию вполне излишних, а следовательно и вредных специальностей: альтруистическое чувство должно будет нормировать этот выбор и направлять науку к исключительному служению человечеству^{****)}. Поэтому Конт, как и другие социалисты, отнюдь не поклон-

^{*)} *ibid.*, t. I, p. 361, 363.

^{**)} *ibid.*, t. I, p. 363.

^{***)} *St.-Mill. Aug. Comte et le positivisme*. Paris 1885 p. 141 sqq.

^{****)} Об этом см. *Polit positif*, t. IV. Ch. 3 (Позитивный догмат). Конт разбирает здесь, какой вид примут 6 основных наук, когда они будут подчинены целям социального режима. Кроме того, в первом томе он анализирует, какое нравственное значение могут иметь отдельные науки, причем напр. математика будет приучать к точности, к рационализму, к признанию неизменных законов природы и т. п. (t. I, p. 461 sqq), астрономия научит соединять наблюдение с размышлением, внушит понятие относительности всего существующего, возвысит, наконец, характер человека (t. I, p. 500 sq.). См. там же

ник свободы исследования. Эта свобода, подобно прочим мнимым естественным правам человека, есть для него лишь остаток метафизических теорий. В позитивном же обществе будет определено, кто именно должен заниматься научными исследованиями, и в каком направлении они должны быть произведены.

Будущее общество должно, по Конту, состоять из трех классов — ученых, правителей и народа (пролетариев). Ученые или священники религии человечества содержатся на счет государства, и не должны иметь никакого личного богатства. Подобно пролетариям они должны рассматривать получаемые ими средства к жизни не как плату за работу, но лишь как средство для исполнения своих обязанностей относительно человечества. Лишенные богатства они не могут ни наследовать, ни получать личной платы за преподавание, которое, конечно, составляет их главную обязанность. Они не должны также иметь непосредственного влияния на управление; но не смотря на то, или вернее *именно потому*, они будут представлять сильный нравственный авторитет. Класс ученых должен составлять строго объединенное целое, во главе которого находится «священник человечества»; этот последний направляет все ученые исследования к единой цели — общему благу. Всякие бесполезные исследования должны быть положительно изгнаны, что будет тем легче достигнуть, что ученых вне этого организованного класса в существе дела не будет. Не то, чтобы было запрещено комунибудь писать или печатать книги, но авторитет позитивного духовенства будет так безграничен, что осуждаемые им книги не будут иметь никакого хода. Соответственно подобным принципам и преподавание в школах будет чисто догматично; с наивностью, столь характерной для этой теократической системы, Конт прибавляет: «это не значит, чтобы истины позитивизма не могли быть доказываемы, но требование их доказательства обнаружило бы недоверие, если не вражду относительно священнического класса». Сам Конт, как известно, составил даже, в качестве первого «Священника человечества», каталог позитивной библиотеки, *необходимой*, но и *достаточной* для позитивиста. Повидимому почти все книги вне этого списка должны быть, по его мнению, сожжены. Весьма характерно, что в этот список среди весьма немногих книг попал «Traité du Peuple» — Жозефа де-Местра.

Второй класс должны составлять «патриции», т. е. класс правителей, которым должны также исключительно принадлежать богатства (и земли). Конт не допускает бездействия богатых. Они все должны будут занять место в производстве и управлении, ибо хотя употребление капитала и конкуренция должны быть, вообще говоря,

---

замечания об la logique religieuse и la logique scientifique. С точки зрения этого «субъективного синтеза» написано Контом его последнее сочинение “*Synthèse subjective ou Système universel des Conceptions propres à l'état normal de l'Humanité*”, которого вышел только первый том, заключающий *Le Système de Logique Positive ou Traité de Philosophie Mathématique*. Paris, 1856.

свободны, они не составляют в существе дела чисто личных прав. Строго говоря, богатые суть лишь представители и управители общественного производства.

Наконец, третий класс составляют пролетарии, не имеющие собственности. Конт полагал, что подобное состояние вполне нормально и полезно. «Каждый пролетарий представляет, говорит он, во многих отношениях философа, как и всякий философ есть во многих отношениях лишь последовательный пролетарий»^{*)}. Мало того, он видел в парижском рабочем общий тип западного человека^{**)}. Впрочем, в будущем общества судьба рабочего будет совершенно иная, чем ныне. Конт требовал, чтобы каждому из них общество доставляло хорошую квартиру и воспитание для детей. Заработная же плата должна быть разделена на 2 части — одна (100 фр. в месяц) определена законом и постоянна, другая — пропорциональна исполняемой работе и изменяется конкуренцией. Такое широкое вознаграждение требует, конечно, огромных средств, и потому Конт старается об уменьшении числа «патрициев».

Такое содержание «Позитивной Политики» Конта. Мы изложили здесь лишь самые характерные учения, развитые им с чрезвычайной многословностью на 3000 страниц. Оглядываясь теперь на весь пройденный путь, мы можем сделать два замечания. Во-первых, система Конта есть наиболее систематическое и последовательное развитие учений французского социализма. Корень социализма состоит, конечно, не только в своеобразном решении проблемы о собственности, но в более широких философских обобщениях, именно в признании безусловных прав общества над индивидуумом вообще, а следовательно и над всеми его личными правами. Эта общая идея, данная С. Симоном, получила теологический характер у его учеников: для них индивидуум, будучи лишь проявлением Божества, не имеет сам по себе цены, но лишь в его подчинении Целому. Этот теологический характер был уничтожен скептическим духом времени и принял у Конта вид учения об «организме человечества». Человечество также безусловно выше индивидуума, которого нужды и желания должны быть подчинены целям этого нового «Верховного Существа». Отсюда, как простой вывод, — религия Человечества. Конт есть в этом смысле вполне ученик С. Симона, которого влиянию он подвергся в молодости. Это влияние кроме основной идеи отразилось и на множестве частных: на предпочтении чувства — мысли, на чрезвычайной симпатии к католицизму, на учении о роли искусства в религии, на склонности предоставить женщинам большее влияние, чем какое им принадлежит ныне, на громадной роли религиозного культа, и на многом другом.

^{*)} *ibid.*, t. I, p. 130.

^{**)} *ibid.*, t. I, p. 188.

Второе обстоятельство, на которое мы хотим еще раз обратить внимание, состоит в том, что в основе позитивной философии, как и позитивной политики лежат чисто метафизические принципы. Абсолютное разделение наук (которые в действительности переходят одни в другие), утверждение совершенно особой силы — социологического прогресса (которая в действительности есть лишь взаимодействие психических и физических факторов), человечество как *Верховное Существо* (в то время как оно есть лишь сумма индивидуумов), психологическая теория о взаимодействии трех основных способностей (которые в действительности суть не силы, но лишь отвлеченные обозначения) — все эти стороны системы *Конта* показывают в нем метафизика, и притом метафизика-француза, который ипостазиирует отвлеченности, делает относительные разделения — абсолютными, видит за каждым родом явления особенную силу. Таким образом, отрицание отвлеченных законов природы и метафизики у *Конта* (которой учений он притом и не знал) — число мнимое. Но явившись в эпоху, когда старые метафизические идеи отживали свой век, а новые еще не родились, позитивизм был ошибочно отождествлен с положительной наукой, с которой он кроме имени в существе дела не имел ничего общего. В этом смысле он стал тождественен с отрицанием возможности познания сущностей, вопрос которым он на самом деле никогда по существу дела не занимался и по тому простому основанию, что не имел *никакой* теории познания.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

**Прудон
(1809–1865)**

Прудон — философ французской революции 89 года. Верховное достоинство человеческой личности и вытекающая отсюда свобода ее и равенство с прочими столь же безусловно ценными личностями — вот принципы его этики, и вместе с тем принципы «Декларации прав человека». Основать нравственность на личном достоинстве человека и освободить ее от всякого божественного, т. е. сверхчеловеческого влияния — такова задача его основного сочинения «Об справедливости в церкви и революции» (4 тома). Задача этой замечательной и оказавшей глубокое влияние на всю западно-европейскую мысль книги состоит в том, чтобы показать на самых разнообразных сторонах человеческой жизни ту противоположность и борьбу, которая необходимо возникает между теологической этикой (всякого вида) и этикою чисто человеческой. Перебирая последовательно вопросы о правах личности, о собственности, государстве, воспитании, работе, свободе, прогрессе и браке, Прудон старается показать, что во всех этих вопросах теологическая этика ведет лишь к неполной справедливости, полная же возможна лишь для антитеистической, чисто человеческой или, так называемой им, революционной этики. Сущность всякой теологической (а вместе с тем и социалистической) этики состоит всегда в подчинении личности какому-нибудь другому высшему принципу, Богу или обществу; сущность всякой исключительно человеческой или индивидуалистической этики — в подчинении всего верховным правам личности. Никакое примирение здесь невозможно.

Уже из этой общей характеристики мы видим, что только недоразумение могло смешать Прудона с социалистами. Отчасти, впрочем, он сам подал к тому некоторое основание, ибо его первые этюды и, в частности, 2 известных трактата о собственности представляют некоторую неясность мысли, которая исчезает лишь в более поздних сочинениях. Но вместе с тем уже в своих «Экономических противоречиях» он с такою энергиею опровергает принципы коммунизма^{*)}, что нет никакого сомнения, что уже в то время он совершенно ясно отделился от этих направлений. Наконец, в своем основном сочинении «О справедливости» он с совершенною ясностью отделяет свой принцип равенства и свободы, или верховного достоинства личности, от социалистического принципа любви и всеединства. Таким образом, Прудон, когда его мысль окончательно установилась, не только не есть социалист,

^{*)} Proudhon. *Système des contradictions économique*, t II, XII (Oeuvres compl., t. V)

но напротив его нравственный принцип есть прямая противоположность принципам первоначального французского социализма.

В известном отношении Прудон весьма приближается к Канту. Как для того, так и для другого нравственный закон лежащий в душе каждого человека есть основное и верховное основание для взаимного уважения людей, для признания безусловной цены личности. Но в двух отношениях Прудон глубоко отличается от Канта. Во-первых, как мы видели в гл. 1, Кант пробывал соединить индивидуализм с монизмом через понятие формальности *нравственного* закона. Правда, эта попытка оказалась неудачной, но тем не менее этика Канта не была столь исключительно индивидуалистической, какой осталась этика Прудона. Во-вторых, Кант — немец, Прудон — француз, и это одно достаточная причина для чрезвычайного различия их учений. Как немец, Кант преимущественно исследовал происхождение и принцип нравственности — общественные приложения этики его, сравнительно, мало интересовали и, во всяком случае, в этой области он наименее оригинален.

Немецкие философы всегда имели лишь чрезвычайно слабое понимание общественных отношений. Напротив Прудон, как француз, в высшей степени слаб относительно теоретических принципов этики; мы увидим ниже до какой степени несовершенно обоснованы самые основные положения его этики. Ту же черту мы встречали уже в ребяческих теориях космоса у Сенсимонистов, в фантастической психологии Фурье, в слабости Контовской социологии и этики. Но за то, как только Прудон переходит к общественным приложениям его, в существе дела произвольного, принципа, как каждая строчка его книги начинает обнаруживать выдающееся понимание исторических условий времени, совершенную последовательность и глубину в систематическом приложении основного принципа, наконец, замечательную смелость выводов.

Правда, еслибы основной принцип Прудона был столь же мало обоснован в исторической судьбе французского народа как он мало доказан в его сочинении, то никакая последовательность не *помогла* бы, и его сочинения остались бы совершенно бесплодны. Но дело именно в том, что, как мы уже говорили в введении, принцип Прудона, т. е. равенство и свобода (вообще справедливость) есть основной принцип французской революции 89 года, и с тех *пор* непрерывно действует в европейском обществе под самыми различными видами. В этом смысле Прудон, как последовательный философ этого принципа, заслуживает полного и основательного изучения, к которому мы теперь и перейдем.

Прудон начинает с определения задачи философии. Философия, по его мнению, не есть наука; эта последняя дает окончательное и синтетическое разъяснение явлений, — философия же представляет лишь *разыскание*, и притом не какихнибудь частных законов природы, но *основного смысла вещей*. Ее предмет есть по преимуществу *верховный критерий* знания и деятельности. Такой критерий, уста-

навливающий основные отношения субъекта к объекту есть — справедливость, в самом широком смысле слова. «Какова может быть основная идея, спрашивает Прудон, которая должна быть (в качестве верховного принципа) объективной и субъективной, реальной и формальной, определяет природу и человека, мысль и чувство, логику и искусство, политику и экономию, практический и чистый разум (Канта), — идея, которая управляет и миром природы и миром философии, и на которой оба они основаны, — идея, наконец, двойственная по своей формуле и однако первобытная и дальнейшим образом неразложимая...? Это — идея права, справедливость.» «Справедливость (понимаемая в таком широком смысле) принимает разные названия, смотря по своим приложениям. В области сознания, верховной перед всеми другими, она есть справедливость в собственном смысле слова, правило для наших обязанностей и прав; в области познания — логики и математики — она есть равенство или управление; в сфере воображения она называется идеалом; в природе — это равновесие^{*)}.

Несмотря на такое мировое значение справедливости, этика Прудона, однако, отнюдь не имеет космологического характера, но скорее подходит под тот тип этических систем, которые мы называем субъективными. Т. е., не то составляет, по мнению Прудона, верховность справедливости, что она есть вместе с тем объективный закон мира, но лишь ее непосредственное и очевидное субъективное достоинство. В этом отношении Прудон стоит в резком противоречии не только с социализмом, но и с большинством западных этических систем, ибо он нравственность выводит не из каких нибудь (всегда недоказанных и сомнительных) законов мирового развития, но это последнее меряет, как мы увидим, ниже по мере осуществления субъективной идеи справедливости. Это обстоятельство дает его выводам большие преимущества, ибо не стесняемый объективными законами развития, он может ставить миру свободный идеал, вместо того, чтобы подчинять нравственное сознание естественным и не имеющим нравственного значения законам мирового развития (если таковое существует!). Справедливость, говорит он в другом месте, есть чисто человеческое отношение, исключительно человеческое. Его основание — чувство достоинства, верховная ценность человеческой личности. В этом смысле справедливость прирождена человеку, подобно пониманию прекрасного, подобно всем другим нашим способностям^{**)}.

Одно из двух, или источник нравственности лежит вне человека, выше его — это объяснение теологическое и социалистическое (смотря по тому, есть ли Бог источник правды, или — верховный индивидуум — общество); или нравственность *имманентна* человеку, основана на верховном достоинстве его личности — это филосо-

^{*)} Proudhon. *De la justice dans la révolution et dans l'église* (Oeuvr. compl., tt. XXI–XXIV), t. I, p. 8–9, 35–36.

^{**)} *ibid.*, t. I, p. 142, 168, 141, 132.

фия революции, как ее называет Прудон. Несомненно, что правильное отношение человека к человеку есть взаимное уважение. «Но вопрос в том, что определяет сердце к этому уважению? Страх Божий, говорит древний законодатель. Выгода общества, отвечают современные новаторы, как атеисты, так и не-атеисты. Но в обоих случаях это значит помещать причину уважения, этого источника права и справедливости вне человека, а след., в сущности, отрицать этот самый принцип, уничтожать условие *sine qua non*, врожденность, имманентность чувства уважения». Если верховное благо вне или выше человека, то человеческая личность непременно и необходимо теряет абсолютное достоинство; она непременно становится в том или другом смысле «первоначально греховной». Безусловная святость Бога ведет необходимо к объяснению зла через грех человека; таким образом, христианство есть необходимый враг (революционной) справедливости, имеющей свой источник в *безусловном* достоинстве человека. Тоже должно сказать о всяком коммунизме, унижающем человека перед «коллективным организмом». «Всякая религия и всякая quasi-религия, какова бы ни была ее первоначальная гипотеза или ее идол, начинается она с теологического установления бытия Бога или с абстрактного доказательства бытия общества; всякая церковь, которая основывается на том или другом из этих положений, как на противовесе справедливости и во имя их требует почтения и подчинения от своих адептов; всякая подобная церковь, утверждаю я, всякая подобная религия или школа, непременно отрицает *индивидуальное* право и утверждает, не менее и не более, чем христианство, первородный грех; в этом она антилиберальна и противу-революционна». Затем Прудон доказывает это на примерах С. Симонистов и Ог. Конта^{*)}.

Эта нравственная противоположность идеала религии и идеала революции проявляется, по Прудону, во всем: для Церкви исходный пункт Бог и его закон, для революции — человек и его достоинство, т. е. справедливость; для Церкви подчинение по вере Божественному закону — первая добродетель, для революции — разумное познание нравственного долга; для первой — прежде всего вера, для второй прежде всего дела или работа; для первой — человек грешник по природе и должен прежде всего покаяться, для второй — он носит в себе самом верховную правду и свободен; для церкви — главное загробная жизнь, для революции — земная; первая требует прежде всего любви, вторая — справедливости; для первой всякая власть от Бога, для второй от людей; поэтому для первой всякое неравенство должно быть почитаемо, для второй — уничтожено; для первой последнее слово истины — благодать Божия, для второй — право человека; для первой — принцип государства божественный, для второй — человеческий; первая побуждает к аскетизму, вторая — к жизни *вблизи* природы и к сочувствию с ней; первая созерцательна и пас-

^{*)} *ibid.*, t. I, p. 133 sqq., 215, 186–190.

сивна, вторая деятельна; первая воспитывает детей прежде всего в духе подчинения и дисциплины, вторая особенно заботится о развитии самостоятельности; наконец, для первой смерть — начало суда и истинной жизни, для второй — лишь желанный конец рабочей жизни, которая здесь сама себя судит.

Прудон справедливо говорит, что все его сочинение есть лишь комментарии на «Объявление прав человека и гражданина», которого принцип есть именно справедливость, в смысле свободы и равенства. Ибо, действительно, если каждая человеческая личность имеет сама по себе верховное достоинство, то во-первых, она свободна, во-вторых, все люди в этом верховном смысле равны^{*)}. «Человек, как существо одаренное разумом, имеет способность чувствовать свое достоинство, как в самом себе, так и в подобных себе существах. Справедливость есть результат этой способности; она есть уважение свободно испытываемое и взаимно гарантируемое к человеческому достоинству, в какой бы личности и при каких бы условиях оно бы ни находилось и каким бы опасностям ни подвергала его защита... Из определения справедливости вытекает определение права и долга. Право есть способность требовать от каждого уважения к человеческому достоинству, как оно проявляется в моей личности; долг есть обязательство для каждого уважать это достоинство в другом... Из одинаковости разума у всех людей и из сходства чувства почтения, которое влечет их поддерживать во всяком случае их взаимное достоинство, вытекает равенство справедливости»^{**)}.

Из предъидущих замечаний о противоположности религии и нравственности было-бы однако ошибочно заключать, что Прудон атеист. Он сам себя называет не атеистом но *антитеистом*. Он отнюдь не отрицает бытия Бога, хотя и считает его непознаваемым. Он только утверждает, что нравственность не может быть основана на чем-нибудь трансцендентном; она должна, по самому существу справедливости, ее основного принципа, быть имманентной человеку, основной на признании его абсолютного достоинства^{***)}. Прудон даже признает, что именно только с этой чисто нравственной стороны возможно дойти до отрицания христианской догматики. «Ничто, говорит он, не могло бы побудить меня к отвержению авторитета церкви, еслибы я только признавал необходимость для справедливости в какой-нибудь сверхъестественной гарантии. Я никогда не взял бы на себя (здесь идет дело очевидно о сенсимонистах) этой странной претензии, выходя из идеи о необходимости Бога для нравственности, считать однако себя более способным осуществить подобную идею, чем весь человеческий род, который работает над нею шестьдесят веков. Я тогда, наверное, преклонился бы перед верою, столь

^{*)} *ibid.*, t. I, p. 100.

^{**)} *ibid.*, t. I, p. 222–225.

^{***)} *ibid.*, t. I, p. 52, 214; t. II, p. 309.

древней, плодом наиболее ученой и продолжительной работы, какую только знает история человека; ни на один момент не допустил бы я мысли, что какие нибудь неразрешимые *теоретические* или *научные* затруднения могут иметь хотя малейшее значение там, где дело идет о моей вере; скорее я стал бы думать, что именно это то и составляет великую тайну и достоинство моей религии; и вообще уменье распускать метафизическую паутину еще не заставило бы меня признать себя пророком. Но особенно я побоялся бы тогда уничтожить своими неблагоприятными нападками веру в других людях, веру, которой общую необходимость я сам признал». То что заставляет Прудона отрицать христианство есть, таким образом, не теоретические затруднения, но лишь общая невозможность, по его мнению, соединить религию с чисто человеческой нравственностью. «Никогда, говорит он о христианстве, не существовало среди людей системы более возвышенной и широкой. Я, который видит в христианстве лишь систему мирового раскаяния, я не могу не почитать в нем гения человечества, который для спасения наложил на себя это долгое искупление. И я клянусь здесь, что если Церковь опровергнет мое основное положение, которое я ей противопоставляю (т. е. несоединимость трансцендентной этики с верховным достоинством человека)... если говоря я, Церковь одержит эту победу над Революцией, я откажусь от всякой философии и умру в объятиях Церкви»^{*)}.

Прежде чем идти дальше, мы должны остановиться на этом столь характерном для нашего времени утверждении, и спросить себя, насколько положение Прудона о непримиримости религии с справедливостью верно. Этот вопрос слишком важный, чтобы пройти его мимоходом.

Во-первых, совершенно очевидно, что *исторически* подобное утверждение по крайней мере преувеличено. Известно, что именно христианство в его первоначальном виде более, чем какое-нибудь иное умственное движение, способствовало возвышению достоинства или цены человеческой жизни. Оно первое, например, строго осудило столь распространенное в классическом мире детоубийство и вытравление плода, между тем как лучшие умы древности ободряли первое (напр. Аристотель, Сенека^{**}), а второе было общепринятым обычаем. Христианство восстало также первое против выставления (подбрасывания) детей, которое почти всегда вело во то время или к смерти ребенка, или к будущему рабству или проституции. «Прямые и добросовестные заботы о человеческой жизни и человеческой добродетели раба, гладиатора или новорожденного ребенка были чужды духу язычества, говорит Лекки^{***}), они явились лишь как следствие христианского учения о бесценном достоинстве бессмертной человеческой души и

^{*)} *ibid.*, t. I, p. 93, 209.

^{**}) *Seneca. De ira.* I, 15.

^{***}) *Lecky. Sittengeschichte Europas.* Uebers. V. Jalowicz. Zw. Aufl. (1879); Bd. II, S. 26 sq.

составляют отличительный и возвышенный признак всякого общества, в которое проник дух христианства».

Правда, в последующие века христианства развитие аскетизма повлекло за собою принижение человеческой личности; слияние церкви с государством имело результатом такое же потемнение нравственного идеала: Церковь долгие века сама имела рабов, и в IV в. почти только один Иоанн Златоуст прямо требовал их освобождения^{*)}; она стала терпеть смертную казнь, против которой с такою силою писали во втором веке отцы церкви — Лактанций, Ориген и Тертуллиан; развитие католической иерархии повлекло за собою инквизицию, и т. д., и т. д. Но во всех этих отклонениях от первоначального христианства мы должны видеть, конечно, не исконную противоположность религиозной этики идее человеческого достоинства и цены личности, а лишь те заблуждения, которых не чуждо никакое человеческое дело, а тем менее общественное.

Так говорит история этого вопроса; что же касается до философской несовместимости понятий Божества и верховного достоинства личности, то здесь должно заметить следующее. Несомненно, что если человек желает сам быть богом, то никому другому не остается уже места. Но чтобы для справедливости необходимо было абсолютное (и потому исключительное) достоинство человека — это конечно ни Прудон и ни кто другой не доказал. Но с другой стороны, невозможно и отрицать, что между новой этикой и не столько христианской, сколько церковной, действительно произошло распадение. Современная этика ищет и находит основание для нравственности в абсолютных данных человеческого сознания, и именно в внутренне очевидном достоинстве чувства любви и справедливости. Поэтому личное бытие Бога и бессмертие души не только не составляют для нее исходных пунктов, но и вообще для нее не необходимы^{**)}; равным образом, и зло и несчастье для нее не являются основанными на грехе, но лишь неизвестно откуда *данными* мира, данными, с которыми должно бороться, хотя конечная цель этой борьбы или судьба мира нам неизвестна. Церковная же этика, которой основания мы находим не столько в «нагорной проповеди», сколько в сочинениях отцов церкви, основывает этику на метафизической догматике, на учениях о первородном грехе, бессмертии души, искуплении и т. д. Каково бы ни было достоинство и очевидность этих догматов для верующего христианина, они во всяком случае основаны первоначально на откровение, а не на философию. Поэтому нравственные чувства и вытекающая из них этическая система являются здесь не свободными и верховными, но подчиненными принципу внешнего откровения.

^{*)} Иоанн Злат. *Hom.* XL, 5, in *Epist. I ad Soc.*, и во мн. др. местах, о которых указания см. у Renan. *Marc-Aurèle*, p. 609.

^{**)} См. выше, стр. 47 sqq.

Из этого мы видим, что этика чисто субъективная и самозаконная (автономная, как это называл Кант) действительно принципиально отлична от церковной: они могут совпадать в своих требованиях, но это совпадение случайно, а не необходимо.

Как бы то ни было, для Прудона справедливость есть верховная и, в существе дела, единственная добродетель. Сама любовь должна быть ей подчинена; эта последняя не имеет даже, сама по себе, никакого нравственного достоинства, будучи чисто естественной склонностью. И здесь мы тоже замечаем, как далек Прудон от первоначального социализма, которого верховным принципом была именно любовь или братство. Известно, что Кабет, коммунист и автор утопического романа «Путешествие в Икарию» на просьбу изложить научно догматы коммунизма, отвечал: мой принцип — братство, моя теория — братство, моя система — братство, моя наука — братство. Прудон же говорит: «Любовь, когда она не рабыня права, есть яд для души и разрушение для общества»^{*)}. Как уже было указано во введении, в этом противоречии весь этический смысл как социализма, так и философии свободы и равенства.

Не ограничиваясь простым утверждением главенства справедливости, Прудон старается, конечно, обосновать ее на изучении природы человека, и именно дает свою теорию свободы, представляющую один из самых слабых пунктов его системы. Насколько можно понять из его довольно смутного изложения, он разумеет под свободой нечто следующее. Человек, подобно всякому другому организму, состоит из двух элементов, — психического, в котором в свою очередь заключены различные «способности», и физического, который тоже состоит из различных органов. Каждый из этих элементов и даже каждая функция их подчинены известным определенным и неизменным законам природы. Но человек не есть механическая сумма этих элементов, а их *органическая* связь: эта связь уже не может быть подчинена отдельным законам природы, но стоит выше них. Ее то закон и есть свобода, т. е. способность человека определяться не внешними ему законами природы, а принципами его собственной организации. «Человек свободен, говорит Прудон, и он не может не быть свободным, потому что он представляет нечто сложное; закон сложного состоит именно в том, чтобы породить некоторый общий результат, характерный для данного целого; в частности, раз человеческое сложное бытие составлено из тела, жизни, духа, которые в свою очередь имеют различные способности, общий результат их взаимодействия, пропорциональный числу и разнообразию слагающихся принципов, должен быть силой высшей, чем всякая отдельная сила тела, жизни или духа, и эта сила именно и составляет то, что мы называем свободой воли». «Свобода есть способность происходящая из синтеза или сложе-

^{*)} Proudhon. *Syst. d. contr. éconóm.* t. II, p. 268 sqq; *De la justice etc.*, t. I, p. 93.

ния (collectivité) отдельных способностей человека», и чем он разнороднее, тем и соединяющая их сила организма больше»^{*)}.

Итак, свобода воли есть та свойственная человеку, как организму, своеобразная слагающая сила, которая есть *он сам*, и потому в действии которой он не видит никакого внешнего принуждения. Это не есть, однако, по Прудону, совершенно естественная и остающаяся себе равной сила. Если человек допускает в себе исключительно господство физических желаний или исключительно теоретических склонностей, то он наименее свободен, ибо в обоих случаях он допускает определять себя одной своей части. Истинную свободу человек приобретет тогда, когда он осуществляет в себе то, что характерно для него как личности, т. е. цельную гармонию всех отдельных способностей, именно справедливость. «Справедливость в своей окончательной форме составляет последнее слово свободы, и обе они в конечном результате совпадают»^{**)}. В этом смысле дело свободы состоит: во-первых, в том, чтобы сообщить идеям, чувствованиям, самим удовольствиям, наконец всей природе человека... идеальность и возвышенность, а во-вторых, в том, чтобы позволить человеку изменять по воле свои действия и направлять свою жизнь согласно идеалу, который играет для него ту же роль, что инстинкт для животных^{***)}.

В этом смысле, справедливость, *в виде социального инстинкта*, существует раньше свободы воли. «Но только свобода своею силою идеализации, сообщает природному чувству справедливости тот дух самоотверженности, который делает из права своего рода религию и из подавления преступления — долг». Поэтому только свобода дает человеческому обществу его идеальный характер. «Еслибы природа хотела сделать человека просто общественным животным, достаточно было, чтобы она дала ему общественные инстинкты, вроде того, какой свойственен баранам, и все было-бы хорошо: ни зависти, ни разделения моего от твоего, ни войн более не существовало-бы. Если-бы, далее, природа хотела сделать нас способными лишь к науке и промышленности, ей достаточно было удержать наши способности в их раздельности, помешать их слиянию, которое вместе с порождением свободы влечет нас непрерывно за пределы ощущений и исключительно реального мира. Будь мы так созданы, наша деятельность ограничивалась бы производством и познанием только полезного: мы мысли-ли бы, говорили, но мы не пели-бы; мы исполняли бы странное желание Горация — ничему не удивляться; мы имели бы фотографов, но не живописцев; мастеровых, но не скульпторов; каменщиков, но не архитекторов; летописцев, но не историков». «Все подобные явления, которые не есть произве-

*) *De la justice* etc. t. III, p. 215, 217, 239.

**) *ibid.*, t. III, p. 229.

***) *ibid.*, t. III, p. 228.

дения одной только какой нибудь способности духа или тела, все они непременно предполагают в субъекте, который их произвел, какую то особенную высшую способность: назовите ее как угодно, Богом, гением, демоном, — я ее называю свободой воли»^{*)}. Свобода, продолжает Прудон есть верховный судья судеб человечества; здесь, на широком масштабе, ее действие проявляется во всем величии. Свобода никогда не была бы сомнительной или темной, еслибы, вместо того, чтобы наблюдать ее в индивидууме, где ее действие тем труднее открыть, что она совпадает с общим направлением общества, мы изучали бы ее на широких размерах общественной жизни, где с течением времени ее действие становится совершенно очевидным. Действительно, как могли поверить в бытие свободы те, которые видели человека, с одной стороны подавленного естественными потребностями, увлекаемого то тою, то другою физическою страстью, с другой — и это главное — задыхающегося среди леса различных верований, в которых никто еще не подозревал... свободного происхождения. В чем могла обнаружиться при таких обстоятельствах свобода? На что она была тогда годна?.. Среди всех этих тяжелых машин, свобода по истине должна была казаться излишней, затруднительной, даже — врагом... Но теперь дело другое... Дух человеческий, всему надивившись, все испытав, освободился от всего; он все отрицает и утверждает самого себя, как абсолютное начало^{**)}.

Как читатель легко заметит, это учение Прудона о свободе воли отличается чрезвычайной неопределенностью. Если даже существует подобный закон соединения отдельных функций человека, если этот закон действительно *выше* законов отдельных родов явлений (что более чем сомнительно), то требовалось точно определить его природу. Сказать что специфический закон человеческой жизни в ее целом состоит в идеализации отдельных функций, значит утверждать нечто совершенно произвольное, более того нечто весьма мало определенное, ибо слово *идеализация* еще ничего не объясняет. Таким образом, и этот раз, как во всех предъидущих философских попытках, теоретически *доказать* абсолютность человеческой личности (что с иной точки зрения делал, как мы видели, Фихте) — мы остаемся в области совершенно произвольных и ненаучных предположений. Ни монизм, следовательно, как мы то видели в анализе социализма, ни индивидуализм — не находят никаких *объективных* доказательств. Но тем не менее, лежащие в основе того и другого *субъективные* нравственные идеи, именно любви и справедливости, остаются верными. Однако остается еще одно важное; это дело, которое и до сих пор еще выше сил философии, дело состоит в нравственном *примирении* монизма с индивидуализмом, примирение, которое опять-таки может выйти не из каких нибудь, при современном состоянии науки, необходимо произвольных теорий мира, но лишь

^{*)} *ibid.*, t. III, p. 220, 223 sq.

^{**)} *ibid.*, t. III, p. 224.

из создания чисто нравственного, верховного идеала, совокупляющего в себе личное достоинство человека — эту основу всякой справедливости, и любовь — основу всякого единства. Это составляет задачу нашего времени.

Возвращаясь к Прудону, мы должны теперь показать некоторые применения, которые он делает из своего нравственного принципа свободы и справедливости, применения наилучше обрисовывающие весь характер его этики.

Вы видели, что законодатель в нравственности есть само индивидуальное человеческое сознание, и что справедливость отнюдь не должна быть рассматриваема как заповедь какого нибудь высшего чем человек существа. Из этого следует, что нравственный закон вообще не нуждается ни в какой внешней, напр., уголовной санкции. Единственная санкция нравственного закона чисто внутренняя, именно то, что «все и в человеке и в обществе, и в природе радуется, когда справедливость соблюдена, и все страдает и умирает, когда она нарушена^{*)}. Достаточно ли, однако, сильна подобная санкция? «Христианство думает иначе^{**)}, революционный же принцип видит в ней всю свою гарантию, всю свою надежду, и потому не требует никакого внешнего наказания». Развивая это положение, Прудон подвергает справедливой в существе дела (см. гл. о Бэнтаме этого сочинения) критике существующие уголовные теории наказания, т. е. теории, устремленные к защите общества, исправления преступника и т. п. Теории эти, говорит он, содержат все некоторую долю истины: никто никогда не отрицал законность *защиты*, хотя бы даже против злоумышленника уже лишённого свободы; всюду также было признано, что удовлетворение должно быть *пропорционально убытку* нанесенному преступлением...; всегда, наконец, требовали, чтобы наказание служило *мерой исправления* для преступника, причем также ожидали, что примерное наказание *устрашит* тех, кто был бы склонен подражать преступнику. Защита угрожаемого общества, пропорциональность вознаграждения, исправление преступника, предупредительные меры устрашения — все это разумно, законно; но остается объяснить еще одно, именно самое *наказание, кару, казнь*, т. е. те жестокие поступки, которые совершаются в качестве преследования или *возмездия* преступнику, т. е. именно то, что особенно любезно криминалистам; *эту* сторону наказания мы должны отвергнуть, как оскорбительную для личности, и потому разрушающую справедливость... Неужели так трудно понять, что *право наказания*, заимствованное из первобытной символики, само себе противоречит и также мнимо, как *право наносить вред*? Нравственная санкция есть лишь внутреннее сознание, не более не менее того». Продолжая далее то же рассуждение, Прудон говорит; «подобно тому, как физический вред нанесенный преступником должен быть им же по справедливости восстановлен,

^{*)} *ibid.*, t. IV, p. 267.

^{**)} Это не верно. по крайней мере, как общее положение.

подобно тому он должен восстановить и вред, нанесенный общественному сознанию вообще; но повторяем, это возможно не казнью, которой он подвергся бы, а лишь действиями добродетели и самопожертвования, которые должны быть ему предписаны. И в этом требовании не будет ничего таинственного, неразумного, произвольного, что мог бы отрицать самый наглый злодей. Это есть лишь полное упразднение мнимого *права наказывать*, которое составляет торжественное нарушение достоинства личности, под видом восстановления достоинства общества. Вместе с тем, так как преступление никогда не бывает совершенно изолированным действием, так как оно более или менее создано, вызвано, поддержано или дозволено системой отношений (всегда неопределенных), которые создают общество, то и самому обществу предстоит в свою очередь обязанность всегда исследовать не было ли оно в чемнибудь виновато перед преступником, ибо как санкция, так и сама справедливость полны только тогда, когда они взаимны^{*)}. Если же, наконец, преступник оказывается *окончательно* злым, то остается подвергнуть его вечному заточению или даже смерти, что *в таком* случае справедливо, ибо он сам отрицает свое человеческое достоинство^{**)}.

В нашем кратком изложении принципов нравственных учений было бы, конечно, неуместно следовать за Прудонем в тех разнообразных приложениях его основного принципа, которые обнимают почти все главные стороны человеческой жизни — права личности, распределение имуществ, теория государства, воспитания, организацию работы, происхождение и задачи науки, вопрос о прогрессе, о браке, о любви и проч., из которых каждому он посвящает по отдельному, часто весьма обширному этюду. Но на трех из этих вопросов (распределение имуществ, теория государства и теория работы) мы должны несколько остановиться.

Собственность, говорит Прудон, естественна, она сама по себе не нравственна, ни безнравственна; это есть лишь простой психологический факт захвата, и в этом смысле подобна всем другим естественным явлениям; чуждая справедливости, она должна быть, следовательно, для того чтобы сделаться общественным фактором, ею регулируема. То, что я искал, говорит Прудон, определяя собственность (собственность есть воровство), то чего я желаю ныне, это отнюдь не уничтожение ее; я много раз это говорил; уничтожать собственность значило бы впасть вместе с Руссо, Платоном, Луи-Бланом и мн. др., в коммунизм, против которого я протестую изо всех сил; то, чего я требую от принципа собственности, есть его справедливое приложение, т. е. равновесие шансов приобретения собственности^{***)}. Справедливость в области собственности означает отнюдь не равенство по имуществу, но совершен-

^{*)} *ibid.*, t. IV, p. 205, 287 sq.

^{**)} *ibid.*, t. IV, p. 291.

^{***)} *ibid.*, t. I, p. 325.

ное равенство и взаимность в *обмене*. «Взаимность уважения есть первое положение революционного кодекса; взаимность услуг, т. е. взаимность (обмен) в имуществе, в работе, воспитании, кредите, учете, налогах, критике, власти и суждениях — второе положение». В частности *справедливость в отношениях рабочего и работодателя* состоит в уравнивании произведенного продукта с заработной платой. Здесь мы находим очевидно новое и весьма важное отличие этики равенства от этики социализма. Социалисты считали справедливым вознаграждение соответственное потребностям индивидуума, ибо выходя из принципа «верховного индивидуума» они необходимо должны были признать наиболее важным сохранение его органов. Подобно тому, как известные органы человеческого тела в известные периоды развития более поглощают, чем переводят в работу, так и социалистическое общество руководимое тем же принципом «органического братства» не может отрицать права человека обремененного семьей *по тому самому* на большую долю продуктов. Рационалистическая этика Прудона не знает подобных оснований; для нее принцип обмена есть равенство, как принцип личных отношений между людьми — одинаковость уважения. Социализм, одним словом, отнюдь не однороден безусловному равенству, которое есть принцип Прудона^{*)}. Повторяем, Прудон не требует прямого равенства в имуществе (исполнение чего опять-таки было бы деспотизмом государства над индивидуумом) но равенства или взаимности в обмене. — Далее, *справедливость в продаже* говорит он, состоит в обмене вещей, которых производство стоило одинаково... Под стоимостью же производства разумеется общая издержка на орудия производства, сырые материалы, содержание рабочих во время производства, далее страховая премия за различные случайности, порчу материалов, болезни, старость и проч. Взаимность обмена существует только в этих условиях равенства. Всякая же ложная и насильственная прибавка к этой цене продукта есть коммерческая ложь, а всякая продажа, в которой ценность ложно набавлена паразитными издержками — воровство^{**)}. На основании этих же принципов взаимности или равенства обмена Прудон требовал организации учета, дарового кредита (его «Народный банк») и найма, подробности, в которые мы входить не можем, но которые, и в частности даровой кредит, подверглись весьма строгой критике со стороны политико-экономов.

Государство, по мнению Прудона, обязано своим происхождением «коллективной силе», которая также реальна, как силы индивидуальные. Но это коллективное бытие само по себе еще не имеет никакой нравственной цены (как то полагают социалисты и в частности Конт), а есть такое же естественное природное явление как, напр., экономические силы; и подобно последним оно должно быть регулировано справедливостью; принцип сохранения государства должен быть

^{*)} *ibid.*, t. I, p. 299, 301, 302, 305, 309, 321.

^{**)} *ibid.*, t. I, p. 311.

подчинен принципу справедливости, а не наоборот^{*)}. Подобно тому, как в сфере экономических отношений справедливость должна вести не к насильственному равенству, а лишь к потенциальному, т. е. к отрицанию *права на равенство*, так и в государстве Прудон требует не безусловного равенства, но установления *возможности* его. Впрочем, как известно, Прудон вообще старался уменьшить роль государственной власти; он защищал чрезвычайную децентрализацию и федеративный принцип; в известном смысле он даже может считаться родоначальником современного *анархизма*, т. е. учения окончательно отрицающего смысл государства и стремящегося ограничить деятельность человека частною сферою^{**)}. Подобный анархизм отнюдь не есть исключительное достояние нашего времени, но имеет предшественников как в различных религиозных направлениях, отрицавших по тем или другим соображениям компетенцию государства, так и в некоторых философских учениях, являвшихся в моменты ослабления общих связей между людьми. К числу первых принадлежат: буддизм (в его первоначальной форме), аскетические направления христианства, в новое время — гернгутеры и квакеры; ко вторым — стоицизм и эпикуреизм и некоторые другие направления.

Наконец, последний вопрос, который мы рассмотрим в системе Прудона есть вопрос об *работе*. Выходя из идеи семейственного государства, социалисты утверждают так называемое право на работу: индивидуум *принадлежащий* обществу имеет право требовать чтобы это общество доставило ему так или иначе средство не умереть с голоду. Прудон защитник прав личности против опеки государства; поэтому он решительно отрицает подобное право на работу^{***)}. Другое дело освобождение работы, т. е. предоставление рабочему орудий производства. Подобное освобождение есть прямое следствие свободы личности и справедливости — то что существует для работы (инструменты) может принадлежать только рабочему. Но освобождение работы должно главным образом состоять в уничтожении определенной и непреходимой границы между хозяином и рабочим, что делает работу необходимо низшей и унижительной. Это может быть достигнуто, по мнению Прудона, двумя мерами: во-первых, установлением одинакового образования, которое для всех было бы профессиональным; во-вторых, уничтожением абсолютного разделения между работодателем и рабочим и установлением между ними постепенного перехода^{****)}.

Подобное освобождение работы будет последним и величайшим делом справедливости: закон эгоизма признал за рабом жизнь, закон любви — личность, остается закону справедливости дать ему собственность. С этим на ряду должно идти и унич-

*) *ibid.*, t. II, p. 100, 104 sq, 24, 119.

**) *ibid.*, t. II, p. 129 sq, 133.

***) *ibid.*, t. II, p. 309.

****) *ibid.*, t. II, p. 334, 340 sq.

тожение прислуги, как отдельного и лично подчиненного класса. «У вас не будет другой прислуги, говорит Прудон, кроме вашей матери, жены, сестры... Затем будут полотеры, чистильщики сапогов, конюхи, повара... одним словом ремесленники, которые будут иметь специальностью некоторые домашние дела, но с которыми вы будете стоять в таких же отношениях как с вашим портным, сапожником, булочником».

Когда все это будет осуществлено, неравенство в основе которого лежит не природная необходимость, но людьми созданные условия, это неравенство, противоречащее принципу безусловной цены личности, незамедлит исчезнуть. «Если справедливость станет для всех не отвлеченной идеею или божественным повелением, но наибольшею истиною жизни; если, вследствие того, будет установлено равновесие между работою и ценностью, если общественное имущество, отчужденное в пользу немногих эксплуататоров, возвратится к законным собственникам; если общественная власть, предлог постоянных переворотов, будет окончательно установлена на твердых основаниях; если воспитание будет равно для всех и основано на справедливости, а не мистицизме, если, наконец, работа будет освобождена во-первых цельным обучением, во-вторых всеобщим допущением к роли хозяина; то не пройдет и двух поколений, как исчезнет всякий след неравенства». Правда, при этом исчезнет и гений, как исключительная привилегия немногих, но, утверждает Прудон, в нем не будет и нужды: «перед аналитическим разумом, единственным авторитетом который признает работник, гений не существует, ибо он есть только смутное предчувствие того, что тогда будет осуществлено, иначе говоря, в справедливом обществе гений будет одинаково свойственен всем.

При подобном культе работы, сама смерть потеряет свой ужас. В наше время, говорит Прудон, когда большинство ни за Христа, ни за Революцию, изобрели для смерти отвратительные пособия. Вокруг больного все сговариваются, чтобы скрыть его состояние: его забавляют, обманывают, наконец хлороформируют; устраивают так ловко, что человек умирает даже не догадавшись о том. Ни прощальных слов, *novissima verba*, ни последнего объятия, ни даже завещания. Человек околевает как собака: *unus est finis hominis et juventis*. Все это происходит из страха перед смертью. Иначе будет в новом обществе, основанном на культе работы. Всею жизнью человек будет приготавливаться тогда к смерти, ибо сама жизнь будет лишь непрерывной работою, деятельною любовью к семье, т. е. постепенным, но спокойным *истощением*, которого смерть будет лишь последним словом. Среди такой жизни нет места трусливому страху перед смертью, ибо сама жизнь ценится лишь как средство для работы; в начале она одушевляется надеждой довести работу до конца, а конце — надеждой на покой.

На всех общественных зданиях Парижа изображены три слова: Liberté, égalité, fraternité. Рассмотрев историю французской этики нашего века, мы видим, что в этих словах заключены две можно сказать противоположных системы нравственности: система любви или братства, т. е. социалистическо-ультрамонтанское направление и система равенства и свободы, т. е. собственная философия революции 89 года. Принципы первого направления есть все единство, безусловное господство общества над индивидуумом, чрезвычайное развитие государственной власти, руководящей не только действиями человека, но его мыслями и чувствами. Принципы второго направления есть свобода, равенства и возможный minimum государственной опеки. Первое направление есть, одним словом, *система* любви, как связующего начала, вторая — *система* справедливости, основанной на личном достоинстве каждого человека. Оба направления взаимно отрицают друг друга.

Какой вывод можем мы сделать из предъидущего изложения? Это изложение показало нам, что оба направления французской философии содержат в себе долю истины и долю лжи. Истина социализма состоит в безусловном требовании любви, как руководящего принципа для общественной и индивидуальной жизни, т. е. то самое, что провозгласило христианство; его ложь состоит в том, что любовь социалисты принимают лишь как *средство* для осуществления, поддержки и развития того, что они называют космосом, гармоническим миропорядком, общественным организмом и другими еще более темными словами. Я стараюсь показать, что все эти *объективные* основы и цели бессмысленны и ложны. С другой стороны, истина революционной этики состоит в признании безусловного достоинства человека, как такого, и в соответственной с этим справедливостью; ее же ложь состоит тоже в стремлении найти для этого достоинства *объективные* основы и рассматривать справедливость, как *средство* для осуществления свободы.

Но именно эта ложь, это стремление объективно (т. е. выходя из какойнибудь внешней цели) обосновать значение любви и справедливости и ведут оба эти направления к исключительности, взаимному отрицанию. В действительности как любовь, так и справедливость не имеют никаких объективных оснований и их *конечные* цели нам неизвестны. Они суть нравственные, т. е. самодостаточные чувства, завет «неведомого Бога», т. е. *путь*, которым Он ведет человечество к своим великим, но пока скрытым от нашего знания целям Целого.

Как социалисты, так и Прудон старались своим маленьким, человеческим умом и при помощи поверхностной метафизики установить эти цели мироздания, и через них *нормировать* самые нравственные чувства. Но в действительности они только подтасовали под эти великие, но неизвестные цели свои жалкие человеческие страсти и вкусы. Это и повело их к той ограниченности, которой результатом явилось их взаимное отрицание. Но мы, люди живущие в конце века, знаем, что в

этом отрицании они ошибались: обе нравственные идеи одинаково и безусловно необходимы.

Понимание этой коренной ошибки французской философии не должно однако скрывать от нас ее достоинства. Оба направления французской мысли сделали великое дело, восстановив столь нарушенные и поруганные в прошлых веках идеи любви и справедливости. В этом смысле и значение французской философии которая всегда имела в виду жизнь и не школу.

^{*}) *ibid.*, t. II, p. 346. [так в тексте].

^{*}) *ibid.*, t. II, p. 340 sq 344. [так в тексте].

^{*}) *ibid.*, t. II, p. 246 sq. [так в тексте].

НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Ланге, карт. 24, ед. хр. 200, лл. 306–359.

Утилитаризм

Предшественники английских утилитаристов 18 и 19 век. были еще в глубокой древности. Первым из них можно признать Аристиппа, который считает удовольствие высшей и единственной целью жизни, определяя удовольствие, как известного рода чувствование или ощущение.

Аристипп исходит из того, что мы ничего не можем знать ни о вещах, ни об ощущениях других, но только можем знать наши собственные ощущения, которые нас никогда не обманывают. Таким образом, Аристипп соглашается с Протагором, который, как, известно, не признавал за нашими представлениями значения объективности.

Но если все наше знание ограничивается знанием наших ощущений, то отсюда следует во-первых то, что напрасно было бы стремиться к познанию вещей, а во-вторых то, что только в ощущениях нужно искать масштаб, по которому мы могли бы определить цели наших действий и обсуждать их ценность: вызов определенного ощущения будет, таким образом, все, что может достигнуто чрез наше действие. Все же ощущения состоят в движении ощущающагося¹; если это движение нежно, то происходит чувство удовольствия, если же действие грубо и бурно, то получается неудовольствие, наконец, если мы находимся в состоянии покоя или если движение очень слабо, то мы не имеем никакого ощущения, ни приятного, ни неприятного. Из этих трех состояний ощущение удовольствия единственно желательно.

Жизненная мудрость должна состоять в искусстве наслаждаться минутой, мы не должны обращать внимание ни на прошлое, ни на будущее, но только на настоящее, так как лишь последнее в нашей власти. При этом безразлично, из какого бы источника мы ни черпали наслаждение, каждое удовольствие есть благо уже потому, что оно удовольствие, и с этой стороны между отдельными удовольствиями нет никакого различия. Нет удовольствий, которые были бы дурны по самой своей природе, но только нравы и законы подводят те или другие удовольствия под категорию дурных. Конечно, все это не исключает того, что между удовольствиями есть различие в степени, так как не в каждом удовольствии содержится равная доля наслаждения.

Переходим к Эпикуру.

Эпикур также признавал благом удовольствие, злом же страдание, ссылаясь на то, что всякое живое существо с первого момента своего существования стремиться к удовольствию и избегает страдания. Но, в противоположность Аристиппу, Эпикур предпочитал духовные удовольствия телесным, определяя удовольствие, как отсутствие страдания. Эпикур, равным образом, находил более тяжелыми стра-

¹ Так в документе.

дания души, чем страдания тела, так как тело, по его мнению, страдает только от настоящего (присутствующего) зла, душа же страдает от прошлого, поскольку оно сохранилось в воспоминаниях, и от будущего, поскольку его рисует воображение.

Отсюда видно, что, собственно говоря, различие между «духовными» и «телесными» удовольствиями у Эпикура не так велико, как может показаться с первого взгляда. Это различие не больше того различия, какое существует между восприятием и представлением.

Кроме того, Эпикур настаивает на необходимости выбора между удовольствиями, предлагая следовать двум главным *правилам*: 1) отдаваться тем удовольствиям, которые не производят страдания, 2) избегать тех удовольствий, которые препятствуют большому удовольствию, или порождают страдания. Далее, в то время как Аристипп отвергал всякое страдание, каково бы оно ни было, Эпикур говорит, что следует избегать лишь тех страданий, которые не порождают удовольствий, но что, наоборот, следует терпеливо сносить те страдания, которые ограждают нас от еще большего страдания или приводят к удовольствию. Одним словом, Эпикур советует иметь в виду все возможные, даже самые отдаленные, последствия поступков, в то время как Аристипп советовал ограничиваться обращением внимания на настоящее, считая невозможным предусмотреть то, что будет, так как, будущее, по его мнению, не в нашей власти. Таким образом, Эпикур отводит рассудку [греч.] гораздо большую роль, чем это делал Аристипп. Деятельность рассудка, по мнению Эпикура, должна выразиться прежде всего в различении трех видов желаний, которые можно поставить в следующем порядке: а) желания естественные и необходимые (потребность есть, пить); в) желания естественные, но не необходимые (напр. желание изысканных блюд); с) желания ни естественные, ни необходимые (напр. стремление к почестям, власти и проч.). Что касается первого рода желаний, то все они должны быть удовлетворяемы, второго рода желания тоже должны быть удовлетворяемы, но только умеренно, наконец, следует безусловно подавлять желания последней категории. Если человек станет исполнять эти правила, то его душа освободится от страдания и будет вкушать полное удовольствие.

Что касается мудрости [греч.], то Эпикур признает ее самой важной добродетелью, так как она, по его мнению, освобождает человека от двух главных, тяготеющих над ним несчастий — страха пред богами и смертью. Богов нечего бояться, полагает Эпикур, так как боги, наслаждаясь высшим блаженством, которое состоит в абсолютном покое, уже по одному этому не могут вмешиваться в жизнь мира. Смерти также не следует бояться, так как прежде всего, когда бывает смерть, мы не чувствуем ее, а когда мы *могли бы чувствовать* — смерти нет; а затем нужно признать, что счастье, не состоящее из суммы отдельных удовольствий, на самом деле не увеличивается чрез продолжение времени. Не должен пугать нас и призрак роковой необходимости, которой, дескать, подчиняется все живущее. В природе

есть не только законосообразность, но и свобода, существующая наряду с первой. Это видно из того, что человек обладает свободной волей (что очевидно из непосредственного опыта каждого), свободной же воли у человека не могло бы быть, если бы свободы не было в природе, так как части не может быть того, чего нет в целом. Этот аргумент Гюйо считает очень важным, признавая, что Эпикур поставил вопрос о свободе воли на надлежащую почву: или нигде нет свободы, или она есть не только у человека, но и во всей природе, третьего не может быть. Вот почему Эпикуру пришлось поправить Демокрита и приписать атомам свободу отклоняться от раз принятого пути. По мнению Гюйо, эти еле заметные отклонения являются с точки зрения Эпикура, не только фактами прошлого, но и фактами настоящего, мало того, даже возможными фактами будущего. Вообще говоря, замечает Гюйо, неправильно думать, будто мысль Эпикура состояла в том, что лишь в прошлом имело место отклонение атомов от прямого пути, отклонение, уже больше не повторявшееся, но нужно признать, что Эпикур считал свободу постоянным свойством атома.

Кроме мудрости, Эпикур указывает еще три вида добродетели: а) умеренность [греч.]; в) мужество [греч.]; с) справедливость [греч.], к которым присоединить, по его словам, еще дружбу. Особенно важна умеренность, так как она избавляет человека от неудовлетворенных желаний, т. е. предохраняет от тревог и беспокойства. Для того, чтобы счастье было легко достижимо, необходимо возможно более ограничивать свои желания, доводя до минимума потребности. Мужество Эпикур ценит потому, что оно делает нас способными преодолевать страх и страдания. Справедливость же по мнению Эпикура, потому ценна, что она делает возможной жизнь, свободную от страха пред богами и пред людьми.

Весьма, почетное место отводит Эпикур и дружбе, ставя ее выше любви, так как последняя, приводя в большинстве случаев к браку, знакомит человека с нарушающими наш душевный покой семейными заботами, дружба же свободна от этого. Это превознесение дружбы весьма характерно не только для греческих мыслителей, но и для всего античного мира, когда женщина в умственном отношении в общем стояла довольно низко и когда социальное положение женщины также было весьма незавидное. На это справедливо указывает Гартман в своей «Феноменологии нравственного сознания».

Но как бы высоко ни ставил Эпикур ту или другую из перечисленных добродетелей, все же нужно признать, что все эти добродетели не имеют у него самостоятельного значения, — их роль служебная, они ценны лишь постольку, поскольку приводят к счастью. При чем не сама по себе добродетель делает нас счастливыми а лишь то удовольствие, которое из нее проистекает, это удовольствие состоит в освобождении от беспокойства, страха и опасности. Выбор добродетелей определялся, таким образом, взглядом на счастье, которое, по мнению Эпикура, состоит

в душевном покое, по возможности не нарушаемом желаниями [греч.]. Этот взгляд на счастье Эпикур основывает на том, что дескать, всякое положительное удовольствие зависит от потребности, т. е. от страдания и что, поэтому, тенденция всякого положительного удовольствия – стремление к уничтожению страдания.

В то время как Киренаики полагали счастье в сумме отдельных наслаждений, Эпикур ценит положительное удовольствие лишь постольку, поскольку оно освобождает нас от неприятного состоянияⁱⁱ неудовлетворенного желания. Таким образом, хотя Эпикур считал удовлетворение высшим благом, но нужно сказать, что под удовольствием он признавал только то, что освобождает тело от страданий и душу от беспокойства.

БЭКОН

Бэкон, первый в новое время, вполне постиг необходимость применения метода не только к исследованию явлений природы, но также к исследованию психических явлений, он даже высказал мысль о подчинении моральных наук естествознанию.

Бэкон дает следующую Классификацию науке о человеке:

1). Наука о человеческой природе.

2). Наука о челов. общности.

Наука о человеческой природе:

а). Изучающая делоⁱⁱⁱ.

б). Изучающая душу.

Наука, изучающая душу:

а). Логика (трактует об уме).

б). Этика (трактует о воле и страстях).

Этика в свою очередь делится на: 1) учение о задачах и целях нравственной жизни и 2) *георгик* души, которая учит как воспитывать душевные силы, согласно с нравственными правилами, установленными в первой части этики.

Относительно *этой* классификации А. Смирнов замечает, что Бэкон вполне основательно сблизил логику с этикой, смотря на них, как на соподчиненные части психологии. Но крупная ошибка Бэкона, по мнению Смирнова, состояла в том, что он оторвал этику от науки об обществе, с которой этика, по существу, весьма тесно связана.

Цель человеческой жизни, по мнению Бэкона, составляет благо (*bonum*), т. е. счастье, которое бывает двух родов: индивидуальное (счастье самого действующего лица) и общее (благо того общества, к которому принадлежит действующее лицо). Общему благу Бэкон приписывал большую ценность, чем индивидуально-

ⁱⁱ Так в документе, следует читать состояния.

ⁱⁱⁱ Так в документе, следует читать тело.

му. Задаваясь вопросом, почему человек должен заботиться о чужом счастье, Бэкон указывает прежде всего на общий порядок природы, в которой всякая вещь, являясь одновременно и целым, и частью более обширного целого, стремится к собственному сохранению и к сохранению того целого, частью которого она является. А затем Бэкон обращает внимание на то *естественное* расположение любить других, которое коренится в природе каждого *человека*. «Бэкон был далек, говорит А. Смирнов, от эгоистической теории благожелательных чувств, равно как и от позднейшей гипотезы развития чувствований этого рода из эгоистических по общим законам психической жизни.

Забота об общественном благе, на которую Бэкон смотрел, как на высшую обязанность человека, сближает этику Бэкона с утилитаризмом. В сущности нужно признать, что Бэкон *выдвинул* принцип утилитаризма, но только не дал ему надлежащей разработки. Эвдемонистический характер бэконовской этики состоит в том, что у него преобладает взгляд на добродетель, как на средство достичь спокойствия совести и внутренней гармонии.

Особенную важность придавал Бэкон искусству воспитания и развития духовных сил человека, названному им, как мы *видели георгией* души. Бэкон первый высказал мысль о научном исследовании человеческих характеров. О моралистах древности Бэкон отзывался неодобрительно, ставя им в виду^{iv} то, что они, стремясь дать человечеству образцы и описания добродетельной и счастливой жизни, в то же время не указали средств для достижения этих идеалов.

Что же касается отношения нравственной философии к теологии, то Бэкон держался того мнения, что предмет теологии составляют последние цели существования человека и его моральные отношения к Богу, предметом же нравственной философии являются цели земной жизни, которые могут быть достигаемы без сверхъестественной помощи.

ГОББС

Высшим принципом деятельности Гоббс признает принципы личной, эгоистической пользы, примыкая в этом отношении к Эпикуру, хотя и отличаясь от последнего в определении условия и средств достижения индивидуумом^v указанной цели. В то время как доктрина Эпикура, с ее принципом личной пользы, оставалась индифферентною к общественно-социальным условиям жизни, доктрина Гоббса выдвигает необходимость существования социально-политического строя и учреждений.

^{iv} Так в документе.

^v Так в документе.

Гоббс восстает против тех, которые усматривают счастье в спокойствии и невозмутимости духа или в отсутствии желаний, он указывает на то, что с прекращением желаний прекращается и самая жизнь человека. По мнению Гоббса, счастье в постоянной и непрерывной смене стремлений и желаний, в переходе от одного *из них* к другому. Основую личности Гоббс считает эгоизм, при чем подчеркивает, что человек есть существо анти-социальное. Основу же эгоизма, по мнению Гоббса, составляет инстинкт самосохранения. Но для того, чтобы человек, руководимый в своем поведении инстинктом самосохранения, мог *действительно* придти к счастливой жизни, необходим прочный государственный строй, так как непонимание людьми своей пользы и действия страстей, затемняющих разум, способны вновь привести к тому состоянию войны всех против всех, из которого человек вышел еще на заре истории. Государство должно быть всемогущим, верховная власть должна определять даже критерий добра и зла.

ЛОКК. В то время как все изложенные утилитарные системы опускали из виду весьма важный вопрос этики, именно вопрос о возникновении тех или других существующих у нас нравственных понятий, Локк старается *восполнить* этот продел^{vi} на страницах своего «Опыта». Как известно, Локк пришел к тому заключению, что прирожденных идей нет в этической области, что все этические понятия опытного происхождения. Основу же всех нравственных предписаний следует искать, по мнению Локка, в том неудержимом влечении к счастью, каким наделена природа каждого человека.

«Бог, говорит Локк, связал неразрывными узами с одной стороны добродетель, с другой счастье и сделала, таким образом, добродетель необходимым условием человеческого общества и приобретения счастья». Таким образом, нравственность, по мнению Локка, должна основываться на идее полезности: все, производящее удовольствие или уменьшающее страдание, должно быть названо добрым, все же, производящее страдание или уменьшающее удовольствие, должно быть названо дурным. На принципе пользы основываются и законы, которые могут быть трех видов: а) закон божественный, б) закон гражданский, в) закон общественного мнения или общественной репутации. Самый высший вид полезности состоит в повиновении закону божественному.

ГЕЛЬВЕЦИЙ. Гельвеций тоже признает, что понятия добра и зла, нравственного и не нравственного означают не что иное, как понятия приятного или неприятного, удовольствия или страдания. В виду того, что человек живет в обществе, он постоянно испытывает нужду в помощи и содействии других, вследствие чего эгоистическое стремление к счастью является нераздельным с общим богом^{vii}. Преследуя свой личный интерес человек должен стремиться к сближению с другими

^{vi} Так в документе.

^{vii} Так в документе.

людьми, к взаимному общению, доверию и услугам. При таких условиях, высшей целью деятельности человека должна быть возможно более полная гармония личного счастья с общественным. Таким образом, мы находим у Гельвеция новый принцип, именно принцип общей пользы, хотя и нужно сказать, что это не есть польза всех людей или всего человеческого рода, а есть лишь польза, так сказать, полууниверсальная.

ДАВИД ЮМ

По мнению Юма, предмет нравственной оценки, выражающийся в одобрении или порицании, есть польза, т. е. отношение тех или других фактов к благу или счастью людей. Но та польза, которую имеет в виду Юм, не есть польза личная, эгоистическая, признававшаяся доселе *большинством* утилитаристов, а польза общая. Юм находит, что нравственность не может быть выведена из эгоизма ни прямым, ни косвенным путем. Чтобы в этом убедиться, достаточно, думает Юм, обратить внимание на следующие явления. Мы нередко одобряем и обсуждаем стремления или действия, отдаленные от нас громадными периодами времени или пространства и вообще не имеющие для нас никакого прямого интереса. Далее, почти все подвиги совершаются мгновенно, решимость выручить другого из беды возникает под влиянием минуты, а не вследствие расчета или какой-либо заранее обдуманной цели. Во всех указанных случаях не может быть и речи об эгоизме. Наделенные чувством симпатии, мы не можем не желать счастья других и не можем не считать похвальным, добродетельным и нравственным все, направленное к благу общества.

Симпатия есть нечто прирожденное, а не приобретенное. Юм в этом отношении подготовил почву для Адама Смита, который подверг принцип симпатии наиболее тщательному исследованию. Основу симпатии, по мнению Юма, составляет подобие, вследствие чего мы больше симпатизируем людям, нежели животным, а из людей больше симпатизируем тем, кто ближе нам по духу и по крови. Симпатия происходит *столь же* естественно, как естественно получается эхо или звук струны в ответ на другой звук. Уже один вид радующегося вызывает в нас радость, равно как один вид страдающего *вызывает* печаль. Симпатия не есть специфическая принадлежность человека, ее мы находим и у животных, у которых так же, как у людей, проявляется инстинкт общности. Но в то время как у животных симпатия проявляется сравнительно редко и сравнительно в слабой степени, у людей она служит главнейшим условием счастья. Изолированный от общества индивидуум не может быть счастлив, какими бы благами ни пользовался он: пусть он не знает никаких болезней, пользуясь цветущим здоровьем, пусть он не испытывает ни малейшего недостатка в пище и питье, пусть его согревают живительные лучи солнца,

пусть он видит над собою лазурное небо, а вокруг себя дивной красоты природу, пусть малейшее его желание исполняется немедленно, но если при нем не будет другого ему подобного существа, он – несчастлив. Грусть, тоска – вот удел такого человека. Симпатия может проявляться в двух формах: 1) в форме сорадования, 2) в форме сострадания.

На симпатии основываются наши обязанности к другим людям. Но наряду с обязанностями к другим есть еще обязанности к самому себе, которые имеют вполне самостоятельное значение. Мы порицаем пьяницу не только потому, что он забывает свои обязанности по отношению к другим, но и потому, что поведение пьяницы нам кажется принижающим достоинство человека.

Что касается оценивающих суждений, то нужно сказать, что они имеют своим предметом не следствия поступка (которые могут быть случайными), а тенденцию действия и характера действующего. Назвать поступок добродетельным или порочным – это значит дать оценку характера. Но^{viii} следует думать, что понятие добродетели приложимо только к свойствам сердца, нем^{ix}, оно приложимо также и к свойствам ума, что было признано еще греческими мыслителями (напр. Аристотель). Источником добродетели является благо, т. е. счастье, чужое или собственное.

Из отдельных этических принципов Юм особенно подробно останавливается на справедливости, выставляя и защищая следующие положения:

- 1). Цель и основа справедливости – общее благо.
- 2). Справедливость – приобретенная (искусственная) добродетель, она – продукт рефлексии.
- 3). Справедливость затрагивает главным образом отношения собственности, она появилась *лишь* тогда, когда возникла собственность.
- 4). Всякая собственность искусственна и не имеет никакого корня в общей природе вещей (иначе говоря, собственность – продукт истории).
- 5). Понимание справедливости прогрессирует с ходом истории.

Справедливость не должна быть смешиваема с любовью к людям: в то время как характер второй положительный, характер первой – отрицательный. С этим впоследствии согласился и А. Смит.

Из остальных этических взглядов Юма заслуживают внимания еще следующее. Во-первых, исторический взгляд на основные принципы нравственности, как на нечто весьма устойчивое, проходящее чрез всю историю человечества. Ссылка на то, что нравственные понятия и принципы нравственности быстро меняются с ходом исторического развития, что дикари, напр., считают нравственным то, что признается безнравственным среди культурных народов, такая ссылка, по мнению Юма,

^{viii} Так в документе. Вероятно, следует: Не.

^{ix} Так в документе. Вероятно, следует: нет.

очень мало основательна. Но Юм на ряде примеров пытается доказать, что в тех случаях, когда считалось нравственным то, что теперь признается безнравственным, на самом деле определяющим моментом был один из тех принципов, который теперь признается, как основа нравственности. Хотя убийство новорожденного или старика у многих диких племен признается и теперь дозволительным, но, однако, это не противоречит нашему принципу гуманности, так как именно мотив человеколюбия был одним из побуждений к убийству. Убивая старика или новорожденного, дикарь думает, что он этим избавляет их от мук *бытия*: старика — мучат старческие немощи, а слабый ребенок в недалеком будущем *познакомится* с полуголодным существованием. Весьма любопытен взгляд Юма на эгоизм. Юм далек от того, чтобы признавать эгоизм непременно врагом нравственной деятельности, он обращает наше внимание на то, что эгоизм нередко служит охраною нравственности. Хотя любовь к славе является одним из видов эгоизма, но никто не станет отрицать, что эта любовь к славе делает нас чувствительными к мнению других и вместе с тем более строгими по отношению к самим себе. В заключение нужно упомянуть о Юмовской теории аффектов. Эта теория очень напоминает Спинозовскую: мы здесь находим тот же детерминизм и то же стремление вывести из страдания и удовольствия все остальные чувствования.

ДАВИД ГАРТЛЕЙ

Гартлей находит, что различие между удовольствиями и страданиями не есть различие по роду, а лишь только по степени, вследствие чего страдание есть то же удовольствие, только перешедшее известную границу. Все удовольствия и страдания Гартлей делит на физические и интеллектуальные. Основу физических удовольствий и страданий составляет чувственное восприятие, основой же интеллектуальных удовольствий и страданий являются удовольствия и страдания физические. Альтруистические побуждения, по мнению Гартлея, коренятся в эгоизме, *они* суть лишь виды любви к себе. Благожелательность, симпатия, дружба, благородство, великодушие, честность и другие подобные качества первоначально не отличались бескорыстным характером и не были желательны сами по себе, впоследствии же в силу действия закона *ассоциации* они модифицировались в соответствующем направлении. «При самом начале своей жизни, говорит Гартлей, человек управляется всецело только своею собственною пользою, или интересом; но будучи еще ребенком, он приучается соединять свои удовольствия с мыслями о своей матери, братьях и всей семье. По мере же возраста и развития, его ассоциации начинают приобретать все больший и больший объем, распространяясь на родину, отечество, а впоследствии могут обнимать и всех вообще людей». В виду того, что «причиною большинства удовольствий, испытанных нами в детстве, были другие, окружавшие нас люди,

то отсюда весьма естественно образуется в нас расположение любить этих других наших ближних». «Прибавим к этому, говорит Гартлей, силу воспитания, похвалы, обыкновенно сопровождающей благожелательность, награды и надежды на взаимное получение услуг и пр., и вы поймете, как единственно в силу только ассоциации этих и подобных им идей, могут зарождаться, развиваться и мало-помалу приобретать необыкновенную силу наши благожелательные тенденции».

Нравственное чувство своим возникновением обязано тоже ассоциации. Одни поступки детей вызывают у родителей похвалу, а другие – порицание, вследствие чего «ассоциировавшиеся с идеями похвалы и порицания чувствования невольно переносятся на самые внушаемые ими добродетели и запрещаемые пороки». Далее, так как одни поступки влекут за собою удовольствия, а другие – страдания, то вполне естественно, что мы начинаем любить одни поступки и совращаться от других. Наша любовь к людям, добродетельные поступки которых имеют для нас благодетельные следствия, переносится потом и на самые добродетели. Гармония, существующая между добродетелью и красотой, приводит к тому, что добродетель начинает вызывать у нас приятные эстетические эмоции. Мысль о будущей жизни с ее наградами и наказаниями укрепляет образовавшуюся таким путем ассоциацию известных чувствований с нравственно-добродетельными поступками. Таково возникновение совести.

ВИЛЬЯМ ПАЛЕЙ

Палей пытается обосновать систему утилитарной нравственности на повиновении воле Божества, повторяя, таким образом, попытку Локка, с тем, однако, различием, что в то время как Локк не выходил за рамки принципа личной пользы, система Палея именно сводится к принципу общего счастья. Назначение добродетели состоит в том, чтоб обеспечить человеку постоянное и надежное счастье в будущей жизни. А так как главный виновник и раздаятель^x вечного счастья – Бог. Он же, в свою очередь, определяет людей к блаженству под условием повиновения Его воле, то, поэтому, высшая цель, какую можно поставить свободной *воле* человека, должна состоять в соображении с волей Божественной.

БЕНТАМ

Бентам провозглашает формулу: наибольшее количество счастья наибольшего количества людей. Эту формулу Бентам, по его собственному признанию, нашел в книге доктора Пристлея, которая *и* дала толчок его мыслям.

^x Так в документе.

По мнению Бентама, принципу пользы могут противоречить лишь *след.* два принципа: принцип аскетизма и *принцип симпатии и антипатии*. Принцип аскетизма одобряет всякий поступок, ведущий к уменьшению счастья, осуждая поступки с противоположными последствиями. Принцип же симпатии и антипатии состоит в том, чтобы одобрять или осуждать поступки лишь в силу непосредственного чувства, не подыскивая никакого внешнего основания, к этому принципу сводятся доктрины, допускающие совесть, нравственную обязанность и т. п. Но это, собственно говоря, не есть положительный принцип, а только термин для обозначения отрицания всякого принципа. У различных индивидуумов симпатия и антипатия могут проявляться самым различным образом и по самым различным поводам, так что то, к чему чувствует расположение один, может вызвать бурю негодования у другого.

Особняком стоит теологический принцип: ему мы должны совершенно отказать в самостоятельности, так как воля Божья (которую предполагает этот принцип) нуждается в толковании, это же толкование должно основываться на каком-нибудь этическом принципе, который, таким образом, предполагается заранее данным. Но и принцип аскетизма на самом деле не является самостоятельным, — он базируется на принципе счастья. Бентам говорит по этому поводу следующее: «Есть два класса людей весьма различного характера, которые, по-видимому, принимают принцип аскетизма; один — разряд моралистов, другой — разряд аскетов. Сообразно с этим различны были и мотивы, которые, по-видимому, обратили на него внимание этих различных сторон. Надежда, т. е. ожидание удовольствия, одушевляло, по-видимому, первых: надежда, пища философской гордости, надежда на почести и репутацию между людьми. Страх, т. е. ожидание страдания, по-видимому, одушевляло вторых: страх, порождение суеверной фантазии, страх будущего наказания...»

Таким образом, лишь принцип пользы может быть признан истинным принципом поведения. «Посмотрите, говорит, Бентам, в какой круг попадают те, которые не хотят признать принципа пользы. — Я должен сдержать свое обещание. Почему. Потому что мне предписывает это моя совесть. Как вы знаете, что совесть вам это предписывает? Потому что я имею об этом внутреннее чувство. Почему *вы* должны повиноваться своей совести? Потому что повиноваться совести — значит повиноваться своему Создателю. Почему вы должны делать это? Потому что это есть мой первый долг. Как вы знаете? Потому что это говорит мне моя совесть, и т. д. Вот вечный круг, из которого нет выхода; вот источник упорства и непобедимых заблуждений». Принимая принцип пользы, нужно сказать, что добродетель есть то, что поднимает удовольствие до максимума, а страдание низводит до минимума, то, что наиболее способствует *счастью*. Но для добродетели необходимо усилие, связанное с отречением от известных благ в виду других, более прочных благ. Добродетель, следовательно, есть жертва, приносимая в надежде на максимум удоволь-

ствия. Нравственным поступок бывает тогда, когда правильно *вычислен* личный интерес, безнравственным – в противном случае. Всякое злодеяние, напр., должно быть признано безнравственным поступком, так как то количество страданий, которое оно влечет за собою, значительно превосходит *то* количество уд-ия, из-за которого злодей совершает свое преступление.

Даже тот, кто жертвует собой в пользу других, на самом деле ищет удовольствия, только *удовольствие* такой *человек* находит в том, чтобы отречься от всех обыденных удовольствий. Пожертвование, таким образом, есть дело вычисления, хотя ошибочного.

Источники, из которых обыкновенно проистекают удовольствия и страдания, могут быть названы следующие: физические, политические, нравственные, религиозные. Эти источники удовольствий могут быть иначе названы санкциями, поскольку удовольствия и страдания, принадлежащие каждому из этих источников, способны давать обязательную силу какому-нибудь закону или правилу поведения. «Если страдание и удовольствие, говорит Бентам, происходят или ожидаются в настоящей жизни и по естественному ходу природы, не будучи видоизменяемы преднамеренно вмешательством воли какого-нибудь человеческого существа, или каким-нибудь чрезвычайным вмешательством Высшего невидимого существа, то можно сказать, что эти удовольствия и страдания происходят или относятся к физической санкции». Если же удовольствия или страдания происходят от тех или других лиц, стоящих во главе управления, то они происходят от политической санкции, имеющей два вида: а) санкции юридической и в) административной. Если удовольствия или страдания ожидаются от такого или иного суждения о нас других людей, то эти удовольствия или страдания относятся к нравственной санкции. Наконец, если удовольствия или страдания ожидаются от руки Высшего невидимого существа, то их источником является религиозная санкция.

Объявляя себя сторонником и защитником эгоизма, Бентам в то же время указывает на положительную ценность симпатических и общественных чувств, считая наслаждения от симпатии и любви неотделимыми от счастья. Но так как снискать любовь *другого* можно не иначе, как выказывая ему любовь, любовь же выказывается актами, требующими в известной мере принесения в жертву своего эгоизма, то, поэтому, человек, во имя эгоизма, должен жертвовать собой.

Отождествление частной выгоды с выгодой общественной характерная черта учения Бентама. Формулу: мое счастье, можно обратить в формулу: наибольшее счастье наибольшего числа людей (максимизация счастья). На последней формуле Бентам в конце концов и остановился.

Но нужно найти масштаб для измерения удовольствия и страданий. В данном случае необходимо *иметь в виду* следующие обстоятельства: а) интенсивность удо-

вольствия, в) продолжительность; с) несомненность; *d*) близость; е) плодovitость (если удовольствие стремится породить удовольствие, а страдание – страдание); чистота (шансы на то, что за удовольствием или страданием не последуют ощущения противоположного рода); з) распространение (число лиц, на которых распространяется данное удовольствие или страдание). Страдания и удовольствия могут быть простые и сложные. К первому роду относятся те, из которых каждое не может быть разложено на многие, ко второму же роду – те, из которых каждое может быть разложено на различные простые.

Простые удовольствия следующие: 1) Удовольствия чувств. 2) Удовольствия богатства. 3) Удовольствия искусства. 4) Удовольствия дружбы. 5) Удовольствия хорошего имени. 6) Удовольствия власти. 7) Удовольствия благочестия. 8) Удовольствия благосклонности. 9) Удовольствия неблагосклонности. 10) Удовольствия памяти. 11) Удовольствия воображения. 12) Удовольствия ожидания. 13) Удовольствия, зависящие от ассоциации. 14) Удовольствия облегчения.

Простые страдания следующие: 1) Страдания лишения. 2) Страдания чувств. 3) Страдания неловкости. 4) Страдания вражды. 5) Страдания дурного имени. 6) Страдания благочестия. 7) Страдания благосклонности. 8) Страдания неблагосклонности. 9) Страдания памяти. 10) Страдания воображения. 11) Страдания ожидания. 12) Страдания, зависящие от ассоциации.

Утилитарная политика. Естественный закон, естественное право, по мнению Бентама, *суть* не что иное, как фикции. Выражение «естественный закон» имеет только тогда смысл, когда говорящий имеет в виду основные наклонности людей, *наклонности*, по-видимому, существующие независимо от человеческих обществ и, по-видимому, предшествовавшие установлению политических и гражданских законов. Подобное же нужно сказать и о естествен. праве. Не в лучшем положении находится понятие рационального закона («разум требует», «вечный разум предписывает»). Тот *разум*, который здесь имеется в виду, в сущности есть не что иное, как ясное представление о каком-нибудь благе или зле, о каком-нибудь удовольствии или страдании.

Всякий закон сам по себе есть зло, так как он нарушает индивидуальную свободу, поэтому законодатель должен устанавливать законы с большой осмотрительностью, постоянно имея в виду следующую цель: достигать возможно большего блага посредством возможно меньшего зла. Следуя этому правилу, законодатель прежде всего должен принимать в расчет обстоятельства, оказывающие влияние на чувствительность индивидуумов к наказанию. Обстоятельства *же* эти бывают двух родов: а) первичные; б) вторичные. К первичным *обст.* относятся: темперамент, здоровье, сила, твердость характера, развитие ума, симпатии и т. д. Но, к сожалению, эти обстоятельства не поддаются детальному наблюдению, вследствие чего законодатель принужден бывает ограничиться вторичными обстоятельствами,

которые суть следующие: пол, возраст, общественное положение, воспитание, занятия, климат, происхождение, правление, религия.

Но помимо этого, законодатель должен еще иметь в виду зло преступления, а также и зло закона. Это зло, в свою очередь, имеет разные степени: а) зло первичного порядка (зло, падающее непосредственно на известных индивидуумов); б) зло вторичного порядка (зло, падающее на целое общество или какую-нибудь группу неизвестных индивидуумов); в) зло третьего порядка (когда преступление вызывает сильную тревогу, которая способна парализовать проявления активных способностей человека (грабеж).

Разумеется, законодатель должен сообразовываться *также* с приведенной выше таблицей удовольствий и страданий. *Но* как закон должен относиться к принципу благоразумия, на котором основываются обязанности к самому себе, и принципу благоволения, на котором основываются обязанности к другим? Что касается первого принципа (благор.), то Бентам не хочет основывать на нем законодательство, так как боится вреда, производимого вмешательством закона в частную жизнь, к *тому* же в этом не представляется особенной надобности. «Если человек, говорит Бентам, погрешает против собственных интересов, то не по вине воли, а ума... Страх повредить самому себе есть достаточно сильно обуздывающий мотив». Таким образом, законодатель должен держаться след. правила: «предоставить индивидуумам возможно большую свободу во всех случаях, где они могут вредить только самим себе. Законодательная власть должна вмешиваться только с целью мешать *им* вредить друг другу». Что касается благоволения, представляющегося с одной стороны в виде справедливости (отрицательное благоволение), а с другой стороны, в виде милосердия (положительное благоволение), то законодатель должен следовать этому принципу, главным образом лишь в первой его части, гарантируя таким путем выполнение требований справедливости.

Можно дать следующий обзор *разнообразных* родов законов: а) законы относительно средств к существованию. — Госуд. должно заботиться о средствах к существованию почти исключительно косвенным путем, обеспечивая работникам безопасность. Но в виду пауперизма должно рекомендовать правильный сбор в пользу бедных. б) **Законы** относительно довольства (предписывающие индивидуумом не удовлетворяться только средствами к существованию, но и стремиться к довольству). — **Таких законов** не должно быть, так как каждый человек и без побуждения государства стремиться к довольству. в) Законы относительно безопасности. Безопасность должна быть главной целью законов, так как без *безопасности* немислимо счастье.

Допустимы, правда, отступления от этого принципа, именно в тех случаях, когда вычет некоторой доли безопасности необходим для сохранения осталь-

ной большей части безопасности (штрафы, экспроприация и др.). г) Законы относительно равенства. Хотя проведение принципа имущественного равенства соответствует принципу максимизации счастья (так как разница в количестве счастья, обладаемого более и менее богатым, не так велика, как разница в количестве обладаемого им богатства, каждая же часть богатства (в широком смысле слова) имеет соответствующую часть счастья), но однако, проведение *принципа равенства привели бы к нарушению* принципа безопасности, и таким образом, в жертву маленькому благу было бы принесено большее. Утешение для нас остается в том, что человеческие общества, в своем историческом развитии, приближаются к равенству.

ДЖ. СТ. МИЛЛЬ

Основанием нравственности Милль, как и другие утилитаристы, признает полезность или принцип счастья: хороши поступки, ведущие к счастью, дурны поступки, ведущие к несчастью. При оценке удовольствия нужно сообразоваться с двумя точками зрения: а), точкой зрения количественной (сумма счастья), в), точкой зрения качественной, отдающей предпочтение тем удовольствиям, которые удовлетворяют высшим запросам природы человека. В данном случае *нужно* следовать примеру большинства, сообразуясь с тем, чему отдает предпочтение это большинство в тех случаях, когда ему предоставляется возможность совершить поступки разной *качественной* ценности. В таких случаях отдается предпочтение поступкам большей моральной ценности пред поступками меньшей ценности. Если же и бывают исключения, то здесь мы находим *все же признание* большей ценности за поступками, которым предпочтены менее ценные. Можно быть уверенным в том, что нет таких случаев, когда бы человек сознательно отдавал предпочтение низшим удовольствиям пред высшими.

Против утилитаризма приводят то возражение, что будто *бы* человек может и обязан учиться жить без счастья. Конечно, нужно признаться, что жить без счастья можно – многие даже намеренно жертвуют своим счастьем. Но то, ради чего приносятся эти жертвы, есть все же счастье, только не счастье жертвующего, а счастье других, ради благополучия которых приносятся эти жертвы. Если бы герой или мученик не был убежден в том, что, жертвуя собой, он избавляет чрез это других от необходимости подобных же жертв, то он не принес бы жертвы. Только тогда человек будет способен на жертву, когда он знает, что его отречение от счастья принесет пользу его ближним. То обстоятельство, что жертва своим личным счастьем является полезной для счастья других, свидетельствует о крайнем несовершенстве устройства человеческого быта; но, все же, пока эти несовершенства существуют, самопожертвование должно считаться одной из величайших добродетелей.

телей. Но, оправдывая самопожертвование, утилитарная мораль противится тому, чтобы жертва сама для себя служила целью. Всякая жертва, не увеличивающая общую сумму счастья или не направленная к этой цели, должна быть признана бесполезной и бессмысленной. То счастье, *которое* истинный утилитарист признает руководящим принципом человеческих поступков, не есть личное, эгоистическое счастье, а счастье всех, — утилитаризм примыкает в данном случае к требованиям христианской этики.

В тех случаях, когда человеку представляется возможность действовать на обширном поприще, он должен пользоваться этою возможностью и должен при этом иметь в виду общественную пользу, т. е. пользу широких слоев общества. В других же случаях человек должен ограничивать свои стремления выгодой или счастьем немногих близких к нему людей, т. е. частной, а не общественной пользой. Случаи первого рода весьма редки — только немногим из нас выпадает на долю подвизаться на обширном общественном поприще. Но каждый из нас может приносить пользу тем немногим лицам, с которыми мы связаны узами родства, дружбы или даже соседства. Но хотя не от каждого из нас можно требовать деятельного служения общему благу в широком смысле этого слова, это, однако, не значит, что большинство нас вовсе не обязаны иметь в виду благо всех; в тех случаях, когда наш личный интерес идет в разрез с интересом общественным, мы должны отказаться от преследования своего интереса, сообразуясь, таким образом, с требованиями общего благополучия.

Поборникам утилитаризма нередко указывали на то, что человек не имеет времени пред совершением каждого поступка рассчитывать и взвешивать, какие последствия будет иметь этот поступок для общего блага. На это нужно ответить таким образом: основою нашей житейской мудрости должен быть прошлый опыт человечества, которое с тех пор, как существует, постоянно училось на опыте, к чему ведут различные поступки. Что убийство и кража вредны для счастья людей, что ложь, клевета, зависть, гнев не ведут к добру, — это каждый из нас знает, хотя бы мы и не имели соответствующего круга наблюдений, — всему этому мы учимся от старших поколений. Но откуда черпает принцип пользы свою принудительную силу? Ответит на этот вопрос — это значит ответить на вопрос о так называемых санкциях поведения. Санкции эти двоякого рода: внешние и внутренние. Внешние санкции суть следующие: надежда на милость или страх немилости к нам наших ближних или Бога, симпатия и привязанность к ближним, любовь и благоговение к Богу, *пону*ждающие нас исполнять волю Божию независимо от наших эгоистических побуждений.

Но выше этих санкций стоит санкция внутренняя, которую нужно усматривать в совести, т. е. совершенно бескорыстном чувстве, истекающем из чистой идеи долга без примеси каких-либо посторонних элементов. При неисполнении нашего долга

мы чувствуем мучение, которое у некоторых индивидуумов^{xi} доходит до такой силы, что нарушение долга делается для них совершенной невозможностью. Какого бы мы ни были мнения относительно происхождения нравственной обязанности, нужно считать несомненным, что принудительная сила этой обязанности заключается в нашем собственном субъективном чувстве. Что касается того, в чем же состоит тот долг, о котором нам говорит чувство совести, то мы должны сказать, что этот долг состоит в том, чтобы стремиться к доставлению счастья своим ближним и к избавлению их от страдания. Так можно ответить интуитивной школе моралистов.

Но хотя вопрос о происхождении нравственных чувств и не является важным, все же нужно подчеркнуть, что нравственные чувства не врождены в человеке, а приобретены. Но несмотря на это, нравственные чувства все же должны быть признаны естественными чувствами, подобно тому как мы называем естественным способность говорить, размышлять, строить дома, обрабатывать землю, хотя все эти способности являются *не* врожденными, а лишь приобретенными. К несчастью, чувство долга у человека может развиваться в каком угодно направлении, и кажется, не существует такой нелепости, или такого зла, которые не могли бы при посредстве разного рода влияний приобрести^{xii} для человека весь авторитет совести. Только тогда чувство долга получит правильное развитие, когда базисом для него будет служить присущее нам чувство общительности, желание единения с нашими ближними. Эта общительность все более крепнет с ходом культурного развития человечества, так что современный человек обыкновенно и не может представить самого себя иначе, как членом общества.

Испытывая же нужду в тесном общении с другими, человек не может не чувствовать себя в необходимости воздерживаться от нарушения интересов своего ближнего. Отсюда легко происходит то, что целью поступков человека становится не индивидуальный, а коллективный интерес, при чем у индивидуума возникает сознание, что интересы других *лиц* могут быть и его личными интересами. С ходом общественного развития индивидуальные стремления все более и более отождествляются с общим благом и человек все более и более приходит к убеждению в том, что он по самой своей природе должен принимать участие в интересах себе подобных; с течением же времени для человека делается невозможной даже самая мысль о таком личном благе, которое в то же время не было *бы* благом всех.

О ДОКАЗАТЕЛЬНОСТИ ПРИНЦИПА ПОЛЬЗЫ

Доказать, что такой то предмет желателен — это значит показать, что его все желают; *доказать* что счастье желательно — это значит доказать, что человек желает счастья. Но *стремление к счастью* есть неоспоримый факт — значит, счастье жела-

^{xi} Так в документе.

^{xii} Так в документе.

тельно; а так как то, что желательно, есть благо, то значит, счастье есть благо. В виду же того, что к счастью стремятся все люди, должно быть признано желательным общее благо, которое и должно служить общей целью поведения. Но для того, чтобы доказать, что счастье составляет единственный критерий нравственности, нужно доказать не только то, что все желают счастья, но и то, что кроме счастья никто ничего не желает. Главное затруднение будет состоять в том, что нередко люди стремятся к добродетели, которая, повидимому^{xiii}, отлична от счастья. На этот счет нужно сказать следующее. К добродетели можно стремиться или как к средству, или как к цели самой по себе. Случаи первого рода, конечно, вполне согласуются с утилитарной теорией. Но как быть со случаями второй категории? Ответ должен быть такой: когда добродетель сама по себе, без отношения к другой цели, служит предметом нашего стремления, то она вместе с тем является частью нашего счастья, так что факты этого рода нисколько не противоречат принципу утилитаризма. Но каким образом добродетель становится частью нашего счастья? Это происходит вследствие того, что понятие добродетели тесно связывается в наше сознание с представлением счастья, по отношению к которому добродетель обыкновенно служит средством, так что, в конце концов, мы перестаем различать первое от второго и начинаем смотреть на добродетель, как на нечто желательное само по себе. Подобное бывает с деньгами, когда они, тесно ассоциируясь с представлением тех благ, какие могут быть приобретены на них, из средства превращаются в цель и сами по себе, безотносительно к чему-либо другому, становятся предметом нашего стремления. Но могут сказать, что человек с твердо установленными целями преследует свои цели, нисколько не думая о том наслаждении, какое ему сулит достижение их. На это нужно ответить, что в данном случае воля подчиняется привычке, вследствие чего даже при отсутствии желания мы все же можем стремиться к той или иной цели. Если же появится желание, то предметом этого желания будет или само счастье, или же то, что является средством к счастью.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Многие полагают, что справедливость есть нечто различное от всех возможных видов пользы и по идее даже противоположное пользе. Для того, чтобы решить этот вопрос, следует рассмотреть один за другим разные *способы поведения*, которые общим мнением признаются справедливыми или несправедливыми. Прежде всего, считается несправедливым лишить кого-либо того, что принадлежит ему по закону (личной свободы, собственности или чего-нибудь другого). Но так как законы могут быть и несправедливые, то, поэтому, закон не есть верховный критерий справедливости, выше его стоит другой критерий, который называется нравственным

^{xiii} Так в документе.

правом. Таким образом, второй пример несправедливости состоит в лишении кого-либо того, на что он имеет нравственное право. Далее, все признают справедливым, чтобы каждый получил то, что заслужил, и *чтобы* не получал не заслуженного. Добра человек заслуживает тогда, когда поступает хорошо, зла же заслуживает тогда, когда поступает дурно. Что касается частных отношений, то человек заслуживает добра от тех, кому он делает добро, и зла от тех, кому он причиняет зло. В четвертых, несправедливым считается обмануть кого-нибудь, не осуществив тех надежд, которые мы сами возбудили сознательно и добровольно. Наконец, справедливость запрещает быть пристрастным, оказывать кому-либо покровительство или предпочтение в таких случаях, когда требуется нелицеприятие.

Если вдуматься во все эти случаи, то окажется, что справедливость есть то, что соответствует принципу пользы. Но чтобы точнее определить справедливость, нужно сказать, что той основой, из которой истекает понятие справедливости, является идея законности. Мы считаем что либо несправедливым или потому, что оно противоречит существующему закону, или же потому, что оно расходится с тем, что хотя не существует в виде закона, но что, тем не менее, по нашему убеждению, должно быть признаваемо за закон, (несмотря на то, что, может быть, не желательно, чтобы такой закон существовал на самом деле, поскольку мы не всегда желаем, чтобы поступки, признаваемые нами несправедливыми, подлежали судебному преследованию). Но этим еще не указано характеристическое различие между справедливостью и нравственностью <вообще>, так как идея уголовной санкции, составляющая сущность закона, *не* является исключительной принадлежностью тех поступков, которые расходятся с требованиями справедливости, а присуща вообще всякому дурному поступку. Когда мы называем данный поступок дурным, то этим мы высказываем ту мысль, что совершитель поступка должен *подвергнуться* тому или другому наказанию, будет ли орудием этого наказания закон, или общественное мнение, или же совесть самого действующего. Отличие между справедливым и нравственным вообще мы укажем тогда, когда, перечисляя элементы понятия справедливости, укажем не только обязанность что либо делать, но и нравственное право *данного* лица требовать, чтобы нами по отношению к нему было что либо сделано или не сделано. Таким образом, вторым элементом понятия справедливости является идея права.

Теперь нужно узнать, каковы элементы того чувства, которое соответствует идее справедливости. Нужно сказать, что, произведя соответствующий психологический анализ, мы должны притти^{xiv} к убеждению в том, что чувство справедливости состоит, с одной стороны, из чувства возмездия или мести, а с другой стороны, из чувства симпатии. Когда мы, испытав незаслуженную обиду, жаждем отомстить

^{xiv} Так в документе.

своему обидчику, то это еще не будет чувство справедливости, но когда мы, требуя возмездия, вместе с тем сознаем, что это возмездие будет направлено на защиту того правила, которое полезно не только нам лично, но и другим, то в таком случае то чувство, которое мы будем испытывать, действительно должно быть названо чувством справедливости.

На этом мы заканчиваем изложение взглядов Милля.

КРИТИКА

Приступая к критической оценке утилитаризма, мы должны прежде всего указать на то, что в основе утилитарной морали лежит ложный взгляд, именно взгляд на то, что предметом стремлений и желаний всегда служит удовольствие, что человек ни к чему другому не может стремиться, как только к удовольствию. Современные исследования в области явлений воли с полной несомненностью доказали всю несостоятельность такого утверждения. Когда мы стремимся к чему-нибудь, то предметом нашего стремления является не удовольствие, а определенное одержание жизни, удовольствие же, возникающее при этом, оказывается производным фактором. Есть основание утверждать, что мы *вовсе* не можем представить само по себе удовольствие, а в состоянии представить *лишь* совокупность тех условий, которыми были вызваны наши прежние удовольствия, удовольствие же, входящее в состав желания, может быть вызвано только этим представлением условий.

Что сама идея чего-нибудь способны вызвать в нас чувство удовольствия, это легко подтвердить примерами. Когда я вижу перед собой красивый ландшафт, я испытываю чувство удовольствия от самого созерцания ландшафта; но я и в том случае буду испытывать подобное удовольствие, когда, перестав непосредственно наблюдать ландшафт, я буду вспоминать о нем, стараясь вызвать его в своем воображении со всеми подробностями. Очевидно, что то удовольствие, какое я при этом испытываю, будет вызвано самим представлением ландшафта, а не идеей того удовольствия, какое я прежде испытал от ландшафта, при непосредственном его созерцании. Идея удовольствия, собственно говоря, как мы уже сказали, *вовсе* не может существовать, мы никогда не можем представить себе удовольствие, так как удовольствие есть чувство, всякое же чувство доступно только непосредственному переживанию и *вовсе не может быть представлено, как таковое*. Говорить о том, что мы можем представить печаль или радость, можно только в том смысле, что мы можем испытать печаль или радость вследствие представления того переживания, которое когда то было связано у *нас* с чувством печали или радости. Идея какого-нибудь переживания, которое было связано с чувством удовольствия, вызывает во мне одновременно желание, стремление и само чувство удовольствия. Таким образом, чувство удовольствия оказывается здесь следствием идеи соответствующе-

го переживания. А если так, то, значит, удовольствие не может служить предметом нашего стремления. Когда мне кажется, что я стремлюсь прямым образом к удовольствию, то это происходит или *оттого*^{xv}, что я смешиваю представление того или другого реального переживания с представлением самого удовольствия (из которых последнее, как мы уже сказали, совершенно невозможно), или же *оттого*^{xvi}, что мне кажется, что я стремлюсь к тому удовольствию, которое вызвано во мне представлением данного переживания. Но стремиться к тому удовольствию, которое в данную минуту испытываешь, совершенно невозможно, так как предметом стремления не может быть то, что уже есть *налицо*, а лишь то, что еще может быть достигнуто. Таким образом, в тех случаях, когда нам кажется, будто мы стремимся к тому удовольствию, которое мы в данный момент переживаем, мы, на самом деле, отдаемся иллюзии. Конечно, нельзя отрицать того, что то удовольствие, которое вызывается в нас идеей того или другого предмета или состояния, действительно, оказывает влияние на наше стремление и именно таким образом, что степень силы удовольствия обуславливает и степень силы стремления. Но это далеко не значит, что удовольствие может быть предметом стремления.

Принимая удовольствие за основную цель наших желаний, утилитаризм считает возможным точное измерение удовольствий и страданий в каждом отдельном случае. Но это подлежит большому сомнению, и Спенсер вполне основательно считал непригодным утилитаристический *способ* исчисления. Если трудно бывает произвести вычисления в области однородных удовольствий, (напр. в области вкусовых удовольствий), то тем труднее производить эту <операцию> *исчисление* в тех случаях, когда приходится сравнивать между собою удовольствия разнородные (напр. удовольствия вкуса и удовольствия слуха, или же так называемые *телесные* удовольствия и удовольствия интеллектуальные и т. д.). Невозможно найти такой масштаб для измерений, который был бы одинаково пригоден во всех случаях. Трудность этих измерений в значительной степени увеличил Милль, которому утилитаризм обязан присоединением к количественной точке зрения качественной. Если признать, что удовольствия различаются между собою не только по количеству, но и по степени их качественной ценности, то тогда положительно нельзя будет совладать с трудностями вычисления. Ведь понятие качества совершенно отлично от понятия количества, так что для измерения качества и количества не может быть придуман общий масштаб, *а* без общего масштаба не может быть измерения. Далее, что касается специально Милля, то нужно сказать, что ему не удалось сколько-нибудь основательно доказать как то, почему в количественной точке зрения должна быть присоединена качественная, так и то, каким образом *можно* определить — качественную ценность удовольствия. В самом деле, если целью наших стремлений

^{xv} Так в документе.

^{xvi} Так в документе.

должно служить удовольствие, то отсюда с очевидностью следует тот вывод, что то состояние предпочтительнее, где есть налицо большее количество удовольствия, непонятно, почему должно обращать внимание еще и на качество. Далее, тот способ, который Милль предлагает для определения качественной ценности удовольствия, совершенно неудовлетворителен. Из того, что большинство людей из двух данных удовольствий выбирают обыкновенно или даже всегда первое, а не второе, еще вовсе не следует, что это избираемое удовольствие более ценно, чем второе, и что мы в своем поведении должны сообразовываться с таким выбором большинства. Легко может оказаться (как часто и оказывается), что большинство предпочитает более низкие удовольствия более возвышенным.

Если в своих оценках удовольствий мы должны сообразовываться с мнением большинства, то нужно будет отказаться от всякого морального прогресса, так как последний возможен только тогда, когда отдельные личности, подымающиеся над уровнем установившихся моральных понятий, сообщают толпе свои более возвышенные идеи, свои более совершенные правила поведения. Если же эти личности начнут, по совету Милля, сообразовываться с мнениями и поведением большинства, то их более высокое нравственное сознание неспособно будет повлиять благотворным образом на нравственное сознание других лиц, даже более того, они скоро понизятся до морального уровня массы.

Остановившись, в конце концов, на принципе наибольшего счастья наибольшего числа людей, т. е. перейдя из эгоистической в альтруистическую форму, утилитаризм, однако, не сумел доказать, что всеобщее счастье должно быть главным предметом желания для индивидуума. Та гармония между интересами общества и интересами отдельного индивидуума, на которую обыкновенно ссылаются утилитаристы, в значительной степени преувеличена, что подтверждается фактами прошлого и явлениями настоящего. В благотворном действии закона ассоциации идей также позволительно сомневаться, поскольку реальные общественные отношения с их классовым и индивидуальным антагонизмом дают повод к установлению ассоциаций не только между идеей личной пользы и пользы общественной, но и между идеей личной пользы и общественного вреда, и наоборот. У нас есть большое основание сомневаться в том, чтобы когда либо наступила такая счастливая пора, когда у отдельного индивидуума, как говорит Милль, не сможет даже явиться мысль о таком личном интересе, который шел бы в разрез с интересами общества. Как бы ни были реформированы общественные отношения, как бы ни было рационально поставлено воспитание, все же отдельный индивидуум всегда будет чувствовать искушение пренебречь общим благом, если оно будет расходиться с его собственным. Если скажут, что боязнь наказания должна удерживать индивидуумов от причинения вреда другим, то на это нужно ответить, что часто бывает возможным скрыть преступление и таким образом избежать наказания; да кроме

того, закон не в состоянии охватить сполна всю ту область частных и общественных отношений, где возможны проявления эгоизма, а если бы закон и мог это сделать, то он в таком виде все же не существовал бы, так как это привело бы к подавлению всякой индивидуальной свободы, что совершенно не соответствует принципу наибольшего счастья.

Весьма значительную заслугу утилитаристов составляет то, что они подвергли довольно тщательному обсуждению вопрос о совести (напр. Гартлей и Бэн), этот один из кардинальных вопросов этики. Но ошибка утилитаристов состоит в том, что они в своих объяснениях происхождения совести придают слишком много значения внешнему принуждению и вообще авторитету. По их мнению, совесть не может и не могла развиться вне какого-либо авторитета или закона, она следует за этими факторами, а не предшествует им. Такой взгляд мы признаем ошибочным. Нравственное чувство появилось у людей еще задолго до того, как установился какой бы то ни было прочный авторитет и возникли какие бы то ни было законы. Ведь человек всегда был наделен чувством симпатии себе подобным (которое встречается уже у животных) и всегда, поскольку^{xvii} он только есть мыслящее существо, мог удерживать в памяти свое прошлое; а при таких условиях человек всегда мог подвергаться тем внутренним страданиям, которые способен вызвать в нем инстинкт симпатии при содействии воспоминания о тех случаях из области прошлого, когда человек, следуя своему эгоистическому побуждению, поступал вопреки требованиям инстинкта общественности. А это и есть совесть в своей первичной стадии. Такого взгляда на происхождение совести держится Дарвин, с которым мы в данном случае вполне соглашаемся. Подробнее об этом мы говорили в своем очерке о Дарвине.

Допустить, что нравственное чувство впервые возникло вследствие ассоциаций тех или других действий с порицанием или наказанием, нет никакой возможности, так как идея порицания или наказания способна вызвать в нас лишь идею неудовольствия, идея же неудовольствия не имеет ничего общего с идеей и чувством долга, которые характерны для совести. Если я знаю, что за тот или другой поступок меня могут покарать, то, совершив все-таки этот поступок, я буду испытывать приблизительно то же самое состояние, какое я испытал бы тогда, если бы, зная, **что** после попойки у меня бывают страшные физические страдания, я все таки выпил бы. В обоих случаях мысль о поступке была бы связана с мыслью о тяжелых последствиях этого поступка и в обоих случаях эта мысль вызвала бы одно и то же чувство досады или неудовольствия. Но ведь никто не скажет, что во втором из указанных случаев я буду испытывать мучения совести, если, **только**, разумеется, у меня не

^{xvii} Так в документе.

будет сознания, что своим поведением я нарушил какую-нибудь моральную максиму.

Ошибка утилитаристов состоит еще в том, что они игнорируют факт передачи по наследству нравственного чувства и утверждают, что нравственное чувство вырабатывается каждым индивидом в течение его жизни. А между тем за каждым из нас стоит опыт человечества, в котором постепенно созревали и крепили нравственные начала и в котором постоянно происходит переход от поколения к поколению разного рода ценностей. Несомненно, что вместе с другими дарами мы получили от своих предков и тот высший дар, который мы называем совестью. Конечно, этим не исключается возможность и даже необходимость того, чтобы мы сами в свою очередь трудились над нашим нравственным воспитанием и стремились к совершенствованию.

Помимо вопроса о совести, утилитаристы столь же усердно обсуждали и вопрос о справедливости. Особенно много внимания уделил этому вопросу Дж. Кт.^{xviii} Милль, но об этом мы будем говорить в другом очерке.

*НБ ОНУ. ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 24, ед. хр. 198, лл. 282–296 об.
Машинопись, авторская правка.*

^{xviii} Так в документе.

Принципы современной психологии

Речь произн[есенная] в годичн[ом] засед[ании] Общ[ества] Естествоиспытателей] 1895 г.ⁱ

ММГГ.

Приняв лестное предложение Совета Новороссийского Общества Естествоиспытателейⁱⁱ произнести речь в настоящем годовомⁱⁱⁱ заседании Общества, я избрал предметом моего доклада общую характеристику принципов современной психологии. К выбору такой темы побудило меня как то^{iv}, что подобный^v общего значения вопрос наиболее соответствует характеру нынешнего заседания, так главным образом и то обстоятельство, что при чрезвычайной^{vi} специализации современных психологических исследований и при пользовании психологическими терминами и теориями в самых разнообразных научных областях — в^{viii} физике, в^{viii} биологии, в сравнительном языкознании, в политической экономии и проч. — замечается явная потребность объединения и уяснения самых принципов психологической науки. Но прежде, чем пытаться углубить и, может быть даже отчасти изменить принципы этой науки, необходимо ясно представить ее современное состояние, как оно сложилось исторической работой нескольких поколений ученых. Эту именно последнюю задачу я и намерен попытаться, по мере сил, исполнить в настоящей моей речи. Ее содержанием, таким образом, явится не столько какие-нибудь новые положения или наблюдения, сколько отчет об уже^{ix} исторически сложившемся знании, и именно в смысле его принципов и методов.

Таковыми руководящими идеями современной психологии я считаю следующие: во-первых, эмпиризм; во-вторых, биологическое начало; в-третьих, экспериментальный метод; и наконец, в-четвертых, но скорее в качестве desideratum¹, чем существующего уже фактора, социальный элемент. К^x выяснению значения этих четырех руководящих начал я теперь и перейду, держась указанного порядка.

1) Эмпиризм психологической науки.

ⁱ Запись карандашом.

ⁱⁱ Естествоиспытателей вписано над строкой карандашом.

ⁱⁱⁱ Годовом вписано над строкой карандашом вместо зачеркнутого юбилейном.

^{iv} Слово обстоятельство зачеркнуто.

^v Слово подобный вписано над строкой вместо зачеркнутых слов.

^{vi} Далее слово зачеркнуто.

^{vii} в вписано над строкой.

^{viii} в вписано над строкой.

^{ix} Далее слово зачеркнуто.

^x Вписано над строкой вместо зачеркнутых слов.

Эмпиризм есть учение о происхождении наших знаний из опыта, и только из опыта. В смысле общего методологического принципа и прежде всего в отношении к познанию внешней природы принцип этот возник в ту эпоху, которая вообще^{xi} породила новую науку – я разумею эпоху Возрождения. В XVI и начале XVII в. а отчасти еще раньше, под влиянием целого ряда культурных, экономических, религиозных и политических причин возникла новая светская наука, средневековое мировоззрение выжило свое время и изучение природы получило^{xii} самостоятельный, глубоко интересный смысл.

Из этого научного пробуждения возникла и новая эмпирическая психология, но так как внимание человека всегда привлекается сначала внешней природой, и лишь затем обращается на самого себя – почему и внутренний духовный мир обозначается символами заимствованными из внешнего мира² – то и новая психология возникла лишь позднее, когда новая физическая наука уже сложилась, а именно лишь в конце XVII в. Основателем этой эмпирической психологии мы должны считать великого английского мыслителя Джона Локка, являющегося вместе с тем истинным предшественником Канта в постановке т[а]к наз[ываемой] критической задачи, одним из основателей новой педагогики, вместе с Амосом Коменским, одним из первых защитников принципа веротерпимости и предшественником^{xiii} Монтескье в политической доктрине. Великое творение Локка «Опыт о человеческом разуме», результат его двадцатилетних размышлений,^{xiv} сохраняющий и донныне, во многих отношениях свое руководящее значение, есть основной камень эмпирической психологии. Затем в том же направлении психологического эмпиризма работали и развивали принципы Локка целый ряд английских и шотландских психологов, из которых я укажу здесь лишь на имена Юма, Гертли, Томаса Броуна, Джемса Милля, Дж. Ст. Милля и современного нам Александра Бэна. Так[им] обр[азом] эмпирическая психология есть прежде всего и главным образом результат работы английских мыслителей.

Я не стану, конечно, останавливаться на характеристике работ каждого из этих психологов, так как моей задачей является здесь не история психологии, но выяснение ее современных принципов. Но я необходимо должен дать общее понятие об этой эмпирической психологии, так как хотя она еще^{xv} и чужда применения эксперимента и вместе с тем мало пользуется биологическим элементом, но тем не менее ее принципы являются определяющими и совре-

^{xi} Далее два слова зачеркнуты.

^{xii} Далее слово для зачеркнуто.

^{xiii} Руссо зачеркнуто.

^{xiv} Далее слово для зачеркнуто.

^{xv} Слово еще повторяется дважды.

менную психологию, мало того составляют одно из самых ценных ее достояний.

Эмпирическая теория прежде всего утверждает, что все факты нашего сознания существуют первоначально в форме ощущений, т. е. пассивного восприятия. Как бы ни были напр[имер] сложны продукты нашей умственной жизни, какой бы они не мели отвлеченный и всеобщий характер, всегда возможно, [с] помощью психологического анализа, вскрыть в них чувственную основу. И действительно, как известно, эмпирической философии удалось свести к чувственным элементам даже столь далекие по-видимому от ощущений идеи, каковы напр[имер] идеи пространства, вещества, причинной связи и т. д. Рассматривая эмпиризм с этой точки зрения, мы видим, что он есть теория сензуализма, но только сензуализм более широкий, чем обыденный, которого представителем был напр[имер] Кондильяк. Обыденный сензуализм пытается свести все умственные продукты к внешним ощущениям — зрения, слуха, движения и т. д., задача явно неисполнимая. Но на ряду с ощущениями внешними существует целый ряд других, которых к сожалению классификация и описание еще^{xvi} слишком мало разработаны; таковы ощущения сходного, равного^{xvii}, различного, нового и т. д. Если мы примем в соображение и эти ощущения, то задача сензуалистического эмпиризма станет возможной. Тогда и все т[а]к наз[ываемые] умственные операции^{xviii}, сравнения, различения и т[ому] под[обное] будут нами рассматриваться как воспоминания или отражения в идеях актов реальных, подобно тому как волевое движение^{xix} красного цвета есть отражение в идеях ощущений движения^{xx}. Это последнее соображение о вторичности происхождения умственных операций, соображение блестяще развитое в сочинениях глубокомысленного, но еще мало оцененного русского психолога-эмпирика проф. Троицкого заслуживает величайшего внимания, и я убежден, что на этом именно пути мы раскроем психологию рациональных наук, как то логики и математики.

Далее, если все содержание нашего сознания дается первоначально в ощущениях — в указанном широком смысле термина — то явно, что вообще наше знание ограничено пределами опыта и ничто^{xxi} вне опыта ему недоступно. Отсюда следует, что психология не может ставить себе задачей исследование сущности души или другие подобные тому метафизические вопросы. Наше знание о психике подчинено тем же условиям, как всякое другое опытное знание — оно огра-

^{xvi} Далее слово зачеркнуто.

^{xvii} Слова сходного, равного вписаны над строкой вместо зачеркнутых сходства, равенства.

^{xviii} Слово операции вписано над строкой вместо зачеркнутого акты.

^{xix} Слова волевое движение вписаны над строкой карандашом вместо зачеркнутого воспоминание.

^{xx} Слова ощущений движения вписаны над строкой карандашом вместо зачеркнутых слов ощущения красного цвета.

^{xxi} Слово ничто вписано над строкой карандашом вместо зачеркнутого ничего.

ничено лишь констатированием последовательности и сходств между явлениями и описанием этих последовательностей и сходств в сокращенных формулах, называемых законами природы. Так же как^{xxii} силы внешней природы суть только символы, так и т[а]к наз[ываемой] способности души суть тоже лишь общие слова, указывающие на сходные черты в известной группе психических явлений, и также как из метафизических сил нельзя ничего объяснить в физике, также из способностей нельзя ничего вывести в психологии^{xxiii}, и такая психология всегда будет лишь номинальной, или словесной наукой: то, что мы сами вложим в определение способности, то самое мы из нее и получим. Особенное внимание обратила в этом отношении эмпирическая психология – и притом уже у самого Локка – на^{xxiv} т[а]к наз[ываемую] способность воли, так как именно в^{xxv} этой способности особенно часто и охотно пытались найти^{xxvi} специфическую силу души. Этот анализ воли, сведение ее к тому же опыту и памяти, доказательство, что волевые явления суть результаты ассоциации идей постепенно и в пределах опыта возникающей и совершенствующей, есть, на мой взгляд, одно из самых блестящих открытий эмпирической^{xxvii} психологии, и более основательно[е] с ним знакомство было-бы в настоящее время весьма полезно и^{xxviii} для биологов, когда мы видим возрождение бесплодного учения о жизненной силе^{xxix}. Тот, кто понял эту эмпирическую теорию происхождения воли, не впадет в т[а]к наз[ываемый]^{xxx} нео-витализм.

Не имея времени входить в изложение этой теории воли, я должен однако остановиться несколько на указанном принципе ассоциации идей, составляющем, наряду с теорией сензуализма, второе основное положение эмпирической психологии. Мы разделили выше психические факты на две группы – ощущений или впечатлений, и идей или воспоминаний. Порядок, в котором ощущения сменяют друг друга, явно зависит от изменений в окружающей нас среде и потому не составляет предмета изучения психологии. Другое дело идеи или воспоминания. Здесь должен быть открыт какой-нибудь психологический закон смены.^{xxxi} Философия метафизическая^{xxxii} в противоположность эмпирической, полагала, что такой закон м[ожет] б[ыть] открыт не наблюдением и индукцией, но умозрени-

^{xxii} Далее зачеркнуто: сущность.

^{xxiii} Слова в психологии вписаны над строкой карандашом.

^{xxiv} Далее часть слова зачеркнута.

^{xxv} Слово в вписано над строкой вместо зачеркнутого из.

^{xxvi} Слово найти вписано над строкой карандашом.

^{xxvii} Далее часть слова зачеркнута.

^{xxviii} Слово и вписано над строкой.

^{xxix} Слова о жизненной силе вписаны над строкой вместо зачеркнутого витализма.

^{xxx} Слова тк. наз. силе вписаны над строкой.

^{xxxi} Слова так как зачеркнуты.

^{xxxii} Слово метафизическая вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

ем. Выходя из принципа, что нам известна специфическая сила души порождающая идеи, она думала простым анализом определения этой силы вскрыть этот закон. Иначе говоря, для метафизической психологии последовательность ряда психических фактов явилось рациональной, такую, что из причин мы могли-бы рационально конструировать действия. Подобная задача оказалась однако неисполнимой, и именно потому что, как мы уже видели, специфические силы души столь же мало могут быть нам известны, как и метафизические основы внешней природы. То, что мы называем сознанием не есть производящая сила, а лишь общее свойство известной группы явлений, именно психических: душа или психич[еская] личность^{xxxiii}, как предмет научного исследования, есть лишь ряд психических явлений.

Итак, оказавшись от умозрительного метода, эмпирическая психология должна была попытаться найти опытным образом, индуктивно законы смены идей. Эти общие законы последовательности, которые не только не м[огут] б[ыть] выведены рационально, но наоборот, как самые общие формулы последовательности идей, обуславливают происхождение самого нашего^{xxxiv} разума, были названы законами ассоциации идей. Этот термин «ассоциация» однако не совсем удобен, ибо, как показал Броун, заключает в себе намек на какую то внутреннюю связь между отдельными идеями, тогда как, по принципам эмпиризма, об этой связи нам ничего неизвестно, и указанные законы суть^{xxxv} лишь законы временной смены. Из многочисленных и утонченных анализов эмпирических английских психологов выяснилось, что существуют два основных закона смены идей, а именно ассоциация по смежности, и ассоциация по сходству, иными словами всякая последовательная смена наших идей или представляет подобие той смены, которая существовала между соответств[ующими]^{xxxvi} ощущениями, или обусловлена сходством с предыдущей идеею. Первая есть основа всего, что мы можем назвать, в широком смысле, историческим направлением в течение представлений, вторая – всего, что называется логическим их течением.

Анализ психической жизни, не только в смысле представлений, но равным образом и эмоций, чувствований, желаний и проч. свелся т[а]к[им] обр[азом] в эмпирической психологии именно к подробному и разностороннему исследованию^{xxxvii} этих двух основных законов ассоциации; всюду, в конце концов, были находимы эти законы, и потому английские психологи сравнивают их значение в области психики с значением закона тяготения в

^{xxxiii} Слова психич. личность вписаны над строкой.

^{xxxiv} Слово нашего вписано над строкой.

^{xxxv} Слово суть вписано над строкой карандашом.

^{xxxvi} Слово соответств. вписано над строкой.

^{xxxvii} Слово исследованию вписано над строкой карандашом

физической природе. Следуя принципам Ньютонианства как тут, так и там последняя причина этих законов признается неизвестной и возмещается символом.

Опасаясь злоупотребить Вашим вниманием я не буду следить за дальнейшими выводами эмпирической психологии и перейду к характеристике второго элемента современной психологии, именно ее биологического характера. И здесь мы встречаем в первом ряду имена двух великих английских ученых – я разумею <Г. Спенсера и Дарвина. Указанные ранее английские мыслители школы Локка, если не игнорировали биологической точки зрения в психологии, то во всяком случае, как философы по преимуществу, развивали общую теорию эмпиризма знания и^{xxxviii} видели в психологии не столько отрасль биологии, сколько общую теорию знания. Значение биологических и психологических теорий Спенсера и Дарвина так велико для современной психологии, что я должен остановиться на них с некоторою подробностью на их выяснении.>^{xxxix}

Я вряд ли ошибусь, если скажу, что основная идея биологической философии Спенсера и Дарвина состоит в выяснении принципа естественной целесообразности живых организмов вообще, т. е. в таком^{xl} приспособлении их реакции на изменения окружающей среды, при котором они получают наиболее шансов самосохранения. Биологическая эволюция, как^{xli} происхождение новых органических форм, является с этой точки зрения историей постепенного совершенствования этой естественной целесообразности. Конечно, факты естественной целесообразности организмов издавна уже обращали на себя внимание биологов, и до Спенсера и Дарвина были делаемы попытки сведения [всех?] фактов к определенным законам – <укажем как пример принцип физиол[огического] разделения труда Мильн-Эдвардса>^{xlii} – но, до тех пор пока происхождение видов казалось метафизикой, и пока не были указаны естественные причины происхождения этой целесообразности в^{xliii} борьбе за существование, естественном подборе и наследственности, до тех пор принцип целесообразности не мог получить должного применения и стать руководящим началом биологических объяснений. Правда, относительно факторов, участвующих в возникновении и совершенствовании этой естественной целесообразности организмов между Спенсером и Дарвином существует существенное разногласие, а дальнейшая

---

^{xxxviii} Далее зачеркнуто.

^{xxxix} Фрагмент текста зачеркнут карандашом.

^{xl} Слово *таким* вписано над строкой.

^{xli} Слово *как* вписано над строкой вместо зачеркнутых слов *как закон*.

^{xlii} Выделенный фрагмент зачеркнут карандашом.

^{xliii} Далее слово зачеркнуто.

история биологии вплоть до современной теории Вейссмана показывает, что и до ныне этот вопрос остается под сомнением, в особенности в отношении к теории наследственности приобретенных индивидуумов особенностей, но тем не менее принцип естеств[енной]^{xliv} целесообразности или эволюции^{xlv} стал и остается руководящей идеей биологии.

Также, как биология получила в теории эволюции объяснение происхождения видов, так психология в идее естественной целесообразности нашла объяснение самой характерной черты психической жизни именно ее приспособленности^{xlvi} и^{xlvii} рациональную теорию ее совершенствования, начиная с едва заметных зачатков и вплоть до^{xlviii} форм человеческого^{xlix} сознания. Ведь¹ всякое целесообразное приспособление организма есть некоторая реакция или воздействие на изменения в окружающей среде; такая реакция^{li} предполагает в организме, во-первых, некоторое восприятие этих изменений в среде, а во-вторых, некоторое целесообразное движение в ответ на это восприятие; а так как такое целесообразное приспособление мы называем, в простейших формах, рефлексом, то рефлекс явился основным типом или схемой для психологических объяснений: психология должна показать, как в биологической эволюции усложняется и совершенствуется промежуточные члены между^{lii} восприятием и двигательным воздействием на среду; Все психологич[еские] теории, объяснение всех психических фактов должно быть сведено к типу усложненного рефлекса и уяснению пригодности для самосохранения индивида всех этих усложнений.

Эта основная идея биологической психологии — идея целесообразного усложнения рефлекса распадается на целый ряд частных задач. Во-первых, психология показывает, каким образом последовательное возникновение специальных внешних чувств — зрения, слуха, обоняния из непосредственной раздражительности прикосновения — влечет за собою расширение приспособленности организма не только к прикасающейся его части среды, но и к более отдаленным ее изменениям. Враг и пища, эти два основные и существенные различия в окружающей среде, определенные первоначально, у простейших животных, не имеющих еще специальных органов чувств, непосредственным прикосновением, становятся^{liii}, благодаря слуху и зрению доступными уже на расстоянии; что приспособление к

^{xliv} Слово естеств. вписано над строкой.

^{xlv} Слова или эволюции вписаны над строкой.

^{xlvi} Слова именно ее приспособленности вписаны над строкой.

^{xlvii} Слово историю зачеркнуто.

^{xlviii} Слово выших зачеркнуто.

^{xlix} Слово психики зачеркнуто.

¹ Слово ведь вписано над строкой вместо зачеркнутых слов Ввиду того, что.

^{li} Слова такая реакция вписаны над строкой вместо зачеркнутых слов и так как далее и следовательно.

^{lii} Слова промежуточные члены между вписаны над строкой вместо зачеркнутых слов.

^{liii} Слово становятся зачеркнуто.

расстоянию является в высшей степени важным для сохранения организма, и влечет за собою более своевременную двигательную реакцию — удаления в случае опасности и приготовления к схватыванию в случае пищи. Эти специфические ощущения зрения, слуха, обоняния могут быть в этом смысле названы предварительным осязанием.

Во-вторых, при постепенном возникновении и росте центральной нервной системы, являющейся так ск[азать] складом предыдущего опыта организма, возникает и развивается то, что мы с психологической точки зрения называем памятью, будет ли это память наследственная, в виде унаследованных навыков называемых инстинктом, или память данного индивида, обусловленная его собственным опытом. Один и тот же принцип целесообразности обуславливает возникновение и совершенствование этого поразительного механизма памяти. Он состоит в том, что все впечатления на организме оставляют в необычайно пластичном веществе нервной системы некоторые следы или функциональные^{liv} предрасположения к их новому восстановлению, и притом так, что^{lv} впечатления между собою смежные по времени оставляют и следы между собою связанные, так что новое возбуждение одного влечет за собой распределение нервного разрешения и в другом. Это тот самый принцип, который мы раньше называли ассоциацией идей, но только здесь, в биологической психологии, он является в ином обосновании, именно указывается его органическая основа и биологическое значение. Действительно, совершенно понятно все значение такого приспособления для жизни. Организм при этом приспосабливается к будущим событиям в окружающей его среде, к событиям еще не наставшим, но однако имеющим наступить, и руководится при этом связью между этими^{lvi} событиями, как она была им воспринимаема в предыдущих опытах. Величина, форма, цвет, движения и т. д. совершаемые находящимся в отдалении существом и сами по себе не представляющие опасности, появляющиеся однако по памяти указателями на опасность влекут за собой^{lvii} целую серию прыжков, уверток, убеганий, ныряний и других действий служащих для него, чтобы скрыться от неприятеля, а с другой стороны все, хотя бы крайне отдаленные признаки добычи, влекут за собой ряд движений к ее захвату.

Биологическая психология, руководясь началом единства органического развития и параллелизма филогенезиса с оттогенезисом, смело распространяет этот принцип целесообразного развития памяти, как приспособления к времени, на громадную область психических фактов, как человеческой жизни, так

^{liv} Далее слово зачеркнуто.

^{lv} Далее несколько слов зачеркнуты.

^{lvi} Слово этими вписано над строкой.

^{lvii} Слово собою повторяется дважды.

и жизни животных. Развитие памяти она понимает в этом смысле как единый процесс постепенного расширения приспособлений к самым отдаленным следствиям наличных или непосредственных^{lviii} впечатлений. Если оставим в стороне зоологическую психологию до ныне еще несколько проблематическую, мы посмотрим на жизнь человека, то легко заметить, что то что мы называем прогрессом цивилизаций есть прежде всего именно развитие памяти т. е. расширение сферы предвидения, но основании предыдущего опыта, или приспособление к все более и более отдаленным целям. Для этого достаточно сравнить дикаря живущего с часа на час, кочевника, которого предвидение ограничено несколькими месяцами и обращено лишь на отношения и связи в пределах своего рода, с^{lix} гражданином современного государства^{lx} связывающим свои интересы с интересами всего народа или наконец с мудрецом или святым предвидящим следствия своих поступков как они отразятся на всем человечестве и на самых отдаленных поколениях.

Далее, биологическая психология, выходя все из того же принципа естественной целесообразности устанавливает параллелизм между полезными^{lxi} и вредными для организма или рода^{lxii} с одной стороны, и удовольствиям и страданиям^{lxiii}, как его ощущениями с другой. Этот параллелизм получает ограничение в тех случаях когда организм^{lxiv} еще не приспособился к каким-нибудь новым условиям жизни или когда, как^{lxv} иногда в человечестве важнейшие^{lxvi}, интересы общества находятся в противоречии с интересами отдельного лица, но тем не менее^{lxvii} общая истинность этого начала остается непоколебимой, ибо и эти ограничения объяснимы из него же, да и невозможна была бы^{lxviii} жизнь, в которой вредное всегда было бы приятным и полезное — доставляло страдание. Из ощущений естественного удовольствия и страдания, психология объясняет, далее, происхождение огромного числа^{lxix} сложных эмоций, как то любовь, сочувствие, страх, печаль, удовольствия доставляемые обладанием собственности, вторичные половые чувства, удовольствие свободы, чувство^{lxx} справедливости и т. д., видя в тех сложные группы воспо-

^{lviii} Слово непосредственных вписано над строкой вместо зачеркнутого слова настоящих.

^{lix} Далее два слова зачеркнуты.

^{lx} Слова гражданином современного государства вписаны карандашом над строкой вместо зачеркнутых слов государств. человеком.

^{lxi} Далее слова зачеркнуты.

^{lxii} Слова или рода вписаны над строкой.

^{lxiii} Далее слово зачеркнуто.

^{lxiv} Далее слово зачеркнуто.

^{lxv} Далее слово зачеркнуто.

^{lxvi} Слово важнейшие вписано над строкой вместо зачеркнутого.

^{lxvii} Далее слово зачеркнуто.

^{lxviii} Слова была бы вписаны над строкой вместо зачеркнутых.

^{lxix} Слова огромного числа вписаны над строкой.

^{lxx} Слово чувство вписано над строкой.

минаний о реальных оц[ущен]иях^{lxxi} удовольствия и страдания. Относящиеся сюда теории столь сложны, что я могу здесь^{lxxii} только указать на их существование, но не разьяснять.

Имея в виду лишь принципы современной психологии, я не стану останавливаться и выяснять^{lxxiii} причины психологических проблем, в которых приложение биологической точки зрения внесло новый свет, каково напр. вопросы о происхождении и природе инстинктов, о роли выразительных жестов, о психической наследственности, о происхождении и значении навыков или привычек и т. д. Но прежде, чем оставить область биологической психологии и перейти к рассмотрению третьего основного направления^{lxxiv} нашей науки, я не могу не сказать об одном своеобразном недоразумении, которое нередко привлекало внимание мыслителей, недоразумении хотя лишь^{lxxv} формального или логического свойства, но которого раскрытие весьма полезно для уяснения принципов психологии.

Дело в том, что по-видимому между эмпирической психологией и биологической существует прямое противоречие. С одной стороны эмпиризм показывает, что все что мы можем знать о вещах ограничено нашими ощущениями: все химические и физические свойства природы сводятся, в последнем результате, к нашим ощущениям. Самое вещество^{lxxvi} обнаруживается для нас лишь в ощущениях сопротивления, а пространство, в конце концов, есть, как показал Гельмгольц, система ощущений зрительных и двигательных. Если мы даже предполагаем, что за этими^{lxxvii} нашими ощущениями существует какая-нибудь их внешняя причина, то и об этой причине мы можем мыслить лишь в терминах наших же ощущений, или признать еще совершенно неизвестной, некоторым X, бесплодным для науки. Иными словами, наше знание о мире сводится к нашим ощущениям или мир, как познаваемый, есть мир ощущений: мир есть мое представление! С другой стороны, биологическая психология указывает, что сознание и ощущения суть функция центральной нервной системы, они обусловлены ее развитием и даже локализируются в определенных частях коры большого мозга. Между этими утверждениями существует по-видимому противоречие: вещественный мир признается за представление^{lxxviii}, сводится к фактам сознания, а сознание объясняется как функция части вещественного мира и лично мозга. Но ведь

^{lxxi} Слово оц-иях вписано над строкой.

^{lxxii} Слово здесь вписано над строкой.

^{lxxiii} Далее зачеркнуто слово: других.

^{lxxiv} Далее зачеркнуто слово: современной.

^{lxxv} Слово лишь вписано над строкой.

^{lxxvi} Далее зачеркнуты слова: есть лишь.

^{lxxvii} Далее слово зачеркнуто.

^{lxxviii} Далее зачеркнуто слово: а.

и мир есть тоже в конце концов^{lxxix} как факт познания, сумма ощущений же. Иными словами, эмпиризм <сводит все к сознанию, а биологическое наше знание к простым фактам сознания, а биологическая психология рассматривает самое сознание как функцию мозга>^{lxxx} есть^{lxxxi}, учение идеализма, биологическая же психология – реализма.

Было бы напрасным трудом отрицать это противоречие или видеть в нем лишь^{lxxxii} софистический прием. Для лиц знакомых с^{lxxxiii} физиологической психологией не может действительно быть сомнения, что в ученых работах в этой области отразились два непримиримых, взаимно противоположных мировоззрения. Так область, которая^{lxxxiv} называется физиологией органов чувств, проникнута тенденцией идеализма (в филос[офском] смысле термина) и ее представители, как напр. Гельмгольц, прямо признают это; напротив та область, которая носит название физиологии центральной нервной системы и учения о локализациях, руководится принципом философского реализма. Для первой – мир есть проецирование во вне моих ощущений, для второй – мир есть нечто иное, материальное. <Выходя из этого принципиального противоречия я считаю т[а]к наз[ываемый] критический эмпиризм, точка зрения развитая в наше время физиком Махом и философом Авенариусом, основу же которой мы можем найти еще у Юма. Оставляя до другого случая полное выяснение этой философии, я укажу здесь лишь на некоторые ее черты.

Прежде всего необходимо понять, что субъект или Я не есть, как полагает идеализм, нечто вполне отличное от объекта, некто воспринимающий или чувствующий.>^{lxxxv} Если мы будем анализировать понятие психической личности, то нигде не найдем этого чувствующего субъекта, но будем встречать постоянно лишь самое^{lxxxvi} чувствование. В сочинениях Юма мы читаем: «Существуют некоторые философы, говорит он, которые воображают, что мы в каждый момент вынужденно сознаем то, что мы называем я сам, что мы чувствуем его существование и его преодоление во времени, и т. к. нет помимо всякого доказательства, уверены в его^{lxxxvii} постоянной тождественности и простоте ... Что^{lxxxviii} касается меня, то когда я наиболее глубоко^{lxxxix} проникаю в то, что я нарекаю самим со-

^{lxxix} Далее зачеркнуто слово: как.

^{lxxx} Фрагмент текста зачеркнут.

^{lxxxi} Далее слово зачеркнуто.

^{lxxxii} Далее слово зачеркнуто.

^{lxxxiii} Далее слово зачеркнуто.

^{lxxxiv} Далее слово зачеркнуто.

^{lxxxv} Фрагмент текста зачеркнут.

^{lxxxvi} Слово самое вписано над строкой вместо зачеркнутого.

^{lxxxvii} Далее зачеркнуто слово: совершенной.

^{lxxxviii} Перед словом Что зачеркнуто: К сожалению.

^{lxxxix} Слово глубоко вписано над строкой вместо зачеркнутого.

бою, а всегда натываюсь на то или другое частное восприятие, холода или тепла, света или мрака, любви или ненависти, страдания или удовольствия... Я никогда не схватывающего^{xc} самого себя без всяких перцепций и никогда не могу наблюдать ничего кроме перцепций. Когда мои перцепции удалены на некоторое время, как при глубоком сне, то я не чувствую «самого себя и может истинно сказать и не существую». В заключении же он прибавляет. «Я решаюсь утверждать, что субъект есть ничто кроме связки или собрания различных концепций, которые следуют одни за другими с непостижимой быстротой и находятся в постоянном течении и движении». В полном соответствии с этим Мах говорит: «Не я есть нечто первичное, но элементы (ощущения). Элементы образуют Я. Я ощущаю зеленый цвет — это значит, что элемент зеленого входит в известный комплекс с другими элементами (ощущениями, воспоминаниями). Когда я перестаю ощущать зеленое, напр. когда я умираю, то элементы эти не воспринимаются более в обычной связи». Авенариус же прямо заключает, что Я есть только пункт координации элементов.

Во-вторых^{xcⁱ}, обратим внимание на то, что и т[а]к наз[ываемые] вещи суть тоже ничто иное как связи между подобными же элементами, и более ничего, и что отличие их от психич[еского] субъекта лишь в том, что в состав их не входит некоторых элементов Я (напр. воспоминаний, желаний), отчасти в том, что эти элементы (цвета, тоны, веса, движения) более устойчивы.

Вернемся теперь от этих подготовительных^{xcⁱⁱ} рассуждений к указанному выше противоречию идеалистич[еской] и реалистической точки зрения, и мы легко поймем, что обе эти точки зрения ложны и метафизичны. Мы видели, что идеализм считает ощущения состояниями ощущающего Я. Это ложно, ибо наоборот эти элементы^{xcⁱⁱⁱ} сами образуют Я, как их координацию. Мы видели далее, что^{xc^{iv}} материалистич[еский] реализм полагает, что вещи суть вещества имеющие лишь механические свойства^{xc^v}, и^{xc^{vi}} что это вещество есть носитель особых свойств. Это ложно, ибо^{xc^{vii}} ощущения суть такие же комплексы указанных элементов, и если цвета или тоны представляют менее устойчивые элементы, то с другой стороны и все другие, т. е. механич[еские] элементы тоже относительно: вещь, тепло, вещество есть ничто кроме комплекса цветов, тонов и проч. так наз[ываемых] признаков. Иными словами, нет качественной разницы между физическим и психичес-

^{xc} Так в документе.

^{xcⁱ} Далее слово зачеркнуто.

^{xcⁱⁱ} Далее зачеркнуто слово: размышлений.

^{xcⁱⁱⁱ} Далее зачеркнуто слово: суть.

^{xc^{iv}} Далее слово зачеркнуто.

^{xc^v} Далее зачеркнуто слово: Это

^{xc^{vi}} Далее зачеркнуто: ложно ибо.

^{xc^{vii}} Далее слово зачеркнуто.

ким, они слагаются из тех же 2 элементов (если мы ограничим т[а]к наз[ываемыми] ощущениями), и^{xcviii} если бы мы взяли один из этих элементов все их связи с прочими, то невозможно было бы^{xcix} решить есть ли это элемент физического мира или психического. Т[а]к[им] обр[азом], говорит Мах, великая пропасть между физическим и психологическим исследованием является лишь для обыденного стереотипного способа размышления. Цвет есть физический объект, когда мы рассматриваем его напр. в его зависимости от источника света (т. е. ^c от других цветов, теплот^{ci}, мест и т. д.). Если же мы обращаем внимание на его зависимость от сетчатки, он есть объект психологический, ощущение. Не по материалу, а по способу исследования различны эти две области.

«Чувственный мир (т. е. указанные элементы) принадлежит вместе и физической области и психической. Также как мы при изучении свойств газов достигаем Мариоттовского закона, оставляя в стороне изменения в температуре, а обращая внимание на изменения температуры получаем закон Гейлюссака, причем однако предмет исследования остается прежним. Так мы занимаемся физикой в широком смысле слова пока исследуем связи чувственного мира, оставляя в стороне наше тело, а психологией ощущений когда изучаем тоже но в зависимости от нашего тела и главным образом его нервной системы. <И повсюду задачей науки остается не выяснение происхождения этих чувственных элементов, а лишь описание в общих формулах их связей.>^{cii} Идеализм^{ciii} выдавал субъект за первичное и выводил из него объекты, реализм же^{civ} объект считает первичным и не знает,^{cv} что сделать тогда^{cvi} с субъектом, чуждая же метафизики, хотя бы и скрытой, истинная философия не считает ни объекта и субъекта за первичное и поставляет их из одних и тех же элементов. И повсюду задачей науки остается не объяснение происхождения этих элементов, а лишь нахождение кратких формул для описания^{cvii} их связей и последовательностей. Эти формулы есть т[а]к наз[ываемые] законы природы.

Третье характерное направление нашей науки^{cviii} я обозначил как экспериментальную психологию. Это направление не представляет, конечно, совершенно новых принципов сравнительных с эмпирической психологией и

^{xcviii} Далее слово зачеркнуто.

^{xcix} Далее слово зачеркнуто.

^c Слова т. е. вписаны над строкой.

^{ci} Далее слово зачеркнуто.

^{cii} Предложение зачеркнуто.

^{ciii} Далее слово зачеркнуто.

^{civ} Далее зачеркнуто: ошибается когда.

^{cv} Далее зачеркнуто слово: тогда.

^{cvi} Слово тогда вписано над строкой.

^{cvii} Слова кратких формул для описания вписаны над строкой вместо зачеркнутых.

^{cviii} Слова нашей науки вписаны над строкой вместо зачеркнутых.

биологической, и отличается от них лишь своим методом, но значение и новизна этого метода так велики, результаты его приложения столь своеобразны и важны, что мы справедливо можем поставить это направление на ряду с двумя рассматриваемыми.

Если родиной эмпирической^{сix} и биологической психологии мы должны считать Англию, то экспериментальная психология есть прежде всего создание^{сх} знаменитых немецких ученых – Фехнера и Гельмгольца, а для распространения^{сxi} ее больше всего сделал Вундт, основавший первую психологическую лабораторию и начавший издавать первый ученый^{сxii} журнал, специально посвященный этим исследованиям. И м[ожет] б[ыть] эта связь не случайна, но также как ясное здравомыслие английского эмпиризма и возвышенный реализм биологической психологии являются характерными для английской мысли^{сxiii}, так и специальная и точная методика экспериментальной психологии, вылившаяся в определенную школу, характерна для немецкой, но по преимуществу университетской науки^{сxiv}.

Так как мне уже не раз приходилось говорить с этой кафедры составе и значении экспериментальной психологии, то я могу ныне ограничиться указанием лишь самых характерных черт этого направления. Психологический эксперимент состоит в том, то наблюдаемое явление ставится в особые, намеренно избранные условия, способствующие его изучению. Вместо того, чтобы довольствоваться случайными встречами, в которых изучаемое явление возникает для нас неожиданно, ненужно усложнено и крайне неустойчиво, мы заставляем его протекать и повторяться любое число раз и в тех условиях, какие мы сами заранее избрали. Такое нормирование психич[еских] явлений возможно потому, что они зависят от окружающих нас впечатлений и от состояния нашего организма, так что и целесообразно изменяя то или другое или и то и другое мы тем самым изменяли и факты нашего сознания.

Величайшим, м[ожет] б[ыть], примером этого искусства психологического эксперимента является и донныне третья часть «Физиологической оптики» Гельмгольца, в которой этот основатель эксперим[ентальной] психологии, исследуя состав наших зрительных представлений о пространстве, выделил рядом целесообразных и тонких ответов элементы этих представлений и определил их значение. С того времени прошло больше 25 лет и методика психологического

^{сix} Далее слово зачеркнуто.

^{сх} Далее слово зачеркнуто.

^{сxi} Далее зачеркнуто слово: его.

^{сxii} Слово ученый вписано над строкой.

^{сxiii} Слово вписано над строкой карандашом вместо зачеркнутого.

^{сxiv} Далее зачеркнут фрагмент текста: Психологический эксперимент состоит в том, что наблюдаемое явление.

эксперимента широко развилась и продолжает развиваться, так как почти каждая новая работа и донныне вносит новый методологический прием. Мы, конечно, не можем указать здесь даже в общих чертах всех видоизменений этих методов. Одно только необходимо заметить: все попытки ограничить приложность эксперимента только некоторыми рядами психических явлений и в частности простейшими^{cxv} оказались вполне ложными. Явления познания, эмоций, воли — все уже, хотя в разной степени, захвачены экспериментом, и выражаясь словами Мюнстерберга мы должны сказать, что принципиально нет ни одного вопроса психологии, который не мог бы быть решаем экспериментально и что именно относительно сложнейших из психических явлений эксперимент особенно и безусловно необходим.

Введение в психологию точного эксперимента соединилось с одним^{cxvi} своеобразным прогрессом^{cxvii} этой^{cxviii} науки — я разумею измерение психических событий. Во-первых, измерение было приложено к интенсивности ощущений, в ее зависимости от силы раздражений. Это привело к открытию т[а]к наз[ываемого] психофизического закона, согласно которому интенсивность оц[ущен]ий возрастает пропорционально логаритму раздражений. Первую идею этого математич[еского] закона психики мы встречаем у знаменитых геометров Даниэля Бернулли, Лапласа и Пуассона, полное же развитие она получила в работах Вебера и особ[енно] Фехнера.

Во-вторых, подвергнута была точному измерению продолжительность психических актов, находящихся в прямом отношении к их сложности и доставляющая т[аким] обр[азом] могущественное орудие для психологического анализа. Работы в этом направлении Гельмгольца, Вундта, Экснера, Дондерса и др. и образовали целую специальную область эксп[ериментальной] психол[огии] — т[а]к наз[ываемую] психометрию.

Наконец, к изучению весьма многих психических явлений применим тоже измерительный метод, который Фехнер называет методом средних ошибок. Всякий познавательный акт^{cxix}, равно как и двигательный характеризуется своими результатами, к[отор]ые могут быть правильными или ложными; число этих ошибок или точнее средние величины^{cxx} постоянной и переменной ошибки, характеризующих очевидно и самые эти психические акты. Итак, изучая величины этих ошибок в зависимости от разнообразных факторов как то времени, числа повторений и проч[его], мы можем устанавливать математическую зависимость

^{cxv} Слова в частности простейшими вписаны над строкой.

^{cxvi} Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого.

^{cxvii} Слово прогрессом вписано над строкой вместо зачеркнутого расширениями.

^{cxviii} Далее зачеркнуто: научной области.

^{cxix} Далее слово зачеркнуто.

^{cxx} Далее зачеркнуто: постоянной тк. наз. чистой переменной ошибки.

между изменениями этих последних обстоятельств и психическими фактами. Приложимость этого статистического метода до такой степени всеобща, что на этом пути очевидно предстоят еще многие важные открытия. Из достигнутых до ныне^{сxxi} результатов я укажу как на пример на исследование Эббингауса о памяти, в котором автор показал, что забывание изученного есть величина^{сxxii} пропорциональная логарному времени в степени c , которая величина для данного субъекта остается постоянной.

К сожаленью надо признать, что приложение математики к психологии затруднено двумя обстоятельствами, во-первых тем что психические величины суть величины интенсивные, а не экстенсивные, и потому требуют выработки особого для них алгоритма, а главным образом тем, что мы не имеем до ныне в психологии ничего подобного тем основным началам сокращения веса и превращения энергии, которые являются основоположными для вычислений в химии и физике. Можно думать однако, что признак сокращения энергии м[ожет] б[ыть], с^{сxxiii} некоторыми изменениями перенесен и на психические явления и на эту именно сторону и должны быть направлены усилия будущих психологов.

Позднее время не позволяет мне остановиться на других важных сторонах психологического эксперимента, и именно главным образом на выяснение значения работ о локализации отдельных групп психических фактов в разных частях большого мира и на приложении гипнотического эксперимента. Но я не могу в заключении не обратить Вашего внимания на то обстоятельство, что широко^{сxxiv} развитие эксп[ериментальной] психологии повело к основанию повсюду в заграничных университетах специально психологических лабораторий, и что и наш университет сознавая эту необходимость возбудил ходатайство об учреждении при нем таковой лаборатории, которая явится первой попыткой в России такого учреждения. Будем надеяться, что это предприятие встретит поддержку со стороны Высшего правительства и что^{сxxv} и общество не останется ему чуждым.

В начале моей беседы я указал, что кроме трех рассмотренных направлений нашей науки^{сxxvi} — эмпиризма, биологической и экспериментальной психологии должно указать^{сxxvii} еще четвертое, представляющее однако до ныне^{сxxviii} бо-

^{сxxi} Далее слово зачеркнуто.

^{сxxii} Далее слово зачеркнуто.

^{сxxiii} Далее слово зачеркнуто.

^{сxxiv} Слово широкое вписано над строкой.

^{сxxv} Слова и что вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова общества.

^{сxxvi} Слова нашей науки вписаны над строкой вместо зачеркнутого: психологии.

^{сxxvii} Слово указать вписано карандашом над строкой вместо зачеркнутого поставить.

^{сxxviii} Далее слово зачеркнуто.

лее desideratum или ряда вопросов чем^{cxxxix} сложившихся решений. Это именно социальная психология, т. е. научное изучение тех психических фактов, которые^{cxxx} возникли благодаря общественной жизни человека. Совершенно понятна важность,^{cxxxi} этих вопросов: можно именно полагать^{cxxxii}, что без помощи языка, социального строя и общественной традиции психика человека едва-ли возвысилась бы над уровнем прочих высших животных. Но сложность этих вопросов так велика, а психология тех явлений, которые играют главенствующую роль в общественных явлениях, именно эмоциональных так еще мало разработана, что социальная психология остается [...] ^{cxxxiii} будущего. В настоящий момент можно по-видимому лишь утверждать, что принципиальное значение в этой психологии должны будут получить принципы подражательности и символизма. Значение первого, т. е. подражательности особенно развивается ныне французским социологом Тардом, под символизмом же мы разумеем^{cxxxiv} то обстоятельство, что в общественной жизни известные действия получают значение знаков или символов некоторых^{cxxxv} психических фактов, и эти последние м[огут] б[ыть] вызываемы в сознании^{cxxxvi} помощью исполнения первых. Таковы символич[еские] действия в обычаях – встречи, гостеприимства, договоров, в обрядах – при рождении, браках, погребениях, в играх, и т. д. Самым же богатым и чистым примером общественной символики служит человеческий язык, выработавшийся из выразительных жестов.

Таковы, господа, принципы современной психологии. Вы видели, что по своему экспериментальному и биологическому методу она примыкает к наукам естественным, а в качестве социальной психологии связанная науками общественными и историческими. В этом отношении психология образует великое связующее звено между первым классом наук и вторым. Поэтому можно полагать, что именно через развитие психологической науки, мы приблизимся к этой великой цели, которую в конце концов ставит себе знание, — выработать единое и угольное мировоззрение. И оглядывая прошлое нашей науки и ее современное состояние мы не имеем никакого основания усомниться в возможности достижения этой великой цели. В противоположность тем пессимистичес-

^{cxxxix} Далее слово зачеркнуто.

^{cxxx} Далее слово зачеркнуто.

^{cxxxi} Далее зачеркнуты слова: но и трудность.

^{cxxxii} Слово полагать вписано над строкой вместо зачеркнутого утверждать.

^{cxxxiii} Слово написано неразборчиво.

^{cxxxiv} Далее зачеркнуто: мы разумеем.

^{cxxxv} Слово некоторых написано дважды.

^{cxxxvi} Слова в сознании вписаны над строкой.

ким^{сxxxvii} уверениям, будто современная наука не осуществила возлагаемые на нее надежды — мысль ныне не раз высказанная — мы и особенно в настоящий момент 25 юбилея нашего ученого^{сxxxviii} общества — считаем уместным заявить, о полной неосновательности этих декадентск[их] уверений: прошлое науки ручается за ее будущее и, Бог даст, придет^{сxxxix} время, когда это новое цельное мировоззрение, продукт всемирной науки, будет положено в основу и человеческих отношений. Тогда настанет^{cxl} утопия!

НБ ОНУОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. 5, ед. хр. 42, лл. 175–212.

Подлинник. Автограф. Черновик.

Примечания

¹ Desideratum — желания (лат.).

² Гефдинг, стр. 2 (прим. автора).

---

^{сxxxvii} Далее слова зачеркнуты.

^{сxxxviii} Слово ученого вписано над строкой.

^{сxxxix} Слово придет вписано над строкой вместо зачеркнутого настанет.

^{cxl} Далее слово зачеркнуто.

РАЗДЕЛ 3

Н. Н. Ланге: биобиблиографический указатель

Биобиблиографический указатель посвящен видному ученому, основоположнику отечественной экспериментальной психологии – Николаю Николаевичу Ланге, работы которого приобрели мировую известность и вызвали большой интерес общественности.

Составители указателя сделали попытку собрать, систематизировать и обобщить все основные сведения о научной, педагогической и общественной деятельности Н. Н. Ланге, а также раскрыть значительный вклад ученого в мировую науку.

Указатель условно можно разделить на три части: хронологический указатель трудов Н. Н. Ланге, литературу об ученом, вспомогательный справочный аппарат.

В хронологический указатель печатных трудов вошли работы Ланге начиная с 1888 года, а также работы, опубликованные после его смерти, на русском, немецком и английском языках. Работы, изданные при помощи литографии и гектографии также приравниваются к опубликованным. В пределах каждого года литература расположена в следующей последовательности: описание монографий, учебников – на первом месте; затем – в алфавитном порядке описание статей из журналов, материалы конференций, отзывы о работах, рецензии; далее следуют работы, вышедшие под редакцией Ланге. Переиздания для удобства приведены в том году, в котором они опубликованы впервые.

Литература, которая была доступна составителям, просмотрена *de visu*. Для удобства в хронологическом указателе применены следующие условные обозначения – звездочками помечены работы, которые не содержатся в фондах Научной библиотеки Одесского национального университета имени И. И. Мечникова. Такие работы ученого были найдены в электронных каталогах библиотек России и Украины, а также в архиве Н. Н. Ланге НБ ОНУ. Ко всем работам из фондов НБ ОНУ указываются шифры основного фонда и/или фонда ОРКиР.

В разделе литературы о жизни и деятельности ученого все публикации расположены в алфавитном порядке. В этот раздел также включены рецензии на работы Ланге.

Вспомогательный справочный аппарат представлен алфавитным указателем печатных научных трудов и именованным указателем к трудам Н. Н. Ланге. В алфавитном указателе трудов ссылки даны на первый год публикации работы. Именной

указатель содержит алфавитный перечень собственных имен, которые упоминаются в библиографических описаниях. В нашем случае именной указатель и список принятых сокращений стали составной частью «Именного указателя» и «Списка сокращений» ко всей монографии. Для удобства пользования именованием указателем в хронологическом указателе трудов Н. Н. Ланге и литературе об ученом принята единая нумерация. В именованном указателе курсивом даны ссылки на соответствующие позиции библиографических описаний.

Все библиографические описания составлены в соответствии с Госстандартом ГСТУ 7.1:2006 «Система стандартів з інформації, бібліотечної та видавничої справи. Бібліографічний запис. Бібліографічний опис. Загальні вимоги та правила складання».

Биобиблиографический указатель рассчитан на научных работников, преподавателей и аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется развитием психологической науки.

Хронологический указатель трудов Н. Н. Ланге

1888

1. История нравственных идей XIX в. : критические очерки философских, социологических и религиозных теорий нравственности / Н. Н. Ланге. — СПб. : Тип. Безобразова и К°, 1888. — Ч. 1 : Немецкие учения. — 275 с. — Вышла только ч. 1. — С. 273–275 ошибочно помечены : 381–383.
11/275; Готалов/231
То же // Зап. ист.-филол. фак. Имп. С.-Пб. ун-та. — 1888. — Ч. 19, вып. 1.
21-а/122
2. Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit und der activen Apperception / N. N. Lange // Philosophische Studien. — 1888. — Bd. 4. — S. 390–422.
16/87

1889

3. Учебник логики / Н. Н. Ланге. — Одесса : Распопов, 1889. — 237 с.
13/145
4. О действии гашиша : психологическая заметка / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1889. — Кн. 1. — С. 147–162.
16/43, 104

1890

5. Аффекты (душевные движения) : психофизический этюд / Н. Н. Ланге ; пер. под ред. А. Вирениуса. — СПб. : Тип. училища глухонемых, 1890. — 65 с.
14/622
6. Элементы воли / Н. Н. Ланге. — [Б. м., б. г.]. — 25 с.
14/253, 1306
То же // Вопр. философии и психологии. — 1890. — Кн. 4. — С. 1-25.
16/43, 104
7. Revue Philosophique : [обзор журн.] / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1890. — Кн. 5. — С. 60-70 ; 1891. — Кн. 9. — С. 58–65.
16/43, 104
8. Рец. : [Рецензия] / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1890. — Кн. 2. — С. 58-65. — Рец. на ст. : Тард. Об общественных установлениях и О категориях / Тард // Revue Philosophique. — 1888.
16/43, 104

1891

9. **Учебник логики / Н. Н. Ланге. — Одесса, 1891. — 242 с.
**То же. — Изд. 2-е. — Одесса, 1894. — 242 с.
10. [Иностранные философские журналы Hugo Münsterberg-Beiträge zur experimentellen Psychologie] : обзор за 1889 г. / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1891. — Кн. 6. — С. 24–33.
16/43, 104

11. Механизм внимания / Н. Н. Ланге // Русская школа. — 1891. — № 1. — С. 65–81.
15-ж/106
12. Ответ г. Е. Челпанову / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1891. — Кн. 8.
— С. 90–93.
16/43, 104
13. «Первая аналитика» Аристотеля / Н. Н. Ланге // ЖМНП. — 1891. — № 9. — С. 57–76
; № 10. — С. 11–32 ; № 11. — С. 33–35 ; 1892. — № 1. — С. 37–48 ; № 2. — С. 49–80 ;
№ 3. — С. 81–101 ; 1894. — № 4. — С. 10–32 ; № 5. — С. 33–69 ; № 6. — С. 86–108.
206/28, 28-а
14. **Рец.** : Еще о русской книге о Лоренце фон Штейне (по поводу предыдущей статьи) /
Н. Н. Ланге, В. М. Нечаев // Юрид. вестн. — 1891. — Т. 7, кн. 4. — С. 585–606.
207/6
15. **Рец.** : Русская книга о Лоренце фон Штейне. Н. Чижов, проф. Имп. Новорос. ун-та.
Право и его содержание по учению Лоренца-фон-Штейна. Очерк современной юриди-
ческой литературы, Одесса, 1890 / Н. Н. Ланге, В. М. Нечаев // Юрид. вестн. — 1891. —
Т. 7, кн. 2. — С. 236–250.
207/6

1892

16. Душа ребенка в первые годы жизни : две публ. лекции приват-доцента Новорос. ун-та /
Н. Н. Ланге. — СПб. : Рус. шк., 1892. — 64 с.
14/251
То же // Русская школа. — 1891. — № 9. — С. 58–67 ; № 10. — С. 47–65 ; № 11. —
С. 47–62 ; № 12. — С. 84–101.
15-ж/106
17. Письма Элоизы к Абельяру / Н. Н. Ланге // Южный сборник : в пользу пострадавших от
неурожая / ред. Ф. И. Успенский [и др.]. — Одесса : Шульце, 1892. — Ч. 2. — С. 29–43.
30/576, 18243, 50102; Фельдман/398
18. **Рец.** : Отзыв о сочинении приват-доцента А. П. Казанского «Учение Аристотеля о зна-
чении опыта при познании» (Одесса, 1891), представленном для получения степени
магистра философии / Н. Н. Ланге, Ф. Е. Корш, Л. Ф. Воеводский. — [Б. м., 1892]. —
8 с. — Рец. на ст. : Казанский А. П. Учение Аристотеля о значении опыта при познании
/ А. П. Казанский // ЗНУ. — 1891. — Т. 55, ч. ученая. — С. 1–420.
32 28/96
То же // ЗНУ. — 1892. — Т. 57, ч. офиц. — С. 21–28.
41/24, 25, 26

1893

19. Экспериментальная психология. Закон перцепции / Н. Н. Ланге. — Одесса : Тип. Шта-
ба Одес. воен. округа, 1893. — 296 с.
14/267, 900
То же // Вопр. философии и психологии. — 1892. — Кн. 13. — С. 18–38 ; Кн. 14. —
С. 44–55 ; Кн. 15. — С. 55–69 ; 1893. — Кн. 16. — С. 25–39.
16/43, 104

То же // ЗНУ. — 1894. — Т. 61, ч. ученая. — С. 283–592.

41/24, 25

**То же // International Congress of Experimental Psychology. — London, 1892. — Sect. 2. — Текст на англ. яз.

1894

20. **Учебник логики / Н. Н. Ланге. — Изд. 2-е. — Одесса, 1894. — 242 с.
21. Психологические исследования : краткое излож. / Н. Н. Ланге // Филос. ежегодник Я. Н. Колубовского. — 1894. — Кн. 24. — Лист 6, №№ 432, 433. — Прилож. к журн. «Вопр. философии и психологии». 16/43, 104
22. Отчет о докторском диспуте [в Московском университете со вступительной статьей «О значении эксперимента в современной психологии»] / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1894. — Кн. 24. — С. 564–617. 14/43, 104, 423
23. **Пер.** : Аристотель. «Первая аналитика» Аристотеля / Аристотель ; пер. Н. Н. Ланге. — СПб. : Тип. Балашева и К°, 1894. — 194 с. 32 28/67, 148

1895

24. К вопросу о преподавании педагогики в женской гимназии (4 июля 1895 г. № 6662) / Н. Н. Ланге // Циркуляр по Одесскому учебному округу за 1895 г. — Одесса, 1895. — № 7. — С. 467–473. 206/38
25. **Рец.** : Отзыв о сочинении студ. Ю. Айхенвальда на тему «Теория познания Локка и полемика против нее Лейбница» / Н. Н. Ланге // ЗНУ. — 1895. — Т. 66, ч. офиц. — С. 8–11. 41/24, 25, 26
26. **Рец.** : Письмо в редакцию / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1895. — Кн. 26. — С. 84–88. — Рец. на ст. : Чиж В. Письмо в редакцию газеты «Врач» / В. Чиж // Врач. — № 47. 16/43, 104

1898

27. Учебник логики / Н. Н. Ланге. — Одесса : Тип. Распопов, 1898. — 237 с. — Удостоен малой премии императора Петра Великого. 13/145
То же. — 2-е изд, испр. и доп. — Одесса : Козман, 1918. — 178 с. 13/144
28. Психометрия / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. И. Е. Андриевского. — СПб. : Тип. И. А. Ефрона, 1898. — Т. 25-а. — С. 683–686. 236/237, 238
29. Психофизика / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. И. Е. Андриевского. — СПб. : Тип. И. А. Ефрона, 1898. — Т. 25-а. — С. 686–695. 236/237, 238

1900

30. **Философия феноменального формализма** Н. Г. Дебольского. Ст. 1 / Н. Н. Ланге // ЖМНП. — 1900. — № 3/4. — С. 197–247.
206/28, 28-а

1901

31. **Великие мыслители XIX века** / Н. Н. Ланге // Одес. новости. — 1901. — 17 янв. (№ 5186) ; 19 янв. (№ 5188) ; 27 янв. (№ 5196) ; 2 февр. (№ 5202) ; 4 февр. (№ 5203) ; 10 февр. (№ 5209) ; 17 февр. (№ 5216) ; 24 февр. (№ 5222) ; 3 марта (№ 5229) ; 5 марта (№ 5231) ; 20 марта (№ 5246) ; 28 марта (№ 5253).
То же. **Лекция 1 : Кант и критика чистого разума / Н. Н. Ланге. — Одесса : Тип. "Одес. новостей", 1901. — 8 с.
32. **Рец. : Отзыв о сочинении студ. А. Бакова «Учение Канта о пространстве и времени»** / Н. Н. Ланге // ЗНУ. — 1901. — Т. 82, ч. офиц. — С. 1–13.
41/24, 25

1903

33. **Ред.-публ. : Кюльпе О. Современная философия в Германии : характеристика ее главных направлений** / О. Кюльпе ; под ред. и с предисл. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. М. Лемберка. — М. : Ефимов, [1903]. — 137 с.
12/1711, 4012

1904

34. **Лекции по психологии 1903-1904 акад. год** / Н. Н. Ланге. — [Одесса, 1904]. — [Отпеч. на гектографе. Текст неполный].
НБ ОНУ ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. № 4, ед. хр. 35, лл. 143-341.
35. **Две главные идеи Канта** / Н. Н. Ланге // Южные записки. — 1904. — № 13. — С. 1–7 ; № 14. — С. 18–22.
31/207, 1022, 1048
36. **Ред. : Курс логики, составленный слушательницами исторического отделения Одесских женских педагогических курсов 1904/05 акад. год** / под ред. Н. Н. Ланге. — Одесса : Литогр. И. Апостолова, 1904. — 72 с. — [Отпеч. на гектографе].
13/232
37. **Ред. : Курс психологии, составленный слушательницами исторического отделения Одесских женских педагогических курсов за 1904-1905 акад. год** / под ред. проф. Н. Н. Ланге. — Одесса : Тип. Гальперика и Швейцера, 1904. — 136 с. — [Отпеч. на гектографе. Текст неполный].
НБ ОНУ ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. № 4, ед. хр. 34, лл. 1–142.
38. **Рец. : Отзыв о сочинении [студ. А. М. Селитренникова] «Основание философии Вундта»** / Н. Н. Ланге // ЗНУ. — 1904. — Т. 98, ч. офиц. — С. 54–56.
41/24, 25, 26

1905

39. Об отношении между психологией и историей по взглядам Мюнстерберга : сообщение / Н. Н. Ланге // *Летопись Ист.-филол. о-ва при Имп. Новорос. ун-те.* — 1905. — Т. 12. — С. 15–16.
41/47, 48, 49, 129
40. [Отчет Н. Н. Ланге о научной работе] / Н. Н. Ланге // *Отчет о состоянии и деятельности Имп. Новорос. ун-та за 1904 год.* — 1905. — С. 12.
То же за 1905 год. — С. 80 ; То же за 1909 год. — С. 48–49 ; То же за 1910 год. — С. 58–60 ;
То же за 1911 год. — С. 24 ; То же за 1913 год. — С. 96–122.
41/41, 42, 43, 127
41. Три ступени / Н. Н. Ланге // *За свободу.* — 1905. — № 1. — С. 5–9.
31/293
42. **Ред.-публ.** : Корнелиус Г. Введение в философию / Г. Корнелиус ; под ред. и с предисл. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. И. Д. Котляра. — М. : Ефимов, 1905. — 312 с.
12/973, 1066; Лупанов/31
43. **Ред.** : *За Свободу* : еженед. журн. / под ред. : Н. Н. Ланге, Е. Н. Щепкина. — Одесса : Тип. «Техник», 1905. — № 1 ; 1906. — № 2.
31/293

1906

44. *Логика* / Н. Н. Ланге. — Б. м., [1906-1907]. — 62 с. — Литогр.
13/213
45. В чем должна состоять реформа нашей средней школы? / Н. Н. Ланге // *Летопись Ист.-филол. о-ва при Имп. Новорос. ун-те.* — 1906. — Т. 15. — С. 5–23.
41/47, 48, 49, 129
46. «...Революция скрещенных рук» : всеобщая политическая забастовка / Н. Н. Ланге // *За свободу.* — 1906. — № 2. — С. 5–8.
31/293

1907

47. **Ред.-публ.** : Шмид Б. *Философская хрестоматия* : пособие для сред. учеб. заведений и для самообразования / Б. Шмид ; под ред. и с предисл. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. Ю. А. Говсеева. — Одесса : Mathesis, 1907. — 172 с.
12/1330, 1800
48. **Ред.** : *Курс истории новой философии*, составленный слушальницами 3-го курса историко-филологического факультета Одесских Высших женских курсов на 1907/1908 академический год / под ред. Н. Н. Ланге. — Одесса, 1907. — 202 с. — Литогр.
12/1423
То же. — 2-е изд. — [Одесса], 1912. — 202 с.

1909

49. **Ред.** : Мах Э. *Познание и заблуждение* : очерки по психологии исследования / Э. Мах ; под ред. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. Г. Котляра. — М. : С. Скимунт, 1909. — 471 с.
14/620

1910

50. **...Логика / Н. Н. Ланге. — Казань : Изд. студ. В. Шибкова, 1910. — 149 с.
51. О современном состоянии педагогической психологии и задачах будущего / Н. Н. Ланге // Тр. Второго Всерос. съезда по педагогической психологии в Санкт-Петербурге в 1909 г. (1-5 июня). — СПб., 1910. — С. 24-30.
15/695
52. **Ред.** : Юшко В. Основы дидактики : лекции / В. Юшко ; под ред. Н. Н. Ланге. — [Б. м.], 1910. — 136 с. — [Отпеч. на гектографе. Текст полный].
15/2321

1911

53. Бредли / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1911. — Т. 6. — Стб. 522–523.
236/78
54. Бруно Дж. / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1911. — Т. 6. — Стб. 627–631.
236/78
55. **Ред.-публ.** : **Иерусалем В. Учебник психологии : пер. с 4-го нем. изд. / В. Иерусалем ; под ред. [и с предисл.] проф. Н. Н. Ланге. — М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1911. — 289 с.
**То же. — 2-е изд. — М. : Мир, 1915. — 289 с.

1912

56. **...Логика / Н. Н. Ланге. — Казань : Изд. студ. В. Шибкова, 1912. — 135 с.
57. Теория В. Вундта о начале мифа : критич. заметки / Н. Н. Ланге. — Одесса : Славян. тип. Е. Хрисогелос, 1912. — 20 с.
54/139, 164; 6/29859
То же // ЗООИД. — 1912. — Т. 30. — С. 109–126.
81/2, 3, 799
58. Внимание / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1912. — Т. 10. — Стб. 477–479.
236/78
59. Воля / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1912. — Т. 11. — Стб. 204–215.
236/78
60. Гегель / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1912. — Т. 13. — Стб. 29–36.
236/78

61. Гераклит / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1912. — Т. 13. — Стб. 347–349.
236/78
62. Гоббс / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1912. — Т. 15. — Стб. 245–250.
236/78
63. **Ред.-публ.** : **Вундт В. М. Введение в психологию / В. М. Вундт ; под ред. [и с предисл.] проф. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. А. К-на. — Одесса : Изд-во А. Копельман и Навроцкий, 1912. — 120 с.
64. **Ред.** : Курс истории новой философии, составленный слушательницами историко-филологического факультета Одесских высших женских курсов / под ред. проф. Н. Н. Ланге. — 2-е изд. — [Одесса], 1912. — 202 с. — [Отпеч. на гектографе. Текст полный]. — Приложение : То же [дополнительный комплект]. — С. 17–76. — [Отпеч. на гектографе].
НБ ОНУ ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. № 15, ед. хр. 128, лл. 101–193 ; лл. 194–223.
65. **Рец.** : Отчет о сочинении [студ. М. С. Шатовского] «Теория познания Декарта» / Н. Н. Ланге. — Одесса : Техник, 1912. — 5 с.
11/477
То же // ЗНУ. Офиц. отд. — 1912. — Вып. 5. — С. 93–97.
41/24, 25

1913

66. Гюйо / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1913. — Т. 17. — Стб. 458–460.
236/78
67. Детерминизм / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1913. — Т. 18. — Стб. 270–282.
236/78
68. Диалектика / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1913. — Т. 18. — Стб. 442–446.
236/78
69. Душа / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1913. — Т. 19. — Стб. 211–219.
236/78

1914

70. Психология / Н. Н. Ланге // Психический мир. Ч. 1 (теоретическая). — М. : Мир, 1914. — 128 с. — (Итоги науки в теории и практике / под ред. : М. М. Ковалевского,

Н. Н. Ланге, Н. А. Морозова [и др.] ; при участии Д. К. Агафонова, Д. Н. Анучина, В. М. Арциховского [и др.] ; Т. 8, кн. 24).

Лупанов/152

71. Идеализм / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1914. — Т. 21. — Стб. 437–447.
236/78
72. Имманентная философия / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1914. — Т. 21. — Стб. 547–548.
236/78
73. Кант / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1914. — Т. 23. — Стб. 331–359.
236/78
74. Конт / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1914. — Т. 25. — Стб. 92–97.
236/78
75. Лейбниц / Н. Н. Ланге, А. И. Бачинский // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1914. — Т. 26. — Стб. 612–620.
236/78

1915

76. **Ред.-публ. :** **Иерусалем В. Учебник психологии : пер. с 4-го нем. изд. / В. Иерусалем ; под ред. [и с предисл.] проф. Н. Н. Ланге. — 2-е изд. — М. : Мир, 1915. — 289 с.

1916

77. Очерк деятельности Одесского отделения Комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны / Н. Н. Ланге. — Одесса : Тип. А. Гринберга, 1916. — 16 с.
206-а/220, 220-а, 233
78. Психология / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1916. — Т. 33. — Стб. 641–649.
236/78
79. Психология экспериментальная / Н. Н. Ланге // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат : в 58 т. / ред. : В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев [и др.]. — 7-е изд. — М. : Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1916. — Т. 33. — Стб. 649–658.
236/78

1917

80. **Рец.** : Отзыв о сочинении [студ. Г. В. Флоровского] на тему : «Современные учения об умозаключениях», представленном на соискание медали / Н. Н. Ланге // ЗНУ. Офиц. отд. — 1917. — Вып. 9. — С. 1–9.
41/24, 25, 26

1918

81. Учебник логики для гимназий и самообразования / Н. Н. Ланге. — 2-е изд, испр. и доп. — Одесса : Козман, 1918. — 178 с.
13/144

1919

82. Единство университета и система факультетов / Н. Н. Ланге // Высшая шк. — 1919. — № 1. — С. 18-20.
15-ж/236, 433, 540

1922

83. ****История логики** / Н. Н. Ланге. — М., 1922.
84. ****Психология : основные проблемы и принципы** / Н. Н. Ланге. — М. : Мир, 1922. — 312 с. — (Итоги науки в теории и практике / под ред. : М. М. Ковалевского, Н. Н. Ланге, Н. А. Морозова [и др.] ; при участии Д. К. Агафонова, Д. Н. Анучина, В. М. Арциховского [и др.] ; Т. 8).

1996

85. ****Психический мир : избранные психологические труды** / Н. Н. Ланге ; ред. М. Г. Ярошевский. — М. : Ин-т практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. — 367 с. — (Психологи отечества : избр.- психол. тр. : в 70 т. / Акад. пед. и соц. наук, Москов. психол.-соц. ин-т).

Б.г.

86. История новой философии / Н. Н. Ланге. — [Б. м., б. г.]. — 242 с. — [Отпеч. на гектографе. Текст полный].
НБ ОНУ ОРКиР. Архив Н. Н. Ланге, карт. № 16, ед. хр. 134, лл. 139–259.

Литература о жизни и деятельности Н. Н. Ланге

87. Абульханова К. А. В память о друге / К. А. Абульханова // Психол. журнал. — 2003. — № 2. — С. 49–51.
88. Акимова Л. Н. Становление и развитие отечественной экспериментальной психологии : на материале южноукраинского региона : дис. ... канд. психол. наук / Л. Н. Акимова. — Одесса : Наука, 2001. — 187 с.
89. Акімова Л. Н. Становлення і розвиток вітчизняної експериментальної психології : на матеріалі Південноукраїнського регіону : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Л. Н. Акімова ; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечнікова. — Одеса, 2001. — 19 с.
90. Ананьев Б. Г. Ланге Н. Н. / Б. Г. Ананьев // Ананьев Б. Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков / Б. Г. Ананьев. — М. : Госполитиздат, 1947. — С. 136–141.
91. Белецкий И. Г. К слушателям публичных лекций профессора Н. Н. Ланге : письмо в ред. «Одесского листка» И. Г. Белецкого / И. Г. Белецкий. — Одесса : Типо-литогр. А. Ф. Соколовского, 1901. — 4 с.
92. Белявский И. Г. Психологическая наука в Одессе / И. Г. Белявский, Б. И. Цуканов // Очерки развития науки в Одессе / В. М. Адамян, Л. А. Алексеева, Ю. А. Амброз [и др.] ; отв. ред. С. А. Андронати. — Одесса, 1995. — С. 520–524.
93. Блонский П. [Рецензия] / П. Блонский // Вопр. философии и психологии. — 1907. — Кн. 5(90). — С. 716–721. — Рец. на кн. : Шмид Б. Философская хрестоматия : пособие для сред. учеб. заведений и для самообразования / Б. Шмид ; под ред. и с предисл. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. Ю. А. Говсеева. — Одесса : Mathesis, 1907. — 172 с.
94. Будилова Е. А. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке : вторая пол. 19—нач. 20 в. / Е. А. Будилова. — М. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1960. — 348 с.
95. Букач В. М. Ланге Микола Миколайович : психолог / В. М. Букач // Букач В. М. Історія Південноукраїнського державного педагогічного університету ім. К. Д. Ушинського в особах : біогр. довідник / В. М. Букач. — Одеса : Південноукр. держ. пед. ун-т ім. К. Д. Ушинського, 2005. — С. 34.
96. В университете : [обращение Одес. градоначальника А. Г. Григорова с просьбой сообщить ему справедливо-ли заявление «Р.Р.» о том, что студенты оскорбили проф. Ланге] // Одес. новости. — 1906. — 24 нояб.
97. Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей : в 4 т. / С. А. Венгеров. — СПб., 1900–1917. — Т. 3 : Карамышев-Ломоносов. — Пг., 1914. — 524 с. — Из содерж. : Ланге Н. Н.
98. Глядковская А. И. Одесский университет в 1917–1940 гг. / А. И. Глядковская // Одесский университет за 75 лет, 1865–1940 / отв. ред. К. П. Добролюбовский ; Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. — Одесса, 1940. — С. 121–186.
99. Гордієвський М. І. Наукова й громадсько-педагогічна діяльність професора М. М. Ланге / М. І. Гордієвський // Зап. Одес. наук. при ВУАН т-ва. Сер. Пед. — 1930. — Т. 1. — С. 1–48.

100. Горчакова О. А. Розвиток психолого-педагогічних наук на історико-філологічному факультеті Новоросійського університету / О. А. Горчакова // Зап. іст. ф-ту ОНУ ім. І. І. Мечникова. — 2005. — Вип. 16. — С. 351–357.
101. Горячева А. И. Из истории социальной психологии : “Volkpsychologie” В. Вундта и ее влияние на развитие социальной психологии в послереволюционной России / А. И. Горячева // Формирование активной жизненной позиции людей развитого социализма. — Таллин, 1982. — С. 168–183.
102. Дневник : [информ. о проф. Новорос. ун-та Н. Н. Ланге] // Одес. листок. — 1903. — 19 авг. (№ 201).
103. Дневник : [открытие женских пед. курсов под руководством проф. Н. Н. Ланге] // Одес. листок. — 1905. — 4(17) марта (№ 59).
104. Добрынин Н. Ф. Колебания внимания : экспериментально-психологическое исследование / Н. Ф. Добрынин. — М. : РАНИОН, 1928. — 103 с.
105. Елькін Д. Г. М. М. Ланге і М. Сеченов / Д. Г. Елькін // Праці Одес. держ. ун-ту : зб. пр. — 1948. — Т. 1. — С. 43–57.
106. Елькін Д. Г. Славне ім'я : [розповідь про розв. психологічної науки в ОДУ] / Д. Г. Елькін // За наук. кадри. — 1964. — 13 листоп.
107. Женские курсы // Одес. новости. — 1908. — 10(23) сент.
108. Историческая записка 75-летия С.-Петербургской Второй гимназии. — СПб., 1880–1905. — Ч. 1–3. — Ч. 3 : 1881–1905 / П. К. Тихомиров. — СПб., 1905. — 382 с. — Из содерж. : Биографические сведения о некоторых бывших учениках 2-й С.-Петербургской гимназии. [В том числе Н. Н. Ланге]. — С. 277–382.
109. Історія становлення психологічних наукових шкіл на Півдні України (XIX–XX ст.) : монографія / О. Я. Чебикін, І. М. Пивоварчик ; Півд. наук. центр АПН України. — Одеса : Вид-во Черкасов, 2007. — 230 с.
110. Какабадзе В. Л. Из истории исследования внимания (Н. Н. Ланге) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. Л. Какабадзе. — Тбилиси, 1959. — 19 с.
111. Керимов В. И. Ланге Николай Николаевич, 1858–1921 / В. И. Керимов // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М., 2001. — С. 279.
112. Кольцова В. А. Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки / В. А. Кольцова // Психол. журнал. — 2007. — т. 28, № 2, — С. 5–18.
113. Конюшенко Ю. А. Історико-філологічне товариство при Новоросійському університеті : основні етапи і напрями діяльності (1889–1923 рр.) / Ю. А. Конюшенко // УІЖ. — 2009. — № 5. — С. 97–106.
114. Косма Т. В. Психологічна спадщина М. М. Ланге / Т. В. Косма // Косма Т. В. Нариси з історії вітчизняної психології кінця XIX — початку XX століття / Т. В. Косма. — К., 1959. — С. 28–44.
115. Косма Т. В. Психологічна спадщина М. М. Ланге / Т. В. Косма // Рад. шк. — 1945. — № 3. — С. 33–39.
116. Ланге М. М. // Психологічна енциклопедія / авт.-упоряд. О. М. Степанов. — К. : Академвидав, 2006. — С. 183.

117. Ланге Микола Миколайович (24.III.1858–15.II.1921) // Українська радянська енциклопедія : у 12 т. / редкол. : О. К. Антонов, Б. М. Бабій, Ф. С. Бабичев [та ін.]. — 2-ге вид. — К., 1981. — Т. 6. — С. 58.
118. Ланге Микола Миколайович (24.III.1858–15.II.1921) // Українська радянська енциклопедія : у 3 т. / редкол. : Ф. С. Бабичев (голов. ред.) [та ін.]. — 2-ге вид. — К., 1986. — Т. 3. — С. 236.
119. Ланге Микола Миколайович, 1858–1921 // Горський В. С. Філософська думка в Україні : біобібліогр. словник / В. С. Горський, М. Л. Ткачук, В. М. Нічик [та ін.] ; відп. ред. В. С. Горський. — К. : Пульсари, 2002. — С. 120.
120. [Ланге Н. Н., о нем] // Історія Одеського університету (1865–2000) / Л. О. Ануфрієв [та ін.] ; гол. ред. В. А. Сминтина ; Одес. держ. ун-т ім. І. І. Мечникова. — Одеса : Астропринт, 2000. — С. 41–44.
121. [Ланге Н. Н., о нем] // Новороссийский университет в воспоминаниях современников : к 135-летию Одесского университета / авт.-сост. Ф. А. Самоилов. — Одесса : Астропринт, 1999. — 295 с. — Из имен. указ. : Ланге Н. Н. — С. 4, 6, 8, 43, 91, 165, 166, 184, 185, 213, 231, 235, 249, 253.
122. Ланге Николай Николаевич // БСЭ : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Сов. Энцикл., 1973. — Т. 14. — С. 139.
123. Ланге Николай Николаевич // Энцикл. словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. И. Е. Андриевского. — СПб. : Тип. И. А. Ефрона, 1896. — Т. 17. — С. 312.
124. Ланге Николай Николаевич // Большая энциклопедия : в 62 т. / гл. ред. С. А. Кондратов. — М. : Терра, 2006. — Т. 25. — С. 229.
125. Ланге Николай Николаевич, 1858–1921 // Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. : А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — 2-е изд., расш., испр. и доп. — Ростов н/Д. : Феникс, 1998. — С. 180.
126. Николай Николаевич Ланге, 1858–1921 // Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. : Б. Мещеряков, В. Зинченко. — СПб., 2003. — С. 292.
127. Лекция профессора Н. Н. Ланге // Одес. листок. — 1904. — 20 дек./2 янв.
128. Лекция профессора Н. Н. Ланге о реформе средней школы // Одес. листок. — 1906. — 24 марта.
129. Мазилев В. А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века / В. А. Мазилев // Психол. журнал. — 2006. — № 1. — С. 23–34.
130. Маркевич А. И. Двадцатипятилетие Имп. Новороссийского университета / А. И. Маркевич. — Одесса, 1890. — 736 с. — Из содерж. : Краткая биограф. проф. ун-та Н. Н. Ланге. — С. 315–316.
131. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н. Н. Ланге. — Одесса, 1958. — 29 с.
Содерж. : *Теплов Б. М.* Основные идеи в психологических трудах Н. Н. Ланге / Б. М. Теплов. — С. 3–4 ; *Костюк Г. С.* Закон перцепции Н. Н. Ланге / Г. С. Костюк. — С. 5–8 ; *Элькин Д. Г.* Сеченовские влияния в работах Н. Н. Ланге / Д. Г. Элькин. — С. 9–11 ; *Косма Т. В.* Проблема развития психики в трудах Н. Н. Ланге / Т. В. Косма. — С. 12–14 ; *Ярощук В. Л.* Некоторые вопросы психологии воли в работах Н. Н. Ланге / В. Л. Ярощук. — С. 15–16 ; *Беленькая Л. Я.* Н. Н. Ланге о психологии кинестетических ощущений

- / Л. Я. Беленькая. — С. 17–19; Федотова Т. Н. Н. Н. Ланге и Одесские высшие женские курсы / Т. Н. Федотова. — С. 20–22; Гольдин Ф. Л. Участие Н. Н. Ланге в движении за реформу средней школы / Ф. Л. Гольдин. — С. 23–25.
132. Мурашко О. С. Сторінками рідкісних видань : розвиток психологічної науки в Одеському (Новоросійському) університеті / О. С. Мурашко, В. С. Кочмар // Вісн. ОНУ. Сер. Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. — 2009. — Т. 14, вип. 19. — С. 37–55.
133. Осіння Н. Видання творів Імануїла Канта в Україні : історія та сучасний стан / Н. Осіння // Вісн. Книжк. палати. — 2003. — № 11. — С. 44–45.
134. От редакции // Вопр. философии и психологии. — 1894. — Кн. 25. — С. 724–730. — Перепечатка ст. В. Ф. Чижа из газ. «Врач» (№ 43), касающейся обвинений в адрес Н. Н. Ланге.
135. Пестов А. Н. Открывая тайны времени / А. Н. Пестов, И. Е. Задорожнюк // Психол. журнал. — 2001. — № 1. — С. 143–144.
136. Петровский А. В. Об основных направлениях в русской психологии начала 20 в. / А. В. Петровский // Из истории русской психологии : сб. ст. / под ред. М. В. Соколова. — М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. — С. 358–438.
137. Пивоварчик І. М. Історія становлення психологічних наукових шкіл на півдні України (XIX — XX ст.) : автореф. дис. ... канд. психол. наук / І. М. Пивоварчик ; Південноукр. держ. пед. ун-т ім. К. Д. Ушинського. — Одеса, 2006. — 21 с.
138. Пивоварчик І. М. Становлення наукової школи М. М. Ланге в Одесі / І. М. Пивоварчик // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер. Психологія. — Х. : Вид-во ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2006. — Вип. 36, № 740, — С. 180–184.
139. Профессор Н. Н. Ланге [директор учрежденных в Одессе женских пед. курсов] // Одес. новости. — 1903. — 9 авг.
140. Профессор Н. Н. Ланге [к открытию в Одессе женских пед. курсов : письмо в ред.] // Одес. листок. — 1903. — 5 авг.
141. Профессор Н. Н. Ланге : [фото] // Одес. новости. — 1903. — 20 сент.
142. Профессор Новороссийского университета Н. Н. Ланге : [фото] // Одес. листок. — 1903. — 9 авг.
143. Публичная лекция проф. Н. Н. Ланге // Одес. листок. — 1904. — 6(19) дек.
144. Радлов Э. Николай Николаевич Ланге / Э. Радлов // Мысль : журн. Петербургского филос. об-ва. — 1922. — № 1.
145. Радлов Э. [Рецензия] / Э. Радлов. — СПб. : Тип. Балашева и К°, 1898. — 20 с. — Рец. на кн. : Ланге Н. Н. Учебник логики / Н. Н. Ланге. — Одесса : Тип. Распопов, 1898. — 237 с.
146. [Рецензия] // Наблюдатель. — 1888. — Нояб. — С. 35–37. — Рец. на кн. : Ланге Н. Н. История нравственных идей XIX в. : критические очерки философских, социологических и религиозных теорий нравственности / Н. Н. Ланге. — СПб. : Тип. Безобразова, 1888. — Ч. 1 : Немецкие учения. — 383 с.
147. [Рецензия] // Рус. богатство. — 1892. — Авг. — С. 23–26. — Рец. на кн. : Ланге Н. Н. Душа ребенка в первые годы жизни : две публ. лекции приват-доцента Новорос. ун-та / Н. Н. Ланге. — СПб. : Рус. шк., 1892. — 64 с.

148. [Рецензия] // Сев. вести. — 1896. — № 6/7. — С. 156–157. — Рец. на кн. : Ланге Н. Н. Учебник логики / Н. Н. Ланге. — Одесса : Тип. Распопов, 1898. — 237 с.
149. [Рецензия] // Рус. мысль. — 1898. — № 8. — С. 316–317. — Рец. на кн. : Ланге Н. Н. Учебник логики / Н. Н. Ланге. — Одесса : Тип. Распопов, 1898. — 237 с.
150. [Рецензия] // Рус. богатство. — 1899. — Кн. 4. — С. 64–66. — Рец. на кн. : Ланге Н. Н. Учебник логики / Н. Н. Ланге. — Одесса : Тип. Распопов, 1898. — 237 с.
151. [Рецензия] // Рус. мысль. — 1914. — № 2. — С. 62. — Рец. на кн. : Ланге Н. Н. Теория В. Вундта о начале мифа : критич. заметки / Н. Н. Ланге. — Одесса : Славян. тип. Хри-согелос, 1912. — 20 с.
152. Роговин М. Ланге Н. Н. (1858–1921) / М. Роговин // Филос. энциклопедия. — М., 1964. — Т. 3. — С. 145.
153. Рожнятовська О. А. Психолог, філософ, педагог : до 150-річчя від дня народження М. М. Ланге (1858–1921) / О. А. Рожнятовська // Календар знаменних і пам'ятних дат. — 2008. — № 1. — С. 90–96.
154. Роменець В. А. М. М. Ланге (1858–1921) / В. А. Роменець // Роменець В. А. Історія психології ХІХ — початку ХХ століття : навч. посібник для студ. вузів / В. А. Роменець ; Міжнар. фонд «Відродження». — К., 1995. — С. 127–129.
155. Роменець В. А. Психічний світ. Позиція бачення світу і його самоспоглядання. М. М. Ланге (1858–1921) / В. А. Роменець // Роменець В. А. Історія психології ХІХ — початку ХХ століття : навч. посібник для студ. вузів / В. А. Роменець. — К. : Либідь, 2007. — С. 187–190.
156. Рубинштейн С. Л. Из научного наследия Сергея Леонидовича Рубинштейна : Н. Н. Ланге / С. Л. Рубинштейн // Вопр. психологии. — 1979. — № 5. — С. 140–150.
157. Рубинштейн С. Л. Николай Николаевич Ланге / С. Л. Рубинштейн // Нар. просвещение. — 1922. — № 6/10. — С. 69–70.
158. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии / С. Л. Рубинштейн. — М., 1959. — 352 с.
159. Смирнов А. А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР / А. А. Смирнов. — М., 1975. — 352 с.
160. Среди педагогов : [выступление проф. Н. Н. Ланге] // Одес. листок. — 1905. — 28 марта/10 апр.
161. Сухомлинська О. В. Ланге Микола Миколайович / О. В. Сухомлинська // Сухомлинська О. В. Українська педагогіка в персоналіях : у 2 кн. : навч. посібник для студ. вузів / О. В. Сухомлинська, Н. П. Дічек, Т. О. Самоплавська [та ін.] ; за ред. О. В. Сухомлинської. — К. : Либідь, 2005. — Кн. 1 : Х — ХІХ ст. — С. 539–544 : портр.
162. Теплов Б. М. Основные идеи в психологических трудах Н. Н. Ланге / Б. М. Теплов // Вопр. психологии. — 1958. — № 6. — С. 44–65.
163. У профессора Н. Н. Ланге : [о возвращении проф. Ланге из Петербурга в Одессу] // Одес. новости. — 1903. — 14 янв.
164. Фенина О. Психологічна наука наприкінці ХІХ та в першій половині ХХ століття / О. Фенина // Соціальна психологія. — 2005. — № 3. — С. 156–161.

165. Флеров А. [Рецензия] / А. Флеров // Филол. зап. — 1898. — Вып. 6. — С. 1–26. — Рец. на кн. : Ланге Н. Н. Учебник логики / Н. Н. Ланге. — Одесса : Тип. Распопов, 1898. — 237 с.
166. Цуканов Б. Й. Ланге Микола Микола Миколайович / Б. Й. Цуканов, Л. Н. Акимова // Професори Одеського (Новоросійського) університету : біогр. слов. в 4 т. / відп. ред. В. А. Сминтина ; ОНУ ім. І. І. Мечникова, Наук. б-ка. — Одеса : Астропринт, 2000. — Т. 3 : К-П. — Одеса : Астропринт, 2000. — С. 170–175.
167. Цуканов Б. Й. Ланге Микола Микола Миколайович / Б. Й. Цуканов, Л. Н. Акимова // Професори Одеського (Новоросійського) університету : біогр. слов. в 4 т. / відп. ред. В. А. Сминтина ; ОНУ ім. І. І. Мечникова, Наук. б-ка. — Вид. друге, допов. — Одеса : Астропринт, 2005. — Т. 3 : К-П. — С. 188–193.
168. Чествование профессора Н. Н. Ланге // Одес. новости. — 1908. — 9 нояб.
169. Челпанов Е. Возражение на предыдущую заметку / Е. Челпанов // Вопр. философии и психологии. — 1891. — Кн. 8. — С. 93–95. — О заметке Е. Челпанова «По поводу статей Н. Н. Ланге» (Вопр. философии и психологии, 1891, кн. 7).
170. Челпанов Е. По поводу статей Н. Н. Ланге / Е. Челпанов // Вопр. философии и психологии. — 1891. — Кн. 7. — С. 92–98. — Рец. на ст. : Ланге Н. Н. Элементы воли / Н. Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. — 1890. — Кн. 4. — С. 1–25 ; Ланге Н. Н. Отчет о «Beiträge» Мюнстерберга / Н. Н. Ланге // Там же. — 1891. — Кн. 6. — С. 24–33.
171. Челпанов Е. Психология и теория познания / Е. Челпанов // Вопр. философии и психологии. — 1903. — Кн. 1. — С. 97–124 ; Кн. 2. — С. 167–189 ; Кн. 3. — С. 231–255. — О работах Н. Н. Ланге.
172. Черняев А. В. К 110-летию со дня рождения Георгия Флоровского. Философское формирование Георгия Флоровского / А. В. Черняев // Историко-философский ежегодник. — 2003. — № 1. — С. 191–226.
173. Чуприкова Н. И. Идеи общих законов развития в трудах русских мыслителей конца XIX–начала XX вв. / Н. И. Чуприкова // Вопр. психологии. — 2000. — № 1. — С. 109–125.
174. Шварц М. [Рецензия] / М. Шварц // Вопр. философии и психологии. — 1904. — Кн. 1(71). — С. 134. — Рец. на кн. : Кюльпе О. Современная философия в Германии : характеристика ее главных направлений / О. Кюльпе ; под ред. и с предисл. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. М. Лемберка. — М. : Ефимов, [1903]. — 137 с.
175. Шварц М. [Рецензия] / М. Шварц // Вопр. философии и психологии. — 1909. — Кн. 1(96). — С. 83–96. — Рец. на кн. : Мах Э. Познание и заблуждение : очерки по психологии исследования / Э. Мах ; под ред. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. Г. Котляра. — М. : Скирмунт, 1909. — 471 с.
176. Шеин А. А. Об исторической оценке психологической концепции Н. Н. Ланге / А. А. Шеин // Вопр. психологии. — 1960. — № 5. — С. 133–138.
177. Элькин Д. Г. Н. Н. Ланге / Д. Г. Элькин // Знамя коммунизма. — 1958. — 21 нояб.
178. Элькин Д. Г. Психологическое наследие Н. Н. Ланге / Д. Г. Элькин, Л. Шапиро. — Одесса, 1941. — С. 41–50.
179. Юрчук В. В. Ланге Н. Н. / В. В. Юрчук // Юрчук В. В. Современный словарь по психологии / В. В. Юрчук. — Минск : Элайда, 2000. — С. 277.

180. Ярошевский М. Г. История психологии / М. Г. Ярошевский. — 2-е перераб. изд. — М. : Мысль, 1976. — Из указ. имен : Ланге Н. Н. — С. 252–254, 259, 260, 277, 280, 302, 306, 411, 412, 414.
181. Ярошевский М. Г. Н. Н. Ланге — предвестник новой психологии / М. Г. Ярошевский // Психол. журн. — 1990. — Т. 11, № 4. — С. 123–136 ; То же // Тр. Одес. гос. ун-та. Сб. каф. педагогики. — 1941. — Т. 2. — С. 41–50.
182. N. N. [Рецензия] / N. N. // Мир божий. — 1905. — Май. — С. 149–151. — Рец. на кн. : Корнелиус Г. Введение в философию / Г. Корнелиус ; под ред. и с предисл. Н. Н. Ланге ; пер. с нем. И. Д. Котляр. — М. : Ефимов, 1905. — 312 с.
183. Heinrich W. Die Moderne Physiologische Psychologie in Deutschland / W. Heinrich. — [S. l.] : Kessinger Publishing, 1899. — 260 S. — Полемика с Г. Мюнстербергом по поводу теории внимания Н. Ланге.
184. James W. The principles of psychology : in 2 vol. / W. James. — London : Macmillan, 1890. — Vol. 1. — 689 p. — О моторной теории Ланге : С. 444–445.
185. Münsterberg H. Beiträge zur Experimentellen Psychologie / H. Münsterberg. — Freiburg : I. B. Mohr, 1889. — Heft. 2 : Inhalt Zeitsinn. — Schwankungen der Aufmerksamkeit. — Augenmass. — Raumsinn des uhres. — 284 S. — Оценка теории внимания Н. Ланге : С. 73.
186. Pace E. A. Zur Frage der Schwankungen der Aufmerksamkeit nach Versuchen mit der Masson'sehen Scheibe / E. A. Pace // Philosophische Studien. — 1893. — Bd. 8. — S. 388–401. — Спор с Н. Ланге по вопросу колебания внимания.
187. Ribot Th. Psychologie de l'attention / Th. Ribot. — Paris : Alcan, 1889. — 182 p. — Книга посвящена изложению экспериментального материала статьи Ланге «Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit und der activen Apperception» (Philosophische Studien, 1888, Bd. 4).
188. Ribot Th. Psychologie de l'attention / Th. Ribot. — 2-nd ed. — Paris : Alcan, 1910. — 180 p.
189. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie / W. Wundt. — 3 Aufl. : Zwei Bände. — Lpz. : W. Engelmann, 1887. — Bd. 1, 2. ; 6 Aufl. : Drei Bände. — Lpz. : W. Engelmann, 1908. — 725 s. — Полемика теории внимания Н. Ланге с учением об апперцепции В. Вундта : изд. 3. — С. 464 ; изд. 6. — С. 283–284.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Предложение экстра-ординарного профессора Н. Н. Ланге и приват-доцента А. П. Казанского об учреждении кабинета экспериментальной психологии

В историко-филологический факультет Императорского Новороссийского университета экстра-ординарного профессора Н. Ланге и приват-доцента А. Казанского предложение.

Успех ученой и учебной деятельности университета находится в явной зависимости от наличного состава учебно-вспомогательных учреждений, и всякий существенный недостаток их, а тем более полное их отсутствие для известной области научного ведения влечет за собою невозможность для университетского преподавателя участвовать в развитии этой науки и даже с достаточною основательностью знакомить с нею своих учеников. Поэтому, по мере развития наук, круг учебно-вспомогательных учреждений университета постоянно расширялся и средства их увеличивались, а в частности, при историко-филологическом факультете Новороссийского университета были устроены Музей Изыщных Искусств и Историко-Филологический Кабинет.

В настоящее время мы нижеподписавшиеся, как представители кафедры философии, решаемся, после продолжительного изучения вопроса, обратиться к факультету с (прошением)ⁱ об исходатайствовании у высшего начальства разрешения и сумм на основание нового учебно-вспомогательного учреждения, и именно Кабинета Экспериментальной Психологии. Нижеследующие соображения доказывают, как нам кажется, своевременность и необходимость этого учреждения.

1/ В течение последних тридцати лет в психологии возникло новое направление, выразившееся в целом ряде важных исследований и подающее самые широкие надежды в будущем. Это направление получило, по своему методу, название экспериментальной психологии. Хорошо известно, каким могущественным орудием является эксперимент во всех науках, где он применим. Можно сказать, что современное блестящее состояние физики, химии и физиологии, если не всецело, то в наибольшей части обязано именно применению эксперимента.

Психологический эксперимент (подобно всякому другому) состоит в том, что изучаемое явление ставится в особые, намеренно избранные условия, способствующие его исследованию. Вместо того, чтобы довольствоваться случайными

ⁱ Слово предложением вписано над строкой.

встречами, в которых изучаемое явление возникает для нас неожиданно, ненужно усложнено и крайне неустойчиво, мы заставляем его протекать и повторяться любое число раз и в тех условиях, какие мы сами избрали. Природа, как говорил еще Бэкон, легче обнаруживает свои тайны, когда ее мучит и, так сказать пытается наука, чем когда она предоставлена своему естественному течению и полнейшей свободе*.

Основателями экспериментальной психологии можно считать главным образом двух знаменитых немецких ученых: Фехнера, автора «Elemente der Psychophysik (Leipzig, 1860) и Гельмгольца, который в третьей, собственно психологической части своей «Physiologische Optik», исследуя состав наших зрительных представлений о пространстве выделил рядом целесообразных опытов элементы этих представлений, а в других своих исследованиях положил основание целой области научного ведения именно тк. наз. психометрии, изучающей временную продолжительность основных психических актов.

Здесь было-бы, конечно, неуместно входить в специальные подробности относительно отдельных экспериментально-психологических исследований, составляющих в сумме огромную едва обозримую и постоянно умножающуюся литературу. Но для доказательства важности и распространенности этого научного направления необходимо, по крайней мере, указать, те главные группы психологических проблем, к изучению которых уже был с успехом приложен эксперимент. Сюда относятся прежде всего вопросы об ощущениях, т. е. качественный их анализ и определение их интенсивности в зависимости от силы внешних раздражений (психо-физический закон). Далее, экспериментальной обработке подверглась проблема об элементах зрительного и осязательного пространства, а также чувство времени. Ассоциация представлений и память составляют один из наиболее пригодных для экспериментального изучения предметов, и сюда относятся большое число важных исследований. Точное измерение продолжительности основных психических актов — восприятия, различения и выбора — составило целую отрасль науки, известную под именем психометрии. Экспериментальное изучение иллюзий, особенно зрительных, дало возможность переработать теорию перцепции. Определение объема сознания дозволило приблизиться к пониманию как основных принципов механики представлений, так и ее высшей формы — апперцепции. Экспериментальное обоснование получила теория внимания. Приложение гипнотического эксперимента уяснило природу и законы психической (феноменальной) личности. Изучение действия разных ядов на сознание дало важные опорные пункты для понимания симптомов душевных расстройств. Способности различения и отождествления или воспризнания особенно пригодны для экспериментального изучения, и в этой области мы имеем весьма ценные работы. Приблизительно тоже самое должно сказать об изучении типов воображения.

К экспериментальному изучению эмоций и волевых движений сделаны важные в методологическом отношении попытки, хотя полное приложение эксперимента есть еще дело будущего. Наконец, здесь может быть упомянуто экспериментальное изучение психики животных, составляющее однако более достояние зоологов, чем собственно психологов.

Итак, этот краткий и далеко не полный перечень вопросов, к изучению которых уже был с успехом прилагаем психологический эксперимент, показывает, как кажется, достаточно ясно, какую важную роль играет последний в современной психологии. Отсюда следует, что и в университетском преподавании этой науки нельзя долее игнорировать экспериментального метода; а так как пользование этим методом невозможно без Кабинета Экспериментальной Психологии, то учреждение такового Кабинета является своевременным и настоятельно необходимым.

2/ К тому же выводу приводит нас изучение положения преподавания психологии в западно-европейских и американских университетах. Мы именно видим, что в этих университетах Кабинеты Экспериментальной Психологии существуют много лет (напр. Лейпцигский Institut für experimentelle Psychologie был основан еще в конце семидесятых годов), повсюду вновь учреждаются и богато снабжаются всеми необходимыми приспособлениями.

В настоящее время можно насчитать до тридцати таких учреждений, из которых 12 – в Европе, а 18 – в Америке. Так в немецких университетах существуют при кафедрах философии Кабинеты Экспериментальной Психологии в Лейпциге (проф. Wundt), в Геттингене (проф. G. E. Müller), в Берлине (проф. Stumpf), в Бонне (проф. Martius), в Бреславле (проф. Ebbinghaus), в Праге. В Парижской College de France основана несколько лет тому назад специальная кафедра экспериментальной психологии, которую занимает проф. Th. Ribot, а в помещении Сорбонны, при Ecole des Hautes Etudes учреждена (министерским приказом 29 мая 1889 г.) психологическая лаборатория (проф. A. Binet и V. Henry). Психологические кабинеты существуют также в Женеве (проф. Flournoy), в Копенгагене (проф. A. Lehmann) и в Яссах (проф. Gruber).

Особенного внимания заслуживает постановка психологии в Америке, привлекающей там столь общий интерес и пользующейся такими материальными средствами, как может быть нигде в другом месте. С другой стороны, имена Джемса, Бальдвина, Ястрова, Лэдда показывают, что психология в Америке стала вполне самостоятельной, и что в настоящее время европейские психологи могут многому научиться от американцев. Из американских психологических лабораторий, существующих при кафедрах философии, должны быть упомянуты: Гарвардская (в Кембридже, Массачусетс), находящаяся под управлением знаменитого автора «Principles of Psychology», проф. Джемса и приглашенного из Германии проф. Мюн-

стерберга; Торонтская (в Princeton University), руководимая проф. Бальдвином, автором известных компендиумов «Senses and Intellect» и «Feeling and Will»; Иельская (Yale University), занимающая огромное помещение в 16 залах, снабженная всеми новейшими приспособлениями для психологических опытов и находящаяся вⁱⁱ руководством проф. Лэдда, автора обширных «Elements of physiological Psychology»; Висконсинская, принадлежащая проф. Ястрову и постоянно публикующая свои интересные исследования в «American Journal of Psychology»; далее лаборатория Клэркского университета, находящаяся в заведывании известного ученика Вундта, проф. Stanley Hall; лаборатория Columbia College (Нью-Йорк) с проф. J. Mckeen Cattell, автором многих психометрических исследований, во главе; наконец, психологические лаборатории при университете в Чикаго, в Brown University, Wellesley College, и мн. др.*

Если кроме этого перечня университетских Кабинетов Экспериментальной Психологии, существующих при кафедрах философии, требуются еще какие-нибудь доказательства общепризнанности значения этой отрасли психологической науки, то можно указать на существование нескольких специальных ученых журналов, исключительно посвященных этим вопросам (Philosophische Studien herausg. von Wundt; American Journal of Psychology edited by Stanley Hall; Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane herausg. von Ebbinghaus und König), на общую громадную численность ученых работ в этом направлении и, наконец, на деятельность соответственных международных конгрессов.

Первый международный конгресс экспериментальной психологии был созван в Париже, в 1889 г. и заключал четыре секции; второй — заседал в Лондоне, в 1892 г. и привлек до 300 членов; в числе лиц на нем присутствовавших, делавших сообщения или их доставивших мы находим имена Бэна, Г. Спенсера, Роменса, Сёлли, Джемса, Гельмгольца, Прейера, Дельбёфа, Бернгейма, Рибо и мн. др., принадлежащие к известным всему цивилизованному миру. Наконец, третий конгресс созван на 1896 г. в Мюнхене, под председательством проф. Штумфа. Ничего равного этой дружной и совместной работе ученых всех стран мы не находим в предыдущих периодах психологии. Было-бы грустно думать, что русские ученые будут лишены возможности принять участие в этой всемирной работе, не обладая нужными для того учебно-вспомогательными средствами в виде специального Кабинета Экспериментальной Психологии.

3/ Весьма важным соображением в пользу учреждения Кабинета Экспериментальной Психологии надо считать практическое значение этой отрасли знания и именно, главным образом, для педагогики и медицины.

ⁱⁱ Так в документе.

Было-бы, конечно, излишним доказывать существование тесной связи между педагогией и психологией, так как совершенно ясно, что в основе педагогических действий лежат всегда сведения о психической жизни ребенка, периодах в его нравственном и умственном развитии, и т. под. Ввиду этого, всякое существенное улучшение методов психологических исследований — а следовательно, и применение эксперимента — должно считаться настоятельно необходимым. Но при этом необходимо заметить, что экспериментальный метод может доставить педагогу во многих случаях более надежное руководство, чем другие психологические методы, ибо внося в психологию точное количественное измерение, он может служить к выработке психо-статистических таблиц. Уже в настоящее время мы имеем возможность приложить более или менее точное измерение к определению силы памяти, явлений утомления при умственной работе, точности воспризнания знакомого объекта, быстроты ассоциаций и суждений, периодических колебаний внимания, точности пространственного чувства и мн. др. сторон психической жизни*. Ввиду этого, многие психологи приступили к выработке систематического психологического «вопросника», т. е. той системы основных психологических наблюдений и экспериментов, которые могут в своей совокупности дать точную картину психического развития данного индивидуума, и в частности, ребенка; таковы напр. вопросники Кателя, Бинэ и мн. др. Хотя нельзя отрицать, что это педагогическое и антропологическое значение экспериментальной психологии представляет в значительной степени лишь desideratum, но с другой стороны, вряд-ли есть разумное основание сомневаться, что в близком будущем психолог-экспериментатор будет в состоянии столь же точно определять степень психического развития данного индивидуума, как антрополог определяет степень его физического развития.

Не менее важно значение экспериментальной психологии для медицины. Значение ее для специалистов психиатрии и нервной патологии столь очевидно и общепризнано, что не требует пояснений. Но можно думать, что развивая общую наблюдательность к психическим состояниям пациента и научное понимание этих состояний, экспериментальная психология является существенно полезной и для всякого врача вообще. Не будучи специалистами в этой области, мы приведем в доказательство мнение, высказанное недавно по этому вопросу столь выдающимся клиницистом, как проф. Ад. Штрюмпель. «Никакой взгляд относительно изменений, которым подвержено наше тело, говорит он, не может считаться более односторонним и неправильным, чем тот, по которому всякое такое изменение является всегда следствием какого-нибудь действующего извне материального влияния. Уже самое поверхностное наблюдение показывает нам, какое сильное влияние различные состояния нашего сознания оказывают на соматическую деятельность нашего организма... Я едва-ли преувеличу, если скажу, что число заболеваний, по-видимому чисто телесных, а, в действительности обусловленных примарными

психическими влияниями, по крайней мере, столь же велико, как и число действительно соматических заболеваний. К сожалению, медицинская наука, под влиянием особых предубеждений, долгое время чуждалась исследований и изучения этих именно болезненных явлений... Здесь необходимо в будущем пополнить немаловажный пробел в образовании врачей. Как физиология, так и психология должна быть обязательным предметом изучения для всякого медика» (А. Штрюмпель, О влиянии воображения на возникновение и лечение болезней. М., 1893. Стр. 4, 6, 17).

Принимая в соображение все вышеизложенные обстоятельства, нижеподписавшиеся преподаватели Новороссийского университета решаются обратиться к факультету с покорнейшей просьбой об исходатайствовании у высшего начальства разрешения и сумм на основание при факультете «Кабинета Экспериментальной Психологии», и осмеливаются высказать при этом твердую надежду, что это новое расширение учебно-вспомогательных средств Университета будет посылно способствовать развитию русской науки и ее университетскому преподаванию.

При сем прилагается проект Кабинета Экспериментальной Психологии.

Экстра-ординарный профессор, доктор философии Н. Ланге

Приват-доцент, магистр философии А. Казанский

Октября 12

1894 г.

* Подробные объяснения о значении и формах психологического эксперимента даны в докторской диссертации одно[го] из нас: Н. Ланге, Психологические исследования. Одесса, 1893. Стр. XXIII-XXXVIII (прим. автора).

* Более подробные сведения о деятельности иностранных Кабинетов Экспер[иментальной] психологии можно найти в статьях Krohn'a (Amer. Journ. of Ps. IV, V), Henry (Rev. Philos. 1893), а также в «Психологических исследованиях» Н. Ланге (Одесса, 1893), стр. XXXVIII sqq. (прим. автора).

* Из последних работ в этом направлении могут быть напр. указаны: исследование Больтона о росте памяти у детей школьного возраста в штате Массачусетс (Bolton в Amer. Journ. of Psych., IV), исследование Бурдона о влиянии возраста на непосредственную память у детей в народных школах Парижа (Bourdon Rev. Philos., 1894); J. Jastrow, A Statistical Study of Memory and Association (Educational Review, 1891); R. Keller, Pädagogisch-psychometrische Studien (Biol. Centralbl., 1894) и мн. др. Особенно многочисленны исследования о психике детей первого возраста. (Soltmann, Preyer, Genzmer, Сикорский, Kussmaul, Binet, Henry и др.) (прим. автора).

Проект Кабинета Экспериментальной Психологии
при Императорском Новороссийском университете

Кабинет Экспериментальной Психологии есть учебно-вспомогательное учреждение принадлежащее Историко-Филологическому факультету и находящееся в заведывании профессора философии.

Устройства Кабинета имеет ввиду цели: а/ учебные, б/ ученые.

Учебная деятельность Кабинета состоит: 1/в приучении студентов к точному и ясному психологическому наблюдению и анализу и 2/ в пояснении теоретического курса психологии соответственными опытами. Учебная задача Кабинета сводится 1/к доставлению возможности преподавателям университета и другим лицам, имеющим достаточную научную подготовку, производить экспериментальные психологические исследования и 2/ к собиранию в архиве Кабинета психо-статистических данных.

Соответственно этим целям, а также ввиду того, как устроены подобные кабинеты в иностранных университетах, следующее устройство Кабинета представляется желательным и необходимым.

Кабинет должен состоять из нескольких смежных комнат, а именно одной большого или среднего размера и двух-трех малых. Большая комната предназначена для общих работ и заключает в себе шкафы с инструментами, библиотеку Кабинета и архив. Малые комнаты служат 1/ для помещения субъектов опыта при психометрических измерениях, требующих полной тишины, удаленности от регистрирующих инструментов и полного сосредоточия внимания со стороны субъекта опыта, 2/ для помещения регистрирующих время инструментов при тех же опытах, 3/ для психо-оптических опытов. Из этих малых помещений №№ 1 и 2 должны быть соединены между собою рядом электрических проводников, а в № 3 устроено отделение вполне затемненное.

Аппарат Кабинета Экспериментальной Психологии должен заключать в себе инструменты 1/ для качественного изучения ощущений и перцепций, 2/ для психометрических целей, 3/ для изучения психо-физического закона, 4/ для графического изображения разных форм движений, 5/ инструменты общего употребления, 5ⁱⁱⁱ/ модели для неврологической демонстрации и 6^{iv}/ специальную библиотеку.

В частности, следующие аппараты и модели составляют тот minimum без которого Кабинет не может обойтись: хроноскоп Гиппа и контрольные к нему аппараты; Zeitsinnapparat Вундта; кимограф Людвига; пантограф Маррея; пневмограф; плетисмограф; сфигмограф; Muskelsinnapparat Мюнстерберга; Spannungsmesser Бернштейна; вращающийся диск для смешения цветов; стереоскопы; ряд

ⁱⁱⁱ Исправлено на 6.

^{iv} Исправлено на 7.

камертонов; резонаторы; маленький орган (напр. Ellis'a); реохорд; Tonmesser Аппуна; метрономы; микроскоп; эстезиометр, напр. Verdin'a; разновес; кожные термометры; циркуль Вебера; динамометры; санный аппарат Дю-Буа-Реймона; электро-магнитный сигнальный молоточек; Fallapparat Л. Ланге; электрический каммертон; прерыватель тока Гельмгольца; коммутаторы; электрические ключи и звонки; реостаты; модели мозга и органов чувств; гальваническая батарея.

Библиотека кабинета должна заключать, кроме журналов специально посвященных экспериментальной психологии, подбор важнейших сочинений по экспериментальной и отчасти по общей психологии.

Этот аппарат Кабинета Экспериментальной Психологии составляет, как сказано, лишь безусловно необходимый minimum, без которого Кабинет не может правильно функционировать. Перечисление этого аппарата составлено нами на основании личного и продолжительного ознакомления с Лейпцигским «Институтом Экспериментальной Психологии» и печатных сведений о составе аппарата в других психологических кабинетах.

Переходя к обсуждению сметы сумм, необходимых для устройства Кабинета Экспериментальной Психологии, должно прежде всего заметить, что эта смета может быть пока составлена лишь в общих круглых цифрах, ввиду того, что стоимость инструментов меняется в зависимости от тех новых усовершенствований, которые они постоянно получают, а также в зависимости от фирмы, к которым обращается заказ. Тем не менее, полагая в основу вышеприведенный перечень безусловно необходимого аппарата, должно выразить главные расходы в следующих цифрах:

Инструменты психометрические	800 р.
Инструменты для качественного изучения ощущений и перцепций	1100 р.
Инструменты для изучения психофизического закона	125 р.
Инструменты графические и общего употребления	700 р.
Модели мозга и органов чувств	450 р.
Библиотека	500 р.

Итого 3675 рублей

Включая же необходимую меблировку, проведение газа и воды, пересылку инструментов и проч., должно определить стоимость учреждения Кабинета Экспериментальной психологии в четыре тысячи рублей сер[ебром].

ГАОО, ф. 45, оп. 11, № 3, лл. 2-12 об. Подлинник. Автограф Н. Н. Ланге.

Ланге Н. Н.
Теория В. Вундта о начале мифа.
(Критические заметки)

Кто-то сравнил Вундта с великими схоластами XIII века, его грандиозную *Völkerpsychologie* с *Summa Theologiae* Фомы Аквинского, сравнение остроумное, хотя, конечно, с важными *ceteris imparibus*, ибо Вундт действительно тоже великий систематик фактического материала, почерпаемого им извне, от специальных наук, и вносящий в этот огромный фактический материал кристаллизующую его систему. Только материалом, для его систематических построений служат отдельные специальные науки: лингвистика, фольклор, этнология, мифология, история искусства и т.д., а не материалы философии Аристотеля, объединяющую-же верховную идею доставляет не христианское вероучение, а психология. Как и схоласты, он бережно и осторожно относится к полученному ими извне научному материалу, более как интерпретатор, чем как самостоятельный владделец или творец, но зато в качестве психологического интерпретатора, он свободно группирует этот материал и разносит его по своим психологическим рубрикам. Наконец, есть и некоторое сходство между языком и способом, изложения *Völkerpsychologie* и какой-нибудь «Суммы». Язык и там, и тут, беден, живая окраска фактов как-бы является побледневшей и сведенной исключительно к абстрактным терминам, строго определенным и ограниченным по числу, причем утрачивается их жизненная индивидуальность, но за то получается огромный выигрыш в смысле ясной и последовательной системы, в которой устранены все внутренние противоречия. Книги Вундта напоминают об уединенной келье, схоласта, до которой не достигает, уличный шум жизни, куда не доходит и сама природа с ее пестротой и хаосом, а лишь научные манускрипты, изучению которых и предается схоласт или систематик с нечеловеческим почти упорством и выдержкой, результатом, чего и является огромный ряд толстейших томов. Какая противоположность в этом отношении между психологическими трактатами Вундта и сочинениями другого великого современного психолога — Джемса, в которых непосредственная жизнь бьет ключом, то кипящим, то ледяным, со всеми противоречиями этой непосредственной жизни и ее хаосом, с которым не может совладать сам автор.

Völkerpsychologie Вундта, это грандиозное научное предприятие создать систему социальной психологии, ныне приближается уже к благополучному окончанию. После двух томов посвященных психологии языка вышли три тома о мифе и религии, и ожидается вскоре появление первого тома третьей части, изучающей формы быта¹.

¹ В новых изданиях нумерация томов изменена и сделана однозначной (первый и второй томы — язык, третий, бывший ранее первым томом второй части, имеет теперь заголовок — *Die Kunst*, четвертый и пятый о мифе и религии и т.д.). Все; наши цитаты сделаны по первому изданию.

Из этих трех частей первая, т. е. о языке имеет, по-видимому, наибольшую ценность и наиболее долговечную. Это зависит и от того, что научная область лингвистики вообще наиболее разработана из всех специальных наук о духе (*Geisteswissenschaften*), и от того, что соответственные части общей психологии наиболее доселе привлекали к себе внимание психологов и потому наиболее могут служить твердой основой для социально-психологических построений, а наконец, и от того, что этим вопросам сам Вундт наиболее конгениален, гораздо более, чем фактам и явлениям, фантазии и религии. Тем не менее, и вторая часть *Völkerpsychologie*, ныне тоже уже законченная, т. е. томы посвященные психологии мифа и религии, представляют огромный научный интерес, внося в эту столь хаотическую область определенную психологическую систему и соответственные принципы. Если даже допустить, что психологические построения Вундта в этой области окажутся впоследствии недостаточными и должны быть при дальнейшем накоплении фактического материала расширены или видоизменены, они, во всяком случае, могут ныне служить наилучшей схемой, указывающей по каким рубрикам, должны быть собираемы нарабатываемые факты фольклора и мифа, чтобы в них, не утрачен, был смысл научного исследования. В этом отношении эти томы *Völkerpsychologie* имеют такое-же руководящее и принципиальное значение, какое имел в свое время «Первобытная Культура» Тайлора и первый том «Основ Социологии» Герба. Спенсера. Но кроме большей современности фактического материала, труд Вундта выгодно отличается от книги Тайлора большей точностью и определенностью психологических понятий, а от социологических построений Спенсера — большей и более разнообразной эрудицией и меньшей искусственностью психологических конструкций.

Настоящая статья отнюдь не ставит задачей дать общую критическую оценку учений Вундта о мифе и религии. Подобная задача и далеко превосходила-бы наши силы. Я имею в виду лишь высказать два — три критических замечания о Вундтовской теории происхождения мифа и его отношении к так наз. преанимизму, и притом лишь с собственно психологической точки зрения, точки зрения специалиста психологии, а не фольклориста или историка мифологии.

Всякий миф в основе своей есть, конечно, некоторый анимизм, признание некоторого (фиктивного) живого существа там, где его в действительности нет, все равно будет-ли то какое-нибудь явление природы, или какая-нибудь материальная вещь, или труп, или часть его, или какое-нибудь выделение из человеческого тела (целебная слюна и т. под.), или тень человека, или его взгляд и т. д. и т. д. Соответственно этому, пределы мифа, строго говоря, неопределенны и передвигаются в зависимости от того, что мы сами в настоящее время считаем правильным т. е. научным или немифологическим признаком действительной одушевленности. Напр. для гилозоистического философа, вроде Геккеля, химическое средство имеет характер психический, а для последователя Канта такой взгляд кажется лишь мифологией. И, говоря вообще, нет

ничего невозможного в том, что кое-что из того, что мы в настоящее время смело относим в область мифологии и фольклора, может вновь и вернуться в область естествознания.

Но теперь нас интересует не эта сторона вопроса, а лишь характерные черты мифа как такового. И в этом смысле, какой-бы теории мифа мы не держались, будет-ли то теория О. Конта, или Куна, или М. Мюллера, или Тайлора, или Спенсера, или наконец самого Вундта, все равно миф, мы определим как фиктивное одушевление. Здесь (говорить Вундт) мы находим общий признак, в признании которого согласны все теории мифа, как-бы далеко, даже в самых принципах, они ни расходились: именно, что миф вносит одушевленность в предметы, что он превращает объекты окружающего нас мира, также как и самого человека, части его тела и его внутренние душевные процессы — в чувствующих и активных существ.

Какой психический процесс лежит в основе таких мифических анимизаций? Вот основной вопрос, который должна разрешить психология мифа. Но из этого обширного и сложного вопроса, всестороннему обсуждению которого посвящены все три тома «Мифологии и Религии» Вундта, мы выделяем для нашего обсуждения лишь небольшую, но принципиально особенно важную часть, именно вопрос о *первоначальном* зарождении анимизма. Каким образом и в каких направлениях из этого первоначального анимизма развились сложные формы мифологии, и какие психологические и социальные процессы в этом участвовали — эти вопросы фольклора, истории мифов и соответственных частей социальной психологии мы оставляем в стороне. Мы ставим себе задачей выяснить психологическую основу лишь самого зародыша мифологии, и притом по преимуществу в виде критики соответственных учений В. Вундта.

На этот основной и принципиальный вопрос разные исследователи отвечали, как известно, самым различным образом. Одни видели в мифе символы забытого высокого религиозного смысла (напр. старый Крейцер), другие усматривали в нем поэтические метафоры первобытного образного мышления (Я. Гримм и др.), или следствие недостаточности первобытных языков (М. Мюллер), третьи смотрели на мифологию как на первобытную науку о явлениях природы, объясняющую их антропоморфически или анимистически (О. Конт, Г. Спенсер, отчасти и Тайлор), четвертые считали миф иллюзорной апперцепцией, понимая этот термин в духе психологии Гербарта (Лацарус, Штейнталь). Нам нет здесь нужды входить в критическое обсуждение этих разнообразных теорий, в их взаимных противоположностях. Эта работа превосходно исполнена самим Вундтом в первом отделе третьей главы его сочинения (I, стр. 527—577). Но критика Вундта не отмечает (или по крайней мере, недостаточно отмечает) одного общего и принципиального недостатка, присущего (хотя и в разной степени) всем этим теориям, а вместе с тем и самой теории Вундта. Эта психологическая ошибка состоит, по нашему мнению, в том, что психологический корень анимизации ищут в свойствах языка, или фантазии, или мышления, вообще в *познавательных* функ-

циях человека, тогда как они находятся в его действиях, в чувствованиях и воле, вообще в двигательных реакциях, так что в известном смысле можно даже сказать, что не миф служит основанием для культа (в первоначальном, так сказать, инстинктивном виде его), а наоборот, инстинктивные первоначально акты культа лежат в основе мифической апперцепции.

Но прежде, чем систематически выяснить эту точку зрения, посмотрим, в чем усматривает сам Вундт психологический корень мифа.

Миф Вундт относит к той же области, к которой принадлежит и искусство, то и другое для него суть продукты общего психологического фактора, именно *фантазии*. Соответственно тому, и общие психологические законности в обеих областях по существу однородны: это законы апперцептивного соединения представлений, или точнее, одного из видов его.

Апперцептивные соединения Вундт, как известно, отличает от соединений ассоциативных. Не входя в излишние здесь подробности, которые могут интересовать лишь специалиста психолога, мы можем ограничиться указанием на то, что в апперцептивных соединениях представлений всегда определяющую роль играет, по Вундту более или менее ясно сознаваемая *цельность* этого соединения, которая и определяет соответственный подбор этих представлений. Этот формирующий фактор в данной группе представлений Вундт называет *Gesammtvorstellung*, цельное представление, и это есть ничто иное, как сознание соотношений (сходств, различий и т. д.) между частичными представлениями. В большинстве случаев (кроме разве строгого логического мышления) эта цельность мысли или образа сознается нами не вполне отчетливо: части представления, еще не вступившие в фиксационную часть нашего внимания, сознаются в виде той общей реакции, какую они вызывают в нашем чувствовании, в виде чувства смысла или общего их значения (эмоциональный и волевой фактор в апперцепции). Этим формирующим фактором, *Gesammtvorstellung*, поскольку в состав его входят в известной степени все представления из предъидущего опыта данного индивидуума, влияющая по аналогии на новые представления и их формирующие. Вундт, как известно, широко пользуется для объяснения разных явлений в языке и, в частности, для объяснения его формальных элементов (в первых двух томах *Völkerpsychologie*). Особенно просто и ясно значение *Gesammtvorstellung* наш мыслитель выяснят напр. в следующих словах. «Писатель, говорит онⁱⁱ, раньше, чем напишет отдельное предложение, должен иметь в своем сознании целое, хотя бы и в неопределенных очертаниях... Положение ли читателя отличается тем, что хотя он с самого начала и направляет свое внимание на цельное представление, составленное из многих частей, но это целое он создает лишь постепенно, под влиянием читаемых

ⁱⁱ Вундт, Введение в психологию, пер. под ред. Н. Н. Ланге, стр. 81–82. Подробнее см. его-же *Grundriss der Psychologie* (10 Aufl.), § 17.

слов. У автора, следовательно, целое находится в начале и в конце умственного процесса, протекающего в вид последовательных апперцепций отдельных частей. У читателя же вначале имеется только устремленное на целое ожидание, выражающееся в чувствованиях напряжения, устремленных в известном качественном направлении, и этого ожидания достаточно чтобы восприятие постепенно выясняющихся частей образа направлялось именно в том порядке, в каком сам автор доводил до своего ясного сознания бывшее у него сначала неопределенным цельное представление. В обоих случаях, таким образом, деятельность апперцепции есть тот существенный «фактор, которым отличается возникновение таких сочетаний от простого ассоциационного ряда, и, с другой стороны, эти сочетания вновь обращаются в простую ассоциацию, если отдельные части будут связаны между собою только памятью, и воспроизводятся без внутреннего единства. В последнем случае воспроизведение обращается в пассивно переживаемый процесс, которому недостает сознания собственной деятельности, присущего творчеству мысли у автора и, с упомянутыми ограничениями, воспроизведению чужой мысли у читателя. В обоих случаях это есть описанное нами и характерное для активной апперцепции чувствование деятельности, состоящее из чередующихся возбуждений, напряжений и разрешений, которое и делает процесс существенное отличным от простой ассоциации».

Среди таких апперцептивных сочетаний представлений с формирующими их *Gesamtvorstellungen* можно, далее, различать сочетания фантазии и сочетания рассудка. Первые отличаются от вторых двумя чертами, во-первых, преобладанием конкретных или наглядных элементов над отвлеченными, во-вторых, тем, что в них постоянно вторгаются случайные ассоциации, нарушая нормальный ход, т. е. отвлекая от предположенного сначала цельного содержания и вызывая тем новую обработку апперцептивного вида. Однако под этими терминами фантазии и рассудка никак не следует подразумевать какие-нибудь особые духовные способности или даже хотя бы разные функции разного рода, а только относительно большую или меньшую степень входящих, во все умственные процессы апперцепций и ассоциаций. В фантастических сочетаниях и весьма близких к ним образах воспоминания преобладает синтетическая цельность, в рассудочных-же сочетаниях и в частности суждениях — анализ по логическим категориям особенно сходства и различия. Но в действительности, нет образов фантазии в которых не было бы рассудочности, ни рассудочных суждений без участия фантазии. Вместе с тем, как фантазия, так и рассудок, будучи оба лишь своеобразными сочетаниями представлений, в основе своей имеют опытное содержание наших переживаний, которые в этих сочетаниях апперцепцией лишь своеобразно сочетаются в более или менее новые комбинации. Наконец, заметим еще и то, что как рассудочные сочетания, так и фантастические, имеют предметом, первоначально по крайней мере, окружающую человека действительность, которая и является как первоначальным объектом суждений

рассудка, так и предметом фантастических восполнений со стороны наблюдающего ее индивидуума.

Дав таким образом общее определение апперцептивных сочетаний фантастического типа, Вундт переходит к анализу отдельных видов этих сочетаний, и изучает роль фантазии в восприятии пространства, времени, цветов и звуков и т. д. Напр. случаем пространственного фантастического восполнения действительности оказываются все так наз. псевдоскопические иллюзии, вроде телесного (перспективного) понимания плоских схематических изображений куба или пирамиды и т. под. Эти исследования служат для пояснения еще двух особенностей первоначальной фантазии, которые уже прямо приведут нас и к пониманию свойств фантазии мифической. Во-первых, в этой первичной фантазии, как относящейся к окружающей человека реальной действительности, фантастические прибавки вполне сливаются с восприятием действительных свойств вещей, порождая таким образом непреодолимые иллюзии. Во-вторых, и в тесной связи с этим, стоит то обстоятельство, что эти субъективные восполнения, являющиеся лишь нашими переживаниями, мы влагаем в самые наблюдаемые нами реальные вещи, проецируем или объективируем эти переживания в вещи, т. е. фантазия получает значение того, что в современной психологии называется «вчувствованием» (*Einfühlung*) или оживотворяющей апперцепцией: собственное «Я» наблюдателя так проецируется в объект, что человек чувствует себя в этом предмете, внося в него свою жизнь или одушевленность, как будто присущую этому предмету. Такое вчувствование имеет явно место, во-первых, в играх детей, во-вторых, в искусстве и, в-третьих, наконец, в мифах. В играх детей и особенно в искусстве эта своеобразная иллюзия не достигает, правда, полной реализации, ее задерживают тут противодействующие и исправляющие ее реальные впечатления, в мифотворчестве же этих противодействий нет, и иллюзия здесь получает значение полной реальности, мнимого восприятияⁱⁱⁱ.

Установив понятия фантазии и вчувствования, как психологического корня всякого мифа, Вундт приступает, к выяснению эволюции мифических представлений. Эта эволюция у него сводится к развитию двух первоначальных представлений о *человеческой* душе хотя более поздние и сложные формы мифа, конечно, очень далеко отходят от этих первоначальных источников. Эти два исходных представления суть, во-первых, представления о человеческой душе теснейшим образом связанной с телом или какой-нибудь частью тела — *телесная душа* (*Körperseele*), во-вторых, о человеческой душе отдельной от тела — *психея* (*Psyche*). Из этих двух представлений первое Вундт считает более первобытным. Первое состоит прежде всего в мифическом признании, что душа и жизнь сохраняются и после смерти в трупе человека или в какой-нибудь части этого трупа — в сердце, печени, почках, а равным образом, и при жизни находятся в этих органах или в крови человека, или в каких-нибудь его выделениях. Признание в трупе

ⁱⁱⁱ *Wundt, Völkerpsychologie: Mythos und Religion, Erster Teil, стр. 17 sq., 21 sq., 62, 579, 584.*

скрыто сохраняющейся души есть, по Вундту, психологически необходимое перенесение на труп тех чувствований, которые окружающие имели относительно живого. «Это представление так естественно, что в своих последних воздействиях оно никогда вполне не исчезает. Как бы мы ни были твердо убеждены, что труп близкого нам умершего более не чувствует и не ощущает, впечатление его духовной личности так тесно соединилось с его видом, что необходимо усиленное обдумывание, чтобы разрушить эту связь. Эта ассоциация, которая у нас проявляется в осторожном и почтительном отношении к трупу, у первобытного человека является вполне жизненной»^{iv}. В этом лежит корень и всех разнообразнейших форм погребения и культа мертвых.

Вторая, хронологически более поздняя группа представлений, именно об отдельной от тела душе или психеи возникла, по Вундту, главным образом из двух источников, во-первых, из наблюдения прекращения дыхания при смерти и последнего вздоха умирающего, во-вторых, из фактов сновидений, в которых являлся памятный покойник (а в дальнейшем, в качестве второстепенного фактора, из наблюдений обморока, экстаза, болезней и т. п.) Первая группа фактов порождает понятие о душе как дыхании или духе (Hauchseele), вторая о душе как тени или привидении (Schattensee). Разнообразный и часто весьма сложные видоизменения и комбинации этих первоначальных представлений о душе, и составляют эволюцию мифов вообще, как ее понимает и объясняет Вундт.

Таковы воззрения Вундта относительно начала мифа и психологических корней анимизма. О некоторых других его учениях мы скажем дальше. Теперь же обратимся к критике изложенного учения, поскольку именно мы имеем здесь дело с некоторой психологической, в сущности, гипотезой. Ибо такие вопросы, как о начале анимизации или о начале языка, для которых не может быть исторического материала, всегда суть лишь вопросы о более или менее правдоподобной гипотезе, которую следует обсуждать, во-первых, с точки зрения ее психологической состоятельности и, во-вторых, большей или меньшей ее служебной пригодности для отдельных наук (в данном случае для фольклора и истории мифов), т. е. того, насколько эта гипотеза может быть для этих наук достаточно широкой и гибкой систематической опорой. Эту вторую сторону дела мы, конечно, должны предоставить обсуждению специалистов указанных наук, наши же замечания будут относиться лишь к первой стороне этих гипотез, т. е. к психологической основательности их. С этой точки зрения мы должны предъявить теории Вундта следующие критические возражения.

1) Прежде всего, никак нельзя согласиться с объяснением анимизма процессом «вчувствования» или прямой проекции наших переживаний во внешний объект: в этот объект миф влагает не то чувство, которое испытывает субъект, а лишь нечто соотносительное с ним. Если напр. кровь или труп, понимаемые мифически, вызывают в нас страх, то это не значит, конечно, что духу живущему в крови или

^{iv} Таж-же, II, стр. 6.

трупe приписывается чувство страха, а лишь опасные свойства, заставляющие нас бояться его. Дальше будет выяснено подробнее, что вообще представления о духе мифического объекта являются всегда крайне неопределенными, в противоположность совершенной определенности тех переживаний, которые этот дух вызывает в сознании верящих в него, и это послужит даже нам для положительных соображений относительно истинного психологического корня анимизма. Пока-же достаточно только установить тот очевидный факт, что психика мифического существа вовсе не есть простая проекция переживаний того, кто в него верит.

В этом пункте старые мифологические учения интеллектуалистического типа легче справлялись с затруднением. Согласно этим учениям, первобытный человек, стараясь объяснить непонятные для него явления или факты, которых действительной причины он не знал, *объяснял* эти явления антропоморфически, т. е. действием существ подобных ему и его общественной среды, напр., как действия существа подобного грозному для него главы рода или клана. Миф тогда оказывался некоторой первобытной *теорией* и указанного затруднения не было. Как превосходно объясняет однако тот-же Вундт^v, современная мифология так смотреть не может. Миф для первобытного человека вовсе не есть только *теория* объяснения явлений, анимизация есть для него сама непосредственно чувствуемая действительность, она имеет для него вполне характер восприятия. Смотреть на миф как на первобытную теорию значит не понимать их существенной реальности и притом приписывать первобытному человеку вообще гораздо больший интерес к умозрению, чем то возможно допустить. Поэтому-то Вундт и делает психологическим корнем мифа не первоначальный рассудок, а фантазию иллюзорного характера.

2) Однако и эта сторона Вундтовской теории кажется нам с психологической точки зрения сомнительной, и именно главным образом по следующим двум соображениям. Во-первых, также как интеллект играет лишь служебную и второстепенную роль в жизни первобытного человека, также слаба должна быть у него и фантазия, которая есть лишь сумма репродуцированных воспоминаний. У первобытного человека, всецело поглощенного реальными заботами о существовании, и мышление и фантазию мы должны допускать лишь в низших степенях развития, а потому и за мифическими его догадками и представлениями должны искать каких-то других, не теоретических и даже вообще не познавательных, а более практических факторов. Какой может быть этот с непреодолимостью выступающий фактор, мы укажем ниже, пока-же достаточно указать, что фантазия, как таковая, для этого вряд-ли достаточна. Эта фантазия могла-бы, пожалуй, создать сказку, или эпос, или что-нибудь подобное, но не то могущественное и реальное значение, которое имело анимистическое мировоззрение с его нередко сложной и строго обязательной системой культа. Игра фантазии для этого недостаточна. Неправдоподобным представляется нам и столь часто повторяемое у

^v Wundt, Mythos und Religion, стр. 583.

мифологов (также и у Вундта) указание на огромное будто-бы значение в этом процессе той в частности формы фантазии, которая состоит в сновидениях человека. Сновидения являются вообще столь слабыми фактами в нашей психической жизни, сравнительно с значительностью для нее реального мира, столь притом индивидуальными и хаотическими по содержанию, наконец столь легко и бесследно забываемыми после пробуждения, что приписывать им существенно важное значение в смысле объяснения для целой исторической полосы в жизни человечества, кажется нам натяжкой. С легкой руки главным образом Герб. Спенсера эта догадка стала переходить из одной книги в другую, без достаточной однако ее фактической и психологической проверки. В основе ее лежат в значительной степени старого вида рационалистическое построение, также как и в основе другой гипотеза Спенсера, именно об анимистическом значении отражений человеческого образа в воде, которое яко-бы могло особенно привлечь внимание первобытного человека. Это не значит, что сновидения вовсе не могли иметь мифотворческого значения, отрицать это не позволяют многие несомненные факты мифологии; но они повидимому относятся к более поздним ступеням в развитии мифа, а не к первоначальному анимизму, и во всяком случае, не могут быть ни главным, ни тем менее первоначальным, фактором его^{vi}. Таких факторов, повторяем, надо искать в каких-то более реальных, практически важных обстоятельствах.

Во-вторых, против сведения анимизма к фантазии или воспоминаниям говорит еще следующее соображение. Совершенно непонятно, каким образом эта анимистическая иллюзия, если она есть дело только фантазии, могла бы устоять против тысячи случаев реального наблюдения ее постоянно опровергающих и ее ложность доказывающих. Каким образом человек, на какой бы первобытной ступени развития он ни стоял, может напр., верить, что в трупе мертвеца сохраняется прежняя жизнь, когда все признаки жизни в нем явно исчезли, нет ни движений, ни дыхания, ни теплоты? Этот вопрос может показаться наивным на первый взгляд, ибо ведь бесчисленные факты анимизма мы встречаем по всюду, но вопрос здесь не в этих фактах, совершенно несомненных, а лишь в том, как их психологически понимать, и в частности, возможно ли их объяснить фантазией, напр. живыми воспоминаниями о прежней деятельности покойника, сохранившимися в сознании его знавших. Все, что нам достоверно известно о фантазии и роли воспоминаний, по крайней мере в пределах нормальной психической жизни, делает такое сведение фактов анимизации к этой фантазии совершенно недостаточным.

^{vi} Между сновидениями и первоначальной мифологией мыслимы два отношения: или сновидения породили мифологию и анимизм (мнения Вундта, как и Спенсера), или наоборот, сновидения получили значение и ценность для человека после того, как другими путями анимистическое мировоззрение было уже установлено, и именно тогда эти сновидения и получили интерес и важность, как особые свидетельства и указания из этого загробного мира. Это второе отношение нам кажется более правдоподобным.

Все, эти критические соображения необходимо приводят нас к попытке самостоятельно ответить на поставленный вопрос: в чем лежит психологическое начало мифа, или точнее, первоначальной анимизации? На этот анимизм нельзя смотреть, как мы видели, ни как на продукт мышления, ни как на продукт фантазии. И то, и другое в нем участвует но реальное зерно анимизма должно лежать глубже, чем вообще в познавательной области. Интеллект не достаточен в этом отношении, ибо анимизм не есть только теория для первобытного человека, а прямо наблюдаемая им (хотя и иллюзорная для нас) действительность. Фантазия и воспоминания не достаточны равным образом, ибо действительность должна бы быстро разрушить их показания.

Ответа на поставленный вопрос нам придется искать в той проблеме психологии, которая до сих пор наименее привлекала внимание мифологов, именно о том, каким психическим процессом мы доходим вообще до признания другой, внешней нам психической личности, т. е. в так. наз. проблеме о чужом «я». Ложное признание чужой души, имеющее место в мифических анимизациях, должно быть понятно, как частный случай этой общей проблемы, как иллюзия признания чужого «я»^{vii}.

Основная мысль, которую мы должны здесь разъяснить, может быть выражена следующим образом: живое от неживого человек, а также и животные отличаются не теми представлениями, какие они могут иметь о чужой жизни (в частности о чужой психике), а тем, что живое вызывает у них такие *действия к реакции*, какие неживым вообще не вызываются. Представление-же о чужой психике является лишь вторичным, а не первичным явлением, именно уже рефлексией об этих собственных наших действиях, и реакциях. Иначе говоря, в противоположность интеллектуалистической психологии мы желаем выдвинуть здесь волюнтарное происхождение сознания о чужой психике.

В пояснение этой основной мысли обратим, прежде всего внимание на замечательное различие, существующее между нашими действительными реакциями на чужую психику и нашими представлениями об этой психике. Тогда как первые, будучи почти сплошь инстинктивными, отличаются поразительной точностью, определенностью и быстротой, вторые всегда, даже у цивилизованного и развитого человека крайне неопределенны и неясны. Достаточно в этом отношении проана-

^{vii} Эта проблема, именно о том, каким образом мы признаем чужую психическую жизнь и насколько это познание достоверно, имеет огромное значение как для самой психологии, так и для общей гнозеологии, а равным образом, и для всех исторических и филологических наук. В философии и в психологии были предлагаемы весьма разные решения этого принципиального вопроса. Изложение этих учений см. напр. в книжке И. И. Лапшина (Проблема «чужого Я» в новейшей философии. СПб. 1910). То воззрение, которое мы здесь проводим кажется, не было еще предлагаемо. Оно впрочем имеет отдаленное сходство с волюнтаризмом Фихте в его «Grundlegung des Naturrechts nach der Principien der Wissenschaftslehre» (Fichte's Sämmtl. Werke, Abth. II, Bd. I, стр. 20 sqq.), если перенести его рассуждения в область психологии.

лизировать какой-нибудь живой драматический диалог с его инстинктивной игрой чувств в быстрых репликах, или даже просто болтовню напр. детей или людей совершенно необразованных, чтобы быть пораженным, с какой точностью и быстротой люди определенно реагируют на настроения друг друга. Та игра чувств, которая в их мимолетных сменах, обусловленных едва определимыми изменениями интонаций голоса собеседника, берет, всего какие нибудь доли секунды, потребовала бы, если бы мы попытались выразить ее в определенных представлениях, длинных и крайне сложных рассуждений, да и то последние оказались бы всегда совершенно недостаточными, на деле-же любой ребенок, да и всякое животное разбирается в этом совершенно легко и точно. Реакции самозащиты, инстинктивного страха, гнева, сожаления или симпатии, ласки, насмешки, призрения, укора, обиды, вопроса и ответа, удивления и равнодушия и т. д., и т. д. возникают и сменяются в нашем сознании, при столкновении с другим живым существом, также непосредственно, как любые другие инстинктивные реакции у животных. Мысль, будто для этого нужно предварительно представить себе или вообразить чувство этого другого, есть очевидная фикция слишком интеллектуалистической психологии. Эта старая психология всюду подменивала реальную психическую действительность логическими построениями ее и ставила на место действительного психического субъекта какого-то резонирующего схоласта^{viii}.

Что чувствует, другой, мы можем вовсе и не представлять, и тем не менее его жесты, мимика, интонации голоса будут вызывать с нашей стороны вполне определенные реакции, в наших чувствах и наших действиях. Также как ожог вызывает рефлекторное отдергивание руки, помимо всякой мысли об опасности, или также как крик коршуна, которого только что вылупившийся цыпленок даже никогда еще не видал, заставляет однако последнего спрятаться под наседку, хотя и об ее защите он тоже еще ничего не знает, так и нахмуренные брови или грубый окрик заставляет даже самого малого ребенка плакать, а у взрослого человека вызывают сразу гнев или страх, сжатие кулаков или вообще защитительную реакцию. И обратно, ласка напр. или ласковый тон голоса вызывают даже у собаки соответственную реакцию приближение, помахивание хвостом, прижимание морды к коленям человека, хотя совершенно неправдободно, чтобы у нее эти действия вызывались представлением о том, что именно человек ее ласкающий чувствует.

Эти реакции или специфические воздействия на впечатления получаемые от другого живого существа (к которым прежде всего и сводится всякая общая жизнь среди людей) имеют, как мы заметили, отчасти чисто инстинктивный характер, т. е. прямо

^{viii} Вспомним напр. определения аффектов у Спинозы: *amor est laetitia, concomitante idea causae externae; metus est inconstans tristitia, orta ex idea rei futurae vel praeteritae, de cujus eventu aliquatenus dubitamus* (*Ethica*, III, affectuum definitiones).

врождены, передаются наследственно в данном животном виде, частью же приобретаются в личном опыте или представляют опытом измененные инстинктивные реакции. В первом случае, они вполне подобны инстинктам вообще и действуют также помимо воли и мысли, как инстинктивно новорожденный ребенок берет грудь матери или недрессированная собака делает однако стойку перед дичью. Во втором случае, эти реакции развиваются через подражание или под влиянием испытания на опыте приятных последствий того или юного отношения. Но каково бы ни было происхождение таких реакций, ни в первом, ни втором случае они вовсе не связаны необходимо с представлением о том, что чувствует другое существо, вызвавшее в нас эту реакцию.

Итак, не входя в дальнейшие рассуждения психологического и биологического рода, которые в их специальной аргументации были бы мало уместны на этих страницах, мы можем выразить наш общий вывод следующим образом: в процессе развития, как филогенетического, так и индивидуального, живые существа и получаемый от них впечатления получили для человека (как и для животных) значение *специфических раздражителей*, вызывающих в нем специфические же реакции, которых впечатления от неодушевленных вещей вообще вызвать не могут, (за исключением особых случаев, о которых скажем ниже). Эти реакции чувств и движений происходят, непосредственно. Они вовсе не предполагают в субъекте действия никакого предварительного теоретического вопроса о том, что стоит в виде причины за этими впечатлениями, т. е. никакой *мысли* о чужой анимизации, и даже не обусловлены представлением фантазии о том, как этот другой чувствует, но происходят помимо и этой мысли, и этой фантазии. Чужую психику мы узнаем *на деле*, именно тогда и поскольку, когда и поскольку, мы на нее воздействуем, она обнаруживается для нас в наших реакциях на некоторые специфические для нас раздражители. Признание чужой психики есть не первичный факт, обуславливающий затем наши воздействия на нее, но обратно: это признание есть следствие того, что в наших действиях и реакциях уже проявилось влияние чужой психики. Мысль о чужой психике есть уже рефлексия над нашими же поступками.

Теперь мы можем, наконец, ответить и на тот основной вопрос, ради которого и были даны предыдущия разъяснения, а именно, какой психический процесс лежал в основе первобытного анимизма. Это, конечно, может быть лишь иллюзивным видом того же процесса, каким человек вообще приходит к признанию чужой психики. То есть, и в этом первобытном анимизме воздействие человека, на окружающую среду, как на живую, должно было предшествовать у него всякой мысли о ее одушевленности и всякому воображению о том, какова эта чужая психика. Ум и даже фантазия первобытного человека находят этот факт уже признанным или присущим в поступках и реакциях, какие эта среда вызвала у него. В этом смысле можно, пожалуй, сказать, что культ (в самом элементарном смысле, т. е. как выразительные реакции страха и почитания) создали самое верование у анимиста.

Мы должны, следовательно, предположить, что при некоторых своеобразных стечениях обстоятельств, субъективных и объективных, предметы и явления неодушевленные, из окружавшей человека среды, могли вызывать у него (как то бывает и теперь) такие же инстинктивные реакции, какие обыкновенно в нем вызываются действительно живыми существами. Какие были это обстоятельства и явления, и какие из разнообразных инстинктивных реакций они вызывали у первобытного человека, на этот вопрос ответить определительно невозможно. И соответственных инстинктивных реакций у человека много, и обстоятельств и явлений в окружавшей его среде, которые могли вызвать в нем эти реакции, безчисленное множество. Наиболее вероятным является, разумеется, предположение, что важнейшую роль здесь должен был играть инстинктивный страх, как реакция наиболее, повидимому, древняя. Предметами и явлениями возбуждавшими такой страх, подобный страху перед действительно живыми существами, могли быть, и вероятно и были, всевозможные вещи и процессы в окружавшей человека среде. Это могли быть и разнообразные шумы, и движущееся в темноте предметы, и быстро развивающиеся болезни, и безчисленное множество других обстоятельств, не подлежащих, ныне никакому перечню. Именно эта многочисленность всякого рода анимизаций, еще неподведенных первоначально ни под какие рубрики и объекты, и была, вероятно, характерной чертой этого первоначального анимизма, который часто ныне именуют преанимизмом. Анимизация имела здесь характер, так сказать, моментальный. Такие же явления мы встречаем, как известно, даже у высших животных^{ix}.

Этот исходный или моментальный преанимизм есть, строго говоря, более теоретическое предположение, чем действительный этнографический факт. Он мог иметь место уже в такой первобытной общественной среде, какую мы напрасно стали бы искать у каких бы то ни было некультурных племен из существующих ныне. Но такое предположение является психологически необходимым, также как необходимо психологически предположение о той стадии в происхождении языка, когда он сводился к моментальным и еще чисто субъективным выразительным крикам и таким же жестам. Соответственно сказанному, характерными чертами этого исходного преанимизма надо предположить, во-первых то, что в нем никаких определенных представлений о том, кто эти скрытые живые существа, окружающие человека, какова их природа и т. д., еще не было. Даже мысль о том, не есть ли это души умерших, принадлежит, принципиально по крайней мере, уже следующей ступени развития, собственно анимизму, в более узком значении термина. Во-вторых, в этом преанимизме, несмотря

^{ix} *Роменс* (*Evolution mentale chez les animaux*, стр. 150 и сл.) описывает свои разнообразные опыты над собакой, которая при виде, кости, непонятно для нее двигающейся (в действительности помощью скрытой витки) стала дрожать от страха и запряталась под мебель. Такие же факты передает *Дарвин* (*Происх. человека*, гл. 3) и др. Об инстинктивном страхе при громе, у многих животных см. там же у *Роменса* (стр. 152).

на его моментальный и субъективный характер, присутствовала вся очевидность непосредственного личного переживания, вполне гарантированная от всякого сомнения или опровержения дальнейшим опытом. С тою же, так сказать, биологической достоверностью, с какой инстинктивные наши реакции ныне свидетельствуют нам об одушевлении других людей, хотя безусловной логической достоверностью об этом у нас не может (ибо существует же теория полного автоматизма, согласно которой ничто в окружающем нас человеческом мире, не изменилось бы, если бы все сознание у людей, кроме нас, моментально угасло бы)^x, с такою же полной достоверностью инстинктивные реакции преанимиста свидетельствовали ему о наличии окружающего его мира невидимых живых существ, совершенно реальное влияние которых он непосредственно в себе чувствовал. Именно такое непосредственное переживание, имеющее, как мы указали, характер инстинктивных реакций, одно только и могло создать в эти первобытные эпохи столь безусловное, непреодолимо-жизненное убеждение. Ни мышление, ни фантазия для этого, сами по себе, были бы недостаточны. Они могли работать (и работали впоследствии; над систематизацией, расширением, углублением или украшением этого первоначального психобиологического зерна или фонда первобытного, совершенно жизненного и непосредственного преанимизма, но корнем или основой анимизации они быть не могли. Этот первоначальный корень имеет происхождение не познательное, но инстинктивное.

На первый взгляд может показаться, что объяснение, которое мы даем здесь первоначальному анимизму, но отличается существенно от прежних объяснений, в том числе и от Спенсеровского, ибо ведь во всех этих объяснениях приписывалось известное значение разным чувствам человека, и в частности страху^{xi}. У Вундта мы находим такие же указания, хотя лишь беглые^{xii}. Однако такое мнение было бы ошибочным, и упускало бы из виду существенные различия двух толкований, и именно следующие. В теории Вундта, также как в теориях Тайлора и Спенсера, дело сводится к тому, чтобы указать или найти такие физические явления, которые легче всего могли бы уму или фантазии первобытного человека показаться живыми или одушевленными, которые, следовательно, были для этого ума наиболее близки к свойствам действительно живых существ, и в частности, к природе, и свойствам самого живого человека. Поэтому Тайлор и Спенсер исходят из сновидений человека о себе и других людях, Вундт из представлений о телесной душе человека и т. под. В нашем же объяснении это фак-

^x Об этом см. напр. статью проф. А. И. Введенского «О пределах и признаках одушевления» (Ж. Мин. Пар. Просв, 1892 г. и отдельно), указанную выше книгу г. Лапшина, также *Busse, Geist und Körper* и вообще обширную филос. литературу вопроса о так наз. параллелизме душевных и физических явлений.

^{xi} В нашей теории существенны, впрочем не столько чувствования, сколько двигательные реакции, выразительные инстинктивные жесты и т. под.

^{xii} *Wundt, ibid., I, стр. 579*

тическое сходство совершенно второстепенно. Анимизирован первоначально может быть всякий объект, ибо дело не столько в его свойствах, а в той обстановке, в которой он мог вызвать у первобытного человека такие же инстинктивные реакции, какие обыкновенно вызываются действительно живыми существами. Различие взглядов здесь такое же, какое существует между тем, кто утверждал бы, что иллюзия игрушки зависит у ребенка от степени сходства между куклой и действительным человеком, и тем, кто напротив, полагает, что это сходство для иллюзорности игры есть нечто сравнительно второстепенное, важно-же то, как ребенок сам играет, какие сам он совершает действия с игрушкой, причем и простая палка может вполне заменить лошадь или горошинка – человека. Первый взгляд близок к теориям Тайлора и Вундта, второй – к нашему пониманию. Во-вторых, в теориях Тайлора, как и Вундта, существенным является то *представление*, какое первобытный анимист составляет себе о человеческой душе. И это представление, как справедливо указывает и сам Вундт, должно, сначала по крайней мере, иметь наиболее естественный характер, быть приблизительно таким же, какие первобытный анимист имеет и своих собратьях. Сверхъестественное в этом анимизме должно почти отсутствовать. Напротив, по нашему толкованию, этот сверхъестественный характер и эта таинственность и непонятность должны быть присущи уже самому началу анимизма. Уже этот анимизм должен содержать в себе тот магический характер, который новейший фольклор всюду находит и особенно, как кажется, выдвигает вперед^{xiii}. Этим вместе с тем сближается первобытная религия с мифологией, чего нет в достаточной мере в теориях Тайлора и Вундта.

Наконец, в-третьих, если правы Вундт и Тайлор, то в качестве первоначальной ступени мы должны найти чистый антропологический анимизм, верование именно в душу человека после его кажущейся смерти, а общий демонизм должен быть лишь позднейшим явлением. Если же правильно наше толкование, то первоначально должен был возникнуть общий демонизм, не имеющий еще непременно антропоморфического характера. Насколько мы можем судить об этом вопросе, многие современные исследователи первобытной культуры склоняются именно к этому последнему решению, на основании своих специальных исследований. Так напр., *Marett*, *Hewitt*^{xiv} и др. считают анимизм,

^{xiii} В связи с, этим стоит у Вундта его стремление объяснить первобытные магические операции, производимые *издали*, как вторичную форму, развившуюся из магических действий при непосредственном соприкосновении. *Vierkandt* основательно, как кажется, считает эту дедуцию сомнительной и признает магическое влияние на расстоянии формой первичной (см. его рецензию о книге Вундта в *Archiv für die gesammte Psychologie*, X Band). Основательным нам кажется заметка *Vierkandt'a* и о том, что Вундт напрасно выводит магические действия из веры в магию, тогда как и здесь отношение были скорее обратными. Здесь тоже, вероятно, в начале стояли реальные *действия* как и в происхождении анимизма.

^{xiv} *R. R. Marett*, Pre-animistic Religion, Folk-Lore, London. XI, 1900. *Hewitt*, Orenda and a Definition of Religion. *American Anthropologist*, 1902. Тоже и *K. Th. Preuss* (*Globus*, Bd. 87, 1905), выдвигающий однако главным образом вперед первобытную магию. Цит. по Вундту (*ibid*, II, стр. 173 и сл.).

понимаемый как поклонение душам предков, вторичным явлением, развившимся из первичного преанимизма или общего демонизма, который можно также назвать общим аниматизмом, понимая под всеми этими именами общее и еще совершенно неопределенное верование в повсюду присущих духов, или демонов, возникшее у первобытного человека под влиянием чувства страха. К такому выводу этих исследователей приводит тот факт, что вера в демонов оказывается, повидимому, более распространенной (в верованиях первобытных племен и в фольклоре, народных масс у цивилизованных), чем поклонение душам усопших. С теорией Вундта эта преанимистическая стадия, конечно, не согласима. Для него демонизм (также как и магия, и тотемизм) есть позднейшее явление, исходным же пунктом анимизма должно быть наиболее *естественное* представление о «телесной душе» человека, сохраняющейся и после его смерти в трупе. Вундт поэтому решительно отвергает преанимизм. Но замечательно, что основанием для того у него являются чисто психологические соображения^{xv}. Однако именно эта психологическая сторона в теории анимизма Вундта и оказывается, как мы старались показать, сомнительной или, по крайней мере, недостаточной.

Каким образом из этого первоначальнейшего преанимизма или демонизма должен был необходимо развиться собственно анимизм, т. е. верование, что эти таинственные существа, всюду окружающие человека, суть собственно души усопших, это конечно легко понять. Как только рефлексия и фантазия стали заполнять содержанием понятие демона, само по себе, бессодержательное и имевшее лишь волюнтарное происхождение, это понятие должно было прежде всего заполниться материалом из наиболее близкого человеку опыта, представлениями о его собственной душевной жизни и отношениях его к другим людям, т. е. мире демонов должен был антропоморфизироваться. Но эти вопросы, также как и вопросы о дальнейшем развитии мифологических представлений, выходят уже за пределы поставленной нами темы. На эти вопросы ответы, находимые нами в сочинении Вундта, не только чрезвычайно поучительны, но и надолго, вероятно, определяют характер, и направление работ в сравнительной мифологии. Мы же, в наших беглых критических заметках, старались лишь показать, что самое начало анимизма надо искать не там, где его ищет Вундт: не в фантазии, как и не в уме первобытного человека, а в его биологически необходимых инстинктивных реакциях и выразительных жестах:

«Im Anfang war die That»

Н. Н. Ланге.

Ланге Н. Н. Теория В. Вундта о начале мифа. (Критические заметки). — Одесса: «Славянская» типография Е. Хрисогелос, 1912. — 20 с.

Отдельный оттиск из «Сборника в честь Э. Р. фон-Штерна» (ЗОИИД. — Т. 30. — С. 109—126). На титульном листе дарственная надпись автора М. Г. Попруженко.

^{xv} *Wundt, ibid.*, II, стр. 176 и сл.

Ланге Н. Н.

Единство университета и система факультетов

Нельзя сомневаться, что революции предстоит внести существенные изменения и в университетский строй, как она вносит их в другие государственные учреждения. Вся прошлая история высшей школы показывает нам, что каждому новому укладу общественной жизни всегда соответствовали и изменения в строе университетов. Да иначе и быть не может, ибо слишком важную роль играет наука в современной человеческой жизни и слишком тесными нитями связан университет с разнообразнейшими интересами общества и его классов, чтобы оставаться в стороне от этой жизни. В частности, предстоящая широкая демократизация университета, несомненно, внесет общее обновление и в состав студенчества, и в характер преподавания, и в общий строй университетской науки.

Каков будет этот новый строй университетов, в частности, пока еще недостаточно выясняюсь. Но было бы слишком неосторожно забывать в данный момент острой борьбы необходимость заблаговременно обсудить и обдумать предстоящее творчество, положительные задачи в построении будущей высшей школы. Об одной из таких задач мы и хотим поговорить на этих страницах.

Наши университеты представляют систему разграниченных и резко изолированных друг от друга отдельных факультетов – историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского. Сколько-нибудь живого общения между этими группами наук почти не происходит. Каждый факультет живет своей, изолированной от других факультетов, жизнью. В частности, каждый студент должен обязательно приписаться к одному из факультетов, и науки другого факультета для него являются почти недоступными: он должен следовать обязательному учебному плану своего факультета.

В этом отношении наши университеты более схожи с французскими университетами эпохи Наполеона I, – который стремился превратить единый университет в ряд отдельных, изолированных друг от друга, специальных школ, – чем с немецкими университетами. В этих последних, наряду со специальными факультетами, имеющими задачей готовить к определенным профессиям, именно, теологическим – для будущих священников, медицинским – для врачебной профессии и юридическим – для судебной, существует *один общий научный факультет* (называемый философским), который объединяет в своем составе все чисто теоретические науки – математику, естествознание, историю, философию, социологию, филологию и допускает каждого изучающего составлять себе любые комбинации из этих наук.

Которая же из этих систем предпочтительнее: наша ли, с ее резким разделением факультетов, или немецкая, в которой выделяются лишь профессиональные

факультеты — теологический, юридический, медицинский, а вся совокупность чистой науки соединена в один — общенаучный или философский факультет? Нам кажется, что эта последняя форма более желательна и целесообразна, как для прогресса самой науки, так и для просвещения студентов. В доказательство можно привести, главным образом, следующие соображения.

1. Обыкновенно указывают, в качестве основания для разделения общенаучного факультета, на то обстоятельство, что такое разделение является необходимым при современной специализации наук, и на полезность такой специализации. Однако, единство научного факультета вовсе не мешает специализации. И лучшим доказательством этого служит германская университетская наука, в которой специализация научных исследований проведена более, чем где-либо, несмотря на единство философского факультета. Действительно, это единство вовсе не мешает и не отрицает существование особых группировок наук по отделам (философия, математика, физика, химия, биология, история, социология) и тесной связи в пределах каждой группы или отдела. Это единство только сохраняет легкое и постоянное общение между этими группами наук в пределах единого научного факультета, а не разделяет их, эти отделы по разным, замкнутым друг от друга школам. В нашей же системе над естественным разделением наук по их отделам возведена еще особая, искусственная система деления по факультетам.

2. Каждый наш факультет соединяет в своих пределах научные области, часто вовсе не близкие между собою, и, наоборот, разделяет нередко области явно родственные и по методам исследования, и по своим объектам. Так соединение математики с описательным естествознанием в пределах одного физико-математического факультета, является, в сущности, внешним, ибо математика, по своим методам исследования, есть наука чисто рациональная, а в качестве научного органа принадлежит и должна быть употребляема всеми науками, а не только естествознанием: как выражался Кант, научность во всякой науке есть ее математичность. Столь же односторонняя связь философии с историко-филологическим факультетом. Юридический факультет соединяет в себе тоже две весьма разные научные области: чисто теоретические науки об обществе и государстве (общее учение о государстве, историю права, политическую экономию, социологию) и науки технические, имеющие предметом положительное действующее право. А с другой стороны, этими факультетскими границами разрываются связи между науками и особенно между собою близкими. Так, математика есть родная сестра логики, но первая относится к физико-математическому факультету, вторая — к факультету историко-филологическому. Эта отделенность социально-политических и экономических наук от филологического факультета и отнесение их к факультету юридическому имеет, между прочим, то невыгодное следствие, что первый факультет получил чрезвычайно филологический характер, так сказать литературно-

гуманистический, а правовая сторона и экономическая историко-социальных явлений не всегда находят в нем полную оценку, а, с другой стороны, экономика и социология на юридическом факультете часто утрачивают свой исторический и гуманитарный характер и становятся чрезмерно формальными науками, общая же социология, поделенная между факультетами, вообще, почти утрачивается.

3. В еще большей степени неудобства деления на факультеты отражаются на студенческих занятиях. Замкнутое в узкие и лишь условно допустимые границы отдельных факультетов, студенческое умственное развитие явно тем понижается, особенно же там, где — как у нас, в Одессе, — отдельные факультеты размещены в разных зданиях и разных частях города. Слушать лекцию другого факультета при этих условиях стало, даже для горячо этого желающих, крайне затруднительным, почти невозможным, так что для студентов *Universitas litterarum* почти вовсе исчезла.

Особенно, конечно, терпит при таком ненормальном положении кафедра философии. Как по прошлой своей истории, так и по современному положению, философия имеет самые тесные связи с науками, как математическими, так и с естествознанием и социологией. Великие философы прошлого времени — Декарт, Лейбниц — были вместе с тем и великими обновителями математики. А в наше время философская теория познания основывается прежде всего на математическом естествознании. Имена Вундта, Маха, Джемса, Когена ясно показывают, как тесна ныне связь разных специальных наук — физиологии, физики, биологии и др. с философией, и какую важную взаимную пользу и оплодотворение извлекают из этого тесного общения обе стороны. Но такую роль в университете философия может играть только в том случае, если она будет существовать на обще научном факультете. Уже много лет тому назад я, исходя из таких соображений, доказывал в Совете Новороссийского университета необходимость допускать к магистерскому экзамену по кафедре философии на ряду с окончившими историко-филологический факультет и лиц физико-математического образования, и тогда Совет принял соответствующее, постановление, которое погубило где-то в канцеляриях бывшего Министерства народного просвещения.

Обратим еще внимание и на то, что единство общенаучного факультета могло бы существенно улучшить правильную подготовку учителя средней школы, составляющую одну из важных задач университета. В настоящее время учитель математики или естествознания, совершенно отрешенный от изучения психологии и социальной педагогики, является, потому самому, недостаточным педагогом, хотя бы он владел вполне своею специальностью, именно потому, что эти науки так далеки от цикла знаний математического и физического факультета. В прошлые годы, экзаменуя лиц, ищущих звания учителя, я постоянно убеждался, как трудно и недостаточно даются учителям математики такие предметы, как психология и история

педагогике, именно потому, что во время своего студенчества они были лишены возможности слушать эти предметы в университете.

Укажем еще и на то, что, кроме философии и педагогики, и многие другие науки, относимые к тому или другому факультету, тем самым лишаются своих естественных связей, и поэтому могли бы существенно выиграть в своем нормальном развитии при учреждении единого научного факультета. Такова напр. география, имеющая существенные связи не только с естествознанием, но и с науками историческими и социальными. Таково же, до некоторой степени, общее языкознание, имеющее важные связи с физиологией и т. п. Некоторые же научные области, напр. история и теория индуктивных наук, кафедру которой занимал, напр., Мах, вообще, вряд ли найдут себе достойное и естественное место при нашей системе разделения факультетов.

Вообще, плодотворная деятельность многих из наиболее выдающихся современных ученых стала возможной, именно, только на широкой почве общенаучного факультета, дозволяющего объединение разных специальностей и переход от наук одного факультета к наукам другого. Вундт первоначально был физиологом, а потом профессором философии, Фехнер сначала физик, потом психолог, тоже и Мах; Джемс сначала – биолог, потом философ; Моммзен сначала юрист, потом историк; Целлер сначала теолог, потом историк философии и т. д.

Каким образом и в каких формах осуществить это соединение факультетов, выделив из него только медицинский, юридический и технический, это вопрос сложный и требующий вдумчивого и осторожного проведения, чтобы не разрушить полезных связей, существующих ныне, и, вместе с тем, дать место новым связям. По нашему мнению, сначала было бы достаточным ограничиться выработкою разных новых научных планов, дозволяющих желающим изучать научные дисциплины, принадлежащие ныне к разным факультетам, и установить в общих собраниях факультетских преподавателей более тесные между ними общения для обсуждения совместных научных предприятий и заданий и т. п. Во всяком случае, мы в этих беглых заметках не можем дать никакого окончательного и формального предложения. Мы желали только обратить внимание читателя на сущность основной идеи и ее целесообразность, предоставляя жизни выяснить возможные формы ее осуществления или проведения.

Н. Н. Ланге.

Высшая школа: Бюллетень Одесского Сквуза. – 1919. – № 1 (июль). – С. 18–20.

М. І. Гордієвський.
Наукова й громадсько-педагогічна діяльність
професора М. М. Ланге.

Нарис із історії науки й освіти на Україні¹

І. Перші філософські твори М. М. Ланге

Говорити про перші філософські твори М. М. Ланге, зокрема про його магістерську дисертацію, це значить говорити про певний період в історії російської філософії, оскільки твори ці, як з боку вибору тем, так і з боку розробки цих тем, відбили на собі характер тієї епохи, в яку їх було задумано й виконано. Через це ми попередимо свій огляд деякими історичними зауваженнями, що допоможуть нам зрозуміти той загальний напрямок, що в ньому розвивалася філософська діяльність М. М. Ланге. Нам треба заглибитися у 80-ті роки минулого століття, коли з'явилися перші філософські твори М. М. Ланге. Однак, 80-ті роки це лише один із етапів на тому порівнюючи довгому шляху, що його встигла пройти російська філософія з моменту її виникнення. Тих попередніх етапів ми мусимо хоч би побіжно торкнутися, щоб склалася певна історична перспектива; отже зробимо коротенький екскурс у минуле філософської думки в Росії та на Україні.

Перший період в історії російської філософії, період, що може бути названий підготовчим, припадає на другу половину XVIII століття; за початок цього періоду можна визнати 1755 рік, себто рік відкриття Московського університету. Духовні академії Москви й Києва, що існували в той час, можна не брати під увагу, оскільки в цих академіях філософія мала занадто схоластичний характер. Що ж до того загального напрямку, який мала російська філософія в цей початковий період, то тут не було цілковитої єдності: з одного боку, культивувалася вольф'янська філософія, з другого боку, ще більш успішно розповсюджувалися ідеї французьких мислителів — Вольтера, Монтеск'є, Гельвеція, Руссо, Кондільяка, Д'Аламбера. Остеронь від цих напрямків стоїть діяльність українського мудреця Григорія Савича Сковороди, який і оригінальністю своїх поглядів, і глибиною думки переважає всіх своїх російських сучасників і попередників.

Другий період в історії російської філософії охоплює першу й почасти другу половину XIX століття. Панування філософії енциклопедистів змінюється в цей період

---

¹ Наш нарис значною мірою ґрунтується на тих паперах, що залишилися після проф. Ланге. Удові не-біжчика Тетяні Федорівні та його синові Миколаєві Миколайовичу складаємо свою щирю подяку за ласкавий дозвіл користуватися цими матеріалами.

пануванням німецького ідеалізму, спочатку в формі захоплення ідеями Шеллінга, а потім — філософією Гегеля. У цей другий період російській філософії довелося зустрітися з серйозними перешкодами з боку російського уряду. Першому переслідуванню вона підпала в другу половину царювання Олександра I, коли знущалися над освітою Руніч та Магніцький, а другому переслідуванню — в останні роки царювання Миколи I, коли філософію було майже цілком усунено з російських університетів.

З другої половини 50-х років починається третій період в історії російської філософії, період, що характеризується значною різноманітністю напрямків. Початкові стадії цього періоду (50-ті й 60-ті роки) це час панування матеріалізму, що, подібно до попереднього ідеалізму, прийшов до нас із Німеччини. Однак, панування матеріалізму не довго тривало, досить швидко воно змінилося пануванням позитивізму, що повстав ще в 60-ті роки, найбільше ж поширився в слідуюче десятиліття. Таким чином, захоплення метафізикою, спочатку в ідеалістичній, а потім у матеріалістичній формі, змінилися байдужістю до цієї метафізики, оскільки позитивізм як раз характеризується відмовою від розв'язання метафізичних питань.

Однак, пригноблене становище метафізики не довго тривало, — у 80-ті роки метафізика знову відроджується і стає предметом уваги багатьох російських філософів. Ще в 70-ті роки розпочав свою філософську діяльність Володимир Соловйов, який уже першу значну свою працю направив проти позитивізму¹. Ця наново народжена метафізика виступала в формі ідеалістичних напрямків, що до певної міри було поворотом до того стану, в якому перебувала російська філософія в другий період своєї історії.

Така була та ідейна атмосфера, що оточувала М. М. Ланге в ту добу його життя, коли формувався його світогляд, коли визначалися його наукові інтереси. Найхарактерніше явище епохи, боротьба метафізики з позитивізмом, не могло не звернути на себе уваги молодого філософа й не могло не спонукати його взятися за самостійне розв'язання питання про право метафізики на існування. Однак, для того, щоб задовільно розв'язати це питання, треба було ґрунтовно познайомитися з метафізикою, вивчити її за першими джерелами, взявши за вихідну точку систему якого-небудь видатного мислителя. Так виникла студентська праця М. М. Ланге про Ляйбніца, за яку авторові було присуджено золоту медаль історично-філологічним факультетом Петербурзького університету². Це заглиблення в царину метафізичних проблем привело М. М. Ланге до міцного переконання, що метафізика має право на

¹ В. С. Соловьев. — Кризис западной философии (против позитивистов). Див. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева, под ред. и с примечаниями С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Второе издание. Том I. С.-Петербург, стр. 27–170.

² Про це див. Протоколи засідань Совета императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1881–1882 академ. года. № 25, С.-Петербург — 1882, стор. 100–103. (Тут уміщено рецензію на працю М. М. Ланге).

існування і що позитивізм, який оголосив війну метафізиці, виходить із помилкових припущень. Однак, визнаючи загальну можливість метафізики, М. М. Ланге згодом приходиться до того погляду, що час для розв'язання метафізичних проблем ще не настав, так через те, що спеціальні науки, які мусять закласти фундамент для метафізики, ще не одержали відповідного розвитку, як і через те, що ті основні поняття, які дають матеріал для збудування метафізичних систем, ще не досить проаналізовано й обґрунтовано. При сучасному рівні наукового знання і при сучасному стані теорії пізнання всяка спроба створити закінчену метафізичну систему неминуче буде безрезультатна, як безрезультатні були всі спроби метафізиків минувшини.

Переконавшись в тому, що заняття метафізикою не на часі, М. М. Ланге переймається байдужістю до цієї метафізики й зосереджує свою увагу на етиці. Він хоче критично переглянути всі головні етичні напрямки XIX століття, щоб заклас-ти підвалини для нової етичної системи, науково обґрунтованої. Він приступає до збирання матеріалів для свого широко задуманого твору «Історія моральних ідей XIX століття».

Треба сказати, що цей інтерес до етики, що його ми помічаємо в молодого Ланге, яскраво відбиває на собі те загальне захоплення етичними проблемами, що було так характеристичне для російської інтелігенції 70-х–80-х років минулого століття. А цей зріст інтересу до етики треба поставити в зв'язок із зростом політичної реакції. В міру того, як зростала ця реакція, все більше зростав громадський індиферентизм і громадські інтереси все більше витискувалися інтересами особистими. Це відбивається і на філософській думці. Яскраве підкреслювання філософського індивідуалізму помічаємо в Кавеліна в його творі «Завдання психології», що вийшов 1872 року. Він скаржиться, що серед російської інтелігенції громадські інтереси «відсунули окрему людину, особисте існування назад і заслонили його собою»¹. Він із сумом констатує, що «з успіхами громадського життя особистості бліднішають і нібито ступнево вироджуються»², тоді як, здавалося б, повинно бути навпаки. «Особистість, індивідуальність, каже він, є первісна клітина духовного й громадського життя. Із цього виходило б, що вона мусить стояти на першому плані, посідати найпочесніше місце, бути головним предметом нашої дбайливості, уваги й учасництва»³.

Цілком зрозуміло, що це збільшення інтересу до людської особи мусило потягти за собою також збільшення інтересу до етичних проблем, — зацікавленість до окремого індивідуума означала також зацікавленість до його морального справування. І ми дійсно бачимо, що з ходом часу, серед російського суспільства все міцнішає

¹ К. Кавелин. — Задачи психологии. Соображения о методах и программе психологических исследований. С.-Петербург, 1872 г., стр. 221.

² Ibidem, стр. 222.

³ Ibidem, стр. 222.

інтерес до етики, так мало помітний в 50-ті – 60-ті роки. Кінець сімдесятих і початок вісімдесятих років це вже період справжнього захоплення етичними проблемами. Той самий Кавелін, який на початку сімдесятих років скаржився, що на особу та її духовне життя не звертають уваги, тепер уже з задоволенням констатує протилежне явище. Ось що ми читаємо на першій сторінці його твору «Завдання етики»: «Років двадцять-тридцять тому про етику й моральну особу, здавалося, зовсім забули; тепер інтерес до них несподівано раптом виник знову, ніби виріс із під землі»¹. Те саме констатує П. Є. Астаф'єв, другий видатний представник тодішньої російської філософії. «Навряд чи можна сумніватися, каже він, у надзвичайно поширеному й глибоко широму інтересі до питання про мораль, про її відношення до релігії та до її психологічні підвалини, що оживляє в теперішній час кращу частину нашого суспільства, яке ще так недавно байдуже ставилося до цього»².

Це загальне зацікавлення етичними проблемами не могло не відбитися на наукових інтересах М. М. Ланге. Він інтенсивно починає працювати над критичним переглядом етичних напрямків XIX століття, однаково цікавлячись так німецькою, як і французькою етикою. У наслідок цього 1888 року з'являється в світ його магістерська дисертація «Історія моральних ідей XIX століття». Однак, для Ланге було ясно, що метафізика відроджується, хоч і не в тій формі, в якій вона виступала в попередні десятиліття. Це дуже турбує М. М. Ланге, його непокоїть думка про те, що багато зусиль буде витрачено на розв'язання тих питань, час для яких ще не настав, що багато філософських голів, які попадуть в тенета метафізики, буде безповоротно втрачено для тих відділів філософії, розробляти які і можна, і треба. Але він знає, що цьому лихові можна запобігти, що все ж таки є можливість до певної міри ослабити це захоплення метафізикою. Одним із засобів до цього він визнає ознайомлення суспільства з грандіозними метафізичними системами першої половини XIX століття, шляхом строго наукового й безстороннього викладу цих систем, зв'язаного з їх критичною оцінкою. Таке знайомство з німецьким ідеалізмом, гадає він, витверезить тих, хто без належної критики піддається чарам метафізики. Дослідження, присвячене цьому питанню, може відіграти спасенну роль для майбутнього філософії. Справді, читачеві стане ясно, що «коли такі дійсно геніальні і глибокодумні метафізичні системи, як Гегелева або Шеллінгова, зазнали цілковитої поразки, то яка ж буде доля більшості сучасних систем, що не в силі піднятися навіть на рівень тих питань, що їх засвоїли собі гіганти чистої думки першої половини (19-го) століття»³.

¹ К. Кавелин. — Задачи этики. Учение о нравственности при современных условиях знания. С.-Петербург, 1885 г., стр. 1.

² П. Е. Астафьев. — Чувство, как нравственное начало. Психологический очерк. Москва, 1886 г., стр. 5.

³ Н. Н. Ланге. — История нравственных идей XIX века. С.-Петербург, 1888 г., стр. 208.

Допіру сказане робить для нас цілком зрозумілим загальний характер магістерської дисертації Миколая Миколайовича. Не зважаючи на те, що дисертація має заголовок «Історія моральних ідей XIX століття», по суті вона є стільки ж дослідження з історії етики, скільки й з історії метафізики. Справді, метафізичні погляди творців етичних систем викладаються автором з далеко більшою докладністю, ніж те вимагалось б для належного зрозуміння цих систем, особливо ж детально розглядаються метафізичні системи Фіхте, Гегеля та Шеллінга. Це робиться з ясною свідомістю того, що детальне ознайомлення з вченням німецьких метафізиків здатне буде, кажучи словами автора, «застерегти від повторювання старих помилок, за які стільки разів вже платилася філософія»¹. Таким чином, дисертація ставить собі подвійне завдання: з одного боку, на великих прикладах минулого показати, як слід братися за збудування етичних систем, з другого боку, на прикладах того самого минулого показати, що всяка спроба, скерована до створення метафізичної системи, є справа передчасна.

Само собою розуміється, що розв'язати цілком задовільно два настільки різних завдання надзвичайно важко в межах одного дослідження. При таких умовах легко може статися, так би мовити, взаємне гальмування цілей, що їх ставить собі автор. До певної міри це дійсно й сталося в дисертації М. М. Ланге: прямування до однієї мети заважає тут досягненню іншої мети, у наслідок чого маємо деяку неповноту й непропорційність. Так, напр., моральне вчення Фіхте зачеплене тільки злегка, тоді як теоретичну філософію того самого Фіхте розглянуто з великими деталями. І навпаки, етичну систему Гербарта розглянуто з достатньою повнотою, метафізику ж Гербарта цілком не зачеплено. Трудністю сполучити обидва поставлених завдання, цілком імовірно, пояснюється і те, що в дисертації зовсім не знайшло собі місця вчення Шляйєрмахера, мислителя дуже цікавого, що має право на таку ж увагу, як Фіхте, Гегель та Шеллінг. Однак, хоча, з огляду на труднощі одночасного розв'язання поставлених завдань, трапилися деякі прогалини в викладі, все ж таки дисертація справляє на читача гарне вражіння. Звертає на себе увагу перш за все вміння автора зробити ясным і зрозумілим те, що само по собі відзначається великою темнотою і незрозумілістю. Тонка й заплутана тканина метафізичних умоглядів Фіхте, Гегеля та Шеллінга розплутується автором надивовижу легко, так що читачеві стають цілком приступними всі покручені ходи вибагливої думки німецьких метафізиків. Поруч цього, дають про себе знати критичні здібності автора, що виявляється в значній кількості цілком слушних зауважень.

Критично оцінюючи етичні системи німецьких філософів, автор мимохідь знайомить нас і з своїми власними етичними поглядами, до яких він дійшов після довгих міркувань. На жаль, власні погляди автора не знайшли собі достатньо повного вислову в дисертації.

---

¹ Ibidem, стор. 208.

Такий зміст магістерської дисертації М. М. Ланге. Однак, це ще не вся дисертація, це тільки та частина її, що була пропущена цензурою. Другу частину цензура заборонила, — надруковані аркуші зараз же було конфісковано. На щастя, один друкований примірник цієї другої частини зберігся в родині М. М. Ланге, і ми мали можливість із ним докладно познайомитися.

Тоді як першу частину дисертації присвячено німецькій етиці, другу частину присвячено французькій етиці, — тут фігурують: Сен-Сімон і його учні, також Фур'є, Жозеф де-Местр, Ламенне, Огюст Конт та Прудон. Тепер розуміємо, чому другу частину дисертації було знищено цензурою. Соціалісти-утопісти Сен-Сімон і Фур'є та анархіст Прудон, звичайно, були страхіттям для тодішньої російської цензури, вона не могла дозволити видання такого твору, де детально розглядається світогляд цих видатних представників соціалізму й анархізму.

Французьку етику XIX століття автор вважає за продукт революції 1789 року. «Революція ця, каже автор, є центр, навколо якого обертаються всі оригінальні французькі вчення, і те відношення, в яке вони становляться до її принципів, надає характер і всьому іншому їхньому змістові»¹. І далі: «Навколо принципа рівності й свободи обертається вся оригінальна французька філософія XIX віку. Один напрямок, що повстав як реакція проти революції, заперечує цей принцип і протиставляє йому його протилежність — панування суспільства над особою і заперечення індивідуального права: людина є власність суспільства. Це філософія соціалізму й ультрамонтанства. Другий напрямок, значно пізніший, знову відбудовує принципи революції і розвиває їх у цілу систему, основа якої одна — безумовна вартість особи, — це філософія індивідуалізму. До першого напрямку належать: Сен-Сімон і його учні, також Фур'є, Конт, а з другого боку Жозеф де-Местр та Ламенне; другий напрямок знайшов найвидатнішого представника в Прудоні»².

Загальний висновок, що до нього приходять автор у наслідок критичного огляду всіх цих теорій, є той, що головну заслугу французької етики XIX століття становить вчення про безумовну моральну конечність як любові, так і справедливості. Французька етика, однак, не поєднала цих двох принципів, кожний із них становить тут підвалину окремих, цілком відмінних одна від одної систем; погодження цих двох принципів — справа майбутнього, і можливо, не французький, а якийсь інший наріз розв'яже цю проблему теоретично й практично.

Поруч захоплення етикою зростало в М. М. Ланге й захоплення психологією.

Однак, робота над магістерською дисертацією відволікала Миколая Миколайовича від заняття психологією. Тільки тоді, коли Миколай Миколайович закінчив свою магістерську дисертацію і захистив її, він міг як слід зосередитися на психо-

¹ Ibidem, стор. 274.

² Ibidem, стор. 275.

логічних проблемах. Наслідком цього була докторська дисертація, що звернула на себе увагу наукових кол, показавши, що в особі М. М. Ланге ми маємо видатного психолога.

Однак, перш ніж говорити про М. М. Ланге, як психолога, перш ніж з'ясувати його ролі в розвитку психології в Росії та на Україні, слід показати, що з себе уявляла ця психологія до Ланге, які напрямки в ній панували, які західноєвропейські течії на ній відбивалися.

II. Стан психології в Росії та на Україні в 60-ті—80-ті роки XIX століття

Інтерес до психології в Росії та на Україні до 60-х років XIX століття був незначний. За цей час дуже мало з'явилося творів з психології, при чому й ті твори, що з'явилися, здебільшого мали характер загальних курсів, а не монографій, присвячених окремим питанням. Починаючи з другої половини 60-х років, а власне з 70-х років, справа міняється: психологія робиться предметом серйозної уваги наших філософів, при чому цей інтерес до психології з кожним роком зростає. Все більше поширюється погляд на психологію, як на основну філософську дисципліну, і перш за все визнається її значіння для етики, до якої тоді, як ми знаємо, був великий інтерес. Шукаючи теоретичних основ для своєї науки, моралісти того часу відразу натрапили на психологію. Ось що каже з цього приводу К. Кавелін, що був тоді видатною постаттю серед російських філософів: «Етика має найближчий зв'язок із психологією. Вона, разом із останньою, із усіх наук найглибше проникає в таємниці психічного життя і діяльності людини й найближче підходить до джерел, де остання безпосередньо зароджується»¹.

Однак, психологія не тільки ставиться в зв'язок із етикою, але й розглядається, як єдина її основа. «Ми переконані, каже той самий Кавелін, що тільки в психології, піднесеній на ступінь позитивної науки, розробленій за допомогою позитивної наукової методи, можна відтепер знайти міцні підвалини для вчення про мораль»². Того самого погляду на психологію, як основу етики, додержується і В. Чиж, автор твору «Наукова психологія в Німеччині». Ось що каже він: «Якщо, завдяки науковому поступові природознавства, зовнішня культура Європи за останні три століття зробилася такою, що її не пізнати, то можна собі уявити, як зміниться духовне життя, коли психологія досягне тої самої височини, як і природознавство. Тоді з'явиться нове вчення про мораль і, як засноване на науковому досліджуванні, а не на думках, воно буде обов'язкове для всіх»³.

¹ К. Кавелін. — Задачи этики. С.-Петербург, 1885 г., стр. 10.

² К. Кавелін. — Задачи психологии. С.-Петербург, 1872, стр. 236.

³ Владимир Чиж. — Научная психология в Германии. Москва, 1886 г., стр. 96.

У своїх поглядах на психологію письменники того часу заходили так далеко, що розвиток психології вважали навіть за головну умову зміни нашого світогляду й життя суспільства. «Коли психологію буде розроблено об'єктивними методами, каже автор тільки що цитованого твору, коли її закони стануть безперечними, одно слово, коли вона стане наукою стільки ж точною і повною, як і фізика, тільки тоді можна сподіватися зміни всього нашого духовного життя і всього нашого громадського ладу»¹.

Великі надії покладалися на психологію, як на засіб проти матеріалізму. Додержувалися того погляду, що значне поширення матеріалістичної теорії було викликано буйним розквітом природознавства, який значно випередив розвиток гуманітарних наук; отже тішили себе надією, що майбутній буйний розвиток психології створить несприятливі умови для матеріалізму. «Для кожного очевидно, читаємо ми в уже цитованому творі, що, завдяки переважаючому розвиткові природознавства в наші часи, матеріалізм є єдино можлива філософська система; не менш очевидно, що наукова психологія буде за підвалину для нового філософського світогляду, що задовольнятиме всім нашим духовним потребам»².

Того самого погляду на психологію, як на засіб боротьби з матеріалізмом, додержується і М. Страхов, видатний російський філософ тих часів. «Психологія, каже він, безпосередньо вивчаючи наше душевне життя, мусить подавати нам найдужчі, щодо простоти й жвавості, докази, з одного боку, проти скептицизму, а з другого — проти матеріалізму й нецесаріанізму»³.

Цікаво те, що дехто розглядав психологію не тільки, як засіб проти матеріалізму, а одночасно й як засіб проти ідеалізму, гадаючи, що психологія приведе до встановлення такого світогляду, де ідеальний і матеріальний моменти будуть поєднані. Такого погляду додержувався К. Кавелін⁴.

Одне слово, в 70-ті роки інтерес до психології все більш зростає, а в середині 80-х років він сягає дуже високого ступіня. Психологію розглядають, як головну науку, від якої залежить перебудова всього нашого світогляду. Цілком натурально, що зріст інтересу до психології не міг не позначитися зростом самої психологічної літератури. І ми дійсно бачимо, що з кожним роком ця література все більш зростає.

Що ж з себе уявляла ця російська психологія, які напрямки в ній панували, які чужоземні впливи вона відбивала?

¹ Ibidem, стор. 96.

² Ibidem, стор. 97.

³ Н. Страхов. — Об основных понятиях психологии и физиологии. С.-Петербург, 1886 г., стр. 86.

⁴ К. Кавелин. — Задачи психологии. С.-Петербург, 1872 г., стр. 230—231.

Таких впливів було два: один з боку англійської, другий з боку німецької психології. Звернімося спочатку до англійського напрямку. Цей напрямок становить характеристичну рису російської психології в другу половину XIX століття, порівнюючи до першої половини цього століття. Можна без вагання сказати, що до 60-х років у Росії і на Україні майже неподільно панувала німецька психологічна думка, що цілком відповідало загальному захопленню німецькою філософією, з 60-х же років до німецького впливу додається новий, англійський. Розпочинателем цього нового напрямку був у нас М. М. Троїцький, спочатку проф. київської академії, а потім київського та московського університету. 1867 року вийшов у світ, у двох томах, великий твір Троїцького під такою назвою: «Німецька психологія в поточному столітті. Історично-критичне дослідження, з попереднім нарисом успіхів психології в Англії з часів Бекона й Локка»¹. Увесь перший том цього твору присвячено історичному оглядові англійської психології, починаючи від Локка й закінчуючи Спенсером. Автор захоплюється англійською емпіричною психологією і тією індуктивною методою, що її вона додержується. Другий том подає огляд німецької психології в її історичному розвитку, починаючи від Ляйбніца й закінчуючи Вундтом. Загальний тон цього другого тому зовсім інший, порівнюючи з першим томом. Тут автор дуже скупий на похвали, замість того він гостро критикує, висловлюючи своє цілковите незадоволення характеристичною для старої німецької психології дедуктивною методою.

Вражіння, зроблене твором Троїцького, було дуже велике. Видатніші російські філософи того часу, К. Д. Кавелін і М. М. Страхов, радісно вітали цей твір, вбачаючи в авторові розпочинателя в нас нової епохи. Однак, твір Троїцького зустрів також і гостру критику. Особливо невдоволений був цим твором проф. київського університету С. С. Гогоцький, наслідувач філософії Гегеля. Того самого року, коли М. М. Троїцький видрукував свій твір, С. С. Гогоцький випустив окрему брошуру в 83 сторінки, присвячену критичному оглядові цього твору². Успіх брошури С. С. Гогоцького був такий великий, що через десять років він визнав за потрібне випустити її новим виданням, з деякими додаткам³.

С. Гогоцький бере під свій захист німецьку психологію XIX століття, доводячи, що М. Троїцький не зрозумів її характеристичних рис; обвинувачує він його й у тому, що свій історичний огляд він закінчує на психології Бенеке, присвятивши

¹ М. М. Троицкий. — *Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование, с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бекона и Локка.* Москва, 1867.

² С. Гогоцкий. — *Несколько мыслей по поводу сочинения: «Немецкая психология в текущем столетии».* Киев, 1867 г.

³ С. Гогоцкий. — *Критическое обозрение сочинения М. Троицкого: «Немецкая психология в текущем столетии».* Киев, 1877 г.

Фехнерові й Вундтові тільки декілька рядків¹. Закінчуючи свій критичний огляд, Гогоцький каже: «Шановний автор зробив добре діло, висунувши питання про відношення англійської психології до німецької із меж школи на арену преси, але саме розв'язання питання ще в далекому майбутньому»².

Однак, гостра критика твору Троїцького, що з нею виступив Гогоцький, не могла утримати окремих російських вчених від наміру піти за прикладом Троїцького й уґрунтовувати свої психологічні дослідження на винаходах англійських психологів. Згадаймо про деяких із цих дослідників, що рішуче стали на бік англійської психології. 1876 року вийшов у світ перший том твору Михайла Зеленського «Основи догляду за правильним розвитком мислення і почуття»³. Другий том цього твору вийшов 1882 року⁴. Автор рішуче виступає проти всякої метафізики в психології і навіть у Вундта він знаходить рештки цієї метафізики⁵. Симпатії автора на боці англійської емпіричної психології, цілком вільної від метафізики.

1877 року вийшов твір П. Каптерева «Педагогічна психологія»⁶. У своєму творі Каптерев наслідує англійських психологів, — вчення про уяви він викладає згідно з добутками англійської психології, почуття і волю розглядає за Бенном.

Трохи згодом з'являється твір М. Грота «Психологія почувань в її історії і головних основах»⁷. Свій твір М. Грот писав під домінуючим впливом Герберта Спенсера.

Це захоплення англійською психологією було зв'язане з тим загальним захопленням англійською філософією, що помічалось тоді серед російських філософів. І Троїцький, і Грот були прихильниками не лише англійської психології, а також англійської логіки, що цілком ясно відбилосся на їхніх творах: «Логіка» та «До питання про реформу логіки». Англійською філософією захоплювався також А. Смірнов, відомий своїми творами: «Філософія Берклі» та «Історія англійської етики XVII—XVIII століття».

Англійська філософія приваблювала своїм позитивним напрямком, своїм негативним ставленням до метафізики. То були часи захоплення в нас англійським позитивізмом, то були взагалі часи захоплення позитивізмом, що виступав на зміну

¹ С. Гогоцький. — Несколько мыслей по поводу сочинения: «Немецкая психология в текущем столетии». Киев, 1867, стр. 72.

² Ibidem, стор. 83.

³ Михаил Зеленский. — Основы для ухода за правильным развитием мышления и чувства. Т. I, С.-Петербург, 1876 г.

⁴ Михаил Зеленский. — Основы для ухода за правильным развитием мышления и чувства. Т. II. Основы для развития ума. С.-Петербург, 1882 г.

⁵ Том I, стор. 346—347.

⁶ П. Каптерев. — Педагогическая психология для народных учителей, воспитателей и воспитательниц. С.-Петербург, 1877 г. Друге цілком перероблене видання цього твору вийшло 1883 р.

⁷ Николай Грот. — Психология чувствований в ее истории в главных основах. С. Петербург, 1879—1880 г.

матеріалізму. При чому позитивізм цей прийшов до нас не тільки з Англії, а також із Франції. Однак, французький позитивізм не викликав у нас пошвавлення занять психологією, бо сам основоположник цього напрямку, Огюст Конт, не вважав психологію за самостійну науку, цілком підпорядковуючи її фізіології. Англійський же позитивізм зробив помітний вплив на стан психології в Росії та на Україні. Як відомо, один із головних представників цього напрямку, Герберт Спенсер, багато займався психологією і написав великий твір «Основи психології», що незабаром був перекладений російською мовою. Психологічні ідеї Спенсера, як і ідеї Бена, другого видатного представника англійського позитивізму, як раз і відбилися на тодішній нашій психології.

Однак, яким би значним не було захоплення англійською емпіричною психологією, все ж таки значно поширена була в Росії та на Україні й психологія німецька. Багато хто з наших психологів того часу віддавали перевагу німецькій психології перед англійською і у своїх творах відбивали різні напрямки цієї німецької психології. Але перш ніж знайомитися з цими напрямками, слід, на наш погляд, сказати декілька слів про ті головні етапи, що їх пройшла наукова психологія в Німеччині в своєму історичному розвитку. Свій короткий огляд розпочнемо з Канта. Цей великий філософ відразу зрозумів, що саме потрібно для психології, щоб вона стала справжньою наукою. На погляд Канта, для цього потрібні дві умови: широке використання математики при вивченні психічних явищ та вживання експерименту. На жаль, ці дві умови Кант визнав нездійсними. Експеримент, гадає він, не може бути вживаний в психології, бо ми не можемо свавільно викликати психічні явища; математика теж не може бути використана, бо для того, щоб математику можна було застосовувати до тих чи інших явищ, треба, щоб ці явища мали два виміри, психічні ж явища, на погляд Канта, мають тільки один вимір – часову довгість. На підставі цього Кант песимістично дивиться на майбутнє психології, як науки, гадаючи, що психологія ніколи не досягне досконалості точних природничих дисциплін.

Однак, не зважаючи на цей кантівський песимізм, методологічні принципи, встановлені Кантом, стали тим ферментом, що викликав шумування в пліснявій німецькій психології того періоду. Слідом за Кантом пішов Гербарт. Захоплений думкою Канта, що без застосування математики психологія не може стати наукою, Гербарт намагається фактично застосувати її до психології. Він вважає це за цілком можливе, бо, на його, погляд, психічні явища мають не один, як здавалося Кантові, а два виміри, – часову довгість та інтенсивність. І Гербартові дійсно вдалося це поєднання психології з математикою, – в своїх психологічних дослідженнях він широко вживає математичні формули. Ще з другого боку Гербарт надав наукового характеру психології. Він геть відкинув теорію природжених душевних здібностей, цю характеристичну рису старої психології. На жаль, Гербарт не вважав за можли-

вий психологічний експеримент, погоджуючись у цій точці з Кантом; крім того, його психологія метафізична, бо хоч він і настоює на широкому використуванні методи спостережень, однак, за вихідну точку в своїх психологічних міркуваннях має погляд на душу, як на абсолютно просту субстанцію. Взагалі він гадає, що психологія неможлива без метафізики.

Другою видатною постаттю в німецькій психології першої половини XIX віку був Бенекє, що виробляв свою психологічну систему під значним впливом з боку англійської психології. Методологічні принципи Бенекє були значно відмінні від методологічних принципів Гербарта. Тоді як Гербарт за основу психології вважав метафізику (поруч досвіда й математики), Бенекє, навпаки, психологію вважав за основу метафізики, як і за основу логіки, етики, педагогіки, філософії права, філософії релігії. Однак, як і Гербарт, Бенекє не звертався до експерименту, за основну методу психологічного досліджування він вважав самоспостереження.

Однак, Бенекє не відіграв такої великої ролі в історії психології, як Гербарт. Простежуючи дальший розвиток німецької психологічної думки, мусимо звернутися до наслідувачів Гербарта. Всіх їх можна поділити на чотири групи: чистих або ортодоксальних гербартіанців, емпіриків, психологів-педагогів та представників так званої психології народів. Щодо першого напрямку, то він був найменш продуктивний, представники цього напрямку (Корнеліус, Ціммерман, Фолькман та інші) не сказали нічого нового, обмежуючись розробкою деталей Гербартової психології. Щодо психологів-педагогів (Ціллер, Стой та інші), то вони всю свою увагу звернули на практичне застосування до виховання вже готових психологічних принципів Гербарта, мало займаючись самостійними психологічними досліджуваннями. Щодо представників психології народів (Вайтц, Штейнталь, Лацарус), то треба сказати, що вони багато зробили для цієї молоді ще тоді науки, широко вивчаючи, між іншим, життя дикунів. Але психологія народів зараз не цікавить нас. Більш уваги звернемо на тих наслідувачів Гербарта, що їх ми назвали емпіриками. Цей напрямок характеризується змаганням до створення психології, цілком вільної від метафізики, що означає часткове розходження з Гербартом. Досвід, цей другий елемент психології Гербарта, емпірики визнали за її єдину основу; вони займалися вивченням порівнюючи простих явищ психічного життя, розуміючи, що вивчення складніших явищ це справа пізніша. Видатним представником цього напрямку був Дробіш, твір якого «Емпірична психологія», що вийшов 1842 року, у свій час був дуже поширений в Німеччині. Завданням емпіричної психології Дробіш визнає опис і класифікацію психічних явищ, за методу ж її він вважає «правдиве, без упередньої ідеї, цілком безсторонне спостереження, далеке від усякої теоритизації». За основний психологічний закон Дробіш визнає закон асоціації; незалежно від англійських психологів він прийшов до висновку, що не тільки пригадування і фантазія, а також судження, умовисновки, навіть емоції й поривання можуть бути з'ясовані лише асоціацією.

Тут психологія Дробіша, як і взагалі психологія представників цієї течії в гербартианстві, близько підійшла до англійської емпіричної психології з її асоціанізмом.

Видатним представником німецької психології середніх десятиліть ХІХ століття був також Герман Лотце, що в своїй філософії був під значним впливом Ляйбніца. Хоч Лотце й відводив почесне місце досвідові, однак, він ніколи не відокремлював психологічних досліджувальних від метафізичних гіпотез.

Усі ці психологічні напрямки, так поширені в Німеччині, мали ту спільну рису, що не вживали експерименту, хоч і висували на перший план досвід, як у формі спостережень, так і у формі самоспостережень. Однак, поруч цього розвивався в Німеччині ще один напрямок, що проголосив експеримент за основну психологічну методу. Родоначальником цього експериментального напрямку був фізіолог Вебер, слідом за яким пішов Фехнер, проф. фізики Ляйпцігського університету. Вебер і Фехнер це фундатори так званої психофізики, що відіграла таку велику роль в історії німецької психології ХІХ століття.

У той час як Фехнер обмежувався досліджуванням безпосередніх наслідків роздратування органів зовнішніх почуттів, його наслідувачі значно поширили сферу застосування експериментальної методи, включивши в сферу досліджування, поруч відчуттів, також діяльність відрізнення і пізнавання, судження і вибору, властивості й особливості пам'яті, почуття і афекти. У своєму творі «Основні напрямки фізіологічної психології», що вийшла 1874 року, Вільгельм Вундт як раз у цьому напрямку поширює завдання нової науки. У той же час удосконалювалася сама метода досліджування. Заснування Вундтом у 1879 році в Ляйпцізі психологічної лабораторії, в яку незабаром полинули молоді дослідники зі всього світу, означало настання нової ери в історії експериментальної психології.

Як же ці напрямки німецької психології відбилися в Росії та на Україні? Перш за все нас цікавить вплив з боку Гербарта.

Нам здається, що ми не помилилися, коли скажемо, що гербартианська психологія не мала великого успіху в Росії та на Україні в другій половині ХІХ століття. Справді, характеристичний для Гербарта психологічний інтелектуалізм не визнається багатьма нашими психологами, при чому деякі з них інтелектуалізові протиставляють емоціоналізм, більшість же – волюнтаризм. Прихильником емоціоналізму був П. Юркевич, спочатку проф. київської академії, а потім московського університету. Юркевич полемізує з філософами й психологами, що вбачають у мисленні основну психічну функцію, на ґрунті якої зростають емоції і воля.

Спростовуючи цей погляд, він каже: «мислення не вичерпує всієї повноти духовного людського життя так само, як досконалість мислення ще не означає всіх досконалостей людського духу. Хто каже, що «мислення є вся людина» й сподівається з'ясувати всю різноманітність психічних явищ із мислення, той успіє не більше того фізіолога, що став би з'ясовувати явища слуха – звуки, тона й слова із явищ зору, як протяг, фі-

гура, колір і т. і.»¹. На погляд Юркевича, основу психічного життя людини становлять внутрішні почуття, – наші думки й бажання зростають, гадає він, лише на ґрунті наших почуттів та настроїв. Ось що каже він з цього приводу: «Настрої і нахили душі, що обумовлюються її загальним почуттям, це найглибша основа наших думок, бажань і вчинків»². І далі: «Наші думки, слова й вчинки це спочатку не образи зовнішніх речей, а образи або вирази загального почуття душі, породження нашого сердечного настрою. Натурально, в звичайному житті, наповненому турботами про поточну дійсність, ми занадто мало звертаємо уваги на цю задушевну сторону в наших думках і вчинках. Однак, залишається справедливим, що все, що входить в душу зокола за посередництвом органів почуттів і головного мізку, перероблюється, змінюється і одержує свою остаточну й постійну якість через особливий певний сердечний настрій душі, і навпаки, ніяка дія й роздратування, що йдуть від околиць світу, не можуть викликати в душі уяв або почувань, якщо останні несумісні з сердечним настроєм людини»³.

Тоді як Юркевич критикує гербартовський інтелектуалізм, апелюючи до внутрішніх почуттів, як до головної підвалини психічного життя людини, К. Ушинський, цей видатний психолог і педагог, інтелектові протиставляє волю, розглядаючи її, як основну психічну функцію, – інтелектуалізм він заміняє волюнтаризмом. Ось що каже він у 51-му розділі другого тому свого головного твору «Людина, як предмет виховання»: «Ми можемо вже тепер сказати з певністю, що не свідомість становить суть душі, а вроджене їй поривання до діяльності, до життя, для якого й сама свідомість є тільки один із засобів. Звичайно, ми знаємо тільки те, що приступне свідомості, бо знання це результат порівняння і відрізнання, себто діяльності свідомості. Але ця діяльність свідомості, збагативши нас знаннями, як про діяльності нашої душі, як і про явища зовнішньої для нас фізичної природи, привела нас до неминучої гіпотези поривань, що йдуть поперед самої діяльності свідомості»⁴.

Ще яскравіше виступає волюнтаризм у світогляді другого видатного російського психолога тих часів, М. Владиславлева, що, як і Ушинський, був прихильником німецької психології. Наведемо уривки з твору Владиславлева «Психологія»: «Primum movens в діяльності розумовій є воля. Ум, як око, бачить, що є в думках, може відрізнити й розкласти їх. знайти схожість, відкрити співвідношення між ними, але чому око дивиться на один предмет, а не на інший, чому в такій, а не в іншій послідовності оглядає їх, з такою, а не з другою швидкістю і енергією перебирає їх –

¹ Сердце и его значение в духовной жизни человека (стаття без підпису). Труды Киевской Духовной Академии. Ч. I. Киев, 1860, стр. 77.

² Ibidem, стор. 82.

³ Ibidem, стор. 83.

⁴ Константин Ушинский. – Человек, как предмет воспитания, Опыт педагогической антропологии. Изд. III, т. II, С.-Петербург, 1873, стр. 409–410.

це залежить не від самого ока, а від волі суб'єкта. Чому ум переходить від одного предмету до такого, а не іншого, дивиться на один бік і відволікається від інших, сполучає, роз'єднує, здійснює певні цілі, виробляє погляди певного роду, такого, а не іншого складу переконання, розвиває певну енергію, швидкість діяльності, все це залежить від волі. Вона керує ним, направляє й рухає його»¹. В іншому місці автор каже: «Аналіз самих почувань і виразів їх в тілі переконала нас, що порухи серця містять в собі значний вольовий елемент, який не просто наступає за почуттям, а входить у нього, як істотна складова частина. Відняти потяг від любові й приязні, відштовхування від гніва, ненависті й ворожнечі, від страху бажання скоротитися перед вражінням, від радості поривання до діяльності, — значить примусити почуття зовсім зникнути»². Зазначені нами факти ясно говорять, що загальновизна-не вчення про поступування збуджень волі за почуттями й обумовленість перших останніми мусить бути перероблене. Чи не навпаки часом? Почуття обумовлюється волею. Чи не слід першенство в духовному існуванні людини визнати за нею, а почуття назвати тільки супутником її і виразником її відношень до подій внутрішніх і зовнішніх?»³ «Суть процесу уваги полягає в зосередженні волі на тому чи іншому психічному переживанні. Ми кажемо про вольові елементи в розумовій діяльності й сердечній: без волі ум не може рухатися і якщо переходить від одного предмета до другого, визнає щось або заперечує, то примушується до цього волею; так само, нема сердечного поруху без волі: почування це покажчики стану й відношення її до тих чи інших вражінь. Вона ж рухає нашими зовнішніми почуттями, направляє їх туди й сюди. Коли діяльність зовнішнього почуття скеровується волею на певний предмет, так що суб'єкт хоче бачити його або слухати і т. і., то й кажуть, що людина слухає, дивиться з увагою. Коли людина мислить і хоче мислити про певний предмет, зосереджуючи на цьому процесі свою енергію, то про неї кажуть, що вона уважно мислить»⁴.

Волюнтаризму додержується і П. Є. Астаф'єв, досить видатний російський філософ і психолог тих часів. У своєму творі: «Почуття, як моральна засада» він каже: «Якщо брати найістотнішу ознаку, що відрізняє акти волі від інтелектуальних процесів і почуттів, себто брати діяльне напруження, зусилля, — то звичайно, і самовільність, і душевна енергія, і прагнення, і потяг мусять бути визнані за вольові переживання. Але тоді, кладучи їх в основу почувань, ми будемо змушені визнати за основну форму душевного життя саму волю, а не ці почуття, що вона їх викликає в

¹ М. Владиславлев. — Психология. Исследование основных явлений душевной жизни. Т. II, С.-Петербург, 1881 г., стр. 401.

² Ibidem, стор. 403.

³ Ibidem, стор. 403—404.

⁴ Ibidem, стор. 546—547.

психіці»¹. Ще ясніше висловлюється з цього приводу Астаф'єв в іншому місці свого твору: «Найбільша для думки ймовірність, що саме волі, яка охоплює всебічно всю повноту душевного життя, — а не однобічним чисто об'єктивному інтелектові й чисто суб'єктивному почутті — мусить бути приписане центральне, домінуюче по значінню положення в живій сукупності душевних утворень, — що в ній всього ближче шукати корня і життя інтелекту, і життя серця, а в її законах і умовах пояснення законів і умов останніх. До цього висновку схиляється вся нова наукова психологія. Вона визнає, що в основі як всіх пізнавальних процесів, як і почуттів, лежать різноманітні вольові рухи, — будь то в формі м'язевих і різних інерваційних зусиль і відповідних їм спеціальних почуттів, без допомоги яких не може статися ні одне ясне, визначене по змісту відчуття, або в формі напруження уваги, що супроводиться також цілком певними почуттями, без яких не може відбутися ні сприймання, ні його закріплення в пам'яті, ні його даліше відтворення, ні тим більше чисто логічні процеси утворення понять, суджень, умовисновків, — будь то в формі Бенової «самовільності», або в формі «первісних поривань» (Фіхте молодший, Ушинський, Владиславлев, Бульє та інш.)².

Це яскраво виявлене негативне ставлення до психологічного інтелектуалізму, що характеризує погляди Юркевича, Ушинського, Владиславлева та Астаф'єва, дає нам підставу говорити, що згадані вчені не були прихильниками Гербартової інтелектуалістичної психології. Звичайно, це не виключає того, що і Юркевич, і Ушинський, і Владиславлев, і Астаф'єв могли використовувати Гербарта в окремих точках. До певної міри критично ставиться до Гербарта О. О. Потебня, автор відомого твору «Думка й мова». Потебня перш за все не погоджується з основною думкою Гербарта, що механікою уяв можна з'ясувати всі психічні явища. Він визнає спонтанність людської психіки, здатність її до творчості й відмовляється розглядати її лише як арену, де відбуваються механічні процеси — боротьба й сполучення уяв³. Однак, в деяких точках Потебня цілком поділяє погляди Гербарта. Так, разом із Гербартом він відкидає теорію душевних здібностей⁴, широко використовує Гербартову теорію аперцепції⁵, а також визнає за основні закони утворення рядків уяв — закони асоціації та злиття⁶. Все ж таки не можна сказати, що в особі Потебні ми маємо чистого гербартіанця, гербартіанство його досить помірне.

¹ П. Е. Астафьев. — Чувство, как нравственное начало. Психологический очерк. Москва, 1886 г., стр. 28-29.

² Ibidem, стор. 32.

³ А. Потебня. — Мысль и язык. 2-е издание. Харьков, 1892, стр. 63.

⁴ Ibidem, стор. 50–51.

⁵ Ibidem, стор. 115–118.

⁶ Ibidem, стор. 129–130.

Щодо психології Бенеке то треба сказати, що вона безумовно мала вплив на російських психологів того часу. Як ми підкресливали вже, Бенеке розходиться з Гербартом у своїх поглядах на відношення психології до філософії: тоді як на погляд Гербарта психологія залежить від метафізики, і, таким чином, не є основна філософська дисципліна (такою у Гербарта є метафізика), на погляд Бенеке психологія є основа всієї філософії, даючи ґрунт і для метафізики, і для етики, і для логіки, і для філософії права, і для філософії релігії. Однак, такий погляд на психологію, як на основу всієї філософії, як на головну науку, від якої залежить перебудова всього нашого світогляду, ми вже зустрічали в російських філософів і психологів того часу, особливо в Кавеліна. Про це ми докладно говорили вже, відмічаючи зріст інтересу до психології в Росії та на Україні в 60–80-ті роки XIX століття. На наш погляд, цілком можна припустити, що тут ми маємо вплив з боку Бенеке. Узагалі слід зазначити, що інтерес до Бенеке був досить помітний серед наших психологів і педагогів того часу, що між іншим виявилось в перекладі російською мовою твору Бенеке¹ та твору наслідувача Бенеке, Дреслера².

Досить поширені були також ідеї Лотце. Вплив Лотце дуже помітний в психологічних поглядах Потебні. У своєму творі «Думка й мова» Потебня виявляє велику залежність від Лотце, твір якого «Мікрокосм» він дуже часто цитує. Цитатами з Лотце буквально рябіє твір Потебні, при чому уривки з «Мікрокосму» автор наводить не тільки для більшого обґрунтування вже висловленої ним думки, а нерідко й для її початкового вислову. Так, наприклад, в тому місці свого твору, де він, полемізуючи з Гербартом, доводить спонтанність людської психіки, він обмежується наведенням відповідного уривка з твору Лотце.

Щодо Вундта, то він теж мав прихильників серед російських психологів того часу. Переконалим наслідувачем Вундта був В. Чиж, — цілу половину свого твору «Наукова психологія в Німеччині» він присвячує Вундтові, від якого починає нову еру в історії психології³.

Одною з актуальних проблем, що жваво обговорювалися в тодішній нашій психологічній літературі, була проблема методологічна. Питання про методи психології цікавило багатьох наших психологів. Дуже цікавився цим питанням проф. С.-Петербурзького університету М. І. Владиславлев. За головну методу психології Владиславлев вважає самоспостереження, надаючи експериментові другорядного значіння. У своєму творі «Сучасні напрямки в науці про душу» він цілком ясно висловлюється з цього приводу: «Головним вченим засобом для психології

¹ Ф. Э. Бенеке. — Руководство к воспитанию и учению. Ч. I. Руководство к воспитанию. Пер. с последнего немецк. изд. под ред. Н. Х. Весселя. С.-Петербург, 1871–1872 г.

² И. Г. Дреслер. — Основания психологии и логики по Бенеке. Очерк физической антропологии, как основания педагогики.

³ Владимир Чиж. — Научная психология в Германии. Москва. 1866 г., стр. 53.

завше залишиться, як і залишалася до цього часу, метода внутрішнього досвіду або самоспостереження»¹.

Ще більш рішуче висловлюється він у своєму творі «Психологія»: «Воно (самоспостереження *М. І.*) є наріжний камінь, на якому покоїться вся будова психології»². І далі: «Слід пам'ятати, що в душевному житті є особливі умови й обставини, які роблять досвід непридатним до більшості душевних переживань»³. І ще далі: «За умовами свого предмету, психологія завше буде спиратися переважно на спостереження. Воно зовсім не таке погане джерело відомостей, як це здається деяким експериментаторам»⁴.

Більш сприятливо ставиться до експерименту *М. Зеленський*. Згадавши про праці *Фехнера*, *Гельмгольца* та інших, він далі каже: «Я не сумніваюся, що експериментальну методу можна прикласти й до вищих, складніших і абстрактних мислительних порухів»⁵.

Питання про методи психології було предметом жвавої дискусії між *Кавелінім* та *Сеченовим*. Тоді як *Кавелін* висував «внутрішній зір», «психічний зір», як головний спосіб для будування психології, *Сеченов* доводив, що ніякого «внутрішнього зору» не існує; тоді як *Кавелін* нападав на фізіологічний напрямок у психології, суть якого полягає в з'ясуванні психічних явищ з діяльності нервів і мозку, *Сеченов* вважав цей напрямок за єдине правильний, розглядаючи фізіологію, як основу психології⁶.

Такий був рух філософсько-психологічної думки в Росії та на Україні в 60–80-ті роки XIX століття. Як же вплинув цей рух на *М. М. Ланге*? Перш за все, *М. М. Ланге* цілком засвоює поширений тоді в нас погляд на психологію, як головну філософську дисципліну. Уже в своїй магістерській дисертації, присвяченій історії моральних ідей XIX століття, обговорюючи питання про своєчасність метафізики, він висловлює думку, що заняття метафізикою будуть безрезультатними, поки психологія не досягне відповідної височини. Що ж до тих чужоземних впливів, які помітні були в тодішній російській психології, то *Ланге* відразу почувив себе прихильником експериментального напрямку, головним представником якого був *В. Вундт*, що вже заснував тоді в *Ляйпцизі* свою знамениту психологічну лабораторію. Англійський

¹ *М. Владиславлев*. — Современные направления в науке о душе. С.-Петербург, 1866 г., стр. 58.

² *М. Владиславлев*. — Психология. Исследование основных явлений душевной жизни, т. I. С.-Петербург, 1881 г., стр. 7.

³ *Ibidem*, стор. 12.

⁴ *Ibidem*, стор. 13.

⁵ *Михаил Зеленский*. — Основы для ухода за правильным развитием мышления и чувства, т. I. С.-Петербург, 1876 г., стр. 320.

⁶ *Див. И. Сеченов*. — Психологические этюды. С.-Петербург, 1873 г. (зауваження на книжку *Кавеліна* — стор. 105–141).

емпіризм, що ним захоплювалися Троїцький та Грот, його не задовольняє, більш приваблює його німецька наукова психологія, що мала перевагу над англійською і своїм глибшим змістом, і своєю більш точною метою. Герbartіанська психологія його не могла приваблювати, як з огляду на свій метафізичний характер, так і з огляду на свій інтелектуалізм. Він почуває себе прихильником волюнтаризму, того напрямку, що його додержувалися і його вчитель Владиславлев, і ціла низка інших представників тодішньої російської психології. Цей волюнтаризм знаходить він також у Вундта, якого і обирає за свого духовного керманіча. 1883 року М. Ланге одержує відрядження за кордон з науковою метою. Офіційна мета подорожі була зібрати матеріал для магістерської дисертації, неофіційна ж мета – попрацювати в лабораторії Вундта. М. Владиславлев, учитель Ланге, що залишив його при своїй філософській кафедрі, не був прихильником Вундтовської експериментальної психології і зовсім не заохочував свого учня до занять у Ляйпцігській лабораторії. У своїх листах до Ланге за кордон він докоряє йому за його захоплення експериментальними досліджуваннями в Ляйпцігській лабораторії і радить звернути більше уваги на прямі завдання його наукового відрядження. З огляду на це, М. М. Ланге не міг працювати в лабораторії Вундта з такою інтенсивністю, як він того хотів, не міг віддатися психологічному експериментові зі всім своїм молодечим запалом. Однак, ця уривочна робота в лабораторії Вундта все ж таки мала певні наслідки, – М. М. Ланге написав там дуже цікавий психологічний нарис, що його було уміщено в журналі Вундта. Цілом же віддатися своїм психологічним досліджуванням він міг тільки після захисту своєї магістерської дисертації.

III. Ланге-психолог

Головним твором М. М. Ланге є його докторська дисертація, що вийшла в світ 1893 року. Основу цієї дисертації становлять статті, уміщені в журналі Вундта «*Philosophische Studien*» та в російському журналі «*Вопросы философии и психологии*». Згодом ці статті були поширені й перероблені й у такому вигляді були об'єднані в одній книжці під загальною назвою «*Психологічні дослідження*»¹.

Ця праця М. М. Ланге по справедливості мусить бути визнана видатним явищем у російській психологічній літературі другої половини XIX століття. Усе тут звертає на себе нашу увагу: і ерудиція автора, і його наукова метода, і оригінальність думки, і сміливість висновків. Ми не можемо ставити своїм завданням скільки-небудь повно вичерпати зміст цієї коштовної праці М. М. Ланге; постараємося познайомити читача лише з тими поглядами дослідника, що є основні для його твору й найбільш характеристичні для його світогляду. Перший із цих поглядів стосується до перцеп-

¹ Н. Н. Ланге. – Психологические исследования. Одесса, 1893 г.

ції. На першій же сторінці свого твору автор проголошує свій закон перцепції, суть якого полягає в тому, що «процес всякого сприймання полягає в надзвичайно швидкій зміні цілого ряду моментів або ступенів, при чому кожний попередній ступінь уявляє з себе психічне переживання менш конкретного, більш загального характеру, а кожний слідуєчий – більш приватного й диференційованого. Таким чином, всяке відчуття усвідомлюється нами в перший момент, як цілком простий, без всяких якостей, «товчок в свідомості». Ми маємо свідомість того, що щось трапилося, але що саме в цей момент ми ще не знаємо. Потім, у другий уже момент, з'являється свідомість того, якого роду це роздратування, цебто зорове воно, чи слухове, чи дотикове; в цей момент ми знаємо, наприклад, що наше роздратування – зорове, але свідомість певного кольору ще відсутня. У слідуєчий, уже у третій момент виникає свідомість про ще більш приватні якості роздратування, цебто, ми знаємо вже, який саме це колір або який саме це звук і т. і., але форма або фігура зорового предмета ще нам не ясна. Знання форми й точна локалізація виникає тільки в четвертий момент. Інакше кажучи, процес перцепції в широкому розумінні слова полягає в швидкій зміні все більш приватних, диференційованих психічних переживань. Швидкість цієї зміни так значна, що в звичайних умовах ми зовсім не помічаємо цих ступенів; нам здається, наприклад, що ми відразу побачили певний колір у певному місці. Але змінивши звичайні умови сприймання, улаштувавши експеримент так, щоб ми могли переривати на певних ступінях ланцюг цих станів свідомості, що так швидко змінюють одно друге, ми переконаємося в правдивості висуненого принципу, як він не здається дивним на перший погляд»¹.

Такий погляд автора на перцепцію. Хоча щось подібне висловлювали фізіолог А. Герцен та Герберт Спенсер, але між поглядами згаданих учених та поглядами М. М. Ланге лише віддалена схожість, через що висунений автором закон перцепції можна визнати за оригінальну теорію М. М. Ланге. Виклавши свій закон, автор зараз дає йому біогенетичне тлумачення. На його погляд, в тих ступінях свідомості, що їх проходить у своєму розвитку перцепція, треба бачити повторення тих ступенів, за якими розвивалося психічне життя всього тваринного царства. «В міру диференціювання органів почуттів і нервових центрів, все більш і більш спеціальні властивості речей виявлялися для свідомості тварини, цілком рівнобіжно тому, що вищезгаданий принцип виявляє в свідомості індивідуальній. Подібно до того як ембріологічний розвиток людини повторює в декілька місяців ті ступіні, що їх колись пройшов загальний розвиток роду, так і індивідуальне сприймання повторює в декілька десятих секунди ті ступіні, що протягом мільйонів років розвивалися в загальній еволюції тварин». Висловивши таку сміливу гіпотезу, автор зараз же робить екскурс в царину зоопсихології, з метою знайти дані, що стверджували б його тео-

¹ Ibidem, стор. 1–2.

рію. Він дійсно знаходить ці дані у Роменса, Леббока, Енгельмана та інших дослідників. З приводу сказаного мусимо зауважити, що в той час, коли М. М. Ланге писав своє дослідження, біогенетичний закон, звичайно, був уже добре відомий. Дитячою психологією й педологією того часу також була вже засвоєна думка про паралелізм між історією окремої людини та історією людськості, при чому цей паралелізм вбачали не тільки в царині фізичного розвитку, а також і в царині розвитку духовного. Однак, не зважаючи на це, погляд М. М. Ланге мусить бути визнаний цілком оригінальним. Справді, у всіх тих випадках, коли онтогенію протиставляють філогенії, мають на увазі стадії розвитку індивідуума, як такого, а не стадії розвитку окремих психічних процесів. М. М. Ланге підходить до проблеми як раз з цього останнього боку; він каже не про те, що хід розвитку перцепційної здібності протягом життя людського індивідуума має філогенетичне значіння, а про те, що таке значіння має кожна зокрема перцепція, коли б вона не переживалася, чи в дитинстві, чи в дорослому віці. Такий підхід до проблеми слід визнати оригінальним, особливо маючи на увазі той час, коли писалася дисертація.

Поруч перцепції, предметом дослідження автора є також увага. Частина книжки, присвячена цьому питанню, займає майже 200 сторінок, і вже це говорить про те, якого великого значіння надавав цьому питанню автор. Тут ми знаходимо перш за все досить просторий історичний нарис вчень про увагу. Хоча цей нарис і не можна назвати вичерпливим (тут, наприклад, не згадано Карпентера, Селлі та інших), але у всякому разі ґрунтовність цього нарису не підлягає сумніву, і недаром у деяких бібліографічних покажчиках, як наприклад в покажчику Введенського та Лапшіна, там, де згадується дисертація М. М. Ланге, окремо також відмічається цей історичний нарис. Розглянувши в хронологічній послідовності різноманітні теорії уваги, автор слідом за цим подає логічну класифікацію важливіших із цих теорій, за для того, щоб легше можна було орієнтуватися серед множості висловлених поглядів. Рівнобіжно з цим він піддає класифіковані ним теорії старанній перевірці, виявляючи при цьому велику проникливість і дотепність. Симпатії автора на боці моторної теорії уваги, представниками якої були: Декарт, Мен де-Біран, Фріз, Лотце, Бен, Льюїс, Рібо та інші. Цю теорію, що підкреслювала важливу роль рухового елемента в процесі уваги, автор піддає дальшій обробці, обставляючи свої висновки старанно перевіреними експериментальними даними. Для більшої ясності він розкладає проблему і окремо простежує руховий елемент у зорових і руховий елемент у слухових спогадах. Дуже ґрунтовно досліджує також автор питання про так звані періодичні коливання почуттєвої уваги, при чому він приходить до того висновку, що ці коливання не периферичного, а центрального походження. Причина цієї періодичності, на погляд автора, полягає в коливанні тих образів, що ними супроводиться сприймання. Підсилення останнього при увазі пояснюється, гадає

він, тим, що до вражіння, яке зараз одержується, додається образ попереднього вражіння. Увага зовнішніх почуттів, на його погляд, є асиміляція дійсного вражіння з попереднім образом, що підлягає коливанням. Відділ про увагу автор закінчує критичним оглядом тих заперечень, які були висловлені з приводу його теорії Вундтом, Джемсом, Мюнстербергом та іншими дослідниками. Останній відділ дисертації становить замітка про вплив гашиша. Така докторська дисертація М. М. Ланге. Із сказаного видно, оскільки коштовний цей твір, і нема нічого дивного, що на диспуті він був блискуче захищений автором.

«Психологічні дослідження» відразу зробили ім'я Ланге відомим в учених колах Росії і України. На цей твір звернули увагу й західноєвропейські вчені. Була навіть думка перекласти цей твір чужоземною мовою. Ось що писав із цього приводу М. М. Ланге до своєї дружини з закордону, з міжнародного психологічного конгресу:

«Особисто я перезнайомився з великою силою німців, французів, італійців, скандинавців і т. і., при чому багато хто серйозно просили мене видати мою психологічну книжку якою-небудь загальноприступною мовою, бо вони дуже зацікавлені (на підставі рефератів) її змістом».

Широка популярність М. М. Ланге, як психолога, і була причиною того, що він почав одержувати запрошення на міжнародні психологічні конгреси. На тому конгресу, про який він пише в тільки що цитованому листі, його навіть було обрано до міжнародного комітету по організації наступного конгресу, що мав зібратися 1900 року в Парижі. До цього комітету увійшли такі люди, як Рібо, Вундт, Бен, Штумпф, Джемс, Ексер, – все світила науки¹. Уже цей блискучий склад комітету показує, що обрання Ланге свідчило про велику увагу до нього конгресу, про високе цінування конгресом його наукових заслуг. Тим більше це треба сказати, що на самому конгресі Ланге не виступав із доповіддю; очевидно, його обрали уже раніш знаючи його, як видатного психолога.

Історичне значіння докторської дисертації М. М. Ланге полягає в тому, що вона була першим у російській літературі оригінальним твором із експериментальної психології. І взагалі роль М. М. Ланге в історії психології в Росії та на Україні це роль розпочинателя нового напрямку, нової епохи. Якщо про М. М. Троїцького можна сказати, що він був розпочинателем нового напрямку, то ще з більшим правом це можна сказати про М. М. Ланге.

Уже одної докторської дисертації М. М. Ланге було б досить, щоб одвести йому почесне місце в історії психології в Росії та на Україні. Однак, М. М. Ланге залишив після себе ще інші твори з психології, про які тут треба згадати. Не зупиняючись на нарисові з дитячої психології («Душа дитини»), писаному за Прейером, звернімо

---

¹ Представниками від Росії, крім Ланге, обрано було також М. Грота, відомого Російського філософа, та С. С. Корсакова, славновісного психіатра.

увагу на великий твір Ланге «Психологія», що вийшов 1914 року, як VIII том відомого видання «Підсумки науки в теорії та практиці», та на статтю «Теорія Вундта про початок міфу», уміщену в збірнику на пошану проф. Є. Р. Штерна.

М. М. Ланге в заснованій ним психологічній лабораторії

Твір «Психологія»¹ уявляє з себе огляд психології ХХ століття, це нібито вступ до сучасної психології. Автор знайомить нас із основними психологічними напрямками, а також із окремими психологічними проблемами, показуючи, як їх розглядає сучасна психологія. Треба сказати, що в російській літературі цей твір М. М. Ланге є єдиний, іншого твору такого ж характеру ще й досі немає. І хоч з моменту виходу в світ цього твору пройшло вже чимало часу, однак, твір Ланге й досі є незамінний для кожного, хто хотів би у систематичній формі оглянути сучасну психологію.

¹ Н. Н. Ланге. – Психология. Итоги науки в теории и практике под редакцией проф. М. М. Ковалевского, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича. т. VIII, изд. т-ва «Мир», Москва. 1914 г., 312 стр.

Не вважаючи на завдання автора — популяризувати науку, його праця цілком задовольняє всім науковим вимогам, виявляючи самостійність і свіжість думки, поруч великої ерудиції.

У своєму нарисі «Теорія Вундта про початок міфа»¹ автор порушує дуже важливе питання про те, діянням яких чинників треба приписати виникнення і розвиток міфотворчості, яке відіграє таку велику роль в еволюції релігійних вірувань. Виклавши теорію Вундта й поставивши її в зв'язок із загальними принципами Вундтової психології, автор далі подає критичну оцінку цієї теорії, відмічаючи, поруч позитивних, також негативні її риси. Підкресливши, що жодний із існуючих поглядів на міф не задовольняє його, він далі приступає до викладу своєї власної теорії, збудованої на волюнтаристичних принципах. На його погляд, ні мислення, на яке вказує Спенсер, ні процес «вчуття» в сполученні з фантазією, роль яких підкреслює Вундт, не можуть бути визнані за первооснову міфу. Для того, щоб знайти цю первооснову, слід звернутися до розгляду тих інстинктивних реакцій, що викликаються в нас живими істотами. Завдяки цим реакціям, тварина й людина відрізняють живе від неживого: тільки живе викликає ці реакції, неживе ж звичайно не може їх викликати, через що, завдяки цим реакціям, тварина й людина починають відрізняти живе від неживого, одушевлене від неодушевленого. Не можна уявляти собі справу так, що визнання чужої психіки це первісний факт, за яким іде обумовлений ним вплив на цю психіку. Як раз навпаки: первісні це дії і реакції, думка ж про чужу психіку є не що інше, як рефлексія над уже здійсненими вчинками. Таємниця міфу буде розгадана, коли ми припустимо, «що при деякому своєрідному збігові обставин, суб'єктивних і об'єктивних, предмети й явища неодушевлені, із оточення людини, могли викликати в неї (як це буває і тепер) такі ж інстинктивні реакції, які звичайно в неї викликаються дійсно живими істотами»². За найбільш давню реакцію автор, наслідуючи стару теорію, схиляється визнати інстинктивний жах, збудниками якого могли бути всілякі речі й процеси в оточенні людини. Ми не будемо увіходити тут в обговорення поглядів автора, але й сказаного досить, щоб переконатися в оригінальності й свіжості цих поглядів. Впадає в око та загальна теоретична основа, що зближає погляди автора на початок міфу з його ж поглядами на природу уваги, висловленими ним в уже розглянутих нами «Психологічних дослідженнях». Цією спільною рисою є висування на перший план вольового елемента, так недооцінюваного інтелектуалістичною психологією. Волюнтаризм М. М. Ланге тут наочно виступає.

¹ Н. Н. Ланге. — Теория В. Вундта о начале мифа (критические заметки) Одесса, 1912 г., 20 стр. Отдельный оттиск из «Сборника в честь Э. Р. фон-Штерна». XXX т. «Записок имп. Одесского О-ва истории и древностей».

² Ibidem, стор. 16.

Свої психологічні твори, в тому числі й головний з них — «Психологічні дослідження» М. М. Ланге писав в Одесі, де він ще з 1888 року посідав кафедру філософії в університеті. Заглиблені заняття психологією становлять характеристичну рису цього нового, одеського періоду в житті Миколая Миколайовича, тоді як заняття метафізикою і етикою характеризують попередній, петербурзький період. Правда, ще в Петербурзі, як ми казали вже, Миколай Миколайович почав захоплюватися психологією; однак, це захоплення не мало ще тоді значних наслідків, якщо не рахувати того змістовного психологічного нарису, що його було вміщено в журналі Вундта. Як ніяк, доводиться визнати, що саме Одеса дала Україні й Росії розпочинателя нового напрямку в російській психології, якого цілком слушно проф. К. Н. Корнілов вважає за найвидатнішого представника емпіричної психології в Росії¹. Забігаючи вперед, скажемо, що в Одесі, завдяки заходам М. М. Ланге, з'явилася і перша в Росії та на Україні психологічна лабораторія. Розглянемо ж уважно цю діяльність М. М. Ланге в Одесі і перш за все його діяльність як проф. Одеського університету. Однак, перш ніж говорити про М. М. Ланге, як представника філософської кафедри в Одеському університеті, вважаємо за потрібне дати короткий нарис історії цієї кафедри, щоб склалася певна історична перспектива, щоб ясно було, оскільки М. М. Ланге посунув наперед стан філософії в Одесі. А з огляду на те, що Одеський університет виник шляхом зреформування Рішельєвського Ліцею, то нам треба свій історичний нарис розпочати з стислого огляду стану філософії в Ліцеї.

IV. Стан філософії в Рішельєвському Ліцеї та Одеському університеті до професорування Ланге

Першим професором філософії в Рішельєвському Ліцеї був І. І. Дудрович. Він читав психологію, логіку й етику. В «Огляді викладання», виданому Ліцеєм, зазначається, що ці предмети Дудрович читає за власним планом, додержуючись, головним чином, творів Карпе, Снелля, Шада, Гільдебранда, Мемеля, Клейна². З огляду на те, що в цьому спискові фігурують шеллінгіанці (наприклад, Клейн та Шад, який у другу половину своєї діяльності став наслідувачем Шеллінга), здається, можна говорити про шеллінгіанство самого Дудровича. Однак, сказати щось певне про цього викладача філософії в Рішельєвському Ліцеї ми не можемо з огляду на брак матеріалів.

¹ Проф. К. Н. Корнілов. — «Современная психология и марксизм». Гос. изд. Ленинград, 1924 г., стр. 3.

² Обзорение преподавания наук в Ришельевском Лицее на первую половину 1838 года. Одесса, 1838 г., стр. 2–3.

1839 року почав викладати філософію в Ліцеї Йосип Григорович Міхневич, що перевівся сюди з Київської Академії, де він був за екстраординарного професора. Й. Г. Міхневич викладав у Ліцеї такі предмети: 1) психологію, 2) логіку, 3) етику, 4) історію філософії¹. Психологію він викладав, як зазначено в «Огляді викладання», за підручником Фрідріха Фішера та обох Карусів, логіку – за власними записками, етику – за підручником Ешенмайера й Мішеле, історію філософії – за підручником Теннемана, Ріттера, Мішеле й Рікснера². Згодом Міхневич до цих предметів додав ще естетику, яку він викладав за підручником Фікера³. Звідси бачимо, що з ходом часу викладання філософії в Ришельєвському Ліцеї все більш поширювалося. Тоді як Дудрович викладав лише три філософських предмети, Міхневич спочатку викладав чотири, а потім цілих п'ять предметів, додавши до курсів свого попередника історію філософії і естетику.

Як ставився Міхневич до поширеної тоді філософії Шеллінга? Відповідь на це дає нам його доповідь: «Спроба простого викладання системи Шеллінга», що її було зачитано на урочистому зібранні Ліцею⁴. Хоч автор і вважає Шеллінга за «найславнішого з німецьких мислителів новіших часів», однак, це не перешкоджає йому ставитися до нього критично. Він обвинувачує Шеллінга в пантеїзмові, який так не відповідає християнському вченню про бога, як творця світу⁵. Він докоряє Шеллінгові за те, що той цілком перевернув вчення Фіхте про відношення «я» до «не – я», визнавши «не – я», себто природу, тим зерном, що з нього виростає саме «я» і, таким чином, проголосивши дух вищим ступінем розвитку сил природи⁶. Уважно зупиняється Міхневич на Шеллінговій «Філософії відкриття», де Шеллінг намагається розглядати бога, як особову істоту. І тут наш автор не задоволений німецьким філософом. Він обвинувачує його в тому, що той, тлумачачи біблійні тексти, користувався з непевних джерел – з творів Гезіода й Гомера, гностиків, теософів XVI століття, нарешті, з творів Спінози⁷. Він підкреслює помилковість Шеллінгового погляду на бога, як на засаду, що все з себе породжує і все в себе повертає, вбачаючи в цьому елементи спінозизму й гностицизму⁸. Він заперечує

¹ Див. «Обозрение преподавания наук в Ришельевском Лицее в течение 1842/43 учебного года». Одесса, 1842, стр. 9.

² Ibidem, стор. 9.

³ Див. «Обозрение преподавания наук в Ришельевском Лицее в течение 1843/44 учебного года». Одесса, 1843, стр. 8.

⁴ Див. «Годичный акт в Ришельевском Лицее 21-го июня 1850 года». Одесса, 1850 год.

⁵ Ibidem, стор. 28.

⁶ Ibidem, стор. 33.

⁷ Ibidem, стор. 40.

⁸ Ibidem, стор. 40.

погляд Шеллінга на бога, як на істоту, що досягає своєї досконалості й блаженства тільки під умовою існування світу, зазначаючи, що такий погляд суперечить природі бога, як істоти найдосконалішої¹. Закінчує свою статтю Міхневич вказівкою на те, що філософія не може обійтися без віри, без релігії, без божественного відкриття². Ту саму думку про конечність віри для філософії висловлює Міхневич і в іншому своєму творі, а саме в статті «Про успіхи грецьких філософів в теоретичному й практичному відношенні». Досить навести такі його слова: «Істина незаперечна й для кожного очевидно, що сліпа та віра, де немає знання, але короткозоре й те знання, де немає віри»³.

Звідси бачимо, що Міхневич цілком додержувався християнської ортодоксії, не допускаючи критичного ставлення до християнських догматів. Це обумовило і його критичне ставлення до Шеллінга, навіть в тому періоді його (Шеллінга) діяльності, коли він досить близько підійшов до ортодоксального християнства.

Говорячи про стан філософії в Рішельєвському Ліцеї в першій половині ХІХ століття, треба мати на увазі не лише кафедру філософії, не лише професорів, що *ex officio* викладали філософські дисципліни, а також і тих професорів, що хоч і не були викладачами філософії, однак, займалися філософією і своїм викладам надавали філософського характеру. Це будуть викладачі природознавства, яке тоді взагалі мало філософський характер, базуючись на принципах Шеллінгової натурфілософії. Як відомо, сам М. Г. Павлов, цей перший оповісник вчення Шеллінга й Окена в Московському університеті, з фаху був природник і викладав в університеті природничі дисципліни. Як раз наслідувачів Павлова ми й зустрічаємо серед викладачів природознавства в Рішельєвському Ліцеї. Перш за все слід згадати М. Д. Курляндцева, абітурієнта Московського університету й учня Павлова. Микола Дмитрович Курляндцев, що розпочав свою службу кар'єру в Москві, 1826 року перевівся у Рішельєвський Ліцей професором військових наук; через рік він перейшов на кафедру фізико-математичних наук, де й залишався до своєї смерті, себто до 1835 року. Цікавлячись математикою і філософією, М. Д. Курляндцев особливо захоплювався натурфілософією і поставив своїм завданням пропаганду натурфілософських ідей Шеллінга, так шляхом власних викладів, як і шляхом перекладів російською мовою творів Шеллінга та його наслідувачів. Переклав він такі твори:

1. «Введение в умозрительную физику», Шеллинга. Одесса, 1834 г. (пер. Н. К.).

¹ Ibidem, стор. 41.

² Ibidem, стор. 53.

³ Див. «Речи, произнесенные в торжественном собрании Ришельевского Лицея 20-го июня 1839 года». Одесса, 1839 г., стр. 30.

2. «Главные черты космологии, сочинение Шуберта», (перев. с нем.). Одесса, 1834 г.
3. «Физическая география Европы, сочинение Шува», перев. с нем. Одесса, 1835 г.

Крім перекладів, М. Д. Кудрявцев надрукував дві свої промови на урочистих зібраннях Ліцею:

1. «О начале, постепенном развитии и настоящем состоянии опытной физики». Одесса, 1832 г.
2. «О существенной цели и способе преподавания математики в учебных заведениях, имеющих предметом образование общее». Одесса, 1833 г.

Крім Курляндцева, слід згадати викладача фізики Василя Єгоровича Елевтеропуло, ад'юнкта фізико-математичних наук. Він був переконаний прихильник Шеллінга та його російського наслідувача Павлова. Про це свідчить його промова, виголошена ним в урочистому зібранні Ліцею 20-го червня 1838 року і яку потім було видруковано в збірнику Ліцею під таким заголовком: «Значіння фізичних досліджень і їх різні напрямки»¹. У цій статті Елевтеропуло вихваляє спекулятивну фізику Шеллінга, що поруч досвіду дає великий простір умоглядові, й низько цінує емпіричну фізику, що вороже ставиться до спекулятивної методи. Він каже, що ідучи шляхом спостережень та експерименту, можна тільки дати опис явищ природи, але не можна збагнути їхніх внутрішніх причин, їхнього таємничого значіння². Він критикує механічний світогляд, протиставляючи йому той динамічний світогляд, що його додержується натурфілософія Шеллінгова. Разом із Шеллінгом він визнає повсюдність життя³, розглядає все зовнішнє, як прояв внутрішнього, вбачає субстанціональну єдність серед світової різноманітності⁴, зводячи цю єдність до єдиної божественної істоти. Висловлюючи свої думки, він залюбки цитує твори Шеллінга та Павлова.

На підставі всього сказаного, можемо прийти до того висновку, що вплив із боку Шеллінга був досить помітний у Ришельєвському Ліцеї. Це цілком відповідало тому загальному захопленню ідеями Шеллінга, що характеризувало філософську думку в Росії та на Україні в першій половині XIX століття.

1850 року в російських університетах було скасовано викладання філософії світськими викладачами й саму філософію було обмежено логікою та психологією. Логіку й психологію, за новою постановою, мали викладати професори богослов'я

¹ Див. «Речи, произнесенные в торжественном собрании Ришельевского Лицея 20-го июня 1838 года». Одесса, 1838 г.

² Ibidem, стор. 8.

³ Ibidem, стор. 15.

⁴ Ibidem, стор. 16.

та історії церкви. Цю постанову поширено було й на Рішельєвський Ліцей. Логіку й психологію став викладати в Ліцеї проф. богословії протоієрей М. К. Павловський.

1850 року в Ліцеї було засновано кафедру педагогіки, на підставі закону від 5-го листопада 1850 року про запровадження цієї кафедри в університетах. За викладача педагогіки призначено було Роберта Васильовича Орбинського. Після перетворення Ліцею в Університет 1865 року, Р. В. Орбинський зайняв в Одеському університеті кафедру історії філософії. В університеті Орбинський читав багато курсів: історію грецької філософії; історію нової філософії, починаючи з Декарта й Бекона; спеціальний курс, присвячений філософії Канта; новішу філософію; історію стародавньої християнської філософії; нарешті, психологію (раз у декілька років). З Орбинського був чудовий лектор, що умів захопити аудиторію. Його учень проф. Маркевич каже про нього: «Багато я чув гарних лекторів на своєму віці, досить назвати Ореста Міллера, але такого, як Орбинський, я ніколи не чув. Дуже спокійно сидючи за кафедрою, не хвилюючись і не акторствуючи, він дуже виразно й надзвичайно майстерною літературною мовою викладав свій предмет, ні разу не запнувшись і ніколи не поправляючи себе. Заплющивши очі, ви могли уявити собі, що вам читають блискучу наукову статтю»¹. Особливий успіх мали лекції Орбинського з психології. Ці лекції відвідувалися студентами всіх факультетів, велика аудиторія не могла вмістити всіх бажаючих послухати талановитого лектора.

Однак, у Орбинського ніколи не було учнів-фахівців. Свої обов'язки він обмежував читанням лекцій і дуже не любив, коли до нього після лекції зверталися студенти з яким-небудь запитанням, ще більше не любив приймати студентів у себе на домівці. При таких умовах не могло бути розмови про заглиблене заняття студентів під його керівництвом. У серпні 1876 року Орбинський, прослуживши 25 років, залишив професуру, зберігши за собою директорство в комерційній школі. Викладання філософії в університеті після того було доручено доцентіві Л. Ф. Воеводському, який протягом 1876–77 та 1877–78 академічних років читав історію грецької філософії. Однак, тимчасово, вже перебуваючи в одставці, Орбинський теж читав, на запрошення університету, спеціальний курс про Канта протягом 1877–78 академічного року.

1878–79, 1879–80 академ. року викладання філософії було доручено доцентіві Лебедеву (читав грецьку філософію), а 1880–81, 1881–82 та 1882–83 академ. року – знову Л. Ф. Воеводському (читав історію стародавньої філософії). Таким чином, протягом 7-ми років кафедра філософії не мала справжнього фахівця, бо Воеводський і Лебедев були філологи. Нарешті, 1-го листопада 1883 року було затверджено професором філософії відомого філософа Миколая Яковлевича Грота (сина ака-

¹ 25-тилетіє імператорського Новоросійського Університета. Историческая записка экстраординарного профессора А. И. Маркевича. Одесса, 1890 г. стр. 306.

деміка Якова Карловича Грота), що вже протягом декількох років був професором Ніжинського історично-філологічного інституту. М. Я. Грот, що читав різні курси, зокрема історію стародавньої філософії та психологію, значно поживив вивчення філософії в Одеському університеті. Відзначаючись великими лекторськими здібностями, він завше збирав велику аудиторію, що складалася не лише з студентів історично-філологічного факультету. Тут, в Одесі відбувається переворот у світогляді М. Грота: з позитивіста він робиться метафізиком-спіритуалістом¹. Хоч треба сказати, що Грот ніколи не був цілком послідовним спіритуалістом.

В Одесі М. Я. Грот організував невеличкий гурток студентів для занять філософією². Заняття гуртка спочатку провадилися в нього на домівці, а потім діяльність гуртка було перенесено до університету. Учасниками гуртка писалися реферати на різні теми, з приводу яких відбувалися жваві дискусії. Це було новиною для Одеського університету.

Людина надзвичайно жвава, що не могла жити, не захоплюючись, М. Я. Грот не міг замкнутися в узькі межі академічного життя; його приваблює популяризація науки, і він виступає, з цілою низкою публічних лекцій з різних питань філософії. Ці лекції, на яких завше було дуже багато народу, справляли велике вражіння на слухачів. Завше та чи інша його лекція викликала в місцевій пресі обговорення тих питань, що порушувалися на лекції. Протягом трьох років свого перебування в Одесі він прочитав такі лекції:

1. «Про свободу волі» (1884 рік).
2. «Про значіння песимізму й оптимізму» (1884 рік).
3. «Джордано Бруно й пантеїзм» (1885 р.).
4. «Завдання філософії в зв'язку з вченням Джордано Бруно» (1885 р.).
5. «Про душу в зв'язку з сучасним вченням про силу» (12–1 1886 р.).
6. «Про межі пізнання» (6–III 1886 р.).
7. «Чи можливе правдиве знання моральних законів і стале обґрунтування абсолютних ідей добра й зла?» (3–IV–1886 р.).

Однак, М. Я. Грот не довго пробув в Одеському університеті, — першого червня 1886 року він перейшов на кафедру філософії в Московський університет.

У листопаді 1886 року на викладача філософії призначено було приват-доцента Московського університету Олександра Павловича Казанського.

1888 року на кафедру філософії було призначено М. М. Ланге, після захисту ним магістерської дисертації в Петербурзькому університеті.

¹ П. П. Соколов. Философские взгляды и научная деятельность Н. Я. Грота. Див. збірник: «Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей». С.-Петербург, 1911 года, стр. 105.

² Г. И. Челпанов. — «Памяти Н. Я. Грота». Див. той же збірник, стор. 192.

V. M. M. Ланге — професор Одеського університету

З 1888 року починається другий, одеський період у житті Миколая Миколаєвича, період навіть трохи довший, ніж попередній, Петербурзький. Майже 33 роки, до самої своєї смерті, працює він в Одесі, віддаючи їй всю свою енергію. Тут, в Одесі опрацьовує він і випускає в світ свою славнозвісну докторську дисертацію «Психологічні дослідження», звідси, із Одеси розходить по всій Україні й Росії його слава, як блискучого психолога-експериментатора.

Завоювавши собі ім'я в науці, він безперечно міг би перевестися з провінціального міста до одної з столиць, — його радо зустріли б і Петербурзький і Московський університети, — однак, він не хоче покинути Одеси, з життям якої так зрісся.

Одеський університет чимало знав славних імен, досить назвати Сеченова, Мечнікова, Умова, Кондакова, Успенського; однак, усі вони були тільки метеорами, що лише на короткий час показувалися на одеському небі. Одеса для них була лише одним із етапів на їхньому академічному шляху, Одесу вони легко міняли на більш культурні осередки, які давали їм більше можливостей для наукової праці. І не тільки серед окремих вчених помічалось це бажання втекти з Одеси, це явище було характеристичне для всієї одеської професури. Звичайно, не кожному вдавалось ця утеча, бо щоб Московський або Петербурзький університет прийняв до себе, треба було мати ім'я в науці, чим міг похвалитися далеко не кожний професор Одеського університету. Однак, багатьом професорам вдавалось перемандрувати до більш культурних осередків. Згадаймо, крім названих уже, Кіпрічнікова, Грота або Штерна. І Одеса культурно бідніла, ніби вона негідна була мати кращих професорів. З цього боку намір Ланге — залишитися в Одесі на завше заслуговує великої похвали. Це був, можна сказати, героїчний вчинок. Справді, М. М. Ланге знав, що, сидячи в Одесі, він не досягне тих наукових високостей, до яких міг би піднятися, живучи в Москві або Петербурзі. Одеса не могла йому дати ні багатих книжкових скарбів, ні потрібних лабораторій, де він міг би провадити свої психологічні експериментальні досліджування. З другого боку, Одеса, з її культурною відсталістю, багато вимагала жертв від ученого, багато потребувала від нього громадсько-корисної роботи. М. М. Ланге знав, що багато йому доведеться працювати над піднесенням культурного рівня провінціального міста, над організацією в цьому місті різних культурно-просвітних закладів, над популяризацією науки шляхом читання публічних лекцій, тощо. І знаючи це, він свідомо залишився в Одесі. Його не лякала та широка громадсько-просвітня робота, що її від нього вимагала Одеса; навпаки, ця робота його приваблювала.

Головним місцем праці М. М. Ланге був Одеський університет. Викладання філософських дисциплін, яке так страждало від частоті зміни викладачів після виходу в одставку проф. Орбинського, тепер підноситься на високий рівень,

завдяки великій ерудиції, енергії и ретельності нового професора. Хоч у Одеському університеті був ще один викладач філософії, О. П. Казанський, однак, на долю Ланге прийшлася більша частина курсів, йому довелося взяти на себе читання вступу до філософії, історії нової філософії, психології, історії педагогіки, дидактики, тоді як Казанський читав лише історію стародавньої філософії та логіку. Причому цікаве те, що курси історії педагогіки й дидактики М. М. Ланге почав читати з власної ініціативи, ще до того, як міністерство освіти запропонувало університетам включити педагогіку до навчальних планів історично-філологічних факультетів. Цей факт дуже знаменний. Він свідчить, з одного боку, про ініціативність Ланге, з другого боку, про його здатність на саможертви, бо, справді завдати собі на плечі два нові курси – справа нелегка. Ще й про те свідчить цей факт, що М. М. Ланге захопився справою середньої масової школи, – він хоче дати цій школі викладача методично озброєного.

В останнє десятиліття існування Одеського університету, коли в Ланге вже були його молодші помічники, викладання філософії в університеті ще більш поширилося, до згаданих курсів було додано естетику.

Щоб зрозуміти ту значну еволюцію, що її пережило викладання філософії в Одеському університеті від часів Орбинського (першого викладача філософії в університеті) до часів Ланге, слід порівняти ті курси, що читалися в університеті Орбинським, з тими курсами, що читалися Ланге та Казанським. За часів Орбинського було майже виключне панування історичних дисциплін, – різні курси історії філософії (грецької, стародавньо-християнської, нової, з спеціальним курсом про Канта, та новішої) заповняли все викладання; лише психологія, що викладалася раз у декілька років, трохи порушувала цю одноманітність. За часів Ланге ми помічаємо значне ослаблення історичного елемента, – історія філософії вміщається тепер у два курси – стародавньої та нової, замість тих п'яти курсів, що були при Орбинському. Натомість підсилюється викладання психології, яка вже читається щороку, а не раз у декілька років, та запроваджується викладання логіки, педагогіки, нарешті, естетики.

Лекції свої читав Ланге з великим захопленням, яке передавалося і аудиторії. Його жвава вдача виявлялася і під час читання лекцій. Він не сидів спокійно на кафедрі, як Орбинський, він весь час був у рухові: сховався із кафедри, становився перед кафедрою, жестикулював руками. І треба сказати, що ці різноманітні рухи не тільки не ослаблювали вражіння від лекції, а навпаки, зміцняли це вражіння, надаючи лекції більшої експресії. Говорив М. М. Ланге не поспішаючи, з досить частими короткими паузами, і знову таки, паузи ці були цілком доречні, – вони полегшували слухачам сприймання абстрактних філософських понять і принципів. Лектор не обдавав слухача потоком слів, він давав йому можливість активно сприймати, заглиблюючись в предмет. Говорив М. М. Ланге ясно, просто й образно, великий

дар популяризації почувався в кожній його лекції. Звичайно, не всі лекції читалися М. М. Ланге з однаковим захопленням, — були більш яскраві й менш яскраві лекції, що залежало від самої теми й від смаку лектора. У курсі з історії нової філософії, що його нам довелося слухати, особливо вдала була лекція про Спінозу. Натхнення лектора тут досягло вищого ступеня: почувалася якась надзвичайна урочистість, якась побожність до великого імені, якийсь глибокий сум над долею мислителя — новатора, відкинутого його ж народом.

Лекторська діяльність М. М. Ланге, що тривала цілих 32 роки, не могла весь час стояти на одному рівні — вона знала свої періоди підйому й періоди порівняльного занепаду. Деяке ослаблення енергії помічалось в 1902–1904 р., — лекції тоді не були вже такими жвакими, як у попередні роки. Здавалося, лектор уже втомився від довголітньої напруженої праці, що так багато вимагала нервової енергії. Однак, революція 1905 року знову розпалила пригаслий вогонь, — наш лектор ожив, до нього вернулося молоднече натхнення. І цей підйом довго не покидав Миколая Миколайовича. Мені судилося бути його учнем як раз у цей період піднесення його енергії. Особливо яскравими й жвакими були його лекції в 1905–1906 акад. році, після закінчення великого студентського страйку, що тривав майже цілий рік. Аудиторії історично-філологічного факультету, не розраховані на велику кількість слухачів, не могли вмістити всіх бажаних слухати популярного професора, через що курси свої читав він у головному університетському будинку, у великій аудиторії. У мене в пам'ятку ці лекції: як живий, стоїть переді мною лектор, весь наелектризований сотнею очей, що жадібно вп'ялися в нього, стежачи за кожним його рухом, за кожною зміною його багатой міміки.

Піклуючись про дальший розвиток філософії в університеті, М. М. Ланге прийшов до думки про заснування при історично-філологічному факультеті окремого філософського відділу, що мав поділятися на три секції: історично-філологічну, біологічну та математичну. План цього відділу, детально розроблений М. М. Ланге, був затверджений факультетом, але далі справа не пішла і все обмежилось лише запровадженням філософської групи на історичному відділі. Думка про філософський відділ все ж таки не покидала Миколая Миколайовича, і йому вдалося це здійснити після лютневої революції, уже за часів радянської влади, коли замість історично-філологічного факультету тимчасово існував інститут гуманітарно-суспільних наук, де Ланге викладав філософські дисципліни.

Звичайно, читання лекцій не могло задовольняти Миколая Миколайовича, йому хотілося також провадити наукові досліджування. До Одеси він приїхав із готовим планом докторської дисертації, яку треба було опрацювати тут, в Одесі; дисертація вимагала лабораторії, де можна було б провадити психологічні експерименти. У цій справі пішов йому на зустріч проф. фізіології Спіро, учень Сеченова, — він ласкаво запропонував Ланге працювати в його фізіологічній лабораторії. Із великим захо-

пленням почав працювати Ланге в лабораторії Спіро, де він знайшов потрібні йому інструменти. Наслідком цих робіт було закінчення докторської дисертації, яку було надруковано 1893 року в Одесі.

Однак, для М. М. Ланге було ясно, що фізіологічної лабораторії не вистачить, що потрібна спеціальна психологічна лабораторія, на зразок Ляйпцігської. У вступі до своєї дисертації він висловлює думку про konieczність заснування психологічних лабораторій при історично-філологічних факультетах російських університетів. Незабаром він заходжується біля заснування такої лабораторії при Одеському університеті. Однак, ця справа була нелегка: треба було боротися з відсталістю професури, яка ставилася вороже до експериментального напрямку в психології. Ще коли Ланге їхав до Одеси з Ленінграду, місцева професура вже почувала неприхильність до нього, з огляду на його захоплення експериментальною психологією. Не зважаючи на те, що М. М. Ланге зразу завоював собі популярність в університеті завдяки своїм великим здібностям, упередження до нього, як психолога-експериментатора, дуже довго тривало. При таких умовах заснувати психологічну лабораторію було нелегко. Перш за все, важко було одержати дозвіл, а ще важче було дістати гроші. Дати гроші університет відмовився; тільки згодом ним було асигновано на цю справу 300 карб., але це було щось похуже на глузування, бо всім було добре відомо, що приладдя для психологічних лабораторій коштує дуже дорого. Однак, Ланге не тратить надії, він сміливо йде до своєї мети. Шляхом читання платних публічних лекцій він збирає гроші на лабораторію. Крім того, він популяризує свою ідею серед місцевого суспільства, сподіваючись на громадську підтримку. Деяких прихильників він дійсно знайшов серед місцевого громадянства. Дуже захопився його ідеєю І. Г. Белецький, колишній учень Ланге по Одеському університету. Довідавшись, що його учитель захожується біля заснування психологічної лабораторії і не має грошей на цю справу, він запропонував Ланге свої послуги щодо розшукування коштів. Ланге на це погодився. Белецький умістив в одній із місцевих газет статтю, де він, базуючись на думках самого Ланге, висловлених ним у вступі до його дисертації, доводив усю konieczність заснування психологічної лабораторії при Одеському університеті й закликав до грошових пожертв на цю справу. Незабаром І. А. Гросул-Толстой через Белецького передав Одеському університетові 300 карб., на улаштування лабораторії. Однак, такі випадки були дуже рідкі, – місцева суспільність, взагалі кажучи, неприхильно поставилася до розпочинання Ланге. Ворожу позицію зайняла газета «Одеський Листок». Коли той самий Белецький звернувся до редакції газети з листом, де він нагадував про заходи М. М. Ланге в справі заснування при Одеському університеті психологічної лабораторії, та згадуючи, про пожертву Гросул-Толстого, закликав одеське суспільство, особливо слухачів публічних лекцій Ланге, до дальших пожертв, то редакція не вмістила цього листа, вона надрукувала з нього тільки голе повідомлення про пожертву Гросул-Толстого. Це примусило І. Г. Белецького

видати свого листа окремою брошурою¹. Очевидно, редакція «Одеського Листка» не хотіла, щоб із сторінок її органу хтось звертався до суспільства з закликом до пожертв на улаштування психологічної лабораторії, сама ідея якої була їй не до вподоби.

М. М. Ланге за роботою в лабораторії

Ці факти красномовні. Вони показують, з яким упередженням ставилося тодішнє суспільство до того нового психологічного напрямку, представником якого був М. М. Ланге. Значна частина одеського освіченого суспільства в цій справі цілком солідаризувалася з тими університетськими професорами, що ставили опір розпочинанням Ланге в стінах університету. Експериментально досліджувати людську психіку, як досліджують яку-небудь речовину, здавалося якимсь блюзнірством, науковим шахрайством. Остільки живуча була концепція метафізичної психології!

Однак, всі ці труднощі М. М. Ланге переміг, – лабораторію було засновано, згодом вона займала вже три кімнати.

¹ И. Г. Белецкий. – К слушателям публичных лекций проф. Н. Н. Ланге. Одесса, 1901 г.

Так виникла перша в Росії і на Україні психологічна лабораторія.

В університеті М. М. Ланге, звичайно, належав до лівої групи професорів і провадив вперту боротьбу з правою професурою. Особливо рішучих форм набула ця боротьба під час ректорства Левашова. Коли в університеті чорносотенцями забито було студента Іглицького, М. М. Ланге на засіданні ради університету виступив із палкою промовою, в якій він рішуче вимагав приборкати чорну сотню в університеті.

VI. Ланге – фундатор і перший директор одеських вищих жіночих курсів

Не тільки науковою діяльністю уславив своє ім'я проф. М. М. Ланге, а також громадсько-педагогічною. Він був фундатором і першим директором вищих жіночих курсів в Одесі, що на довгий час залишалися єдиним огнищем вищої жіночої освіти для всієї степової України.

Тут доречі буде зробити хоч би невеличкий екскурс у царину історії вищої жіночої освіти на Україні й у Росії, щоб простежити той ланцюг фактів, продовженням якого було це культурне розпочинання М. М. Ланге.

Початок вищої жіночої освіти в Росії можна датувати 1859 роком, коли в Ленінграді жінки почали відвідувати, на правах вільнослухачок, університетські лекції. Однак, статут 1863 року зачинив для жіноцтва двері російських університетів, в наслідок чого українське й російське жіноцтво полинуло закордон, переважно до Швейцарії, задля одержання там вищої освіти. Якщо вступати до університету було заборонено, то треба було подбати про запровадження спеціальних жіночих шкіл, що могли б дати щось подібне до вищої освіти. На таку спробу уряд пішов, і відомому педагогові Вишнеградському вдалося того ж таки 1863 року відкрити жіночі педагогічні двохрічні курси при Ленінградській Марійській гімназії, заснованій з його ж ініціативи. А 1878 року в тому ж Ленінграді відчиняються вищі жіночі курси з університетським характером викладання, на чолі яких стає проф. Бестужев-Рюмін, – це так звані «Бестужевські» курси.

У Москві піонером був проф. Гер'є, що 1872 року заснував вищі жіночі курси університетського типу. 1876 р., з ініціативи проф. Сорокіна, виникли курси в Казані.

Слідом за Росією пішла Україна. Як і в Росії, тут також вищі жіночі школи не були справою урядовою, а виникали з громадської і приватної ініціативи. Почин зробив Київ: 1878 р. тут відчинилися вищі жіночі курси, з ініціативи гуртка жінок. Трохи пізніше виникли курси в Харкові.

Щодо Одеси, то треба сказати, що думка про заснування вищих жіночих курсів має тут досить давню історію. Ще 1878 р. заходився біля цієї справи проф. Одеського університету Трачевський, в план якого увіходило заснування так вищих жіночих курсів, як і підготовчих до них курсів, що давали б для перших цілком підготованих

слухачок. Підготовчі курси 1879 р. дійсно почали функціонувати при 3-ій чоловічій гімназії, але вищі курси проф. Трачевському не судилося відчинити, бо уряд не дав на це дозволу, не зважаючи на те, що земство й міська дума згоджувалися забезпечити курси відповідними коштами.

Те, що не вдалося проф. Трачевському, блискуче вдалося проф. Ланге. Думка про заснування в Одесі вищих жіночих курсів виникла в Миколая Миколайовича ще наприкінці 70-х років, а саме в той час, коли він приїхав із далекої Півночі на наш Південь, одержавши доцентуру в Одеському університеті. Миколай Миколайович признавався потім, що коли він уперше познайомився з нашим Півднем, то його надзвичайно вразило те ставлення до жінки, яке він тут спостеріг. Того людського ставлення, що його він спостерігав на Півночі, – як до товариша, до співробітника, до друга – він тут не знайшов. Під цим вражінням у нього й виникла думка про заснування школи, що підняла б на вищий ступінь духовний і громадський стан жінки й була б першою умовою повстання погляду на жінку, як на рівноцінну з мужчиною істоту. Однак, довгий час обставини не сприяли переведенню в життя цього наміру, – всім було ясно, що уряд рішуче буде проти запровадження вищої жіночої школи в Одесі. Тільки на початку ХХ століття, коли на чолі міністерства народної освіти став більш-менш ліберальний Зенгер, Миколай Миколайович міг енергійно взятися за ту справу, за яку брався колись його попередник, професор Трачевський. З доручення куратора одеської шкільної округи Сольського, зі захопленням почав він працювати над розробкою проекту трьохрічних педагогічних жіночих курсів, притягнувши до цієї справи тісний гурток місцевих професорів і викладавців. Організаційну роботу швидко було закінчено, дозвіл одержано, і 4-го жовтня (за новим стилем) 1903 року курси почали функціонувати при гімназії Пашковської. Ставши на чолі курсів, М. М. Ланге з запалом, що доходив до фанатизму, почав працювати на користь цієї установи, маючи на увазі піднести рівень викладання на курсах до університетського. Це йому дійсно вдалося, і 1905 року курси, завдяки його енергійним заходам, з «педагогічних» було перетворено в «вищі».

Напрямок, що його додержувався М. М. Ланге в керуванні курсами, був дуже ліберальний. Ось що писав куратор одеської шкільної округи Х. П. Сольський міністрові народної освіти від 29-го квітня 1905 року: «При директорві Ланге курси ухилилися від прямого й високого свого призначення – готувати слухачок до педагогічної діяльності в жіночих гімназіях – і взяли напрямок різко політичний і, як висловлюються особи, здається, цілком обізнані з цією справою, курси швидше можуть уявляти з себе не що інше, як «організоване революційне бюро»... «Мною дуже часто, – писав далі Х. П. Сольський, – робилися дирекції курсів попередження і давалися різні вказівки, і як би вона скористувалася з них, то, можливо, спасла б курси від сумної необхідності їхнього закриття і не допустила б того напрямку, що не дозволяє в теперішній час по совісті висловитися на користь їхнього дальшого

існування». Отже бачимо, що куратор Сольський вороже ставився до М. М. Ланге, як ліберального директора, і навіть схилився до думки про закриття назавше курсів. Однак, закрити курси назавше йому не вдалося.

Революційні події 1905 року знайшли в Ланге переконаного прихильника. Коли 12-го жовтня 1905 року курсистки влаштували в приміщенні курсів велику сходку, де закликали до боротьби з темними реакційними силами, М. М. Ланге, на знак того, що він цілком солідаризується з ними, сам прибув на цю сходку, на чолі ліберальної групи професорів, між якими був і Є. М. Щепкін.

Єврейський погром, що з самого початку потьмарив світлі дні революції, надзвичайно болісно відчувався Ланге, і він нічого так не хотів, як покарати погромників. За його згодою в приміщенні курсів було організовано «юридичне бюро» для опитування свідків, самовидців і тих, що постраждали від погрому¹.

Коли наступила реакція, вона ніскільки не зламала непохитності М. М. Ланге. Він гордо відмовився дати свій підпис у прочитанні циркулярного розпорядження міністерства освіти від 15-го жовтня 1906 року, яким не дозволялося службовцям брати участь в протиурядових партіях, що прямують до повалення існуючого державного ладу. За таку відмову наказом міністерства народної освіти від 9-го лютого 1907 року його було звільнено від посади викладача педагогіки в жіночій гімназії Пашковської.

Надзвичайно вороже ставився до М. М. Ланге, як директора курсів, чорносотенний куратор одеської шкільної округи Щербаков, що й змусило, нарешті, Миколая Миколайовича вже 1908 року залишити керування улюбленою установою. З великим жалем прощалися численні слухачки курсів зі своїм директором; вони вирішили вшанувати його пам'ять, вивісивши його портрет у читальній залі курсів. Клопотання про це було порушено перед відповідними органами. Міністерство народної освіти спочатку погодилося на пропозицію курсисток і повідомило про це куратора Щербакова. Однак, цей останній ударив на сполох і звернувся до міністерства з великою доповідною запискою, де доводив, що М. М. Ланге, як ліберальний директор, не заслуговує того, щоб його портрет оздоблював читальню курсів. Міністр Шварц погодився з аргументами куратора й скасував свою постанову, — курси так і не побачили портрета їхнього фундатора й першого директора.

Ставлення до курсисток у М. М. Ланге було надзвичайно добре, — не почувалося нічого начальницького, офіційного. Курсистки, що зверталися до нього, заздалегідь знали, що почують тепле слово, що зустрінуть сердечне ставлення до їхніх потреб. І численні слухачки курсів дуже цінили це піклування про них їхнього директора. В адресі, що її піднесли курсистки М. М. Ланге, розстаючись з ним, як із директором, говорилося: «Нам не забути тієї незмінної сердечної уваги, що з нею ви входили в наші інтереси, того безмежного терпіння, що з ним ви ставилися до

¹ Згодом це бюро було переведено до університету.

наших інтересів. При всіх труднощах, часом і особистих, думка наша природно, завдяки створеним вами відносинам, зверталася до вас і ми довірливо й сміливо йшли до нашого директора, до нашого постійного й незмінного оборонця і друга. З якою відгучністю і чуйністю ви йшли назустріч тим, кому тяжка, часами надсильна була боротьба з нестатками, в скількох ви підтримали бадьорість, скільком ви подали матеріальну допомогу, – це знають ті, що тільки завдяки вам одержали можливість продовжувати освіту». Хоч і не довго М. М. Ланге стояв на чолі курсів, однак, своє ім'я він назавше зв'язав з ними, як назавше з лєнінградськими курсами зв'язали своє ім'я Вишнеградський та Бєстужєв-Рюмін, а з московськими – проф. Гер'є. І оскільки одеські курси довгий час були єдиним огнищем вищої жіночої освіти для всієї Степової України, то треба сказати, що в історію Степової України М. М. Ланге вписав своє ім'я великими літерами. Справедливо писалося в місцевій газеті з приводу 25-тиріччя наукової діяльності М. М. Ланге: «Однієї тільки заслуги по заснуванню і організації в Одесі жіночих курсів було б досить для того, щоб занести ім'я проф. Ланге до історії освіти нашого міста і усієї Степової України».

VII. Піклування Ланге про середню і початкову школу

Працюючи на користь вищої освіти, М. М. Ланге не забував також освіти середньої та початкової. З великою увагою ставився він до питання про підготовку вчителів для різних типів шкіл і про піднесення розумового рівня вчителства. В цьому відношенні дуже цікавий такий факт: коли міністерство народної освіти запропонувало історично-філологічним факультетам включити в свій навчальний план курси дидактики й історії педагогіки, то виявилось, що в Одеському університеті ці курси, з ініціативи Ланге, вже читалися, при чому читав їх сам Ланге, не дивлячись на обтяженість різними іншими курсами.

За для того, щоб збудити педагогічну думку серед місцевих педагогів і дати вчителству якийсь культурний осередок, біля якого воно могло б гуртуватися, М. М. Ланге, підчас свого головування в історично-філологічному товаристві, заснував при ньому педагогічний відділ, на чолі якого він і стояв протягом декількох років. Одним із головних завдань Педагогічного Відділу М. М. Ланге вважав посильну участь у збудуванні наукової педагогіки. Ще до відкриття Відділу на засіданні Історично-філологічного Т-ва 14-го березня 1900 року він виголосив промову, в якій виразно накреслив завдання Відділу й головний напрямок його діяльності¹. Як важливе завдання Педагогічного Відділу, промовець зазначає збудування наукової педагогіки. Причому він додержується того погляду, що ця наукова педагогіка мусить бути збудована не на ін-

¹ Промову цю уміщено в науковому органі Т-ва. Див. «Летопись Историко-филологического О-ва при имп. Новороссийском Университете, т. VIII. Византийско-Славянское Отделение (быв. Византийское) № V, стор. 36–39.

дивідуальній психології, не на вченні про гармонійний розвиток здібностей, не на якій-небудь метафізичній теорії, а на соціологічних дослідженнях. Він визнає себе прихильником соціальної педагогіки й згадує про її кращих представників, зокрема про Наторпа. З квітня 1900 року відбулося перше (організаційне) засідання Педагогічного Відділу. За голову Відділу було обрано М. М. Ланге, за секретаря – відомого українського етнографа Х. П. Ящуржинського¹. З того часу Відділ розпочав свою жваву діяльність, завше притягаючи на свої засідання численну публіку.

На весні 1905 року Відділ, з ініціативи свого голови, порушив питання про реформу школи, присвятивши цьому питанню два спеціальних засідання, з читанням і обговоренням доповідів, серед яких особливо виділялися доповіді самого Ланге. Перше засідання відбулося 26-го березня 1905 р. під головуванням Ланге. Засідання розпочалися промовою голови, в якій він дав критичну оцінку сучасній середній школі.

Друге, ширше засідання відбулося 2-го квітня того ж року. На цьому засіданні було зачитано такі доповіді:

1. М. М. Ланге. – «В чому мусить полягати реформа середньої школи?»
2. К. С Шварсалон. – «Особа вчителя в середній школі».
3. А. В. Мдівані. – «Шкільний режим та його відношення до родини».
4. В. І. Маляров. – «Взаємовідношення родини й школи».
5. Д. Д. Сігаревич. – «Приватна ініціатива в шкільній справі».
6. А. Ф. Петровський. – «Позашкільна освіта».

У той же час М. М. Ланге склав від імені Педагогічного Відділу доповідну записку до ради міністрів, з рішучою вимогою радикальної реформи школи й з виразним натяком на реформу загальнополітичну. Записку цю було зачитано на згаданому засіданні Відділу й надіслано до ради міністрів. Однак, ми не знаємо, як пани міністри поставилися до цієї записки й чи читали вони її. Ось вимоги, що висувалися в «записці»:

1. Загальна обов'язковість елементарного навчання і зв'язане з цим підвищення урядових витрат на освіту, принаймні до 6% державного бюджету.
2. Загальноприступність урядових шкіл, без різниці стану, національності й віросповідання.
3. Злиття нижчих класів гімназії з міськими школами.
4. Ослаблення і суворе обмеження законом бюрократичного впливу на школу.
5. Підсилення впливу громадських організацій на школу й поширення прав педагогічних рад.
6. Скасування особливої цензури книжок із боку вченого комітету міністерства народної освіти й надання педагогічним радам права вибора підручників.

¹ Ibidem, стор. 55.

7. Надання педагогічним радам середніх шкіл права обирати директора й інспектора.
8. Усунення примусового характеру в релігійному вихованні.
9. Зрівняння жіночих шкіл із чоловічими.
10. Надання земствам, містам і громадським установам права вільного відкриття будь-яких шкіл із будь-якими програмами¹.

Закінчується «Записка» такою тирадою: «Обмежуючи, згідно своєму статуті, своє клопотання зазначеними питаннями, Педагогічний Відділ Історично-Філологічного Товариства вважає, однак, за свій обов'язок висловити своє переконання, що кінцевою умовою реального переведення цих реформ він визнає участь вільно обраних народних представників у шкільному законодавстві й свободу особи, друку й зібрань».

Бучне й велелюдне засідання Педагогічного Відділу 2-го квітня 1905 року, на якому, крім педагогів, багато було сторонньої публіки, викликало сенсацію в місті й знайшло жвавий відгук у місцевій пресі. Звичайно, не всі газети радо вітали цей сміливий крок Педагогічного Відділу. Чорносотенна «Русская Речь» розпалася гнівом і умістила великий фельетон під заголовком: «Педагогі—визволителі». Багато бруду вилляв автор фельетону на голову Ланге й усіх доповідачів, що виступали на знаменитому засіданні. Навіть більш-менш ліберальна газета «Одесский Листок» несприятливо поставилася до цього засідання і умістила статтю, автор якої висміював доповідачів і доповіді, що були зачитані на засіданні. На цю статтю відповів Ланге статтею «Своєрідна критика», що її було уміщено в тій же газеті.

Однак, як не намагалися деякі місцеві газети дискредитувати в очах суспільства Педагогічний Відділ, авторитет його серед учительства стояв дуже високо й його виступ за реформу школи глибоко розворушив думку масового педагога.

Дбаючи про поширення Педагогічного Відділу, М. М. Ланге прийшов до думки про перетворення його в окреме товариство при Одеському університеті. Однак, університет не пішов йому назустріч, — на засіданні ради університету 9-го грудня 1908 р. визнано було небажаним заснування окремого педагогічного товариства.

---

¹ Ця «Записка» й усі вищезазначені доповіді, з додатком не зачитаної на засіданні за браком часу доповіді Ф. Миялицького, вийшли окремим збірником під такою назвою: «Заседание Педагогического Отдела Историко-филологического Общества при имп. Новороссийском Университете 2-го апреля 1905 года по вопросу о реформе средней школы». Одесса, 1905 г., 84 стр. 1906 року цей збірник вдруге вийшов, як XV т. «Літопису Історично-Філологічного Т-ва. Див. «Летопись Историко-филологического Общества при имп. Новороссийском Университете. т. XV. Педагогическое Отделение II. Одесса, 1906 г., 138 стр. До згаданих статтів тут додано ще статтю О. Д. Шербини: «До питання про наші підручники в зв'язку з розглядом нового програму курсу російської словесності».

Не обмежуючись працею в Педагогічному Відділі, М. М. Ланге брав також найактивнішу участь у різних педагогічних з'їздах, порушуючи й тут питання про реформу школи.

Не лише про середню школу дбав Миколай Миколайович, а також і про початкову. Особливо близько став він до початкової школи з 1917 року, коли його було обрано за голову шкільного комітету при міській думі. Дуже ретельно виконував Миколай Миколайович свої обов'язки голови комітету; він не пропустив жодного засідання і на кожному засіданні виявляв велику здібність орієнтуватися в найскладніших питаннях. Найактивнішу участь брав він у розробці різних планів, програмів тощо.

Не задовольняючись головуванням у шкільному комітеті, з метою ближче стати до початкової школи М. М. Ланге взяв під свій безпосередній догляд одну з народних шкіл, де й почав провадити різні педагогічні спроби. Він брав участь у всіх засіданнях педагогічної ради цієї школи й сам керував засіданнями. До участі в засіданнях він притяг і батьків. Він запропонував батькам улаштувати при школі майстерні, де діти могли б набувати трудові навички, де вони могли би знайомитися з елементарними трудовими процесами. Однак, відсутність коштів не дала можливості улаштувати майстерні при школі, — довелося користуватися чужими майстернями, куди діти ходили разом із учителями.

З метою виявити розумовий рівень дітей, що вступають до школи, і простежити їхній дальший інтелектуальний розвиток М. М. Ланге вживав такої методи: діти при вступі до школи заповнюють анкету, даючи відповіді на різні запитання з галузі природознавства, суспільствознавства, географії тощо; через кожний рік діти, що їх прийнято до школи, заповнюють цю саму анкету, даючи відповіді на ті самі запитання. Різниця в відповідях дає можливість міркувати про наслідки шкільного навчання.

При школі М. М. Ланге організував лекції для піднесення кваліфікації вчителів.

Школу Миколай Миколайович надзвичайно любив, діти його зворушували своєю безпосередністю і душевною чистотою; від спілкування з ними він завше приходив у чудовий настрій¹.

Щодо педагогічного світогляду М. М. Ланге, то треба сказати, що осередком цього світогляду була ідея трудової школи, як сполучення розумового виховання з

¹ Ці відомості про роботу М. М. Ланге в початковій школі нам люб'язно подала Е. П. Студенцова, що разом із Ланге працювала в згаданій школі. За що ми й складаємо їй свою подяку.

² Речь профессора имп. Новороссийского Университета Н. Н. Ланге, произнесенная при открытии Педагогического Съезда деятелей мужских гимназий и реальных училищ Одесского Учебного Округа, бывшего в Одессе с 2 по 7 января 1916 г. «Задачи съезда в свете общих педагогических принципов» Одесса, 1916 г., стр. 13.

фізичною працею. Тут виступає спорідненість думок Ланге з поглядами Песталоцці, щирим прихильником якого він завше визнавав себе. Взагалі духовний образ Песталоцці робив на Ланге якийсь магічний вплив, і свою пошану до великого педагога, пошану, змішану з побожністю, він умів передавати своїй аудиторії.

У своїй промові, виголошеній на педагогічному з'їзді, що відбувся в Одесі в січні 1916 року, М. М. Ланге знову згадує про Песталоцці, як творця нової, виховальної народної школи, глибоко перейнятої ідеєю свого громадського служіння. До Песталоцці, каже він, гадали, що роль народної школи обмежена навчанням грамоти, катехізиса та рахівництва; Песталоцці ж значно поширив і поглибив ці завдання школи, зробивши її засобом виховальних і виховально-громадських впливів на дитину. Миколай Миколайович із жалем зазначає, що середня школа ще й досі не має свого Песталоцці².

VIII. Ланге й позашкільна освіта

Позашкільна освіта також була предметом уваги Миколая Миколайовича. Щороку читав він прилюдні лекції, що завше мали великий успіх і збирали численну аудиторію. Іноді це були не окремі лекції, а цілі курси. 1897 року в циклі лекцій, організованих при Одеському університеті Товариством Природників, прочитав він курс психології, а 1900–1901 акад. року, з власної ініціативи, прочитав цикл лекцій з філософії, що являли собою систематичний курс історії нової філософії, починаючи з епохи відродження і закінчуючи XIX сторіччям. Обидва цикли лекцій, прочитаних М. М. Ланге, мали великий успіх у публіки. Успіх лекцій з психології відмічає К. Оленін у своєму фельетоні на сторінках місцевої газети. Оленін каже, що з публічних лекцій, улаштованих професорами, найбільший успіх мали лекції Ланге та Зеленського й пояснює це як тим, що ці професори читали найбільш інтересні предмети, як і тим, що престиж цих професорів стояв високо в очах публіки. Не менший успіх мали лекції Ланге з історії філософії. Численні слухачі так були захоплені цими лекціями, що визнали за потрібне, по закінченні усього цикла лекцій, скласти подяку лекторові через місцеву газету «Одесские Новости». Ось що говорили слухачі, звертаючись до М. М. Ланге: «Дякуючи вашому живому слову, Миколаю Миколайовичу, ясному й популярному викладові, вашій любові до науки й бажанню посвятити в неї і слухачів, ми, не зважаючи на ті труднощі шляху, що про них ви говорили в своєму образному порівнянні науки з гірською екскурсією, не зважаючи на втому й невідповідність, сприймали й розуміли, виходили проясненими, увільнялися від буденних турбот і оживали, оживали від апатії нашого сіренького життя».

Багато лекцій улаштовував М. М. Ланге на користь різних добродійних установ і завше читав восени на користь незаможних студентів та курсисток.

Однак, такі лекції не могли задовольнити Миколая Миколайовича; він почував, що потрібне щось більше, щось ширше, що не окремі одиниці, а ціла армія лекторів мусить організовано виступити на штурм народної темряви, суєвірства, забобонів. Біля цієї справи він почав енергійно заходжуватися, як тільки його було обрано за голову Історично-філологічного Товариства при Одеському Університеті. Він мав намір використати це товариство задля переведення в життя широкого плану позашкільної освіти, задля організації систематичних прилюдних лекцій із різних галузів гуманітарних дисциплін. На тому самому засіданні Історично-Філологічного Товариства, що на ньому М.М. Ланге було обрано за голову Товариства, він, дякуючи за обрання, виголосив промову, в якій, накреслюючи головні напрямки діяльності Товариства на майбутнє, заявив про своє бажання скерувати цю діяльність також у бік позашкільної освіти. Підкресливши, що суто наукова робота Товариства за весь час його існування була досить жвава, він далі зазначив, що Товариство мало зробило в справі популяризації знань, у справі поширення цих знань серед широких кол суспільства. На його погляд, один з головних обов'язків Історично-Філологічного Товариства це улаштування систематичних прилюдних лекцій з історично-філологічних дисциплін¹.

Щоб зробити почин, М. М. Ланге й прочитав уже згаданий нами цикл лекцій з історії філософії узимку 1900–1901 року.

Однак, ні палкий заклик нового голови, ні його власний приклад не розворушили Товариства, не спонукали його членів до жвавої роботи по лінії позашкільної освіти. Професори історично-філологічного факультету Одеського університету, з яких переважно й складалося Історично-Філологічне Товариство, байдуже поставилися до тієї великої відповідальної справи, що до неї закликав їх М. М. Ланге. Миколаєві Миколайовичу відразу стало цілком ясно, що йому не подолати громадської байдужості цих діячів науки, що його голос завше буде «голосом у пустелі». І він перестав закликати... Згодом (29-го вересня 1904 р.) відмовився він і від головування в Історично-Філологічному Товаристві.

Ця невдача все ж таки не вбила в М. М. охоти працювати в царині позашкільної освіти, – і після цього він часто виступає з прилюдними лекціями на теми з педагогіки й психології.

Коли ж на провесні 1917 року прокотилася перша революційна хвиля, він відразу зрозумів, що складаються сприятливі умови задля переведення в життя широкого плану позашкільної освіти. Разом із іншими місцевими діячами береться він за влаштування народного університету й стає на чолі величезної організаційної

---

¹ Промову цю вміщено в науковому органі Товариства. Див. «Летопись Историко-филологического Общества при имп. Новороссийском университете» т. VIII. Византийско-Славянское Отделение. V, стр. 2–4 («приложения»).

комісії, що складалася з 76-ти осіб, представників 37-ми місцевих організацій, громадських і політичних. Коли університет почав функціонувати, ми бачимо Ланге на чолі його. Щоб зрозуміти, оскільки нелегким було керування цією установою, треба зазначити, що в склад університету увіходило більш, ніж 200 лекторів і що поділявся університет на 7 відділів, або секцій найрізноманітнішого характеру. Ось ці секції: 1) природничо-математична; 2) громадознавчо-юридична; 3) історично-філологічна; 4) медична; 5) кооперативна; 6) політехнічна; 7) бібліотечна. Згодом ще додали мистецьку секцію. Лекції читалися в різних пунктах і в багатьох аудиторіях. Їх відвідувало щодня 2½ тисячі слухачів. При чому М. М. Ланге не тільки стояв на чолі цілого університету, а й на чолі історично-філологічної секції, а також філософської підсекції. Крім того, виступав він і як лектор, читаючи філософію і психологію. Щоб все це робити, і робити з властивим Миколаєві Миколайовичу запалом, до того ж працюючи в Одеському університеті і на жіночих курсах, для цього дійсно треба було бути ентузіастом, фанатиком свого діла.

ІХ. М. М. Ланге й радянська влада

Коли навесні 1919 року в Одесі повстала радянська влада, М. М. Ланге радо вітав цей переворот. Його соціально-політичні погляди, під впливом Жовтневої Революції, почали еволюціонувати вліво, і подібно Е. М. Щепкінові, його приятелеві й колишньому товаришеві по конституційно-демократичній партії, він швидко дійшов до цілковитого визнання соціальної революції. І коли Е. М. Щепкін, що працював у Раді Комісарів вищих шкіл м. Одеси, запропонував Миколаєві Миколайовичу бути консультантом при раді комісарів, він із охотою прийняв цю пропозицію і з захопленням почав працювати над перебудовою вищої школи в Одесі.

Про те, якими були соціально-політичні погляди М. М. Ланге в останні роки його життя, свідчить його офіційний лист до ректора Одеського університету проф. Білімовича та декана історично-філологічного факультету проф. Доброклонського від 13-го вересня 1919 року, коли білі знову повернулися до Одеси. Лист цей був відповіддю на офіційну пропозицію ректора подати пояснення з приводу роботи М. М. Ланге в Раді Комісарів вищих шкіл Одеси. Ось що каже про себе Ланге в листі до ректора: «На пропозицію вашу від 29-го серпня (за старим стилем. — *М. Г.*) за № 2242 мушу подати про себе таке. На початку червня Є. Щепкін звернувся до мене з пропозицією бути консультантом при Раді Комісарів вищих шкіл Одеси, поруч деяких інших професорів університету. Я погодився на цю пропозицію з таких мотивів. По-перше, я гадав, що при поставленій на чергу реформі університету й великій недосвідченості в цій справі комісарів я можу моїми вказівками сприяти більш правильному ходу цієї справи. Другим мотивом були для мене ті мої погляди, що до них я ступнево прийшов під впливом подій нашого часу. А саме, я прийшов

до переконання (якого додержуюсь і тепер), що дивовижність всеєвропейської війни й заподіяне нею матеріальне й духовне зубожіння людськості не можуть бути поладжені одними політичними реформами, хоч би й дуже радикальними, що зокрема конституційний або республіканський лад спричиниться, імовірно, тільки до дальшого зросту капіталізму та його гніту й до війн, і що конче потрібна для спасіння майбутнього людськості зміна, що відповідала б великості заподіяного лиха, а саме — розв'язання соціального питання в дусі соціально-економічної рівності й нове виховання людськості в дусі цієї рівності. У цьому устрої конче потрібне й глибоке оновлення школи, університету, самої культури й навіть науки». Отже бачимо, що цей лист М. М. Ланге є документ великої ваги, — він наочно показує, яку значну еволюцію пережив цей видатний учений і громадський діяч під впливом Жовтневої Революції. Колишній ліберал, що в свій час був одною із центральних постатів у конституційно-демократичній партії, став прихильником соціальної революції, як єдиного порятунку для страдницької людськості. Ми бачимо, як широко й глибоко розуміє він майбутні реформи, — він прагне радикальної перебудови не лише політичного та соціально-економічного ладу, а також школи ба й самої науки. Він має мужність одверто сказати це представникам тієї темної сили, що тимчасово тоді перемогла, має мужність сказати це прислужникам білого генерала Денікіна. Він знає, що його судитимуть, але він не боїться цього суду й, не ховаючись, каже правду про себе.

У тому самому листі висловлює М. М. Ланге й свої педагогічні погляди. Він згадує про свої три доповіді про трудову школу, одну з яких було виголошено на зборах у цирку, другу — на вчительській конференції, улаштованій учительським всеросійським союзом, а третю — на з'їзді вчителів, організованому комісаріатом освіти. Він каже, що він і тепер не відмовляється від поглядів, висловлених ним у цих доповідях, а саме — від думки про трудову школу, про конечність об'єднання навчання з виробничою працею. «Цей тип школи, що веде свій початок від Песталоцці, каже він, я вважаю за найкращий». Тут ще раз зустрічаємо згадку про Песталоцці, про якого й раніш так любив згадувати Миколай Миколайович у своїх лекціях і бесідах. Пієтет до великого педагога зберіг він до останніх днів.

Ми не знаємо, яким було би становище М. М. Ланге в Одеському університеті, як би білі продержалися довше в Одесі. Можливо, що йому довелося б розпрощатися з університетом. Група професорів і молодших викладачів, серед яких був і його учень, залишений ним при університеті, рішуче вимагали усунення М. М. Ланге з університету. Однак, невдовзі білим довелося тікати з Одеси, — знову повернулася радянська влада. На жаль, сил у Миколая Миколайовича вже було мало, щоб при нових умовах розгорнути широку діяльність, наукову й громадську. Не про розгортання праці була мова, а про її згортання, скорочення. Склероз серця робив своє зрадницьке діло, і всім було ясно, що кінець недалеко...

14-го лютого 1921 року Миколая Миколайовича не стало.

Наука втратила видатного дослідника, суспільство втратило невтомного діяча, що так багато зробив у царині освіти на терені Степової України.

Список друкoваних праць М. М. Ланге

1. Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit und der activen Apperception. Philosophische Studien herausgegeben von Wilhelm Wundt. Vierter Band, Leipzig, 1888, S. 390–422.
2. «История нравственных идей XIX в.». Часть I, С.-Петербург, 1888 г., 379 стр. Другий відділ цього твору (стор. 273–379), присвячений французькій етиці, конфісковано цензурою, через що книжка обривається на 272 сторінці.
3. Revue philosophique, 1890 (№№ 9–12). «Вопросы философии и психологии». Кн. 9, стр. 58–65. (Бібліографічна замітка).
4. «Механизм внимания». Русская школа, 1891 г. № 1, стр. 65–81.
5. Hugo Münsterberg. — Beiträge zur experimentellen Psychologie. Heft 1–2. Freiburg in. B., 1889. (XIX + 188+234). «Вопросы философии и психологии», кн. 6, стр. 24–33. Тут, між іншим, М. М. Ланге відповідає Мюнстербергові на його критику теорії Ланге про коливання уваги.
6. «О действии гашиша». Вопросы философии и психологии. Кн. I.
7. «Элементы воли». Вопросы философии и психологии. Кн. IV, стр. 1–25.
8. Revue philosophique 1890 г., №№ 1–8. «Вопросы философии и психологии». Кн. 5, стр. 60–70 (1890 рік, № 1).
9. Ответ Г. Е. Челпанову. «Вопросы философии и психологии». Кн. 8, стр. 90–93 (1891 рік).
10. Отзыв о сочинении приват-доцента А. П. Казанского: «Учение Аристотеля о значении опыта при познании» (Одесса, 1891 г.), представленном для получения степени магистра-ра философии. Одесса, 1891 г., 8 стр.
11. Душа ребенка в первые годы его жизни. Две публичные лекции. Изд. журн. «Русская школа». С.-Петербург, 1892 г., 64 стр. (спочатку уміщено в журн. «Русская Школа» за 1891 р.).
12. Письма Элоизы к Абеляру. Южный сборник в пользу пострадавших от неурожая. Одесса, 1892 г.
13. Психологические исследования. Одесса, 1893 г., 296 стр.
14. «Первая аналитика» Аристотеля. С.-Петербург, 1894, 194 стр.
15. «К вопросу о преподавании педагогики в женских гимназиях». Отдельный оттиск из № 7 «Циркуляра по Одесскому учебному округу», за 1895 г. Одесса, 1895 г., 8 стр.
16. Учебник логики. Удостоен малой премии имени Петра Великого. Изд. книгопродавца Е. П. Распопова. Одесса, 1898 г., 237 стр.
17. Философия феноменального формализма. Н. Г. Дебольского. Журн. Минист. Нар. Просвещ. 1900 г.
18. Великие мыслители XIX в. Лекция I. Кант и критика чистого разума. Одеса, 1901 г.
19. Отзыв о сочинении «Учение Канта о пространстве и времени». Одесса, 1901 г., 13 стр.
20. Две главные идеи Канта. Южные записки. 1904 г. №№ 13–14.

21. Три супени. Журн. «За свободу», под редакц. проф. Н. Н. Ланге и проф. Е. Н. Щепкина. 1905 г., № 1, Одесса, стр. 5–10.
22. В чем должна состоять реформа нашей средней школы? Заседание Педагогического Отдела Историко-филологического Общества при имп. Новороссийском Университете, 2-го апреля 1905 г., по вопросу о реформе средней школы. Одесса, 1905 г., стр. 5–23.
23. Революция скрещенных рук (всеобщие политические забастовки).
24. Отчет о сочинении «Теория познания Декарта». Одесса, 1912 г., 5 стр.
25. Теория В. Вундта о начале мифа. (Критические заметки). Одесса, 1912 г., 20 стр. Отдельный оттиск из Сборника в честь Э. Р. фон-Штерна (XXX т. «Записок императорского Одесского Общества Истории и Древностей»).
26. Психология. Итоги науки в теории и практике, под редакцией проф. М. М. Ковалевского, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича. Том VIII, изд. Т-ва «Мир». Москва, 1912 г., 312 стр.
27. Речь проф. имп. Новороссийского Университета Н. Н. Ланге, произнесенная при открытии Педагогического Съезда деятелей мужских гимназий и реальных училищ Одесского Учебного Округа, бывш. в Одессе с 2-го по 7-ое января 1916 г. «Задачи Съезда в свете общих педагогических принципов». Одесса, 1916 г., 14 стр.
28. Учебник логики для гимназий и самообразования. Второе издание, исправленное и дополненное. Удостоен малой премии Петра Великого. Книгоиздательство М. С. Козмана в Одессе, 1918 г., 178 стр.

Редагування й передмови

29. Ганс Корнелиус. — Введение в философию. Перевод с немецкого Г. А. Котляра, под редакцией и с предисловием проф. Н. Н. Ланге. Москва, 1905 г., 312 стр.
30. Э. Мах. — Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. Разрешенный автором перевод со второго, вновь пересмотренного издания Г. Котляра, под редакцией проф. Н. Н. Ланге. Изд. С. Скимунта. Москва, 1909 г., 471 стр.
31. Б. Шмид. — Философская хрестоматия. Пособие для средних [учебных заведений и для самообразования. Перевод Ю. Я. Говсеева, под редакц. и с предисловием проф. Н. Н. Ланге, Изд-во «Mathesis», Одесса, 1907 г., стр. IV 4–172.
32. Г. Эббингаус. — Основы психологии. Том I. Выпуск I. Перевод со 2-го немецкого издания Г. А. Котляра, под редакц. проф. В. С. Серебrenикова и Э. Л. Радлова. С.-Петербург, 1911 г., 391 стр. (Як зазначає Е. Л. Радлов у своїй передмові до цього видання, переклад твору Еббінгауса був спочатку розглянутий М. Ланге, якому й належить і редакція перших аркушів).
33. В. Еразулем. — Учебник психологии. Перевод с немецкого Вл. Медема, с предисловием и дополнениями проф. Н. Н. Ланге. 2-ое издание. Издание Т-ва «Мир». Москва, 1915 г., 289 стр.

Літографовані видання

34. Курс истории новой философии, составленный слушательницами 3-го курса Историко-филологического факультета Одесских Высших Женских курсов, под редакц. проф. Н. Н. Ланге. 1907–1908 академ. год, 202 стр.

35. Основы дидактики. Одесса, 136 стр.
36. Курс логики, составленный слушательницами Исторического Отделения Одесских Женских Педагогических Курсов, под редакц. проф. Н. Н. Ланге. 1904–1905 акад. год. Одесса, 1904 г., 72 стр.
37. Логика. 1906–1907 г., 62 стр.

Література про М. М. Ланге

38. Я. Колубовский. — Психологическая лаборатория Вундта. «Русское Богатство», 1890 г., кн. II–III (три сторінки свого нарису автор присвячує розвідці М. М. Ланге, виконаній у лабораторії Вундта).
39. Е. Челпанов. — По поводу статей Н. Н. Ланге. — «Вопросы философии и психологии». Кн. 7, стр. 92 — 98. (Е. Челпанов має на увазі статтю М. Ланге «Елементи волі», що її уміщено в жури. «Вопросы философии и психологии», кн. 4, та рецензію М. Ланге на «Beiträge» Мюнстерберга, що її уміщено в 6 кн. «Вопросы философии и психологии». (Е. Челпанов полемізує з Ланге).
40. Е. Челпанов. — Возражение на предыдущую заметку. Вопросы философии и психологии. Кн. 8, стр. 93–95.
41. Т. Рибо. — Психология внимания. Перевод с 3-го французского издания. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансена, Киев–Харьков, 1897 г., 279 стр. (Про М. Ланге — в 2-му розділі, стор. 114–115, Рибо наводить думку М. Ланге про коливання уваги).
42. И. Г. Белецкий. — К слушателям публичных лекций проф. Н. Н. Ланге. Одесса, 1901 г., 4 стр.
43. С. Ф. Платонов. Несколько воспоминаний о студенческих годах. «Дела и дни». Исторический журнал, 1921 г., кн. II. Про М. М. Ланге мова йде на стор. 115 та 118. Акад. Платонов, який був на одному курсі з Ланге, згадує про той студентський гурток, що був організований Ланге за часів його студентства.
44. М. Гордиевский. — Памяти учителя. Известия Одесского Губернского Революционного Комитета, 1921 г., 17-го февраля.
45. Э. Радлов. — Николай Николаевич Ланге. Мысль. Журнал Петербургского философского общества, под ред. Э. Л. Радлова и Н. О. Лосского. 1922 г., № I, стр. 154–155.
46. Сергей Рубинштейн. Николай Николаевич Ланге. Народное Просвещение. Орган общественно-педагогический и политический. Изд. Одесского Губернского Отдела Народного Образования. 1922 г., № 6–10, стр. 69–70.
47. К. Н. Корнилов. — Современная психология и марксизм. Государственное издательство. Ленинград, 1924 г., 75 стр. (про Ланге — стор. 3).
48. М. Гордиевский. Проф. М. М. Ланге. Известия Одесского Округа КП(б)У, Окрисполкома и ОПБ, 1926 г., № 1860.

Записки Одеського Наукового при ВУАН Товариства. — 1930. — Секція педагогічна. — № 1. — С. 1–47.

Именной указатель¹

Абеляр Пьер (Abailard Pierre, лат. Abaelardus Petrus, 1079–1142) — французский богослов и философ-схоласт, 17; с. 26, 42, 48, 61, 223, 312

Абульханова К. А. — 87; с. 231

Авенариус Рихард (Avenarius Richard, 1843–1896) — швейцарский философ-идеалист, один из основоположников эмпириокритицизма, с. 16, 212, 213

Агафонов Д. К. — 70, 84; с. 229, 230

Адамян В. М. — 92; с. 231

Айхенвальд Ю. — 25; с. 224

Акимова Л. Н. — 88, 89, 166, 167; с. 23, 24, 37, 231, 236

Акімова Л. Н. см. **Акимова Л. Н.**

Александр I (1777–1825) — российский император (1801–1825), с. 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 84, 267

Александр II (1818–1881) — российский император (1855–1881), с. 54

Алексеева Л. А. — 92; с. 231

Алмазов Александр Иванович (1859–1912) — богослов, юрист, специалист по церковному праву, проректор ИНУ (1910), с. 75, 80

Амброз Ю. А. — 92; с. 231

Ананьев Борис Герасимович (1907–1972) — советский психолог, создатель Петербургской научной школы психологов, 90; с. 22, 23, 231

Андривеский И. Е. — 28, 29, 123; с. 224, 233

Андронати С. А. — 92; с. 231

Анри Виктор (Henri (Henry) Victor, 1872–1940) — французский психолог, один из основателей первого французского журнала по экспериментальной психологии, с. 240, 243

Антонов О. К. — 117; с. 233

Ануфриєв Л. О. — 120; с. 233

Анучин Д. Н. — 70, 84; с. 229, 230

Анфантен Бартеlemi Проспер де (Enfantin Barthélemy Prosper de, 1796–1864) — французский социалист-утопист, сенсимонист, с. 113

Аппун А. — изобретатель сонометра, с. 245

Аристипп (Aristippos, ок. 435–ок. 355 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, основатель киренской школы. Один из основоположников гедонистической этики, с. 178, 179

---

¹ В указателе приведены основные биографические сведения о персоналиях, имена которых встречаются во вступительной статье, публикуемых документах и работах Н. Н. Ланге, в сопроводительной статье к публикации и в приложении. Фамилии исследователей, зафиксированные в библиографическом указателе, а также в примечаниях к разделам 1, 2 и приложению сопровождаются только инициалами.

Аристотель (Aristoteles, 384–322 до н. э.) — древнегреческий философ, ученый, основоположник формальной логики, 13, 18, 23; с. 26, 27, 42, 46, 47, 48, 61, 149, 166, 185, 223, 224, 246, 312

Арциховский В. М. — 70, 84; с. 229, 230

Астафьев Петр Евгеньевич (1848–1893) — философ, психолог и публицист. Преподавал философию права в Демидовском юридическом лицее, цензор Московского цензурного комитета (1885), приват-доцент Московского университета, с. 269, 280, 281

Астафьев П. С. — см. **Астафьев П. Е.**

Ахилл (Achilles) — персонаж древнегреческого эпоса, с. 131

Бабайцева Зоя Антоновна (1886–1972) — выпускница ОВЖК, преподаватель русского языка Одесской женской гимназии Л. Д. Чудновской, доцент филологического факультета ОГУ, с. 90, 91

Бабичев Ф. С. — 117, 118; с. 233

Бабій Б. М. — 117; с. 233

Базар Сент-Аман (Bazard Saint-Amand, 1791–1832) — французский социалист-утопист, сенсимонист, с. 113

Базедов Иоганн-Бернард (Basedow Johann-Bernard, 1723–1790) — немецкий педагог и реформатор школьного дела, глава филантропистов, с. 50, 55

Баков А. — 32; с. 225

Бальдвин см. **Болдун Дж. М.**

Бархин Константин Борисович (1876–1938) — филолог, переводчик. Преподаватель русского языка и литературы в Одесской общественно-торговой школе (училище) и еврейской гимназии Иглицкого, с. 90, 91

Батуев Николай Александрович (1855–1917) — медик-анатом. В 1903–1917 гг. заведовал кафедрой нормальной анатомии медицинского факультета ИНУ, с. 81

Бачинский А. И. — с. 229

Беленькая Л. Я. — 131; с. 233, 234

Белецкий И. Г. — выпускник ИНУ, ученик Н. Н. Ланге, 91; с. 231, 299, 300, 314

Белкин, Алексей Сергеевич (?–1909) — приват-доцент Московского университета (1895–1909), официальный оппонент Н. Н. Ланге на защите докторской диссертации, с. 64, 67

Бслецкий И. Г. см. **Белецкий И. Г.**

Белоусова Л. Г. — с. 41

Белявский И. Г. — 92; с. 231

Бен О. см. **Бэн А.**

Бенеке Фридрих Эдуард (Beneke Friedrich Eduard, 1798–1854) — немецкий психолог и философ, с. 274, 277, 282

Бентам Иеремия (Bentham Jeremy, 1748–1832) — английский философ, правовед и экономист, один из основоположников утилитаризма, с. 171, 188, 189, 191

Беркли Джордж (Berkeley George, 1685–1753) — английский философ и теолог, с. 275

Беркли Дж. см. **Беркли Дж.**

Бернгейм Ипполит (Bernheim Hippolyte, 1840–1919) — французский врач-психиатр, основатель психоневрологической школы в Нанси, с. 241

- Бернулли Даниэль** (Bernoulli Daniel, 1700–1782) — швейцарский математик и физик-универсал, один из создателей кинетической теории газов, гидродинамики и математической физики, с. 217
- Бернштейн Натан Осипович** (1836–1891) — врач, ученый-физиолог. Преподавал в ИНУ, с. 244
- Бестужев-Рюмин Константин Николаевич** (1829–1897) — историк, профессор Петербургского университета (1865), первый директор Петербургских высших женских курсов (1878–1882), академик Российской академии наук (1890), с. 56, 301, 304
- Бестужев-Рюмин К. М.** см. **Бестужев-Рюмин К. Н.**
- Бецкой (Бецкий) Иван Иванович** (1706–1795) — личный секретарь императрицы Екатерины II (1762–1779), президент Императорской академии искусств (1763–1795), с. 54, 56
- Билимович Антон Дмитриевич** (1879–1970) — математик, механик. Ректор ИНУ (март 1917 — апрель 1919), с. 39, 93, 310
- Бине (Бинэ) Альфред** (Binet Alfred, 1875–1911) — французский психолог. Основатель первой во Франции Лаборатории экспериментальной психологии, с. 16, 240, 242, 243
- Бицилли Петр Михайлович** (1897–1953) — историк, культуролог, литературовед. С 4 сентября 1917 г. — штатный доцент ИНУ, с. 90, 91
- Блан Луи Жан Жозеф** (Blanc Louis Jean Joseph, 1811–1882) — французский социалист, историк и журналист, с. 172
- Блауберг Магнус Богданович** (1866–1921) — фармацевт, профессор ИНУ. В 1902–1921 гг. заведовал кафедрой фармации и фармакогнозии медицинского факультета ИНУ, с. 81
- Блонский П.** — 93; с. 231
- Богданович Модест Иванович** (1805–1882) — военный историк, с. 55, 56
- Боголепов Н. П.** — с. 70
- Бокль Генри Томас** (Buckle Henry Thomas, 1821–1862) — английский историк и социолог-позитивист, с. 55, 56, 148
- Болдуин Джеймс Марк** (Baldwin James Mark 1861–1934) — американский психолог, социолог и историк, с. 240
- Больтон Т. Р.** — с. 243
- Бональд Луи-Габриель-Амбруаз де** (Bonald Louis-Gabriel-Ambroise de, 1754–1840) — французский философ, политический деятель и публицист, с. 107, 134, 140, 147
- Бондаренко Петр Михайлович** (1922–2003) — директор Научной библиотеки ОГУ в 1960-е — 1980-е гг., с. 33
- Борисов Петр Яковлевич** (1864–1916) — терапевт, фармаколог, ординарный профессор ИНУ. В 1902–1916 гг. заведовал кафедрой фармакологии и бальнеологии медицинского факультета ИНУ, с. 81
- Боссюэ (Боссюэт) Жак Бенинь** (Bossuet Jacques Bénigne, 1627–1704) — епископ, французский богослов и писатель, с. 151
- Брэдли Ф. Г.** — с. 227
- Броун Томас** (Browne Thomas, 1605–1682) — английский философ и врач, с. 203, 206
- Бруно Джордано** (Bruno Giordano, 1548–1600) — монах-доминиканец, итальянский философ, астроном и поэт, 54; с. 48, 227, 295
- Будилова Е. А.** — 94; с. 231
- Букач В. М.** — 95; с. 231

- Булье Франциск** (Bouillier Francisque, 1813—1899) — французский философ и педагог, с. 281
- Булье Ф.** см. **Булье Ф.**
- Бунин И. А.** — с. 97
- Бурбоны** (Bourbon) — правящая династия в странах Европы в XVI–XIX вв., с. 106
- Бурдон Б.** — с. 243
- Бучинский Петр Николаевич** (1852–?) — зоолог, гидробиолог, профессор ИНУ (1899–1910), с. 80
- Бэкон Фрэнсис** (Bacon Francis, 1561–1626) — английский философ, историк, политический деятель, основоположник эмпиризма, с. 181, 182, 239, 274, 294
- Бэн Александр** (Bain Alexander, 1818–1903) — шотландский философ, психолог и педагог, с. 200, 203, 241, 275, 276, 281, 286, 287
- Введенский Александр Иванович** (1856–1925) — философ-идеалист и психолог, с. 259, 286
- Введенский О. И.** см. **Введенский А. И.**
- Вайц Теодор** (Waitz Teodor, 1821–1864) — немецкий психолог и антрополог, с. 15, 277
- Вандрачек Григорий Нарциссович** — преподаватель истории Одесской женской гимназии А. В. Горовой, с. 90, 91
- Вашингтон Джордж** (Washington George, 1732–1799) — американский государственный деятель и военачальник, 1-й президент США (1789–1797), с. 103
- Вебер Эрнст Генрих** (Weber Ernst Heinrich, 1795–1878) — немецкий психофизиолог и анатом, с. 217, 245, 278
- Вейсман Август** (Weismann Friedrich Leopold August, 1834–1914) — немецкий зоолог и эволюционист, с. 208
- Венгеров С. А.** 97; с. 231
- Вериго Бронислав Фортунатович** (1860–1925) — физиолог, профессор ИНУ, с. 18, 71, 81
- Вессель Н. Х.** — с. 282
- Вико Джамбаттиста** (Vico Giambattista, 1668–1744) — итальянский философ эпохи Просвещения, с. 151
- Виноградов Павел Гаврилович** (1854–1925) — историк-позитивист, профессор Московского университета (1884), с. 66
- Вирениус А. 5;** с. 26, 222
- Вишнеградский М. О.** см. **Вышнеградский Н. А.**
- Владиславлев Михаил Иванович** (1840–1890) — философ и психолог, профессор Петербургского университета (1882), ректор Петербургского университета (1887–1890), с. 25, 43, 279, 280, 281, 282, 283, 284
- Владиславлев М. И.** см. **Владиславлев М. И.**
- Власенко Иван Александрович** (1904–1992) — доцент, директор Одесского государственного педагогического института, с. 31
- Воеводский Леопольд Францевич** (1846–1901) — филолог, ординарный профессор кафедры греческой словесности историко-филологического факультета ИНУ (1882–1899), 18; с. 63, 223, 294
- Воеводский Л. Ф.** см. **Воеводский Л. Ф.**

Вольтер Франсуа-Мари Аруэ (Voltaire François Marie Arouet, 1694–1778) — французский просветитель XVIII века, философ, писатель, историк и публицист, с. 49, 107, 140, 266

Вундт, Вильгельм Макс (Wundt Wilhelm Max, 1832–1920) — немецкий, психолог, физиолог, философ, языковед. Ввел метод психологического эксперимента, открыл первую в мире психологическую лабораторию (Лейпциг, 1879 г.), 38, 57, 63, 101, 151, 189; с. 12, 16, 18, 20, 21, 22, 24, 25, 29, 42, 43, 47, 48, 64, 215, 217, 225, 227, 228, 232, 235, 237, 240, 241, 244, 246, 247, 248, 249, 251, 252, 253, 254, 259, 260, 261, 264, 265, 274, 275, 278, 282, 283, 284, 287, 288, 289, 290, 312, 313, 314

Вышнеградский Николай Алексеевич (1821–1872) — педагог, сторонник среднего женского бессословного образования. Основал журнал “Русский педагогический вестник” (1857-1861), составил первую русскую программу по педагогике, с. 301, 304

Габеленц Георг фон дер (Gabelentz Georg von der, 1868–1940) — немецкий писатель-фантаст, лингвист, специалист по восточным языкам, с. 43

Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1891) — российский историк литературы, с. 54, 55, 56

Ганц Николай Адольфович — историк образования, профессорский стипендиат по кафедре философии ИГУ, с. 45, 90, 91

Гартлей Давид (Hartley David, 1705–1757) — английский философ и врач, с. 155, 186, 187, 200

Гартманн (Гартман) Франц (Hartmann Franz, 1838–1912) — немецкий теософ и окултист, с. 137, 180

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (Hegel Georg Wilhelm Friedrich, 1770–1831) — немецкий философ, один из создателей немецкой классической философии и философии романтизма, 60; с. 48, 137, 144, 151, 227, 228, 267, 270, 274

Гезиод см. Гесиод.

Гейлюссак см. Гей-Люссак Ж.-Л.

Гей-Люссак Жозеф-Луи (Gay-Lussac Joseph Louis, 1778–1850) — французский физик, с. 214

Гейнце Макс (Heinze Max, 1835–1909) — историк философии, профессор философии в Базеле, Кенигсберге и Лейпциге, с. 43

Геккель Эрнст Генрих Филипп Август (Haeckel Ernst Heinrich Philipp August, 1834–1919) — немецкий естествоиспытатель и философ, автор термина «экология», с. 247

Гексли (Хаксли) Томас Генри (Huxley Thomas Henry, 1825–1895) — английский биолог и педагог, с. 112, 154

Гельвеций Клод Адриан (Helvetius Claude Adrien, 1715–1771) — французский философ-материалист, литератор, с. 111, 183, 184, 266

Гельвеций см. Гельвеций К. А.

Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд фон (Helmholtz Hermann Ludwig Ferdinand von, 1821–1894) — естествоиспытатель. Занимался физиологией, физикой, химией, механикой, метеорологией, психологией и математикой, с. 37, 47, 211, 212, 215, 216, 217, 239, 241, 245, 283

Гераклит Эфесский, (Heraclitus, ок. 540–480 до н. э.) — древнегреческий философ, один из основоположников диалектики, 61; с. 48, 228

- Герbart Иоганн-Фридрих** (Herbart Johann-Friedrich, 1776–1841) – немецкий психолог и философ, профессор Кенигсбергского (1809–1833) и Геттингенского (1833–1841) университетов, с. 13, 57, 248, 270, 276, 277, 278, 281, 282
- Герд Роберт Робертович** (1851–?) — преподаватель английского языка в ИНУ и Одесском коммерческом училище, с. 80
- Герич Владимир Андреевич** — секретарь Совета ИНУ, с. 74, 75
- Гертли Давид** (Hartley David, 1705–1757) — английский философ, последователь Локка, с. 203
- Герцен Александр Александрович** (1839–1906) — физиолог, доктор медицины, с. 285
- Герье Владимир Иванович** (1837–1919) — историк, профессор Московского университета (1868–1904), один из основателей Высших женских курсов в Москве (1872), с. 301, 304
- Гер'с В. I.** см. **Герье В. И.**
- Гесиод** (Гезиод, VIII—VII века до н. э.) — древнегреческий поэт и рапсод, представитель направления дидактического и генеалогического эпоса, с. 291
- Гефдинг Г.** (Höfding H.) — с. 219
- Гильдебранд Федор Иванович** (Hildebrandt Justus-Friedrich, 1773–1845) — профессор хирургии, читал анатомию и физиологию в Московской медикохирургической академии, с. 290
- Гипп Матиас** (Hipp Matthias, 1815–1893) — немецкий электрик и часовщик, с. 244
- Гильдебранд Ф. I.** см. **Гильдебранд Ф. И.**
- Глядковская А. И.** — 98; с. 231
- Гоббс Томас** (Hobbes Thomas, 1588–1679) — английский государственный деятель, социально-политический мыслитель, философ, 62; с. 48, 182, 183, 228
- Говсеев Ю. Я.** — 47, 93; с. 29, 226, 231, 313
- Гогоцкий Сильвестр Сильвестрович** (1813–1899) — философ, богослов и педагог, с. 274, 275
- Гогоцкий С. С.** см. **Гогоцкий С. С.**
- Головин Сергей Селиванович** (1866–1931) — офтальмолог, профессор ИНУ. В 1903–1911 гг. заведовал кафедрой офтальмологии медицинского факультета ИНУ, с. 81
- Гольбах Поль-Анри Тири** (Holbach Paul-Henri Thiry de, 1723–1789) — французский просветитель, писатель, философ, иностранный почётный член Петербургской академии наук, с. 49, 111
- Гольдин Ф. Л.** — 131; с. 37, 234
- Гомер** — легендарный древнегреческий поэт-сказитель, которому приписывается создание «Илиады» и «Одиссеи», с. 291
- Гораций Квинт Флакк** (Quintus Horatius Flaccus, 65–8 до н. э.) — древнеримский поэт, с. 169
- Гордиевский Михаил Иванович** (1885–1938) — философ, преподавал в ИНУ, а также ряде средних учебных заведений Одессы, 99; с. 10, 12, 21, 22, 23, 36, 37, 39, 44, 231, 314
- Гордієвський М. I.** см. **Гордиевский М. И.**
- Горис Людвиг Арсентьевич** — преподаватель методики французского языка Одесских педагогических курсов, преподаватель французского языка Одесских женских гимназий О. В. Кандыбы и В. С. Пашковской, с. 79, 80
- Горський В. С.** — 119; с. 233
- Горчакова О. А.** — 100; с. 232
- Горячева А. И.** — 101; с. 232

Григоров А. Г. — 96; с. 231

Гримм Якоб (Grimm Jakob, 1785–1863) — немецкий филолог, вместе с братом Вильгельмом Гриммом (1786–1859) является основоположником так называемой мифологической школы в фольклористике, с. 248

Гроссул-Толстой Петр Львович — публицист, меценат, одесский издатель, с. 299

Гросул-Толстой П. Л. см. **Гроссул-Толстой П. Л.**

Грот М. Я. см. **Грот Н. Я.**

Грот Николай Яковлевич (1852–1899) — философ, психолог, профессор Московского университета (1886), с. 15, 27, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 275, 284, 287, 294, 295, 296

Грот Яков Карлович (1812–1893) — филолог, профессор Гельсингфорского университета (1840), академик (1858), вице-президент Российской Императорской академии наук (1889), с. 295

Грубер Э. (Gruber E.) — ученик В. Вундта, основатель лаборатории экспериментальной психологии в Ясском университете, с. 240

Густав III (Gustav III, 1746–1792) — король Швеции (1771–1792), с. 49

Гуйо Жан Мари (Guyau Marie-Jean, 1854–1888), французский философ-позитивист, с. 48, 180, 228

Д'Аламбер Жан Лерон (D'Alembert Jean Le Rond, 1717–1783) — французский ученый-энциклопедист, философ, математик и механик, с. 49, 266

Дарвин Чарльз Роберт (Darwin Charles Robert, 1809–1882) — английский натуралист и путешественник, основоположник теории эволюции, с. 200, 207, 208, 258

Дебольский В. Г. — с. 60

Дебольский, Владимир Николаевич — историк, автор работ по исторической географии Московского княжества XIV–XV вв., с. 70

Дебольский Григорий Сергеевич (1808–1881) — магистр Санкт-Петербургской духовной академии, протоиерей-настоятель Казанского собора и помощник наблюдателя за преподаванием Закона Божия в Санкт-Петербурге. Дед Н. Н. Ланге по материнской линии, с. 43

Дебольский Николай Григорьевич (1842–1918) — философ, математик, преподаватель философии, психологии, логики в Петербургской духовной академии. Переводчик трудов Гегеля на русский язык. Дядя Н. Н. Ланге по материнской линии, 30; с. 27, 60, 69, 70, 225, 312

Декарт Рене (Descartes René, лат. Cartesius Renatus, 1596–1650) — французский математик, философ, физик и физиолог, 65; с. 29, 45, 67, 147, 228, 264, 286, 294, 313

Дельбёф Жозеф Реми Лоепольд (Delboeuf Joseph Rémi Léopold, 1831–1896) — бельгийский философ, психолог, математик, с. 241

Делянов Иван Давыдович (1818–1905) — министр народного просвещения (1882–1897), с. 68

Демокрит Абдерский (Demokritos, ок. 460 до н. э.–ок. 370 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Левкиппа, один из основателей атомистики, с. 180

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант (1916), один из главных руководителей (1918–1920 гг.) Белого движения в годы гражданской войны, с. 311

Деревицкий Алексей Николаевич (1859–1943) — филолог, декан историко-филологического факультета (1894), ректор ИНУ (1903–1905). В 1903 г. возглавлял Одесский учебный округ, с. 79

- Джемс (Джеймс) Уильям** (James William, 1842–1910) — американский философ и психолог, один из основателей и ведущий представитель прагматизма и функционализма, 184; с. 16, 237, 240, 241, 246, 264, 265, 287
- Дидро Дени** (Diderot Denis, 1713–1784) — французский философ-просветитель, писатель и драматург, один из основателей «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», с. 49
- Дильтей Вильгельм** (Dilthey Wilhelm, 1833–1911) — немецкий историк культуры и философ-идеалист, представитель философии жизни, литературовед, с. 15, 23
- Дічек Н. П.** — 161; с. 235
- Доброклонский Александр Павлович** (1856–1937) — специалист по истории церкви, и. о. экстраординарного профессора ИНУ (1899), декан историко-филологического факультета ИНУ (22–27 ноября 1910 г., 1918–апрель 1919), и. о. ректора ИНУ (июнь–август 1915 г.; сентябрь 1915 г.; сентябрь–октябрь 1916 г.; май–ноябрь 1917 г.), с. 39, 80, 95, 97, 310
- Добролюбский Константин Павлович** (1885–1953) — историк, специалист по истории Франции, профессор ОГУ, 98; с. 91, 231
- Добрынин Н. Ф.** — 104; с. 232
- Дондерс Франс Корнелиус** (Donders Franz Cornelius, 1818–1889) — нидерландский физиолог, с. 217
- Драголи Анатолий Львович** (1925–1993) — кандидат биологических наук, библиограф, с. 32, 33, 34
- Дреслер И. Г.** см. **Дресслер И. Г.**
- Дресслер Иоганн Готтлиб** (Dressler Johann Gottlieb, 1799–1867) — немецкий психолог, с. 282
- Дробиш Мориц-Вильгельм** (Drobisch Moritz-Wilhelm, 1802–1896) — немецкий математик, логик, философ-идеалист и психолог, с. 277, 278
- Дробиш М. В.** см. **Дробиш М. В.**
- Дрэпер Джон Вильям** (Draper John William, 1811–1882) — американский историк, врач, химик, физиолог, с. 55, 56
- Дудрович Иван Иванович.** (1782–1842/43) — старший учитель коммерческой гимназии в Одессе (1817 г.), первый профессор философии Ришельевского лицея (1818–1839), с. 290
- Дудрович И. И.** см. **Дудрович И. И.**
- Дюбуа-Реймон Эмиль** (Du Bois-Reymond Emile, 1818–1896) — немецкий физиолог и философ, член Берлинской академии наук (1851), с. 245
- Дюргейм Давид Эмиль** (Durkheim David Emile, 1858–1917) — французский социолог-позитивист, с. 16
- Дюринг Карл Евгений** (Dühring Eugen Karl, 1833–1921) — немецкий философ и экономист, с. 112
- Евдокс Книдский** (Eudoxos Knidios, ок. 408–ок. 355 до н.э.) — древнегреческий математик и астроном, с. 151
- Екатерина II Великая** (1729–1796) — российская императрица (1762–1796), с. 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56
- Елевтеропуло В. Е.** см. **Элевтеропуло В. Е.**
- Энгельман Т. В.** см. **Энгельман Т. В.**

Ерузалем Вильгельм (Jerusalem Wilhelm, 1854–1923) — немецкий педагог и философ, 55, 76; с. 29, 48, 227, 229, 313

Ефрон А. А. — 28, 29, 123; с. 48, 224, 233

Жане Поль Александр Рене (Janet Paul Alexandre René, 1823–1899) — французский философ, с. 106, 109, 138

Железнов В. Я. — 53, 54, 58–62, 66–69, 71–75, 78, 79; с. 227, 228, 229

Завьялов Василий Васильевич (1873–1930) — медик, физиолог, анатом. Профессор ИНУ с 1903 г., в 1915–1919 гг. руководил кафедрой физиологии ОВЖК, с. 80

Загоровский Александр Иванович (1849–1919) — юрист, специалист по гражданскому праву. Ординарный профессор кафедры гражданского права и судопроизводства ИНУ, с. 81

Задорожник И. Е. — 135; с. 234

Занчевский Иван Михайлович (1861–1928) — математик, с 1904 г. декан физико-математического факультета, ректор ИНУ (1905–1907; ноябрь 1917 – февраль 1918), с. 74, 79, 80

Зеленский Михаил Самойлович (1829–1890) — врач-педиатр, специалист по нервным болезням, с. 275, 283

Зеленський М. С. см. **Зеленский М. С.**

Зенгер Григорий Эдуардович (1853–1919) — филолог-классик, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1907 г.), государственный деятель, с. 302

Зинченко В. — 126; с. 233

Иглицкий — студент ИНУ, с. 301

Иерузалем В. см. **Ерузалем В.**

Иловайский Сергей Иванович (1861–1907) — юрист, специалист по финансовому праву. Профессор ИНУ (1893–1907), с. 81

Иоанн Златоуст (Ioannes Chrysostomos, ок. 344/354–407) — богослов, один из отцов церкви, идеолог христианства, епископ Константинопольский с 398 г., христианский святой, с. 167

Иосиф II Габсбург (Joseph II, 1741–1790) — император Священной Римской империи (1765–1790), король Венгрии и Чехии (1780–1790), с. 49

Истрин Василий Михайлович (1865–1937) — литературовед, языковед, академик АН России и СССР. В 1897–1907 гг. — профессор кафедры новой русской литературы ИНУ, с. 80

Иглицкий см. **Иглицкий**

Кабэ Этьен (Cabet Etienne, 1788–1856) — французский публицист, утопический коммунист, с. 121, 133, 168

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) — историк, правовед и социолог, публицист, с. 268, 269, 272, 273, 274, 282, 283

Кавелін К. Д. см. **Кавелин К. Д.**

Казанский Александр Павлович (1859–?) — философ, с 1914 г. экстраординарный профессор по кафедре философии ИНУ, 18; с. 26, 44, 47, 61, 63, 64, 79, 80, 223, 238, 243, 295, 297, 312

Казанский Петр Евгеньевич (1866–1947) — правовед, специалист по международному праву, ординарный профессор ИНУ (1899), декан юридического факультета ИНУ (1908), заслуженный ординарный профессор ИНУ (1918), с. 81

Казанский О. П. см. **Казанский А. П.**

Какабадзе В. Л. — 110; с. 37, 232

Каменский Франц Михайлович (1851–1912) — ботаник, с 1888 г. профессор ИНУ. В 1893–1912 гг. заведовал кафедрой ботаники, с. 80

Кампанелла Томмазо (Campanella Tommaso, 1568–1639) — итальянский философ, поэт, политический деятель, создатель коммунистической утопии, с. 103

Кант Иммануил (Kant Immanuel, 1724–1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, 31, 35; с. 13, 21, 28, 45, 46, 48, 57, 58, 59, 137, 162, 163, 168, 203, 225, 247, 263, 276, 277, 294, 297, 312

Каптерев Петр Федорович (1849–1922) — психолог, педагог и общественный деятель, с. 275

Кареев Н. И. — с. 151

Карл Великий (Carolus Magnus, 742–814) — император Священной Римской империи германской нации (800–814), родоначальник Каролингов, с. 106

Каро Эльм (Caro Elme, 1826–1887) — французский философ, критик и публицист, член Французской академии, с. 150

Карпе Франц-Самуэль (Karpe Franz-Samuel, 1741–1806) — профессор философии в Вене, с. 290

Карпенко Л. А. — 125; с. 233

Карпентер Уильям Бенджамин (Carpenter William Benjamin, 1813–1885) — английский физиолог, с. 286

Карус Карл Густав (Carus Carl Gustav, 1789–1869) — немецкий врач, психолог, художник и учёный, теоретик романтизма в искусстве, с. 291

Карус Фридрих Август (Friedrich August Carus, 1770–1807) — немецкий философ и психолог, с. 291

Керимов В. И. — 111; с. 232

Кеттелл Маккин Джеймс (Cattell McKeen James, 1860–1944) — американский психолог, ассистент В. Вундта, профессор философии (1902–1905), профессор психологии (1891–1917) Колумбийского университета, с. 241, 242

Кёниг Артур Петер (König Arthur Peter, 1856–1901) — немецкий философ, психолог, с. 241

Кирпичников Александр Иванович (1845–1903) — историк всеобщей литературы, профессор ИНУ (1885–1898), с 1894 г. член-корреспондент Петербургской академии наук, с. 296

Кіріпчініков О. І. см. **Кирпичников А. И.**

Клаузиер Иосиф Гдалия (1874–1958) — литературовед, историк, лингвист, профессор Варшавского университета. В начале 1917 г. был приглашен читать лекции в ИНУ, с. 91

Клейн Георг (Klein Georg Michel; 1776–1820) — немецкий философ, последователь Шеллинга, с. 290

Клитин Александр Михайлович (1860–1919) — богослов, священник, религиозный писатель, профессор богословия ИНУ (1900–1918), с. 79

- Клоссовский Александр Викентиевич** (1846–1917) — метеоролог, член корреспондент Академии наук. В 1886–1907 гг. — профессор ИНУ, с. 80
- К-н А.** — 63; с. 228
- Ковалевский М. М.** — 53, 54, 58-62, 66-75, 78, 79, 84; с. 29, 48, 227, 228, 229, 230, 288, 313
- Коген Герман** (Cohen Hermann, 1842–1918) — немецкий философ-идеалист, глава Магбургской школы неокантианства, с. 264
- Колубовский Я. Н.** — 21; с. 224, 314
- Кольцова В. А.** — 112; с. 232
- Кондаков Никодим Павлович** (1844–1925) — историк, искусствовед, профессор ИНУ, действительный член Петербургской академии наук (1898), академик Петербургской академии художеств (1893); член-учредитель Русского собрания (1901), с. 296
- Кондильяк Этьенн Бонно де** (Condillac Etienne Bonnot de, 1715–1780) — аббат, французский философ-сенсуалист, с. 204, 266
- Кондорсе Мари Жан Антуан Николя де** (Condorcet Marie Jean Antonie Nicolas de, 1743–1794) — французский философ-просветитель, математик, социолог и политический деятель, один из основоположников идеи исторического прогресса. с. 49
- Кондратов С. А.** — 124; с. 233
- Конюшенко Ю. А.** — 113; с. 232
- Коменский Ян Амос** (Komenský Jan Amos, лат. Comenius), 1592–1670) — чешский педагог-гуманист, общественный деятель, с. 203
- Кононович, Александр Константинович** (1850–1910) — астроном, ординарный профессор ИНУ с 1886 г., с. 79, 80
- Консидеран Виктор** (Considérant Victor Prosper, 1808–1893) — французский социалист-утопист, последователь Шарля Фурье, с. 122
- Констан де Ребек Бенжамен** (Constant de Rebecque Benjamin, 1767–1830) — франко-швейцарский писатель, философ и политический деятель, с. 107
- Константин Павлович** (1779–1831) — цесаревич и великий князь, наместник Царства Польского, с. 49, 51, 55
- Конт Огюст** (Comte Auguste, 1798–1857) — французский философ, социолог. Основатель позитивистского направления в социологии, с. 64, 100, 101, 105, 119, 133, 135, 138, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 164, 173, 229, 248, 271, 276
- Корнелиус Г.** — 42, 182; с. 28, 226, 237, 277, 313
- Корнилов К. Н.** — с. 290, 314
- Корсаков С. С.** — с. 66, 287
- Корш Александр Всеволодович** (1846–1925) — медик, специалист по судебной медицине. С 1904 г. ординарный профессор ИНУ, с. 81
- Корш Ф. Е.** — 18; с. 223
- Косма Т. В.** — 114, 115, 131; с. 230, 232, 233
- Костюк Г. С.** — 131; с. 233
- Котляр Г. А.** — 49, 175; с. 29, 226, 236, 313
- Котляр И. Д.** — 42, 182; с. 28, 226, 237

Кочмар В. С. — 132; с. 234

Кочубинский Александр Александрович (1845–1907) — славист, декан историко-филологического факультета ИНУ, редактор «Записок Новороссийского университета» (1878), один из основателей Историко-филологического общества при ИНУ (1889), лектор ОВЖК с 1903 г., с. 63, 79, 80

Крейцер Фридрих Георг (Creuzer Friedrich Georg, 1771–1858) — немецкий филолог, специалист по мифологии, с. 248

Крусман Владимир Эдуардович (1879–1922) — историк, медиевист. С 1907 г. приват-доцент по кафедре средней и новой истории ИНУ, с. 90, 91

Кузен Виктор (Cousin Victor, 1792–1867) — французский философ, историк и деятель образования, с. 144

Кузнецов Константин Алексеевич (1883–1953) — филолог, историк права, искусствовед, основатель советского музыковедения. С 1914 по 1921 гг. профессор ИНУ, ОВЖК и Одесского народного университета, с. 90, 91

Кузнецова З. В. — с. 90

Кун Николай Альбертович (1877–1940) — историк-античник, специалист по мифологии, писатель, педагог, с. 248

Курляндцев М. Д. см. **Курляндцев Н. Д.**

Курляндцев Николай Дмитриевич (1802–1835) — профессор Ришельевского лицея; преподавал физику, математику и военные науки, цензор при одесском цензурном комитете (1832), с. 292, 293

Кюльпе О. — 33, 174; с. 225, 236

Лавровский Николай Алексеевич (1827–1899) — историк литературы, с. 55, 56

Лагарп Фредерик-Сезар де (Laharpe Frédéric-César de, 1754–1838) — швейцарский юрист, республиканец по своим убеждениям, с. 53, 54, 56

Лазурский Владимир Федорович (1869–1947) — литературовед, специалист в области западно-европейской литературы, с. 79, 81

Лактанций Луций Целий Фирмиан (Lactatius Lucius Caelius Firmianus, ок. 250–ок. 325) — христианский писатель III в., с. 167

Ламенне Фелисите Робер де (Lamennais Félicité-Robert de, 1782–1854) — аббат, французский публицист и религиозный философ, один из родоначальников христианского социализма, с. 39, 100, 107, 134, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 147, 271

Ламетри Жюльен Офре де (La Mettrie (Lamettrie) Julien Offray de, 1709–1751) — французский врач и философ-материалист, с. 111

Ланге (урожд. **Дебольская**) **Мария Григорьевна** — мать Н. Н. Ланге, с. 60

Ланге Людвиг (Ludwig Lange, 1825–1885) — немецкий физиолог, ученик В. Вундта, с. 245

Ланге М. М. — см. **Ланге Н. Н.**

Ланге Николай Андреевич (1830–1893) — действительный статский советник, советник Комитета правления Императорской академии наук, отец Н. Н. Ланге, с. 12, 34, 43

Ланге Николай Николаевич (1888–?) — сын Н. Н. Ланге, с. 11, 31, 32, 33, 37, 70, 266

Ланге (урожд. **Митрофанова**) **Татьяна Федоровна** (1862–?) — жена Н. Н. Ланге, с. 31, 34, 60, 70, 266

Лаплас Пьер Симон де (Laplace Pierre Simon de, 1749–1827) — французский астроном, математик и физик, с. 217

Лапшин И. И. — с. 255, 259, 286

Лассаль Фердинанд (Lassal Ferdinand, 1825–1864) — немецкий философ, юрист, экономист и политический деятель, с. 111

Лафитт Жак (Laffitte Jacques, 1767–1844) — французский банкир и политический деятель, с. 106

Лацарус Мориц (Lazarus Moritz, 1824–1903) — немецкий философ, психолог, один из основателей теории психологии народов, с. 248, 277

Леббок Джон (Lubbock John, 1834–1913) — английский археолог, этнограф, политический деятель и писатель-моралист, с. 286

Лебедев Дмитрий Павлович — филолог, с 1869 г. преподавал греческую филологию и философию в ИНУ, с. 294

Левашов Сергей Васильевич (1857–1919) — доктор медицины, терапевт. С 1903 г. — профессор кафедры факультетской терапевтической клиники ИНУ (1903–1919), ректор ИНУ (1907–1912), с. 75, 81, 301

Лейбниц Готфрид Вильгельм фон (Leibniz Gottfried Wilhelm von, 1646–1716) — немецкий философ, математик, юрист, дипломат, 25; с. 12, 21, 25, 36, 42, 43, 45, 48, 224, 229, 264, 267, 274, 278

Лекки Уильям Эдвард Хартпол (Lecky William Edward Hartpole, 1833–1903) — англо-ирландский историк и публицист, с. 166

Лемберг М. — 33, 174; с. 225, 236

Леру Пьер (Leroux Pierre, 1797–1871) — французский философ и социалист-утопист, один из основателей христианского социализма, с. 154

Лессепс Ф. М. — с. 104

Лессинг Готхольд Эфраим (Lessing Gotthold Ephraim, 1729–1781) — немецкий критик и драматург, представитель литературы европейского Просвещения, с. 137

Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) — историк, с 1909 г. заслуженный ординарный профессор ИНУ, с. 38, 79, 80

Литтре Поль-Максимилиан-Эмил (Littré Paul-Maximilien-Emil, 1801–1881) — французский филолог и философ-позитивист, ученик и последователь О. Конта, с. 145, 147, 148, 150

Лозинский Сергей Осипович (1882–1938) — филолог, преподаватель русского языка и педагогики Одесской женской гимназии А. В. Каминской и Одесской частной женской гимназии А. С. Гольденберга, с. 91

Локк Джон (John Locke, 1632–1704) — английский философ, социолог и педагог, 25; с. 12, 21, 25, 43, 50, 51, 52, 55, 155, 183, 187, 203, 205, 207, 224, 274

Лопатин Лев Михайлович (1855–1920) — философ-спиритуалист, профессор Московского университета, с. 64, 65, 66, 67, 69

Лосский Н. О. — с. 314

Лотце Рудольф Герман (Lotze Rudolf Hermann, 1817–1881) — немецкий философ, врач, естествоиспытатель, с. 278, 282, 286

Лудвиг см. Людвиг К. Ф. В.

Лукьянов Сергей Михайлович (1855–1935) — русский ученый-эпидемиолог, писатель и государственный деятель. В 1902–1905 гг. — товарищ министра народного просвещения, с. 79, 81

Луньяк Иван Иванович (1847–?) — литературовед, специалист в области классической литературы, с 1907 г. заслуженный профессор ИНУ, с. 80

Лупанов Борис Александрович (1887–1959) — языковед, специалист по романо-германской филологии, с 1919 г. доцент кафедры истории западноевропейских языков и литератур ИНУ, с. 91

Льюис Джордж Генри (Lewis George Henry, 1817–1878), английский философ-позитивист, литературный критик, с. 286

Лэдд Джордж Трамбалл (Ladd George Trumbull, 1842–1921) — американский философ и психолог, профессор Йельского университета, организатор лаборатории экспериментальной психологии, с. 240, 241

Людвиг Карл Фридрих Вильгельм (Ludwig Karl Friedrich Wilhelm, 1816–1895) — немецкий физиолог, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук, с. 42, 43, 244

Людовик XVI (Louis XVI, 1754–1793) — король Франции из династии Бурбонов (1774–1793), с. 148

Людовик XVIII (Louis XVIII, 1755–1824) — король Франции из династии Бурбонов (1814–1824, с перерывом в 1815 г.), с. 106, 109

Ляйбниц Г. В. фон — см. **Лейбниц Г. В.**

Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943) — языковед, академик АН СССР. В 1902–1923 гг. экстраординарный профессор кафедры славянской филологии ИНУ, с. 79, 80

Мабли Габриэль Бонно де (Mably Gabriel Bonnot de, 1709–1785) — французский просветитель и политический мыслитель, утопический коммунист, историк, с. 109

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844) — поэт, публицист, государственный деятель. Попечитель Казанского учебного округа. Один из авторов проекта цензурного устава 1826 г., с. 267

Магницький М. Л. — см. **Магницкий М. Л.**

Мазилев В. А. — 129; с. 233

Малинин Иван Михайлович (1883–1961) — педагог, психолог, приват-доцент по кафедре философии ИНУ в 1906 г., преподаватель историко-филологического факультета ОВЖК и ряда средних учебных заведений Одессы, с. 44

Маляров В. И. — участник заседания педагогического отдела историко-филологического общества (1905), с. 305

Маляров В. И. см. **Маляров В. И.**

Мандес Михаил Ильич (1866–1934) — филолог, специалист по греческому языку, профессор кафедры классической филологии ИНУ, с. 90, 91

Маньковский Александр Федорович (1866–1946) — медик-патолог, экстраординарный профессор кафедры гистологии и эмбриологии медицинского факультета ИНУ в 1902–1917 гг., с. 81

Марей Этьен Жюль (Marey Etienne-Jules, 1830–1904) — французский физиолог, изобретатель и фотограф, с. 244

Маретт Роберт Рейналф (Marett Robert Ranulph, 1866–1943) — английский исследователь первобытной религии, один из теоретиков преанимизма, с. 260

Мариотт Эдм (Mariotte Edme, 1620–1684) — французский физик, с. 214

Маркевич Алексей Иванович (1847–1905) — историк, краевед, профессор историко-филологического факультета ИГУ (1889–1895), 130; с. 233, 294

Маркевич О. И. см. **Маркевич А. И.**

Маркс Карл Генрих (Marx Karl Heinrich, 1818–1883) — немецкий философ, экономист и политический деятель. Основатель теории научного социализма, основоположник марксизма, с. 111

Мартиус (Martius) — профессор психологии Боннского университета, с. 240

Мах Э. — 49, 175; с. 29, 48, 212, 213, 214, 226, 236, 264, 265, 313

Медем В. — с. 313

Мдивани А. В. — участник заседания педагогического отдела историко-филологического общества (1905), с. 305

Мдівані А. В. см. **Мдивани А. В.**

Медведев Анатолий Константинович (1863–?) — физиолог, с 1901 г. профессор физиологической химии медицинского факультета ИГУ, с. 81

Мейнонг Алексиус (Meinong Aleksius von, 1853–1920) — австрийский философ и психолог, профессор (1882), преподавал философию в университетах Вены (1878–1882) и Граца (1882), основал первую в Австрии лабораторию экспериментальной психологии (1886–1887), с. 16

Меликишвили (Меликов) Петр Григорьевич (1850–1927) — химик-органик. В 1907 г. — заслуженный профессор ИГУ, член-корреспондент АН СССР (1927), первый ректор Тбилисского университета, с. 80

Мемель Готтлиб Эрнст Август (Mehmel Gottlieb Ernst August, 1761–1840) — немецкий философ, профессор философии и изящных наук в Эрлангене (1792), с. 290

Мен де Бيران Мари Франсуа Пьер (Maine de Biran Marie François Pierre, 1766–1824) — французский философ и политический деятель, с. 286

Мен де Біран М. Ф. П. см. **Мен де Бيران М. Ф. П.**

Местр Жозеф де (Maistre Joseph de, 1753–1821) — французский философ, писатель и политический деятель, с. 100, 107, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 147, 154, 158, 271

Мещеряков Б. — 126; с. 233

Мечников Илья Ильич (1845–1916) — зоолог, эмбриолог, иммунолог, физиолог и патолог, профессор ИГУ (1870–1882). Лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины (1908), с. 296

Мечніков І. І. см. **Мечников И. И.**

Микола І см. **Николай И.**

Миллер Орест Федорович (1833–1889) — фольклорист, литературовед, профессор историко-филологического факультета Петербургского университета, с. 294

Милль Джеймс (Mill, James, 1773–1836) — шотландский экономист, историк и философ, с. 155, 203

Милль Джон Стюарт (Mill John Stuart, 1806–1873) — английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель, с. 145, 148, 157, 192, 197, 198, 199, 201, 203

Мильн-Эдвардс — с. 207

Милятицкий Ф. — с. 306

Михневич Иосиф Григорьевич (1809–1885) — богослов, историк, философ, профессор Киевской духовной академии (1836–1839), Ришельевского лицея, инспектор Ришельевского лицея (1851), помощник попечителя Киевского и Варшавского учебных округов, с. 291, 292

Мишле Жюль (Michelet Jules, 1798–1874) — французский историк, профессор Высшей нормальной школы и Коллеж де Франс, с. 99, 100, 104, 291

Миллер О. Ф. см. **Миллер О. Ф.**

Міхневич Й. Г. см. **Михневич И. Г.**

Мішеле Ж. см. **Мишле Ж.**

Моммзен Теодор (Mommsen Theodor, 1817–1903) — немецкий историк, филолог и юрист, с. 265

Монтень Мишель Эйкем де (Montaigne Michel Eyquem de, 1533–1592) — французский писатель, философ-гуманист эпохи Возрождения, с. 50, 51, 52, 55

Монтескье Шарль-Луи де Секонда, барон Ла Брэд и де (Montesquieu Charles-Louis de Seconda, Baron de La Brède et de, 1689–1755) — выдающийся политический мыслитель и правовед, с. 203, 266

Мор Томас (More Thomas, 1478–1535) — английский государственный деятель, мыслитель, писатель-гуманист, юрист, богослов, с. 103

Морозов Н. А. — 70, 84; с. 29, 48, 229, 230, 288, 313

Мороховец Лев Захарович (1848–?) — физиолог, профессор Московского университета, с. 66

Мочульский Василий Николаевич (1856–1920) — литературовед, языковед, с 1893 г. профессор ИНУ, с. 80

Мурашко О. С. — 132; с. 234

Муромцев С. А. — 53, 54, 58–62, 66–69, 71–75, 78, 79; с. 227, 228, 229, 230

Мюллер Георг Элиас (Müller Georg Elias, 1850–1934) — немецкий философ, один из первых экспериментальных психологов, с. 16, 240

Мюллер Фридрих Максимилиан (Müller Friedrich Maximilian, 1823–1900) — немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии и мифологии, с. 248

Мюнстерберг Гуго (Münsterberg Hugo, 1863–1916) — немецкий и американский психолог, глава психологической лаборатории в Гарвардском университете (1892), 10, 39, 170, 185, 183; с. 26, 61, 216, 222, 226, 236, 237, 240, 244, 287, 312, 314

Назаров И. Н. — с. 94

Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte, 1769–1821) — французский полководец, государственный деятель, император Франции (1804–1814, 1815 г.), с. 104, 108, 262

Наторп Пауль Герхард (Paul Gerhard Natorp, 1854–1924) — немецкий философ, представитель марбургской школы неокантианства, с. 305

Невежина В. Н. — с. 67

Некрасов Иван Степанович (1836–1895) — славист, ординарный профессор словесности по кафедре русской словесности, с 1874 г. декан историко-филологического факультета, ректор ИНУ (с 1890 г.), с. 60, 63

Нечаев В. М. — 14; с. 61, 223

Николай I Павлович (1796–1855) — российский император (1825–1855), царь Польский и великий князь Финляндский, с. 267

Нисбетт Ричард (род. 1941) — профессор психологии Мичиганского университета (Энн Арбор, США), с. 17

Нічик В. М. — 119, с. 233

Новалис, псевд. Гарденберг Фридрих фон (Novalis, pseud. Hardenberg Georg Philipp Friedrich von, 1772–1801) — немецкий писатель, представитель романтизма, с. 157

Ньютон Исаак (Newton Isaac, 1643–1727) — английский физик, математик и астроном, ученый, заложивший основы классической физики, с. 123

Окен Лоренц (Oken Lorenz или Ockenfuss, 1779–1851) — немецкий философ и естествоиспытатель, последователь Ф. В. Шеллинга, профессор Йенского университета (1807), ректор Цюрихского университета (1832), с. 292

Олександр I см. **Александр I**

Оленин К. — одесский публицист, с. 308

Оленін К. см. **Оленин К.**

Ольденберг Герман (Oldenberg Hermann, 1854–1920) — немецкий филолог, профессор санскритского языка и сравнительного языковедения в Кильском университете, с. 43

Орбинский Роберт Васильевич (1834–1893) — финансист, философ, педагог, общественный деятель, профессор кафедры истории философии ИНУ (1865–1876), с. 294, 296, 297

Орбинський Р. В. см. **Орбинский Р. В.**

Ориген (Origenes, ок. 185–ок. 254) — раннехристианский богослов, философ, писатель, представитель ранней патристики, с. 167

Осіня Н. — 133, с. 234

Оуэн Роберт (Owen Robert, 1771–1858) — английский философ, социалист-утопист с. 112, 119

Павлов Михаил Григорьевич (1793–1840) — философ, физик, агробиолог, с. 292, 293

Павловский Алексей Андреевич (1856–1913) — историк, искусствовед. В 1909–1912 гг. декан историко-филологического факультета ИНУ, с. 79, 80

Павловский Михаил Карпович (1810–1898) — богослов, преподаватель богословия, психологии и логики в Ришельевском лицее и в других учебных заведениях г. Одессы, профессор богословия ИНУ (1865–1873), с. 294

Павловський М. К. см. **Павловский М. К.**

Палаузов Владимир Николаевич (1851–1920) — юрист, специалист по уголовному праву, с 1886 г. ординарный профессор ИНУ, с. 80

Палей Вильям (Paley William, 1743–1805) — английский консервативный богослов и публицист, с. 187

Паскаль Блез (Pascal Blaise, 1623–1662) — французский религиозный мыслитель, математик и физик, с. 142

Пахиопуло Николай Константинович — преподаватель философской пропедевтики 3-ей гимназии г. Одессы, с. 90

Пашковская Екатерина Семеновна — казначей Высших женских курсов, учредитель одной из женских гимназий Одессы, с. 28, 45, 79, 87, 302, 303

Перетяткович Григорий Иванович (1840–1908) — историк, с 1886 г. ординарный профессор по кафедре русской истории ИНУ, с. 63, 80

Песталоцци Иоганн Генрих (Pestalozzi Johann Heinrich, 1746–1827) — швейцарский педагог, один из основоположников дидактики начального обучения, с. 47, 308, 311

Пестов А. Н. — 135, с. 234

Петр I (1672–1725) — российский царь (1682–1721), российский император (1721–1725), 27; с. 27, 48, 224, 312

Петриашвили (Петриев) Василий Моисеевич (1845–1908) — русский химик, с 1879 г. профессор, с 1907 г. ректор ИНУ, с. 80

Петровский А. В. — участник заседания педагогического отдела историко-филологического общества (1905), 125, 136; с. 233, 234, 305

Петровський А. Ф. см. **Петровский А. В.**

Пивоварчик I. M. — 109, 137, 138; с. 232, 234

Платон (Plato, 428 / 427 г. до н. э.–348 / 347 г. до н. э.) — древнегреческий философ, с. 58, 103, 122, 149, 172

Платонов С. Ф. — с. 314

Плесская-Зебольд Э. Г. — с. 37

Подвысоцкий Владимир Валерианович (1857–1913) — первый декан медицинского факультета ИНУ (1900–1905), с. 73, 81

Покровский Александр Иванович (1873–после 1928 / 40) — богослов, деятель обновленческого движения. В 1916–1919 гг. исполнял должность экстраординарного профессора ИНУ, с. 91

Покрывалов А. — правитель канцелярии Одесского учебного округа (1896), с. 68

Попов Николай Михайлович (1855–1939) — психиатр, патологоанатом. В 1903–1920 гг. заведовал кафедрой нервных и душевных болезней ИНУ, с. 81

Попруженко М. Г. (1866–1943) — историк, с 1909 г. ординарный профессор ИНУ. С 1896 г. заведующий Публичной библиотекой Одессы, с. 261

Потанов Петр Иосифович — приват-доцент по кафедре русского языка и словесности историко-филологического факультета ИНУ, с. 91

Потебня Александр Афанасьевич (1835–1891) — языковед, философ, фольклорист, этнограф, литературовед и педагог, общественный деятель, с. 281, 282

Потебня О.О. см. **Потебня А. А.**

Прейер Тьерри Вильям (Preyer Thierry William, 1841–1897) — физиолог, основатель детской психологии. Преподавал в Боннском (1865), Иенском (1866–1888) и Берлинском (1888–1893) университетах, с. 61, 241, 243, 287

Прейср Т. В. см. **Прейер Т. В.**

Прендель Ромул Александрович (1851–1904) — геолог, минералог, кристаллограф, с 1897 г. ординарный профессор кафедры минералогии ИНУ, с. 80

Пристли Джозеф (Priestley Joseph, 1733–1804) — британский священник-диссидент, естествоиспытатель, философ, общественный деятель, с. 188

Протагор (Protagoras ок. 480–ок. 410 до н. э.) — древнегреческий философ-софист, с. 178

Прохоров А. М. — 122; с. 233

Прудон Пьер Жозеф (Proudhon Pierre Joseph, 1809–1865) — французский социалист, теоретик анархизма, с. 13, 39, 43, 100, 101, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 271

Пуассон Симеон-Дени (Poisson Siméon-Denis, 1781–1840) — знаменитый французский физик и математик, с. 217

Птолемей Клавдий (Claudius Ptolemaeus, ок. 100–ок. 168) — древнегреческий философ, астроном и географ, основоположник гелиоцентрической системы устройства мира, с. 151

Пыпин А. Н. — с. 56

Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928) — филолог, философ, директор Императорской Петербургской публичной библиотеки (1917–1924), 144, 145; с. 29, 69, 234, 267, 313, 314

Равессон-Мольен Жан Гаспар Феликс (Ravaisson-Mollien Jean Gaspard Félix, 1813–1900) — французский философ, археолог и историк искусства, с. 146

Раппопорт — одесский домовладелец, с. 63

Рейбо Мари Рош Луи (Reybaud Marie Roch Louis, 1799–1879) — французский романист и публицист, с. 103, 104, 105, 113, 122, 124, 127

Рейно Жан Эрнст (Reynaud, Jean Ernst, 1806–1863) — французский философ, автор работ по естествознанию, сторонник Сен-Симона, с. 154

Ренненкампф Владимир Николаевич (1862–1925) — правовед. С 1907 г. исполняющий обязанности ординарного профессора кафедры гражданского права ИНУ, с. 81

Ренан Жозеф Эрнест (Renan Joseph Ernest, 1823–1892) — французский писатель, историк и филолог. В 1884 г. был администратором Collège de France, с. 43, 167

Ренувье Шарль Бернар (Renouvier Charles Bernard, 1815–1903) — французский философ, лидер французского неокантианства, с. 151

Репяхов Василий Михайлович (1852–1905) — зоолог, с 1896 г. ординарный профессор кафедры зоологии ИНУ, с. 80

Решетов С. Г. — с. 41

Рибо Тэодюль-Арман (Ribot Théodule-Armand, 1839–1916) — французский психолог, один из основоположников концепции «природного эксперимента», 187, 188; с. 43, 237, 240, 241, 286, 287, 314

Рикснер Таддеус Ансельм (Rixner Thaddeus Anselm, 1766–1838) — немецкий историк философии, с. 291

Риттер Генрих (Ritter, Heinrich 1791–1869) — немецкий философ и историк философии, профессор Берлинского, Киленского, Геттингенского университетов, с. 291

Ришави Людвиг Альбертович (1851–1915) — ботаник, с 1886 г. профессор ИНУ, с. 80

Рібо Т. А. см. **Рибо Т. А.**

Рікснер Т. А. см. **Рикснер Т. А.**

Ріттер Г. см. **Риттер Г.**

Робинне Жан Батист Рене (Robinet Jean Baptiste René, 1735–1820) — французский философ, сочетавший материалистические взгляды с элементами деизма, с. 147

Роговин М. — 152; с. 235

Родриг (Родригес) Бенжамен-Оленд (Rodrigues Benjamin-Olinde, 1794–1851) — французский математик и экономист, последователь Сен-Симона, с. 106

Рожнятовська О. А. — 153; с. 235

Роменец В. А. — 154, 155; с. 235

Роменс Георг Джон (Romanes George John, 1848–1894) — английский натуралист, один из первых исследователей интеллекта животных, с. 241, 258, 286

Ротерт Владислав Адольфович (1863–1916) — ботаник. В 1902–1907 гг. — ординарный профессор ИНУ, с. 80

Рубинштейн Сергей Леонидович (1889–1960) — философ, психолог и библиограф. Один из создателей деятельностного подхода в психологии, 156, 157, 158; с. 22, 24, 235, 314

Ружейников Виктор Тимофеевич (1908-?) — кандидат педагогических наук, доцент, первый зав. кафедрой педагогики ОГУ, с. 31, 32, 37

Рунич Дмитрий Павлович (1780–1860) — государственный деятель. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (1821–1826). Один из авторов проекта цензурного устава 1826 г., с. 267

Рунич Д. П. см. **Рунич Д. П.**

Руссо Жан-Жак (Rousseau Jean-Jacques, 1712–1778) — французский философ-просветитель, писатель, композитор и реформатор педагогики, с. 49, 50, 55, 109, 140, 141, 172, 266

Саймон Герберт Александер (Simon Herbert Alexander, 1916–2001) — американский социолог, политолог и экономист, один из разработчиков гипотезы Ньюэлла-Саймона, членом Национальной академии наук США, профессор компьютерных наук и психологии в университете Карнеги-Меллона в Питсбурге, с. 17

Салтыков Николай Иванович (1736–1816) — генерал-фельдмаршал, сенатор, с. 51, 52, 54, 55, 56

Самойлов Ф. А. — 121; с. 233

Самоплавська Т. О. — 161; с. 235

Сапежко Кирилл Михайлович (1857–1928) — хирург-патолог. В 1904–1919 гг. — ординарный профессор ИНУ, с. 81

Селитренников Андрей Митрофанович (псевд. Ренников Андрей, 1882–1957) — писатель, драматург, фельетонист, философ. По окончании историко-филологического факультета ИНУ был оставлен при кафедре философии, 38; с. 44, 225

Селли Джеймс (Sully James, 1843–1923) — английский психолог-ассоцианист, основатель детской психологии в Англии, с. 241, 286

Селлі Дж. см. **Селли Дж.**

Сенека Луций Анней (Lucius Annaeus Seneca, ок. 54 до н.э.–39 н.э.) — древнеримский философ, ритор, с. 166

Сен-Жюст Луи Антуан (Saint-Just Louis Antoine de, 1767–1794) — деятель Великой Французской революции, соратник Робеспьера, с. 109

Сен-Мартен Луи Клод (Saint-Martin Louis Claude, 1743–1803) — французский философ-мистик, с. 154

Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (Saint-Simon Claude Henri de Rouvroy, 1760–1825) — французский мыслитель и реформатор, социалист-утопист, с. 13, 39, 43, 100, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 122, 133, 154, 159, 271

Сен-Симон К. А. де Р. см. **Сен-Симон К. А. де Р.**

Серебrenиков С. Г. — с. 313

Серебrenикова В. С. — с. 29

Сеченов Иван Михайлович (1829–1905) — физиолог, с 1904 г. почётный академик Петербургской академии наук. Заведующий кафедрой физиологии медицинского факультета ИМУ с 1871 по 1876 гг., профессор физиологии Московского университета (1891), 105; с. 20, 23, 66, 67, 232, 283, 296, 298

Сигаревич Дмитрий Дмитриевич (1868–1914) — педагог и общественный деятель, с. 305

Сигаревич Д. Д. см. **Сигаревич Д. Д.**

Сикорский И. А. — с. 243

Сквери Михаил Петрович (1856–1924) — участник “Южнороссийского союза рабочих”, заведующий отделом Одесской публичной библиотеки (1917), сотрудник журнала “Каторга и ссылка” и др., с. 90, 91

Сковорода Григорий Саввич (1722–1794) — философ, поэт и педагог, с. 266

Скоу (Скау) Йоаким Фредерик (Schouw Joakim Frederik; Schow Joachimus Fredericus, 1789–1852) — датский ботаник, с. 293

Слешинский Иван Владиславович (1854–1931) — математик, с 1908 г. заслуженный профессор ИМУ, с. 79, 80

Сминтина В. А. см. **Смынтына В. А.**

Смирнов Апполон Иванович (1838–1902) — писатель, декан историко-филологического факультета Казанского университета, профессор по кафедре философии, с. 181, 275

Смирнов А. А. — 159; с. 235

Смірнов А. І. см. **Смирнов А. И.**

Смит Адам (Smith Adam, 1723–1790) — шотландский экономист, философ-этик; основатель классической школы политической экономии, с. 184, 185

Смынтына В. А. — 120, 166, 167; с. 24, 233, 236

Снелль Христиан-Гийом (Snell Christian-Guillaume, 1755–1834) — немецкий философ, с. 290

Снелль Фредерик-Гийом (Snell Frederic-Guillaume, 1761-1830) — немецкий философ, с. 290

Соколов М. В. — 136; с. 234

Соколов П. П. — с. 234, 295

Сокольский Владимир Викторович (1848–?) — правовед, с 1892 по 1908 гг. специалист по истории права, профессор ИМУ, с. 80

Соловйов В. С. — см. **Соловьёв В. С.**

Соловьёв Владимир Сергеевич (1853–1900) — философ, богослов, публицист, литературный критик, поэт, с. 134, 267

Соловьёв С. М. — с. 267

Сольский Хрисанф Петрович (1838–?) — с 1885 по 1905 гг. попечитель Одесского учебного округа, с. 45, 68, 82, 87, 302, 303

Сорокин Николай Васильевич (1846–1909) — ученый-миколог, основоположник медицинской микологии в России, с. 301

Спенсер Герберт (Spencer Herbert, 1820–1903) — английский философ и социолог, с. 36, 144, 145, 146, 148, 198, 207, 208, 241, 247, 248, 254, 259, 274, 275, 276, 285, 289

Спиноза Бенедикт (Benedictus de Spinoza, 1632–1677) — нидерландский философ-материалист, с. 157, 256, 291, 298

Спиро Петр Антонович (1844–1893) — зоолог-физиолог, профессор ИНУ (1893), с. 13, 298, 299

Спиноза Б. см. **Спиноза Б.**

Спиро П. А. см. **Спиро П. А.**

Степанов О. М. — 116; с. 232

Стой К. Ф. см. **Штой К. Ф.**

Страхов М. М. см. **Страхов Н. Н.**

Страхов Николай Николаевич (1828–1896) — литературный критик, философ и публицист, с. 273, 274

Студенцова Е. П. — с. 307

Сухомлинська О. В. — 161, с. 235

Тайлор (Тэйлор) Эдуард Бернетт (Tylor Edward Burnett, 1832–1917) — английский этнограф, культуролог, исследователь религиозных обрядов и церемоний. Один из основателей этнографии и антропологии, с. 247, 248, 259, 260

Танатар Севастьян Моисеевич (1849–1917) — химик-неорганик, с 1903 г. ординарный профессор ИНУ, с. 80

Тард Жан Габриель (Tarde Jean Gabriel, 1843–1904) — французский социолог и криминалист, 8, с. 218, 222

Татьяна Николаевна (1897–1918) — Великая княжна, 77, с. 229

Теннеман Вильгельм Готтлиб (Tenneman Wilhelm Gottlib, 1761–1819) — немецкий историк философии, последователь Канта, с. 291

Теплов Борис Михайлович (1896–1965) — советский психолог, основатель школы дифференциальной психологии, действительный член АПН РСФСР (1945); 131, 162; с. 20, 23, 37, 39, 233, 235

Терлецкая Валерия Николаевна (1922–2000) — заведующая библиографическим и методическим отделами Научной библиотеки ОГУ в 1970-е гг., с. 34

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (Tertulianus Quintus Septimius Florens, ок. 155–245) — христианский богослов, писатель, с. 167

Тимченко Иван Юрьевич (1863–1939) — математик, механик, историк математики. Приват-доцент (1888), с 1914 г. экстраординарный профессор ИНУ, с. 79, 80

Тихомиров П. К. — 108; с. 232

Ткачук М. Л. — 119; с. 233

Токарский Ардалион Ардалионович (1859–1901) — врач-психиатр, с 1859 по 1901 г. приват-доцент Московского университета, организатор и глава психологической лаборатории при психиатрической клинике, с. 66, 67

Томсон Александр Иванович (1860–1835) — языковед-фонетист, член-корреспондент АН СССР. С 1899 по 1832 г. ординарный профессор кафедры сравнительного языковедения ИНУ, с. 79, 80

Трачевский Александр Семенович (1838–1906) историк, профессор кафедры всеобщей истории ИНУ (1878–1890), один из организаторов женских курсов в Одессе, с. 301, 302

Трачевский О. С. см. **Трачевский А. С.**

Троицкий Матвей Михайлович (1835–1899) — психолог, философ-позитивист, профессор Казанского, Варшавского, Московского университетов, с. 63, 65, 66, 274, 275, 284, 287

Троїцький М. М. см. **Троицкий М. М.**

Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905) — философ, с 1900 г. профессор Московского университета, с 1905 г. ректор, редактор журнала «Вопросы философии и психологии», с. 64, 65, 69

Тьерри Огюстен (Thierry Augustin, 1795–1856) — французский историк, основатель школы историков периода Реставрации во Франции, с. 105

Тэн Ипполит Адольф (Taine Hippolyte Adolphe, 1828–1893) — французский философ-позитивист, писатель, историк литературы и искусствовед, с. 99

Тюрго Анн Робер Жак (Turgot Anne Robert Jacques, 1727–1781) — французский экономист и государственный деятель, с. 148

Уилсон Роберт Антон (Wilson Robert Anton, 1932–2007) — американский романист, эссеист, философ, психолог, футуролог, анархист и исследователь теории заговора, с. 17

Умов Николай Алексеевич (1846–1915) — физик, профессор ИНУ (1874–1896), с. 296

Успенский Федор Иванович (1845–1928) — историк-византист, профессор ИНУ (1879), академик Петербургской академии наук (1900), Российской академии наук (1917), АН СССР (1925), директор Русского археологического института в Константинополе (1894–1914), председатель Российского Палестинского Общества (1921–1928), 17, с. 223, 296

Успенський Ф. І. см. **Успенский Ф. И.**

Ушинский Константин Дмитриевич (1824–1870) — педагог, основоположник научной педагогики в России, с. 279, 281

Ушинський К. Д. — см. **Ушинский К. Д.**

Федоров Александр Федорович (1853–?) — правовед, специалист по полицейскому праву; композитор. С 1893 г. ординарный профессор ИНУ, о. и. декана юридического факультета ИНУ (1904, 1917), с. 81

Федорович Леон Васильевич (1854–1908) — юрист, специалист по политэкономии, статистике и финансовому праву. С 1890 г. ординарный профессор ИНУ, с. 81

Федотова Т. Н. — 131; с. 234

Фенина О. — 164; с. 235

Фехнер Густав Теодор (Fechner Gustav Theodor, 1801–1887) — немецкий психолог, один из первых экспериментальных психологов, основоположник психофизиологии, с. 215, 217, 239, 265, 275, 278, 283

- Фикер Юлиус** (Ficker Julius von, 1826–1902) — немецкий историк, профессор в Инсбруке, с. 291
- Филатов В. П.** — с. 31
- Фихте Иммануил Герман** (Fichte Immanuel Hermann, 1796–1879) — немецкий философ, с. 281
- Фихте Иоганн Готтлиб** (Fichte Johann Gottlieb, 1762–1814) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель системы субъективного идеализма, с. 170, 255, 270, 291
- Фишер Фридрих Теодор** (Fischer Friedrich-Theodor, 1807–1887) — немецкий эстетик, критик, писатель, с. 291
- Фікер Ю.** см. **Фикер Ю.**
- Фіхте молодший** см. **Фихте Иммануил Герман**
- Фішер Ф. Т.** см. **Фишер Ф. Т.**
- Фленинг** — немецкий психиатр, с. 43
- Флеров А.** — 165; с. 236
- Флоровская Клавдия Васильевна** (1880–1965) — историк-медиевист. С 1919 г. приват-доцент по кафедре всеобщей истории ИНУ, с. 91
- Флоровский Антоний Васильевич** (1884–1968) — историк, славист. С 1916 г. профессор по кафедре русской истории ИНУ, с. 90
- Флоровский Георгий Васильевич** (1893–1979) — религиозный мыслитель, богослов и историк. С 1919 г. приват-доцент кафедры философии и психологии ИНУ, 80, 172; с. 90, 230, 236
- Флурнуа Теодор** (Flournoy Théodore, 1854–1920) — швейцарский психолог, профессор психологии в Женевском университете, с. 240
- Фолькманн Вильгельм** (Volkman Wilhelm, 1821–1877) — австрийский философ, с. 277
- Фолькман В.** см. **Фолькманн В.**
- Фома Аквинский** или **Фома Аквинат** или **Томас Аквинат** (Tommaso d'Aquino, лат. Thomas Aquinas, 1225–1274) — итальянский философ-схоласт, теолог, один из отцов церкви, с. 246
- Фома Кемпийский** или **Томас Хемеркен** (Thomas von Kempen, ок. 1379–1471) — немецкий монах и священник, предполагаемый автор книги «О подражании Христу», с. 157.
- Фот Максимилиан-Иоганн Карлович** — штатный преподаватель иностранных языков Одесского кадетского корпуса, с. 79, 80
- Фридрих II** или **Фридрих Великий** (Friedrich II или Friedrich der Große, 1712–1786) — король Пруссии (1740–1786). Один из основоположников прусско-германской государственности, с. 49
- Фриз Якоб Фридрих** (Fries Jakob Friedrich, 1773–1843) — немецкий философ-позитивист, с. 286
- Фріз Я. Ф.** см. **Фриз Я. Ф.**
- Фролов И. Т.** — III, с. 232
- Фульбер Элоиза** (ок. 1101–ок. 1164) — возлюбленная французского философа Пьера Абеляра, 17; с. 26, 42, 48, 61, 223, 312
- Фурье Шарль** (Fourier Charles, 1772–1837) — французский социалист-утопист, с. 13, 39, 43, 100, 103, 104, 111, 112, 119, 122, 123, 124, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 147, 162, 271
- Фур'є Ш.** см. **Фурье Ш.**

Хевитт Джон Наполеон Бринтон (Hewitt John Napoleon Brinton, 1859–1937) — американский антрополог и этнограф, исследователь религиозных верований индейцев Северной Америки, с. 260

Хлопин Григорий Витальевич (1863–1929) — гигиенист, экстраординарный профессор ИНУ (1903–1904), с. 81

Холл Гранвилл Стэнли (Hall Granville Stanley, 1844–1924) — американский психолог, основоположник детской психологии в науке, первый президент Американской психологической ассоциации (1924), с. 241

Целлер Эдуард Готтлоб (Zeller, Eduard Gottlob, 1814–1908) — немецкий теолог и философ. С 1872 г. профессор Берлинского университета, с. 43, 265

Циллер Туискон (Ziller Tuiscon, 1817–1882) — немецкий философ и педагог, продолжатель идей Гербарта, с. 277

Циммерман Е. — с. 74

Циммерман Роберт (Zimmermann Robert, 1824–1898) — австрийский философ, с. 277

Цицерон Марк Тулий (Cicero Marcus Tullius, 106–43 гг. до н. э.) — римский оратор и государственный деятель, теоретик риторики, классик латинской художественной и философской прозы, с. 50

Циллер Т. см. Циллер Т.

Циммерман Р. см. Циммерман Р.

Цуканов Б. Й. — 92, 166, 167; с. 24, 231, 236

Чебикін О. Я. — 109, с. 232.

Челпанов Георгий Иванович (1862–1936) — философ, психолог, приват-доцент Московского университета (1890), с 1892 г. профессор философии университета Св. Владимира в Киеве, с. 15, 16, 24, 61, 65, 67, 223, 236, 295, 312, 314

Челпанов Е. — 12, 169, 170, 171; с. 26, 223, 236

Черняев А. В. — 172; с. 236

Чеховский Владимир Мусеевич (1876–1937) — политический и религиозный деятель. С мая 1917 г. окружной инспектор Одесского школьного совета, возглавлял Одесский филиал Всеукраинского учительского союза, с. 90

Чиж Владимир Федорович (1855–1922/1924) — психолог и психиатр, 26, 134; с. 224, 234, 272, 282

Чижов Николай Ефимович (1853–1910) — юрист, специалист в области энциклопедии и истории права. С 1893 г. ординарный профессор кафедры энциклопедии и истории права ИНУ, 15, с. 42, 61, 81, 223

Чуприкова Н. И. — 173; с. 236

Шад Иоганн Баптист (Schad Johann Baptist, 1758 — 1834) — немецкий философ, долгое время преподавал в России, с. 290

Шапеллон Август Альфонсович — преподаватель французского языка в ИНУ и средних учебных заведениях Одессы, с. 79, 80

- Шапиро Л.** — ассистент кафедры педагогики ОГУ (1941), 178; с. 22, 236
- Шатобриан Франсуа Рене де** (Chateaubriand François-René de, 1768–1848) — французский писатель и дипломат, с. 154
- Шатовский М. С.** — 65; с. 228
- Шварсалон Константин Семенович** — статский советник, преподаватель истории в различных учебных заведениях С.-Петербурга, с. 305
- Шварц Александр Николаевич** (1848–1915) — российский филолог-классик, министр народного просвещения (1908–1910), с. 303
- Шварц М.** 174, 175; с. 236
- Шварц О. М.** см. Шварц А. Н.
- Шведов Федор Никифорович** (1840–1905) — физик, профессор, ректор ИНУ (1895–1903), с. 79, 80
- Шени А. А.** — психолог, автор работ по истории психологии, 176; с. 19, 23, 61, 236
- Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф** (Schelling Friedrich Wilhelm Joseph von, 1775–1854) — немецкий философ, представитель объективного идеализма, с. 132, 139, 144, 267, 270, 290, 291, 292, 293
- Шеллинг Ф. В. Й.** — см. Шеллинг Ф. В. Й.
- Шимкевич В. М.** — с. 48, 288, 313
- Шлейермахер Фридрих-Даниэль** (Schleiermacher Fridrich-Daniel, 1768–1834) — немецкий философ, теолог, проповедник, с. 270
- Шлоссер Фридрих Кристоф** (Schlosser Friedrich Christoph, 1776–1861) — немецкий историк, с. 54, 56
- Шлясрмахер Ф.-Д.** см. Шлейермахер Ф.-Д.
- Шмид Б.** — 47, 93; 29, 226, 231, 313
- Штейн Л.** — 14, 15, с. 61, 223
- Штейнталь Хейман** (Steinthal Heymann, 1823–1899) — немецкий языковед. Один из основателей психологического направления в языкознании и теории психологии народов. Автор звукоподражательной теории происхождения языка, с. 248, 277
- Штерн Эрнст Романовч фон** (1859–1924) — историк, филолог, искусствовед. С 1888 по 1910 гг. штатный профессор ИНУ, с. 29, 79, 80, 87, 261, 288, 289, 296
- Штой Карл Фолькмар** (Stoy Karl Volmar, 1815–1855) — немецкий педагог, профессор в Йене и Гельдельберге, с. 277
- Штраус Давид Фридрих** (Strauß David Friedrich, 1808–1874) — немецкий философ, историк, теолог и публицист, с. 137
- Штумпф Карл** (Stumpf Karl, 1848–1936) — немецкий психолог, философ-идеалист, музыковед, с. 16, 240, 241, 287
- Штрюмпель Густав-Адольф** (Strümpell Gustav Adolf, 1853–1825) — немецкий невропатолог и терапевт, профессор Эрлангенского университета и директор клиник внутренних болезней, с. 72, 242, 243
- Шуберт-Зольдерн (Солбьен) Рихард фон** (Schubert-Soldem Richard von, 1852–1938) — немецкий философ, представитель «имманентной» философии в Германии, с. 43, 293
- Шув** см. Скоу Й. Ф.

Щепкин Евгений Николаевич (1869–1920) — историк, с 1914 по 1919 гг. и. о. декана историко-филологического факультета ИНУ, 43, с. 79, 80, 91, 93, 94, 95, 226, 303, 310, 313

Щербаков Алексей Иванович (1858–1944) — терапевт, проректор, профессор ИНУ (1908–1913 гг., 1918–1920 гг. (с перерывами). С 1908 по 1913 гг. попечитель Одесского учебного округа, с. 86, 87, 97, 303

Щербина О. Д. — с. 306

Эббингаус Герман (Ebbinghaus Hermann, 1850–1909) — немецкий психолог-экспериментатор, с. 16, 29, 217, 241, 313.

Экснер Зигмунд (Exner Sigmund, 1846–1926) — австрийский физиолог, сформулировавший понятие «время реакции», с. 217, 287

Элевтеропуло Василий Егорович — преподаватель физики Ришельевского лицея, с. 293

Элиасберг Е. С. — правовед, с. 90, 91

Эллис — конструктор-изобретатель, с. 245

Элонза см. **Фульбер Э.**

Элькин Давид Генрихович (1895–1983) — психолог, создатель школы психологии в Одессе. Ученик Н. Н. Ланге, 105, 106, 131, 177, 178; с. 22, 232, 233, 236

Энгельман Теодор Вильгельм (Engelmann Theodor Wilhelm, 1843–1909) — немецкий естествоиспытатель и физиолог, с. 286

Эпикур (Eπίκουρος, 342/341 до н. э. – 271/270 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель эпикуреизма в Афинах («Сад Эпикура»), в котором развил Аристиппову этику наслаждений в сочетании с Демокритовым учением об атомах, с. 178, 179, 180, 181, 182

Эразм Роттердамский или **Дезидерий** или **Герхард Герхардс** (Erasmus Roterdamus или Desiderius или Gerhard Gerhards, 1469–1536) — учёный-гуманист, писатель, богослов, представитель северного Возрождения, с. 50, 55

Эшенмайер Карл Адольф (Eschenmayer Karl Adolf, 1786–1852) — немецкий философ, профессор философии и медицины в Тюбингене, с. 291

Юркевич Памфил Данилович (1827–1874) — философ и педагог, с. 278, 279, 281

Юм Дэвид (Hume David, 1711–1776) — английский философ, историк, экономист, литератор, с. 155, 184, 185, 186, 203, 212, 213

Юргенсон Фридрих Карлович фон — лектор немецкого языка историко-филологического факультета ИНУ, с. 79, 80

Юрженко А. И. — с. 33

Юрчук В. В. — 179; с. 236

Юшко В. — 52; с. 227

Ярошевский Михаил Григорьевич (1915–2002) — психолог и историк, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники Российской академии наук, 85, 125, 180, 181; с. 23, 24, 230, 233, 237

Ярошенко Семён Петрович (1846–1917) — математик, с 1881 по 1890 гг. ректор ИНУ, с. 79

Ярошук В. Л. — 131; с. 233

Ястров Джозеф (Jastrow Joseph, 1863–1944) — американский психолог, занимавшийся экспериментальной психологией, с. 240, 241, 243

Ящуржинский Хрисанф Петрович (1852–?) — педагог, археолог, этнограф. Преподавал в одесском институте Николая I, с. 305

Ящуржинський Х. П. см. **Ящуржинский Х. П.**

Binet A. см. **Бине (Бинэ) А.**

Bolton T. R. см. **Больтон Т. Р.**

Bourdon V. см. **Бурдон Б.**

Busse L. — с. 259

Cabet см. **Кабе Э.**

Cattell Mckeen J. см. **Кеттелл Мак. Дж.**

Comte Aug. см. **Конт О. Г.**

Considerant V. см. **Консидеран В.**

Ebbinghaus H. см. **Эбиннгаус Г.**

Ellis см. **Эллис**

Enfantin B. P. d' см. **Анфантен Б. П. де**

Estes W. — с. 24

Ferraz M. — с. 148, 154

Flournoy T. см. **Флурнуа Т.**

Fourier см. **Фурье Ш.**

Genzmer — с. 243

Gruber E. см. **Грубер Э.**

Hall Granville Stanley см. **Холл Г. С.**

Heinrich W. — 183; с. 237

Helvetius см. **Гельвеций К. А.**

Henri (Henry) V. см. **Анри В.**

Hewitt J. N. B. см. **Хевитт Дж. Н. Б.**

Holbach P.-H. T. см. **Гольбах П.-А. Т.**

Huxley Th. см. **Гексли (Хаксли) Т. Г.**

James W. см. **Джемс (Джеймс) У.**

Janet P. см. **Жане П. А. Р.**

Jastrow J. см. **Ястров Дж.**

Keller R. — с. 243

König A. P. см. **Кёниг А. П.**

Krohn W. O. — с. 243

Kussmaul — с. 243

Laharpe F. C. см. Лагарп Ф.-С.

Lamennais F.-R. de см. Ламенне Ф. Р. де

La Mettrie см. Ламетри Ж. О. де

Lange N. N. — с. 24, 25

Lecky W. см. Лекки У. Э. Х.

Lehmann A. — с. 240

Littré см. Литтре П.-М.-Э.

Marett R. R. см. Маретт Р. Р.

Marc Aurèle — с. 167

Martius см. Мартиус

Michelet J. см. Мишле Ж.

Mill J. St. см. Милль Дж. С.

Müller G. E. см. Мюллер Г. Э.

Münsterberg H. см. Мюнстерберг Г.

N. N. — 182; с. 237

Pace E. A. — 186; с. 237

Preuss K. Th. — с. 260

Preyer T. W. см. Прейер Т. В.

Proudhon P. J. см. Прудон П. Ж.

Ravaisson-Mollien J. G. F. см. Равессон-Мольен Ж. Г. Ф.

Renan J. E. см. Ренан Ж. Э.

Reybaud M. R. L. см. Рейбо М. Р. Л.

Ribot Th. см. Рибо Т.-А.

S.-Simon см. Сен-Симон К. А. де Р.

Seneca см. Сенека

Soltmann H. J. O. — с. 243

Hall G. St. см. Холл Г. С.

Stumpf K. см. Штрумпф К.

Verdin — с. 245

Vierkandt — с. 260

Wundt W. M. см. Вундт В. М.

Алфавитный указатель трудов Н. Н. Ланге

*А*ффекты (душевные движения) : психофизический этюд — 1890.

*Б*редли — 1911.

Бруно Дж. — 1911.

В чем должна состоять реформа нашей средней школы? — 1906.

Введение в психологию — 1912.

Введение в философию — 1905.

Великие мыслители XIX века — 1901.

Внимание — 1912.

Воля — 1912.

*Г*егель — 1912.

Гераклит — 1912.

Гоббс — 1912.

Гюйо — 1913.

*Д*ве главные идеи Канта — 1904.

Детерминизм — 1913.

Диалектика — 1913.

Душа — 1913.

Душа ребенка в первые годы жизни : две публ. лекции приват-доцента Новорос. ун-та — 1892.

*Е*динство университета и система факультетов — 1919.

Еще о русской книге о Лоренце фон Штейне (по поводу предыдущей статьи) — 1891.

*З*а Свободу : еженед. журн. — 1905.

*И*деализм — 1914.

Имманентная философия — 1914.

[Иностранные философские журналы Hugo Münsterberg-Beiträge zur experimentellen Psychologie] : обзор за 1889 г. — 1891.

История логики — 1922.

История новой философии — [б. г.].

История нравственных идей XIX в. : критические очерки философских, социологических и религиозных теорий нравственности — 1888.

К вопросу о преподавании педагогики в женской гимназии — 1895.

Кант — 1914.

Конт — 1914.

Курс истории новой философии, составленный слушательницами историко-филологического факультета Одесских высших женских курсов — 1912.

Курс истории новой философии, составленный слушательницами 3-го курса историко-филологического факультета Одесских Высших женских курсов на 1907/1908 академический год — 1907.

Курс логики, составленный слушательницами исторического отделения Одесских женских педагогических курсов 1904/05 акад. год — 1904.

Курс психологии, составленный слушательницами исторического отделения Одесских женских педагогических курсов за 1904–1905 акад. год — 1904.

Лейбниц — 1914.

Лекции по психологии 1903–1904 акад. год — [1904].

Логика — [1906–1907], 1910, 1912.

Механизм внимания — 1891.

О действии гашиша : психологическая заметка — 1889.

О современном состоянии педагогической психологии и задачах будущего — 1910.

Об отношении между психологией и историей по взглядам Мюнстерберга : сообщение — 1905.

Основы дидактики : лекции — 1910.

Ответ г. Е. Челпанову — 1891.

Отзыв о сочинении приват-доцента А. П. Казанского «Учение Аристотеля о значении опыта при познании» (Одесса, 1891), представленном для получения степени магистра философии — [1892].

Отзыв о сочинении [студ. А. М. Селитренникова] «Основание философии Вундта» — 1904.

Отзыв о сочинении [студ. Г. В. Флоровского] на тему : «Современные учения об умозаключениях», представленном на соискание медали — 1917.

Отзыв о сочинении студ. А. Бакова «Учение Канта о пространстве и времени» — 1901.

Отзыв о сочинении студ. Ю. Айхенвальда на тему «Теория познания Локка и полемика против нее Лейбница» — 1895.

[Отчет Н. Н. Ланге о научной работе] — 1905.

Отчет о докторском диспуте [в Московском университете со вступительной статьей «О значении эксперимента в современной психологии»] — 1894.

Отчет о сочинении [студ. М. С. Шатовского] «Теория познания Декарта» — 1912.

Очерк деятельности Одесского отделения Комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны — 1916.

«*Первая аналитика*» Аристотеля — 1891, 1894.

Письма Элоизы к Абельяру — 1892.

Письмо в редакцию — 1895.

Познание и заблуждение : очерки по психологии исследования — 1909.

Психический мир : избранные психологические труды — 1996.

Психологические исследования : краткое излож. — 1894.

Психология — 1914, 1916.

Психология : основные проблемы и принципы — 1922.

Психология экспериментальная — 1916.

Психометрия — 1898.

Психофизика — 1898.

[Рецензия на ст. : Тард. Об общественных установлениях и О категориях] — 1890.

«...Революция скрещенных рук» : всеобщая политическая забастовка — 1906.

Русская книга о Лоренце фон Штейне. Н. Чижов, проф. Имп. Новорос. ун-та. Право и его содержание по учению Лоренца-фон-Штейна. Очерк современной юридической литературы, Одесса, 1890–1891.

Современная философия в Германии : характеристика ее главных направлений — [1903].

Теория В. Вундта о начале мифа : критические заметки — 1912.

Три ступени — 1905.

Учебник логики — 1889, 1891, 1894, 1898.

Учебник логики для гимназий и самообразования — 1918.

Учебник психологии — 1911, 1915.

Философия феноменального формализма Н. Г. Дебольского. Ст. 1 — 1900.

Философская хрестоматия : пособие для сред. учеб. заведений и для самообразования — 1907.

Экспериментальная психология. Закон перцепции — 1893.

Элементы воли — 1890.

Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit und der activen Apperception — 1888.

Revue Philosophique : [обзор журн.] — 1890.

Список иллюстраций

1. Н. Н. Ланге (1858–1921)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 37, ед. хр. 363, л. 1.
2. Свидетельство о рождении Н. Н. Ланге
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 38, ед. хр. 368, л. 27.
3. Аттестат зрелости Н. Н. Ланге об окончании второй Санкт-Петербургской гимназии.
(30 июня 1878 г.)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 38, ед. хр. 373, лл. 85–83.
4. Диплом об окончании историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. (31 декабря 1882 г.)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 38, ед. хр. 374, л. 89.
5. Ланге Н. Н. (1882 г.)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 37, ед. хр. 363, л. 8.
6. Н. Н. Ланге с сестрами Марией Николаевной и Надеждой Николаевной
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 37, ед. хр. 363, л. 7.
7. Метрическая выписка о браке Н. Н. Ланге с Т. Ф. Митрофановой. (29 января 1886 г.)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 38, ед. хр. 376, лл. 135–136.
8. Свидетельство Санкт-Петербургского университета о научной командировке
Н. Н. Ланге за границу.
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 38, ед. хр. 377, лл. 139–140
9. Визитная карточка Н. Н. Ланге
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 38, ед. хр. 378, л. 141.
10. Грамота о награждении Н. Н. Ланге орденом Святого Станислава второй степени.
(24 сентября 1896 г.)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 36, ед. хр. 339, лл. 1–2.
11. Письмо о присуждении проф. Н. Н. Ланге малой премии императора Петра Великого
за написание «Учебника логики». (1 декабря 1898 г.)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 1, ед. хр. 6., лл. 110–111.
12. Грамота о награждении Н. Н. Ланге орденом Святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени. (2 мая 1905 г.)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 36, ед. хр. 339, лл. 3–4.

13. Черновик проекта устройства кабинета экспериментальной психологии при Новороссийском университете
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 289, л. 65.
14. Наглядные пособия для практических занятий по экспериментальной психологии
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 293, лл. 95–96.
15. Наглядные пособия для практических занятий по экспериментальной психологии
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 293, л. 98.
16. Протоколы решения задач на практических занятиях по психологии сушательниц Одесский Высших женских курсов
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 31, ед. хр. 294, лл. 146, 148–149, 152.
17. Высочайшее повеление об учреждении в г. Одессе Женских педагогических курсов, временное положение об этих курсах и учебный план.
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 28, ед. хр. 255, лл. 47–54.
18. Благодарность профессору Н. Н. Ланге от руководства Одесских Высших женских курсов
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 28, ед. хр. 282, л. 292.
19. Группа преподавателей Одесских женских педагогических курсов
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. карт. 30, ед. хр. 284, л. 5.
20. Н. Н. Ланге в аудитории Одесских женских педагогических курсов
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. карт. 30, ед. хр. 284, л. 17.
21. Папка-футляр: подарок директору Одесских Высших женских курсов Н. Н. Ланге от курсисток.
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 29, ед. хр. 283, лл. 1–3.
22. Подарочный альбом Н. Н. Ланге от курсисток.
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 30, ед. хр. 284, л. 1.
23. Н. Н. Ланге в своем рабочем кабинете
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 30, ед. хр. 284, л. 10.
24. В библиотеке Одесских Высших женских курсов
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 30, ед. хр. 284, л. 6.
25. Педагогический состав Одесских Высших женских курсов.
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 37, ед. хр. 364, л. 10.

26. Н. Н. Ланге со слушательницами Высших женских курсов.
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 37, ед. хр. 364, л. 11.
27. Письмо к Н. Н. Ланге от издателей «Энциклопедического словаря Гранат» (20 февраля 1909 г.).
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 1, ед. хр. 19, лл. 160–161.
28. Письмо издателя газеты «Школа и жизнь» к Н. Н. Ланге с приглашением о сотрудничестве. (1910)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 1, ед. хр. 16, лл. 145–146.
29. Отчет за 1914–1915 годы Одесского городского института детской психологии и экспериментальной педагогики им. Якунина.
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 34, ед. хр. 331, л. 301.
30. Автограф Н. Н. Ланге
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 35, ед. хр. 332, л. 43.
31. Билет на торжественное открытие Одесского Народного университета. (15 октября 1917 г.)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 32, ед. хр. 302, л. 270.
32. Поздравительная телеграмма по случаю открытия Одесского Народного университета.
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 32, ед. хр. 302, л. 341.
33. Опросный лист для слушателей Одесского Народного университета (1-й семестр 1917 г.)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 32, ед. хр. 300, л. 224.
34. Заявление Н. Н. Ланге о вступлении в профсоюз. (15 апреля 1920 г.)
НБ ОНУ. ОРК и Р. Архив Н. Н. Ланге, карт. 36, ед. хр. 362, л. 315.

Список сокращений

АПН —	Академія педагогічних наук України
БСЭ —	Большая советская энциклопедия
ВУАН —	Всеукраїнська академія наук
ГАОО —	Государственный архив Одесской области
ед. хр. —	единица хранения
ЖМНП —	Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД —	Записки Одесского общества истории и древностей при Новороссийском университете
ЗНУ —	Записки Новороссийского университета
имп. —	Императорский
ИНУ —	Императорский Новороссийский университет
л. —	лист.
МНП —	Министерство народного просвещения.
НБ —	Научная библиотека ОНУ имени И. И. Мечникова
НБ ОНУ —	Научная библиотека Одесского национального университета имени И. И. Мечникова
об. —	оборот.
ОВЖК —	Одесские высшие женские курсы
ОГУ —	Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова
ОДУ —	Одеський державний університет ім. І. І. Мечникова
ОНУ —	Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
оп. —	опись
ОРКиР —	отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки
прим. —	примечание
РАНИОН —	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СКВУЗ —	Совет комиссаров высших учебных заведений
СПб. —	Санкт-Петербург
УІЖ —	Український історичний журнал
ф. —	фонд
ХНУ —	Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна
ЧК —	чрезвычайная комиссия

Монографію присвячено видатному вченому, основоположнику вітчизняної експериментальної психології М. М. Ланге. Розглянуто різноманітні аспекти багатобічної діяльності М. М. Ланге — психолога, філософа і діяча освіти. Книга містить документи з особистого архіву М. М. Ланге, який зберігається у Науковій бібліотеці, а також неопубліковані раніше праці вченого. Складовою частиною монографії є біобібліографічний покажчик робіт М. М. Ланге і літератури про нього. У Додатках опубліковано архівні матеріали і роботи М. М. Ланге, які становлять інтерес для історії вітчизняної науки.

Видання призначено для психологів, філософів, істориків, наукових робітників і викладачів, аспірантів і студентів.

Наукове видання

Подшивалкіна Валентина Іванівна,
Свинаренко Родіон Миколайович,
Полевщикова Олена Вікторівна

Наукова спадщина М. М. Ланге в університетській бібліотеці

Монографія

Російською мовою

Автори-укладачі:

Алексєєнко Майя Володимирівна,
Бережок Євгенія Володимирівна,
Ляшенко Ольга Леонідівна,
Пігулевська Інна Вікторівна,
Полевщикова Олена Вікторівна,
Савельєва Єлизавета Володимирівна,
Кочмар Вікторія Сергіївна

Науковий редактор:

Подшивалкіна Валентина Іванівна

Відповідальний редактор:

Подрезова Марина Олексіївна

Бібліографічний редактор:

Самодурова Віра Володимирівна

Фото:

Гарбузов Геннадій Олександрович

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*
Редактор *Н. Я. Рихтік*
Технічний редактор *В. І. Костецький*
Дизайнер обкладинки *О. О. Набойченко*

Здано у виробництво 13.04.2010. Підписано до друку 20.05.2010.
Формат 70x100/16. Папір офсетний. Гарнітура «Newton». Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 28,60+1,30. Тираж 200 прим. Вид. № 50. Зам. № 213.

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.astroprint.odessa.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.